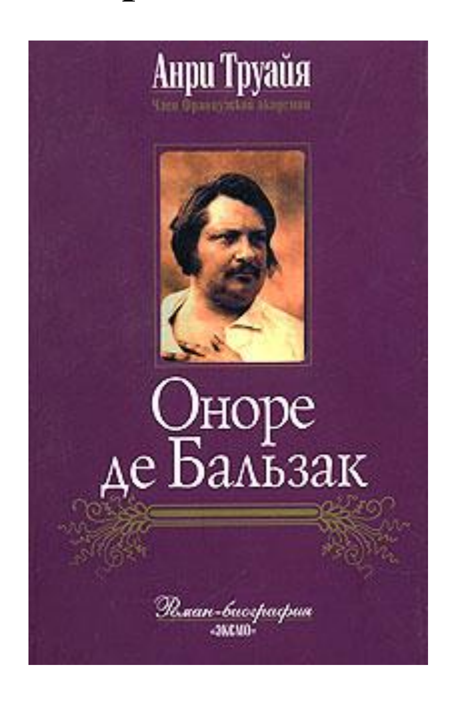
Труайя Анри

Оноре де Бальзак

Предисловие автора

Книги Бальзака захватили меня сразу, но я никогда не разделял восхищения писателем и дружеского расположения к нему как к человеку. Я и сегодня не могу представить себе его монументальные творения вне его мощной и мучительно жизни. Сквозь страницы его романов всегда вижу его самого: крупное лицо, неудержимый хохот, невероятные авантюры. Читатель не найдет в созданном портрете неизданных документов, имеющих отношение к его творчеству. Скорее, это сентиментальный визит к человеку, который ни в чем не знал меры, разговор один на один с попутчиком, которого тоже волнуют творения Бальзака и его поступки. Чтобы приблизить его, проникнуть в его тайну, я проштудировал многочисленные труды, предшествовавшие моему собственному. Хотел бы воздать должное Роже Пьерро, посвятившему всю свою жизнь «Человеческой комедии», блистательной, точной и сочувственной биографии, написанной Андре Моруа, «Прометей, или Жизнь Бальзака», и разоблачительной – Пьера Сиприо, «Миру Бальзака» Фелисьена Марсо, этому полному «инвентарному» перечню всех героев и статистов, а также ученым статьям исследователей, собранным в издании «Год Бальзака». Они руководили мною в знакомстве с демиургом, поражающим экстравагантностью, наивностью и гением. Спасибо им.

Часть I

Проба пера

Глава первая

Малыш Оноре

В семьях незнатных, как правило, редко уделяют внимание родословной, но у Бальзаков все было иначе – поиск предков чрезвычайно занимал их… С раннего детства слышал Оноре страстные споры родителей о заслугах представителей той и другой стороны.

По отцовской линии это были суровые крестьяне из деревушки Нугерье, расположенной неподалеку от Канезака в департаменте Тарн, носившие фамилию Бальса. Они обосновались здесь, возвратившись из Оверни во времена крестового похода против альбигойцев.[1] Крепко скроенные земледельцы с мозолистыми руками за несколько столетий пережили и превратности войны, и плохие урожаи, и крестьянские восстания, и английскую оккупацию, что, впрочем, не мешало им

усердно копить заработанные в поте лица деньги и приобретать все новые земли. Бернар Бальса, дед Оноре, владел лугами, виноградниками и мог позволить себе роскошь иметь одиннадцать детей – девятерых сыновей и двоих дочерей. Старшего, Бернара-Франсуа, обладавшего живым умом, приметил местный кюре и научил читать и писать. В тринадцать лет мальчик поступил на службу младшим клерком к нотариусу в Канезаке, где приобрел весьма поверхностные понятия о праве, в двадцать два года его уже можно увидеть при одном из парижских прокуроров. За это время он успел сменить фамилию Бальса на более благозвучную – Бальзак и в 1776 году становится секретарем Жозефа д'Альбера, докладчика Королевского Совета.

Постепенно круг его обязанностей становится шире, растет и число именитых знакомых. Потрясения, вызванные революцией, никак не сказались на его восхождении по служебной лестнице – сыпятся и новые должности, и очередные награды. Несмотря на симпатии некоторых сторонников прежнего режима, благодаря которым он начал свою карьеру, Бальзак вовремя демонстрирует гражданскую доблесть и назначен руководить продовольственным снабжением и фуражом для Парижа и армии. После победы при Флерюсе в 1794 году он переведен сначала в Брест, затем в Тур, где занимается обеспечением войск, сражающихся с шуанами в Вандее.

Военная форма входит в моду, и Бернар-Франсуа облачается в нее – великолепную, синюю, шитую серебром. Он самоуверен, за словом в карман не лезет, весел. Внешность его и моральные качества так нравятся начальнику, Даниэлю Думерку, что тот решает устроить его брак с дочерью другого их сослуживца, Жозефа Саламбье, попечителя парижских богаделен. Есть, правда, загвоздка: невесте, Анне-Шарлотте-Лоре Саламбье, девятнадцать лет, а Бернару-Франсуа – пятьдесят один. Разница в тридцать два года! Но это никого не беспокоит – у хорошего человека нет возраста. Имеют значение лишь состояние и репутация вступающих в брак.

Больше всего нравится потомственному суконщику Жозефу Саламбье в будущем зяте, что тот, как и он, – франкмасон. Принадлежность к определенной ложе многое значит и в матримониальных планах, и в политическом выборе. А закоренелый холостяк Бернар-Франсуа не в силах устоять перед красотой и кажущейся покорностью той, что назначена ему в жены. К тому же она принесет в качестве приданого ферму стоимостью в сто двадцать тысяч франков, тогда как у него самого лишь жалованье в тысячу восемьсот франков в год и несколько разумных вложений. С самого начала материальная сторона их жизни оказывается вполне обеспеченной.

И все-таки более всего ценит Бальзак в своей будущей супруге полученное ею строгое воспитание, о чем позаботилась ее матушка. В семь утра девушка уже была на ногах, умывалась (с раннего детства) холодной водой, убирала комнату, с восьми до девяти занималась правописанием, затем переходила к шитью и вязанию, плела кружева. Так проходил остаток дня. Ей не дозволялось говорить, разве только отвечать на вопросы старших, читать книги, за исключением рекомендованных родителями, смотреться в зеркало (чтобы избежать соблазнов кокетства). Без сомнения, столь жесткие ограничения должны были способствовать тому, что девушка превратится в добропорядочную, добродетельную женщину.

Так говорил себе Бернар-Франсуа накануне свадьбы, которая состоялась 30 января 1797 года. Но очень скоро ему пришлось убедиться, что получившая столь замечательное воспитание Шарлотта-Лора – особа весьма суровая. Ей были присущи одновременно и легкомыслие, и властность. Только природная грация позволяла на время забыть о черством сердце. Она безропотно согласилась на этот брак, и уже через год и три месяца у них появился сын, которого намеревалась кормить сама. Увы! Малыш прожил чуть больше месяца.

Подавленные супруги не теряли надежды поправить эту ошибку природы, вскоре Шарлотта-Лора вновь забеременела. Второй сын, крепкий, громко орущий, появился на свет 20 мая 1799 года в Туре, в квартире Бальзаков на улице Итальянской Армии, 25. Это рождение укрепило Бернара-Франсуа в мысли, что в свои далеко не юные годы он обладает железным здоровьем. Молоко, регулярные прогулки, хороший сон способствуют долгой, лет до ста, жизни, если при этом уметь держаться в стороне от хлопот и переживаний обыденной жизни, в этом он был убежден. Верный идеалам спартанцев, Бальзак не склонен растить сына изнеженным, того же мнения придерживается мать. Раз первый опыт оказался столь неудачным, родители решают, в соответствии с общепринятыми правилами, отправить Оноре в деревню к кормилице.

В Сен-Сире-сюр-Луар он обрел крышу над головой и грудь, готовую его вскормить. Год спустя к нему присоединилась сестра Лора, родившаяся 29 сентября 1800 года. Чета, приютившая их, состояла из грубияна-мужа и простушки-жены. Обоих малыши интересовали лишь постольку, поскольку приносили несколько су в месяц. Пребывание в чужом доме сплотило детей: они вместе ели, играли, спали, мечтали, их поцелуи заменяли материнскую ласку, которой они были лишены. Достаточно было одной улыбки сестры, чтобы развеять все мелкие горести Оноре. Лора жаловалась на ушиб, и он проходил, стоило брату обнять ее. Будучи уже Лорой Сюрвиль, она вспоминала, что Оноре обычно принимал на себя наказание, дабы избавить от выговора сестру. Эта почти кровосмесительная нежность в возрасте погремушек и кукол способствовала раннему пробуждению мальчика к жизни, питала его жажду женской ласки. Ему хотелось любить и быть любимым.

Родителей же нимало не заботило состояние душ их отпрысков: отец продолжал свою блестящую карьеру администратора, мать занималась «связями с общественностью» – приятельствовала с представительницами самых знатных семей города.

Восемнадцатого апреля 1802 года у Бальзаков родилась еще одна девочка – Лоранс-Софи, во время ее крещения к фамилии была добавлена благородная частица «де». На следующий год Лоре и Оноре позволили вернуться в лоно семьи.

Бальзаки наслаждались достатком и всеобщим уважением. Пользуясь покровительством префекта де Поммерёля, Бернар-Франсуа был назначен попечителем богоугодных заведений в Туре, затем помощником мэра. В качестве наглядного подтверждения собственной значимости куплен был особняк с конюшнями и садом на улице Индр-э-Луар и ферма Сен-Лазар. Чуткий к политическим взглядам Первого Консула, только что ставшего Императором и провозгласившего после революционного антиклерикализма возврат к почитанию религии, Бернар-Франсуа не устает демонстрировать разумную набожность и поддержку нового режима, столь удачно соединяющего военные и клерикальные круги, армию и церковь. Его супруга непринужденно порхает в салонах, и ему остается лишь умело воспользоваться этим, чтобы продолжить продвижение по служебной лестнице. Когда в 1802 году в Туре была открыта подписка в пользу создававшегося лицея, вклад «гражданина Бальзака» составил тысячу триста франков – больше, чем префекта и архиепископа. Благодаря такой щедрости Бернар-Франсуа прослыл человеком благонадежным, а госпожа Бальзак – женщиной, идущей в ногу с веком.

В их салоне не переводились местные знаменитости. Чтобы дети не мешали во время многолюдных приемов, их удалили на третий этаж, снабдив гувернанткой, мадемуазель Делаэ, созданием строгим, старательным, несговорчивым, воспринимавшим свои обязанности чересчур всерьез. Каждое утро под ее предводительством малыши отправлялись здороваться с матерью, та же сцена повторялась перед сном – они желали ей спокойной ночи. Церемония проходила при ледяном молчании родительницы. Когда ребятишки приближались к ней, казалось, она знает все о малейших их провинностях. Стояли перед ней, дрожа, в ожидании выговора. Достаточно было холодного взгляда Шарлотты-Лоры, чтобы захотелось провалиться сквозь землю. Оказавшись в своей постели, Оноре чувствовал себя таким одиноким, словно был сиротой.

Единственным его развлечением в эти унылые годы без любви были визиты в Париж, к бабушке и дедушке по материнской линии. Саламбье жили в квартале Марэ. Они осыпали внука поцелуями и подарками и даже позволяли играть со сторожевым псом Мушем. Возвратившись к родному очагу после проявлений столь горячей привязанности, Оноре ощущал себя еще более несчастным: отец вовсе не интересовался им, мать едва замечала, когда он вдруг попадался ей на глаза, лицо ее каменело. Родители принадлежали к недоступному миру взрослых, их жизнь протекала на первом этаже особняка, где особой гордостью супругов были парадные комнаты. Здесь принимали гостей, болтали о пустяках, сплетничали, рассуждали, шутили, вызывали восхищение окружающих. В центре гостиной, стены которой украшены были резной деревянной обшивкой в стиле Людовика XVI и мраморным камином с зеркалом, стояла изысканно одетая Шарлотта-Лора и обменивалась любезностями с приглашенными. Приподнятое настроение, вызывающая улыбка, она то сдержанна, то колка. Мужчины считали ее хорошенькой и умненькой, женщины упрекали в излишней роскоши туалета и желании пускать пыль в глаза.

Среди завсегдатаев салона Бальзаков был бежавший из Испании Фердинанд Эредиа, граф де Прадо Кастеллане. Его постоянное присутствие подле Шарлотты-Лоры заставляло многих думать, что он ее любовник, заменивший вышедшего из употребления мужа. Но он был лишь преданным ее слугой, забавлявшим разговорами, исполнявшим поручения и ничего не получавшим взамен. Более правдоподобной кажется связь госпожи Бальзак с другим другом дома: Жан-Франсуа де Маргонн, двумя годами моложе ее, был женат, супруга его была некрасива, предана мужу. Он влюбился в Шарлотту-Лору с первого взгляда и пользовался столь явным расположением этой прелестной особы, что невозможно было устоять. Та, со своей стороны, была не слишком щепетильна, а Бернар-Франсуа закрывал на все глаза, полагая, что в его годы надо быть терпимым к сердечным вольностям своей молодой половины, тем более что приличия соблюдены.

Некоторое время спустя смущенная Шарлотта-Лора объявила, что вновь беременна. Еще одному ребенку в доме радовались, как и появившимся раньше законным. Знал ли Оноре, что скоро у него появится братик или сестренка? Подозревал ли в неверности мать? Позже сомнений не будет, в 1848 году он признается в этом в письме к госпоже Ганской. Пока же переживает происходящее, никак его не осмысливая. Впрочем, ничто не изменилось в жизни детей. Мальчик продолжал занятия в пансионе Ле Гэ, куда его определили родители, по классу чтения. Хотя нет, кое-что в доме все-таки пошло по-иному: вечерами отец или мать читали детям Библию, по воскресеньям семья ходила в церковь, где имела собственные места. Религиозность шла рука об руку с респектабельностью, об этом не забывала госпожа Бальзак, ожидавшая ребенка вовсе не от своего законного супруга: когда занимаешь определенное положение в обществе, необходимо регулярно появляться в церкви.

Роды приближались, и мать решила, что будет лучше удалить Оноре. В июне 1807 года его забрали из пансиона и отправили в более отдаленный Вандомский коллеж. Поступление отмечено следующей записью: «Оноре Бальзак (частичку „де“ писец опустил), восемь лет и пять месяцев, переболел оспой без последствий, характер сангвинический, возбудим, отличается горячностью. Поступил в пансион 22 июня 1807 года. Обращаться к господину Бальзаку, отцу, в Тур».

Через несколько месяцев, 21 декабря 1807 года, Шарлотта-Лора произвела на свет еще одного сына. Законный отец и отец истинный были одинаково счастливы. Ребенка зарегистрировали в мэрии и крестили. Он получил имя Анри в честь Анри-Жозефа Савари, тестя и дяди Маргонна, выбранного в качестве крестного отца. Ничего не попишешь, зато все в рамках приличий. Общество поздравило роженицу и ее пожилого супруга.

В своей ссылке в Вандомском коллеже Оноре задавался вопросом, должен ли он радоваться появлению брата, который, быть может, однажды разделит с ним его игры, или опасаться, что новорожденный окончательно ожесточит мать, и без того недовольную таким количеством детей. К тому же маленький изгнанник разлучен с Лорой. Как жить вдали от нее? Ведь не только он был ее защитником, сестра тоже оберегала его. По сути, только она одна и была его семьей. Решительно родители не имеют никакого понятия о чувствах своих потомков. Им неведомы их сердечные тревоги, заботит только успех в свете и собственные любови. Порой Оноре говорил себе, что лучше быть псом Мушем у дедушки с бабушкой, чем старшим сыном господина и госпожи Бальзак.

Глава вторая

Начало учения

Когда-то Вандомский коллеж принадлежал ораторианцам и, хотя во времена революции подвергся секуляризации, не утратил присущей ему суровости. Преподаватели несколько дистанцировались от религии, но прибегали все к тем же методам воспитания и обучения, что и во времена монархии. Во главе коллежа стояли двое бывших священников, присягнувшие на верность нации по положению о церкви в 1790 году, – Лазар-Франсуа Марешаль и Жан-Филибер Дессень. В один и тот же день 1794 года они обвенчались с дочерьми господина Рене Рену, нотариуса, став, таким образом, свояками. Под их неусыпным надзором дети вынуждены были забыть о мирной семейной жизни и забавах, свойственных юному возрасту. Заточение в темницу знаний не прерывалось даже на время каникул. Учащиеся носили форму – круглая шляпа, небесно-голубой воротничок, костюм из серого сукна (материал поставляли сами директора), – за качество которой отвечали. Довольно частый осмотр обмундирования заставлял тщательно заботиться об одежде. Раз в месяц дозволялось написать родителям, которых руководство настоятельно просило избегать визитов, ибо это могло смягчить характер маленьких заключенных. За шесть лет Оноре видел своих лишь дважды.

По воскресеньям дети строем шли в имение к господину Марешалю, где собирали гербарий, играли в мяч или наблюдали за жизнью животных на ферме. Каждый воспитанник шефствовал над голубем – кормил крошками, собранными в столовой во время еды. Иногда на рассвете хозяева вели мальчишек в кузницу, к стеклодуву или на мельницу, устраивая по дороге скудный завтрак на траве, наставляя измученных на путь истинный.

В классах на рассеянные умы сыпались наказания в виде дополнительных заданий, но и телесные случались не реже. Провинившийся становился на колени перед кафедрой преподавателя, его били по пальцам узким кожаным ремешком, пока он не начинал просить пощады. Не менее страшным было пребывание в своего рода карцере, устроенном под лестницей и именовавшемся «альковом», или в клетушке размером в шесть квадратных футов, которые были при каждом дортуаре. Достойные ученики, напротив, получали крестик и разрешение полистать развлекательные книги. Оноре никогда не узнал этого счастья. Поступая в коллеж наряду с другими новичками, он был толстощеким увальнем, застенчивым, ленивым и меланхоличным. В автобиографическом романе «Луи Ламбер» он напишет: «Расположенный посередине городка на речушке Луар, омывающей его здания, коллеж образует большую, заботливо огороженную территорию, где находятся все здания, необходимые для такого рода учреждений, – часовня, театр, лазарет, булочная, а также сады и источники. В этот коллеж, самое знаменитое воспитательное заведение из всех имеющихся в центральных провинциях, поступала молодежь из провинций и колоний… Все носило отпечаток монастырского распорядка».[2]

Очень скоро такая жизнь показалась Оноре удручающе несправедливой. Соученики, невежественные, грубые, шумные, разочаровали. Он никак не мог простить матери, что та упекла его в этот застенок. К тому же, чтобы избавить сына от соблазнов, лишила карманных денег. Казалось, Шарлотта-Лора находила удовольствие в том, чтобы «уберечь» чадо не только от материнской нежности, но и от самых элементарных удобств. Родители других воспитанников присутствовали при вручении наград, Бальзаки не утруждали себя этим. Впрочем, Оноре и не давал им повода для гордости: оценки были так себе, поведение оставляло желать лучшего. Отчаявшись исправить его, господин Марешаль писал: «Из мальчика не вытянешь ничего – ни уроков, ни домашних заданий, непреодолимое отторжение вызывает у него необходимость выполнять любую работу по принуждению». Получив первую награду, десятилетний Оноре, ликуя, немедленно сообщает об этом матери. В письме от первого мая 1809 года сын сообщает: «Любезная матушка, я думаю, папа был огорчен, узнав, что меня посадили в „альков“. Прошу тебя, успокой его, скажи, что я получил похвальный лист при раздаче наград. Я не забываю протирать зубы носовым платком. Я завел себе толстую тетрадь и переписываю туда все из своих тетрадок, и у меня хорошие отметки, надеюсь, это доставит тебе удовольствие. Обнимаю от всей души тебя и всех родных, а также всех, кого знаю». Подпись: «Бальзак Оноре, твой послушный и любящий сын».[3]

Похвальный лист по латыни, который должен был «успокоить» отца, представлял собой томик в рыжеватом сафьяновом переплете – «История Карла XII и Швеции», – украшенный надписью золотыми буквами: «Награда Оноре Бальзаку, 1808 год».

С какой гордостью должен был созерцать ребенок это официальное признание своих заслуг! Как надеялся, что родители порадуются за него! Но они ожидали от сына более внушительных свершений. Он начинал опасаться, что никогда не сможет оправдать их надежд.

Переживать превратности школьной жизни ему помогает один из учителей – Иасент-Лоран Лефевр, священник, присягнувший на верность нации по положению о церкви в 1790 году, наставник пятых классов. В обязанности отца Лефевра входило следить за библиотекой, содержимое которой пополнилось за счет разграбления замков и аббатств во время революции. Он давал Оноре уроки математики, в которой тот был весьма слаб, тогда как господин Бальзак мечтал, что его первенец поступит в Политехническую школу. Но учитель и ученик гораздо больше были увлечены литературой, чем цифрами и равенствами. Вместо того чтобы заставлять мальчика корпеть над учебниками, отец Лефевр поощрял его к чтению трудов, скрытых в недрах библиотеки, чему тот и предавался с удовольствием в часы их занятий. В свое время священник увлекался поэзией и философией, восторженное любопытство воспитанника напоминало ему о собственной юности. Он обнаруживал в нем богатое воображение, пылкость, стремление бесконечно предаваться мечтам. «Заговорщики» – мальчишка одиннадцати лет и сорокалетний мужчина – втайне от всех обменивались впечатлениями по поводу прочитанного. Они были одной породы – охотники за мечтами. Вспоминая годы учения с добродушным наставником отцом Лефевром, Бальзак напишет в «Луи Ламбере»: «Таким образом, между нами был молчаливо заключен договор: я не жаловался на то, что ничему не учусь, а он молчал по поводу того, что я брал книги».

Оноре без разбору поглощал все, что попадало под руку, впрочем, явно отдавая предпочтение книгам поучительным. Во время перемен он не склонен был принимать участие в играх, с отсутствующим видом и книгой в руках удалялся под дерево. Теперь его радовало наказание в «алькове» – здесь он мог в полном одиночестве думать о прочитанном. Следствием этой неистовой и безрассудной страсти стало желание походить на авторов, которыми восхищался. Мальчик обладал феноменальной памятью: достаточно было пробежать текст, чтобы обратить внимание на малейшие детали. Поскольку источников были сотни, голова его была переполнена всевозможными сведениями. Он все больше удивлял отца Лефевра своими познаниями и живостью суждений. Ничего не говоря вслух, Оноре был тем не менее уверен, что рано или поздно покажет, на что способен. Каким образом? Пока не знал, но волнение молодого ума было столь мощным, что он чувствовал себя в силах покорить мир. Хотя, кажется, окружающие сомневались в великом будущем, которое он себе предназначил: даже отец Лефевр, считавший его учеником способным и особенным, не мог представить себе Бальзака на вершине славы, другие учителя и соученики и вовсе видели в нем только странного мальчугана, известного несколько заносчивой манерой рисоваться и неумеренной тягой к писанию – чужому или своему.

Увлечение Андре Шенье подтолкнуло к сочинению стихов, строки, посвященные инкам, будут приведены в «Луи Ламбере»: «О инка! Властелин несчастный, злополучный!» Несмотря на несовершенство этого александрийского стиха, Оноре упорствовал и декламировал свои измышления перед товарищами, которые в насмешку дали ему прозвище «поэт». По правде говоря, в это время Бальзака занимает не столько музыка слов, сколько нагромождение мыслей о некоей высшей силе, которую он не решается назвать Богом, но которая правит миром согласно своим таинственным законам. Мальчик совсем не религиозен, как и большинство других воспитанников, но испытывает невероятную тягу к тому, что «там», строит из себя вольтерьянца, задает дерзкие вопросы, хотя сам не прочь верить. Готовясь к первому причастию, ни с того ни с сего спрашивает у капеллана коллежа отца Абера, откуда Господь взял мир. Тот отвечает ему загадочной фразой из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово и Слово было у Бога». Не удовлетворенный таким объяснением, мальчик хочет точнее знать, откуда взялось это «слово». «От Бога», – отвечает отец Абер. «Но если все сущее от Бога, то почему в этом мире есть зло?» – возражает Оноре. «Добрый священник не был силен в полемике; он понимал религию как чувство и принимал все догматы на веру, будучи не в силах их объяснить. Однако он не был святым; и, не найдя никаких новых доводов, вышел из себя и засадил меня на два дня в карцер за то, что я прервал его, когда он объяснял нам катехизис». Так язвительно напишет об этом происшествии Бальзак в «Луи Ламбере».

Более суровым наказанием оказалось изъятие у него рукописи «Трактата о воле». «Вот глупости, которыми вы занимаетесь, пренебрегая домашними заданиями!» – воскликнул отец Франсуа Огу, стоя перед Луи Ламбером, alter ego Бальзака. «Луи Ламбер и он [Бальзак] – один человек, – напишет сестра Оноре Лора Сюрвиль, – это Бальзак в двух лицах. Жизнь коллежа, малейшие события тех дней, все, что он пережил и передумал там, все правда, даже „Трактат о воле“, который один из преподавателей (которого он называет) сжег, не читая, в ярости обнаружив вместо домашнего задания, которое требовал. Мой брат всегда сожалел об этом своем письменном опыте – свидетельстве ума в столь юном возрасте».

Оноре, обуреваемый желанием поверять свои фантазии бумаге, становится все более враждебным железной дисциплине коллежа: то, что ему пытаются навязать, раздражает, увлекает лишь то, к чему расположен сам. Запертый в серой Вандомской тюрьме, занят только собственными мыслями. Он напишет о себе – Луи Ламбере, – что ему достаточно было одного – утолять жажду своего ума. В четырнадцать лет интеллектуальная деятельность Оноре столь интенсивна и до такой степени не соответствует его положению обычного школьника, что он чувствует себя на грани безумия. Голова перегрета кипением теорий, воспоминаний, планов. «Оноре был похож на сомнамбул, которые спят с открытыми глазами, – засвидетельствует Лора Сюрвиль. – Он почти не слышал обращенных к нему вопросов и не знал, что отвечать, когда у него вдруг спрашивали: „О чем вы думаете? Где вы?“ Это удивительное состояние… происходило от скопления мыслей… без ведома преподавателей он прочел большую часть библиотеки коллежа… в карцере, куда он вынуждал помещать себя ежедневно, поглощал серьезные книги». Он будет утверждать даже, что порой впадал в своего рода кому, состояние это тем более беспокоило учителей, что они не знали причины.

Болезненное «отупение» усугублялось актами неповиновения, руководство коллежа решило избавиться от воспитанника, чей характер мог дурно повлиять на дух его товарищей по заточению. Двадцать второго апреля 1813 года Бальзаков попроси ли забрать сына, чье дальнейшее пребывание в этом учебном заведении признано было нежелательным. Изгнанный как паршивая овца среди учебного года, Оноре опасался резкой реакции матери: не будет ли Шарлотта-Лора чувствовать себя лично оскорбленной этим? Но он выглядел столь жалким и потерянным, что обеспокоенные родители ни в чем не стали упрекать его. Положились на свежий воздух и здоровое питание, чтобы дать ему оправиться. Но мальчик ждал от своего возвращения чуда иного рода, никак не связанного ни со свободой передвижения, ни с обильной едой: все меркло в присутствии Лоры, которую он наконец обрел, – повзрослевшей, похорошевшей, любившей и понимавшей его лучше, чем кто-либо другой.

Глава третья

Семья

Кажется, прекрасно знаешь свою семью, но после шести лет отсутствия вновь знакомишься с ней с изумлением путешественника, вернувшегося из дальних странствий. Примерно так говорил себе Оноре, видя родных ему людей, к лицам, привычкам и чувствам которых должен был приобщиться заново. И если с любимой сестрой Лорой, почти ровесницей, у них были одинаковые предпочтения и взгляды на мир, то другая сестра – Лоранс, которой исполнилось одиннадцать, казалась ему существом, не заслуживающим внимания. Что до младшего брата Анри, известного своими капризами и кривляньем, его можно было только презирать. Но именно этому малышу доставалась вся нежность матери, только им она восхищалась, приходила в восторг от любого его слова и жеста. Мальчик напоминал ей о Жане де Маргонне, которого Шарлотта-Лора так любила и, без сомнения, продолжала любить. Оноре имел право лишь на ее безразличие и упреки, и никто другой, пожалуй, не испытывал столь сильной неприязни ни к нему самому, ни к его пристрастиям. Эта женщина была холодна к сыну, но рассыпалась в любезностях перед приглашенными. Казалось, хотела нравиться всем, кроме собственного ребенка. Злые языки обвиняли ее в любовных интрижках, к тому же она слишком настойчиво повторяла, что у нее старый муж. В церкви демонстрировала набожность, которая вызывала у окружающих недоверие, многие, видевшие ее в такие мгновения, говорили, что подобным ханжеством их не обмануть, тем более что было доподлинно известно – госпожа Бальзак с удовольствием меняет требник на произведения Месмера и увлекается гипнозом.

Не будучи близок к матери, Оноре испытывал уважение и симпатию к отцу, Бернару-Франсуа, который, не обращая внимания на превратности судьбы, всегда был в прекрасном расположении духа. Читатель и почитатель Монтеня, Вольтера и Рабле стремился к знаниям, имел доброе сердце и бойцовский характер. С тех пор как его старинного покровителя, милейшего барона де Поммерёля, сменил на посту префекта суровый, мелочный барон Ламбер, следовало постоянно быть начеку, – новый царек без конца к нему придирался. Тот же, возмущенный фанфаронством и скептицизмом господина Бальзака, мечтал лишить его выгодных должностей попечителя богоугодных заведений и главного снабженца 22-го дивизиона. В этом ему потворствовали местные интриганы, стали даже поговаривать о хищении денежных средств и лихоимстве со стороны Бернара-Франсуа. Тот, впрочем, мог рассчитывать на поддержку со стороны министра, опубликовав в качестве доказательства своей привязанности к существующему строю и интереса к наведению общест-венного порядка одну за другой несколько брошюр. Отец испытывает ту же тягу к писанию, что и сын, только заботят его предметы, совершенно чуждые Оноре.

В 1807 году типография Мама в Туре печатает труд господина Бальзака, «советника мэра и одного из попечителей богоугодных заведений», озаглавленный «Памятная записка о средствах предотвращения краж и убийств, о возвращении к работе на пользу общества людей, их совершивших, а также о способах упрощения судебной процедуры». В нем автор напыщенно вступается за осужденных, вернувшихся с каторги или из тюрем, будущее которых под угрозой из-за позорного свидетельства, которое они обязаны предъявлять по первому требованию, но при виде коего никто не решается принять несчастных на работу, а это вновь толкает их на путь воровства и убийства. Во избежание столь плачевных последствий необходимо, по мнению Бернара-Франсуа, создавать мастерские, где такие люди находили бы себе дело и получали приличное жалованье.

На следующий год появляется «Памятная записка о возмутительном распутстве, причиной которому обманутые и покинутые девицы, живущие в чрезвычайной нужде, и о способах использования той части населения, что потеряна для государства и оказывает пагубное воздействие на общественный порядок». Размышления тем более своевременные и уместные, что Наполеон запретил установление отцовства, теперь беременная незамужняя молодая женщина не могла рассчитывать на какое-либо место, оставалось только одно – проституция. А вылечить эту болезнь так просто – учредить при богадельнях бесплатные отделения для девиц-матерей, автор утверждает, что с успехом опробовал новую методу в Туре. И здесь напыщенный слог, но сквозь строки видно благородное сердце.

Проходит еще год, в 1809-м увидела свет «Памятная записка о двух великих обязанностях французов». Теперь Бернар-Франсуа решил воздать должное Наполеону, чтобы обезопасить себя и гарантировать расположение властей предержащих: он предлагает воздвигнуть между садом Тюильри и Лувром колоссальную пирамиду. Еще год, и появляется труд, посвященный людским страстям, – шестидесятидвухстраничный результат его непреодолимого стремления писать и поучать себе подобных.

Между тем Бальзака-старшего освободили от обязанностей заместителя мэра. Ничуть не смутившись, он отправляет в канцелярию ордена Почетного легиона перечень собственных заслуг – рассчитывает на крест, которого, как ему кажется, достоин. Но дело не имело продолжения: несомненно, его соперники в гонке за красной ленточкой чересчур многочисленны и не без солидной поддержки. Бернар-Франсуа и тут не очень обижается и упорно продолжает попытки добиться признания в высших кругах. Желание быть замеченным столь велико, что, как только Империя пала, легко отказывается от мундира, а с началом Реставрации предлагает, пожертвовав проектом гигантской пирамиды, установить памятник Генриху IV, утвердив таким образом на века любовь французов к династическому правлению.

Ничто так не воодушевляет Бернара-Франсуа, как утопические планы: он одновременно наивен и напыщен, полон добрых намерений и мелких хитростей. Состояние его никак нельзя назвать скромным: в 1807 году в анкете он сообщает о ренте почти в тридцать тысяч франков. В том же году господина Бальзака можно обнаружить на девятом месте в числе тридцати пяти жителей Тура, облагаемых самыми большими налогами. Но ему нет равных по умению сколотить капитал на одних лишь человеколюбивых теориях.

Слушая, как он развивал перед домашними свои мысли о политике и обществе, Оноре не мог не восхищаться отцовским красноречием, его уверенностью и оптимизмом. Кроме того, в прекрасной библиотеке, собранной Бернаром-Франсуа, можно было найти книги великих латинских и французских писателей, современных и древних философов, историков, поэтов, памфлетистов.

Сын наслаждался Вольтером, Руссо, Шатобрианом и даже некоторыми мистиками, коих предпочитала мать. Воспитание ума в Туре продолжалось столь же беспорядочное, что и в Вандомском коллеже. Дом Бальзаков гудел, словно улей: торжественные речи, шутки, парадоксы, суеверия, отзывы о литературных новинках и страстные дискуссии о «вечном» и сиюминутном. Среди этой суматохи будущий писатель запоминал все: лица, слова, обстановку. Его мозг, как мухоловка, немедленно удерживал впечатления и больше не отпускал их. Родители, сестры, брат, друзья семьи, овдовевшая, вынужденная жить у зятя, которого не любила, бабушка Саламбье, нежные пейзажи Турени, прекрасные особняки и церкви, местные сплетни, чтение урывками мешались в голове. «Он собирал материал, не зная, чему все это послужит», – напишет Лора Сюрвиль.

Оноре с удовольствием остался бы еще на долгие годы в этой атмосфере плодотворного безделья любимым братом, но отец не отказался от мечты видеть сына студентом Политехнической школы. В начале лета 1813 года юноша поступил пансионером в частную школу в Париже, которая располагалась в квартале Марэ на улице Ториньи. Руководили ею господа Бёзлен и Ганзер. Отсюда каждое утро он отправлялся вместе с другими учениками в коллеж Карла Великого, где после веселого турского интеллектуального бродяжничества вынужден был вернуться к скуке обязательных занятий. Но в это неспокойное время умы более занимает политика, а не культура: возвратившийся в Париж Наполеон следит за продвижением иностранных армий, угрожающих Франции, понимая, что спасти его может только чудо. Предвидя худшее, он поручает Марию-Луизу и Римского короля офицерам Национальной гвардии. Тринадцатого января 1814 года устраивает смотр войскам: тридцать батальонов пехоты и четыре – кавалерийских проходят перед ним в Тюильри, вокруг арки Карусель. Все парижане приглашены на этот парад – последний вызов агонизирующего режима тем, кто выступил против него. Оноре, как и все ученики коллежа, присутствовал на этой блистательной и мрачной церемонии. В «Тридцатилетней женщине» он напишет: «Султаны на солдатских касках, колыхаясь на ветру, клонились, будто лес под порывами урагана… Франция готовилась к прощанию с Наполеоном накануне кампании, опасность которой предвидел каждый… Большинство горожан и воинов, быть может, прощались навеки; но все сердца, даже полные вражды к императору, обращали к нему горячие мольбы о славе Франции. Даже люди, измученные борьбой, завязавшейся между Европой и Францией, отбросили ненависть, проходя под Триумфальной аркой, и понимали, что в грозный час Наполеон – олицетворение Франции».[4]

Когда появился император, энтузиазм Оноре достиг высшей точки: он был готов на все, чтобы защитить его. И одновременно мечтал о подобной славе. Вести за собой народ, завораживать умы миллионов незнакомых людей ходом своей мысли, покорять их своей отвагой, своим талантом, вот самая завидная судьба, дарованная смертному! С жадностью следит он за своим героем, «довольно тучным невысоким человеком в зеленом мундире, белых лосинах и ботфортах». На голове у императора «треугольная шляпа, обладающая такою же притягательной силой, как и он сам», на груди – широкая лента ордена Почетного легиона, на боку – маленькая шпага. О его появлении оповещают барабанная дробь и звон литавр. «При этом мощном призыве сердца затрепетали, знамена склонились, солдаты взяли на караул, единым и точным движением вскинув ружья во всех рядах».

Далее события развивались с невероятной быстротой: несмотря на несколько побед, добытых ценою крови новобранцев, Наполеон вынужден был начать отступление. Опасаясь его окончательного поражения и разгрома Парижа, в начале марта 1814 года госпожа Бальзак примчалась туда, чтобы забрать сына в Тур. Оноре был весьма огорчен, что не увидит последних сражений и не сможет послужить отечеству. Но пришлось покориться. Тридцать первого марта войска союзников заняли столицу, шестого апреля Сенат под давлением Талейрана проголосовал за конституцию, согласно которой на трон должен был вернуться Людовик XVIII. Наполеон в Фонтенбло отрекся от престола и был сослан на остров Эльба.

Тем временем и Бернар-Франсуа вынужден был отказаться от своих обязанностей попечителя богоугодных заведений в Туре. С присущим ему философским взглядом на вещи, он согласен служить королю, как прежде служил императору. Захваченный возбуждением окружавших его благородных оппортунистов, которые меняют мнение в зависимости от того, куда ветер дует, вторично публикует труд, посвященный людским страстям, впрочем, несколько подкорректированный – в нем уже не воздается должное сосланному императору. Посылает труд министру двора, графу Блака, который удостаивает Бальзака приема и похвалы. Что до проекта конной статуи Генриха IV, то, одобрив инициативу, администрация все же остерегается обещать, что возьмет на себя все издержки по реализации этого плана. Бернару-Франсуа это не мешает мечтать о скором воплощении своего замысла и благоприятных последствиях оного для его карьеры. Без сомнения, отсутствие императора огорчает отца гораздо меньше, чем Оноре, который спустя несколько дней после возвращения к родному очагу поступает экстерном в третий класс коллежа в Туре.

Как всегда, он не проявляет чрезмерного усердия, но и не демонстрирует свою лень, а потому получает даже награду и похвальный лист с изображением лилии – при Реставрации ими щедро одаривали достойных учеников, чтобы привлечь молодежь на сторону нового режима. В этом документе, засвидетельствовавшем его заслуги, Оноре именуется как де Бальзак, и этот оттенок благородства не кажется ему излишним.

Людовик XVIII, которого многие считали рохлей, оказался политиком дальновидным. Герцог Ангулемский, племянник и официальный представитель короля, призывал забыть о прошлом, проповедовал национальное примирение, свободу вероисповедания, обещал процветание. Можно ли было не верить ему? Дважды он приезжал в Тур, восхваляя дядюшку. Во время второго визита, 16 августа 1814 года, один из представителей городской знати, господин Папийон, дал бал. Отзвук этих событий можно найти на страницах «Лилии долины»: молодой рассказчик Феликс де Ванденес – это, без сомнения, сам пятнадцатилетний Оноре.

Мать заказала для него ярко-синий костюм – он должен присутствовать на торжественном приеме. Шелковые чулки, новые туфли, рубашка с жабо сделали свое дело – школьник ощутил себя галантным кавалером. «…я проскользнул в шатер, воздвигнутый в саду при доме Папийон, и очутился рядом с креслом, на котором восседал герцог… Крики „ура“ и возгласы: „Да здравствует герцог Ангулемский! Да здравствует король! Да здравствует династия Бурбонов!“ – заглушали звон литавр и бравурные звуки военного оркестра. То была вспышка верноподданнических чувств, где каждый стремился превзойти самого себя в неудержимом порыве навстречу восходящему солнцу Бурбонов; но при виде этого проявления корыстных интересов я остался холоден, проникся сознанием своего ничтожества и замкнулся в себе».[5]

Оноре, потерявший голову от происходящего, опустился на диванчик рядом с женщиной, красота которой и запах духов ошеломили его. Удивительными показались плечи незнакомки, «слегка розоватые, точно красневшие от стыда, что люди видят их обнаженными». Дрожа от желания, незаметно приподнялся, чтобы лучше рассмотреть корсаж, и был ослеплен «ее грудью, стыдливо прикрытой светло-голубым газом, сквозь который все же просвечивали два совершенных по форме полушария, уютно покоившиеся среди волн кружев». В мгновение ока лишившись рассудка, он бросился на соседку, покрывая поцелуями эти плечи. Смущенная дама оттолкнула его. «Мне стало стыдно за себя. Я сидел ошеломленный, смакуя сладость только что украденного плода, ощущая на губах теплоту ее тела, и провожал взглядом эту богиню, словно сошедшую с небес».

Внезапный переход из детства в зрелость поразил Оноре своей не поддающейся контролю необузданностью. Женщина перестала быть для него эфемерным существом, обрела плоть и кровь, запах, стала осязаемой, необходимой для утоления голода, который он ощущал физически, до боли. В жизни беспокойного, ненасытного подростка начался новый период – мечты о славе на поприще искусства, в политике и в свете мешались с почти животным желанием обладания женщиной. Он хотел как можно быстрее расстаться с коллежем, чтобы схватить в охапку весь мир и встретить особу, занимающую высокое положение в обществе, которая посвятила бы его во все любовные секреты.

Будто в ответ на его пожелания, семья решает сменить место и образ жизни. Первого ноября 1814 года Бернар-Франсуа узнает, что его назначили руководить снабжением армейской дивизии Парижа. Он обязан этим продвижением сыну своего старинного покровителя – Огюсту Думерку. Его годовое жалованье составит семь с половиной тысяч франков. Решительно король – это к лучшему! В свои шестьдесят восемь лет господин Бальзак вновь полон сил и готов к бою. Дом продан за сорок тысяч франков в присутствии нотариуса ввиду скорого переезда. Чемоданы собраны. Слова прощания друзьям, но без излишнего сожаления. В середине ноября Бальзаки покидают Тур, чтобы обосноваться в Париже, на улице Тампль в квартале Марэ. Оноре видит в этом неожиданном событии предвестие собственных успехов вне школьной скамьи.

Глава четвертая

Париж. Возвращение Наполеона. Судейское сословие

Париж без Наполеона! Оноре это казалось невозможным, но стало постыдной, размеренной реальностью. Жизнь продолжалась, будто ничего не случилось: переполненные театры, злословие в гостиных, свои завсегдатаи в ресторанах, дешевых харчевнях и модных лавках, консьержи и консьержки в неизменных тапочках, разносчики воды, мелкие торговцы, штопальщицы,

угнездившиеся под козырьками входных дверей, пьяные рабочие, идущие вечером нетвердой походкой по плохо освещенным, разбитым улицам. Надо было приспосабливаться к неудобствам, и прежде всего к новому режиму.

У Бальзаков, как и у многих других, по вечерам зажигали свечи или масляную лампу, топили дровами, закупали провизию у мелких лавочников по соседству. Дядюшки, тетушки, кузены и кузины, принадлежавшие клану Саламбье, обитали в этой части Марэ – квартале не самых богатых буржуа и ремесленников. Эти добропорядочные люди благополучно пережили правление Людовика XVI, Революцию, Империю, теперь со смиренным скептицизмом приняли и Реставрацию. Им нужен был порядок, мир, достаток. Они много говорили о политике, предпочитая все же почитывать газеты в кафе, не афишируя своих взглядов подпиской на какое-то определенное издание: по «Le Quotidien» и «La Gazette de France» всегда можно узнать ультрароялиста, а по «Le Constitutionnel» или «Les Débats» – либерала. Просматривая все подряд, никогда не окажешься на стороне тех или других: в наступившие сложные времена подобная тактика была проявлением элементарного благоразумия.

Осторожность не чужда была и Бернару-Франсуа. Демонстрируя покорность и лояльность, он определил сына в учебное заведение, во главе которого стоял ярый монархист Жак-Франсуа Лепитр. Пансион располагался недалеко от дома, на улице Сен-Луи-о-Марэ, в старинном особняке. Директор, колченогий толстый человек, передвигался, опираясь на костыль. Когда-то он принимал участие в заговоре роялистов, пытавшихся выкрасть Марию-Антуанетту из Тампля. Их выдала горничная. Лепитр попал в тюрьму Консьержери, чудом ему удалось оправдаться, в отличие от своего сообщника Тулона он избежал гильотины. Когда к власти пришел Людовик XVIII, его наградили за преданность орденом Почетного легиона. Среди родителей учеников он слыл эрудитом (опубликовал «Историю обожаемых римлянами и греками богов, полубогов и героев»), человеком прямым, порядочным, строго придерживающимся традиций.

Дисциплина была строгой. Под неусыпным контролем учителей, умевших кому угодно испортить настроение, воспитанники вставали с рассветом, умывались холодной водой, наспех съедали чуть теплый завтрак и приступали к учебе: сначала повторяли пройденное накануне, затем, построившись, отправлялись в лицей Карла Великого. Счастливчики, у которых было немного денег, перед уходом проскальзывали к привратнику – небескорыстному соучастнику всех мелких делишек обитателей пансиона. За определенную сумму можно было рассчитывать, что он принесет запрещенную книгу, уладит дело с возвращением в неурочный час, напоит кофе со сливками, редкими и дорогими вследствие континентальной блокады. Оноре получал от матери столь скудные средства, что не мог оплачивать подобные роскошества. Когда его товарищи, подкупив цербера, убегали и увивались за барышнями, дарившими таинственные наслаждения, он ждал их возвращения и рассказов.

Не прошло и двух месяцев со дня его поступления в пансион Лепитра, как Париж с изумлением узнал о высадке Наполеона в заливе Жуан 28 февраля 1815 года. Ученики, тосковавшие по победам императора, с восторгом приняли это известие. И хотя директор заявил о необходимости немедленного наступления на узурпатора, со страстью обсуждали триумфальное продвижение своего героя по Франции. Смирившись, Людовик XVIII бежал в Гент, 20 марта Наполеон вступил в Париж. Лепитр оказался зажат со всех сторон: ему пришлось противостоять учащимся, забывшим о всякой сдержанности, сотрудникам, предъявлявшим всевозможные требования, родителям, окончательно сбитым с толку. Несмотря на угрозы наказания, которые сыпались на их головы, разбушевавшаяся молодежь сжигала белые флаги, распевала «Марсельезу» и «Veillons au salut de l’Empire», украшала лавровыми венками изображения императора. Но праздник оказался недолгим.

Вскоре после поражения Наполеона при Ватерлоо 18 июня 1815 года несколько учеников отказались идти в лицей Карла Великого и направились в сторону Винсенской заставы, чтобы помочь последним сторонникам Империи возводить укрепления. Глядя вслед уходившим «мятежникам», Лепитр неистово кричал и потрясал костылем. Вторичное отречение их идола привело молодых людей в растерянность, они колебались теперь между покорностью и бунтом. Раздача наград в лицее сопровождалась враждебными выкриками, многих «смутьянов» исключили, но вынуждено было оставить свои места и руководство, включая Лепитра. Ему вменили в вину неспособность поддержать порядок во вверенном учебном заведении. К счастью, несмотря на фанатичное восхищение Наполеоном, Оноре избежал участи «мятежников» и 29 сентября 1815 года благополучно получил аттестат, в котором весьма расплывчато расхваливались его «трудолюбие и добронравие».

Осенью, когда пришло время продолжать занятия, Бернар-Франсуа решил забрать сына из снискавшего сомнительную славу пансиона, и Оноре вновь оказался в старинном доме на улице Ториньи у знакомого уже Ганзера, ставшего единственным директором после смерти в 1813 году Бёзлена. Впрочем, курс риторики он по-прежнему слушал в лицее Карла Великого, который переименовали в «королевский коллеж». По воскресеньям под «надежной охраной» его водили на уроки танцев, к которым он вскоре пристрастился, чего нельзя было сказать о других занятиях. Оноре чересчур разбрасывался и, несмотря на данные родителям обещания, учился посредственно. Мать была уязвлена, будто речь шла о неуважении к ней: она всегда отличалась болезненной чувствительностью и настороженностью, не переставала жаловаться на безразличие сына, которому, заявляла не без апломба, образцово предана. Чтобы наказать Оноре за «неблагодарность», Шарлотта-Лора лишает его время от времени радости семейных обедов. Узнав 27 января 1816 года, что ее шестнадцатилетний отпрыск только тридцать второй в латинском переводе, пишет ему гневное письмо: «Мой дорогой Оноре, не могу подобрать выражений достаточно сильных, чтобы описать боль, которую ты мне причинил, ты делаешь меня по-настоящему несчастной, тогда как, отдавая всю себя моим детям, я должна была бы видеть в них мое счастье…Ты прекрасно понимаешь, что тридцать второй ученик не может принимать участие в празднике, посвященном Карлу Великому, человеку вдумчивому и трудолюбивому. Прощайте, все мои радости, ведь я столь часто лишена возможности собрать вокруг себя детей, я так счастлива, когда они рядом, но мой сын совершает преступление против сыновней любви, так как ставит себя в положение, когда не может прийти домой и обнять

свою мать. Я должна была послать за тобой в восемь утра, чтобы мы все вместе позавтракали и пообедали, хорошенько поболтали. Но отсутствие прилежания, легкомыслие, ошибки заставляют меня оставить тебя в пансионе».

Читая эти страшные строки, Оноре ощущал на лбу инквизиторский взгляд матери. Но хотя и был в числе последних в классе по так называемым «научным» дисциплинам, демонстрировал чрезвычайную легкость пера. С воодушевлением сочиняет он полную негодования речь, которую жена Брута обращает к супругу после казни их сыновей: «С ног до головы в крови собственных детей, осмеливаешься ты появиться перед их повергнутой в ужас матерью. Верх жестокости предъявлять ей их палача, но, быть может, ты хочешь воспользоваться моим страданием и увидеть, как умирает мать после убийства ее сыновей?». Удовлетворенное тщеславие от подобных сочинений никогда, впрочем, не сопровождается оценками выше средних за домашние задания. Его считают чересчур высокопарным и многословным. Преподаватели предпочитают юного Жюля Мишле, который возглавляет группу лидеров. Оноре удалось подружиться с несколькими учениками: двое знакомы ему еще по Вандомскому коллежу – Баршу де Пеноэн и Дебассен де Ришмон, братья Годфруа и Эжен Кавеньяк, Жюстен Гландаз, Огюст Сотле… Но никто из них ему душевно не близок, это соученики, а не братья, с которыми можно идти по жизни.

В 1816 году, закончив коллеж с весьма посредственными результатами, он вновь оказывается дома, где все те же своеобразные хозяева и неизменные привычки. Лора и Лоранс учатся в женском пансионе, где им преподают классическую литературу, немного – английский, учат шитью, вышиванию, хорошим манерам, умению вести беседу и игре на фортепьяно. Анри, дитя любви, меняет школу за школой, не в силах улучшить ни знания, ни характер, приводит в отчаяние учителей, в восхищение – мать. Бернар-Франсуа методично заботится о здоровье в надежде дожить до ста лет, не оставляя без внимания душевное равновесие жены, которая все больше подвержена перепадам настроения. Оба боятся, что их старший сын слишком склонен к безделью, праздности и комфорту, это видится им источником всех бед рода человеческого. А потому после каникул устраивают его младшим клерком к поверенному, господину Жану-Батисту Гийоне де Мервилю, в дом номер 42 по улице Кокийер. Кроме того, четвертого ноября записывают на факультет права в надежде, что спустя три года он получит диплом бакалавра в области, перед которой благоговеют все Бальзаки.

Поначалу Оноре был в восхищении от того, что сможет погрузиться в мир судейского сословия. Больше всего ему нравилась в его новом положении возможность оказаться свидетелем драм, разыгрывающихся среди сильных мира сего и скромных граждан. За ними стояли ненависть, скрытое соперничество, ревность, хитрость, обман, упования, не осмеливающиеся заявить о себе. Роясь в делах, Бальзак знакомится с тонкостями судебной процедуры, от него не ускользают ни комические, ни горестные детали судеб неизвестных ему людей, перед глазами разворачивается роман с множеством действующих лиц, которые дышат и страдают. Никогда прежде не становился он свидетелем столь неприкрытой жизни. Иногда кажется, что сквозь выведенные каллиграфическим почерком строки доносится интимный запах каждой семьи, преследует его неотступно, словно приговоренного наблюдать за чужим существованием, будто он одновременно еще и эти люди и у него нет больше собственной судьбы. Целый мир набрасывался на него, словно кошмар.

Судебную кухню Оноре осваивал в компании других клерков – бедных молодых людей, циничных и насмешливых. Приемная поверенного была светлой, с обшитыми деревом стенами и опрятной мебелью, помещение, где сидели «бумагомараки», являло собой ужасающую нищету. Здесь царил запах пыли, старой бумаги и клея вперемешку с душком от еды – перекусывали прямо на рабочем месте, ароматами плохо вымытых тел. В четыре часа старший клерк – и только он! – имел право на горячий шоколад. За его спиной, словно декорации, возвышались зеленые надписанные папки, груды документов на столах, по стенам – листовки о наложении ареста на имущество, о продаже его с торгов… Развеять мрачную атмосферу молодые люди пытались каламбурами, которые заставляли хохотать Оноре.

В апреле 1818 года отец решает, в целях расширения его познаний, забрать сына от поверенного и устраивает к нотариусу, другу семьи господину Виктору Пассе. Особенно удобным оказывается то, что логово этого крючкотвора располагается в том же доме на улице Тампль, где антресольный этаж снимают Бальзаки. Госпожа Бальзак предается мечтам о том, как однажды Оноре станет преемником господина Пассе и денег будет зарабатывать не меньше. Юноша старается не лишать ее этих иллюзий, сам же лелеет иные планы – слава писателя все больше манит его по мере знакомства с юридическими вопросами. Здесь, как и в конторе у Гийоне де Мервиля, он сидит, уткнувшись в дела, но, если выдается малейшая возможность, погружается в очередной роман или философский труд. Его выбор – литература, размышления, известность, на другое не стоит тратить время.

Тем не менее в угоду родителям продолжает занятия на факультете права, где преподаватели подводят теоретическую базу, весьма абстрактную, под те практические дела, которые вершатся у нотариуса, где Оноре служит. Четвертого января 1819 года он успешно сдает первый экзамен на степень бакалавра, но продолжать не желает – деятельность господина Пассе кажется ему более живой, разнообразной и необходимой для будущего, чем речи признанных теоретиков юридической науки. Что до «великих идей», он предпочитает черпать их в аудиториях Сорбонны и Коллеж де Франс, в залах Музея естественной истории – его любознательность не знает границ: раз мир существует, надо знать о нем все, от тайн души до секретов морей и небес. Слушая, как излагают свои убеждения выдающиеся современные философы, Бальзак колеблется между скептицизмом материалистов, столь милым его отцу, и универсальной концепцией творения, объединяющей научный и интуитивный подход. Переходя от Гизо к Кювье и Сент-Илеру, пьянеет от возможности объяснить тайны жизни, будь то царство животных или растений. Голова кружится от обилия философских систем, которые он успешно защищает и перед товарищами, и перед родными. И не от отца ли унаследован вкус к высокопарным речам? Близкие считают, что у Оноре чересчур хорошо подвешен

язык: блестящие рассуждения об оккультизме или христианских доказательствах бытия Божия сменяют каламбуры и грубоватые шутки. Госпоже Бальзак кажется, что он решительно не созрел еще для сражений обыденной жизни и вместо того, чтобы приобретать от соприкосновения с реальностью опыт, извлекает лишь нагромождение химер, а надо бы сконцентрироваться, если стремишься занять положение в обществе. Но сын – неподъемный и воздушный одновременно, все перескакивает от одного проекта к другому.

Если верить сестре Лоре, он уже имеет успех у женщин: «Ему хотелось нравиться, и следствием стали весьма пикантные приключения… Я могу лишь сказать, что ни у какого другого молодого человека в начале пути не было столько оснований считать себя фатом». По ее словам, он поспорил с бабушкой на сто экю, что соблазнит одну из самых хорошеньких женщин Парижа, и выиграл. С уверенностью можно говорить о том, что госпожа Саламбье, которая до сих пор вовсе не любила внука, стала находить его общество восхитительным: смеялась его шуткам, охотно играла с ним в вист и бостон, иногда давала денег, чтобы тот прошвырнулся в Пале-Руаяль. В этом Оноре не мог себе отказать. Как только у него заводилась мелочь, умел весело провести время, с гризетками, конечно. Он пользовался их расположением, несмотря на румяное личико, пухлые губы, плохие зубы и громкий голос. А все потому, что эту толстую физиономию выручали невероятно яркие, живые глаза. Глаза – очаровывали, речи – завораживали. Впрочем, дальше легких побед дело пока не шло. Его же влекли завоевания иного рода, не на улицах – в салонах. В любви, как и в искусстве, ему хотелось чего-то необыкновенного. Когда же, наконец, встретится женщина, достойная того, чтобы вместе они стали легендой?

Глава пятая

Улица Ледигьер, пробуждение амбиций

Неожиданный поворот в судьбе Бернара-Франсуа, случившийся в 1819 году, был, по его мнению, пострашнее падения Империи: он бодро готовился встретить свой семьдесят третий день рождения, когда ему предложили подать в отставку. Теперь вместо семи тысяч восьмисот франков жалованья в год отец семейства мог рассчитывать лишь на тысячу шестьсот девяносто пять. Этот удар оказался тем более тяжелым, что господин Бальзак уже лишился значительных средств из-за краха банка «Doumerc et Cie». В создавшемся положении и речи не могло быть о том, чтобы оставаться в Париже, где цены на жилье и еду были чрезвычайно высоки, недешево обходилось и содержание слуг. Следовало обосноваться где-то в другом месте и потуже затянуть пояса. К счастью, один из кузенов госпожи Бальзак – Клод-Антуан Саламбье, купивший дом в Вильпаризи (по дороге в Мо), согласился сдать его недорого лишившимся жилья родственникам. Городок с населением в 500 жителей располагался в 23 км от столицы, его плоские оштукатуренные фасады ровной линией обрамляли прекрасную дорогу. Здесь останавливались многие дилижансы, в распоряжении путешественников было шесть постоялых дворов.

На первом этаже дома, где поселились Бальзаки, располагались прихожая, столовая и гостиная, окна которой выходили на улицу. На втором – три отапливаемые комнаты для госпожи Бальзак, ее матери и дочери Лоры и одна – неотапливаемая, где Бернар-Франсуа разместил свою библиотеку и где проводил дни напролет, несмотря на холод и сквозняки, за чтением любимых книг. Они помогали ему забыть о сложностях, вызванных изменением общественного положения, об уязвленном честолюбии жены, раздражавшейся по пустякам, ворчании впавшей в уныние тещи – бедная женщина никак не могла смириться с тем, что ее зять – старик с прекрасным здоровьем. Впрочем, у него случались приступы подагры, тогда Бернар-Франсуа приводил в пример царя Давида, он тоже страдал от них, но в расцвете сил. Если же вдруг начинал ныть зуб, призывал на помощь всех философов, умевших, не жалуясь, сносить эту неприятность. Дети любили Бальзака – отец всегда был в хорошем настроении и держался молодцом, хотя внешне казался хмурым и сердитым. Лоранс спала в кабинете, примыкавшем к комнате Лоры, Оноре, когда наведывался из Парижа, устраивался на третьем этаже, там же обитал и Анри, приезжавший на каникулы (теперь он учился и жил в пансионе). Слуг наняли на месте, среди них была глуховатая соседка Мари-Франсуаза Пелетье, прозванная «матушка Болтушка», и кухарка Мария-Луиза Лорет, вскоре вышедшая замуж за садовника с фамилией, предопределившей его судьбу, Пьера-Луи Бруэта («brouette» по-французски – «ручная тележка»).

Из обитателей городка Бернар-Франсуа с удовлетворением отметил жившего напротив графа Жана-Луи д'Орвилье, владельца «замка», на деле весьма скромного, а на другом конце Вильпаризи, «на околице», – любезное семейство парижан де Берни, приезжавших только летом. Впрочем, заслуживали внимания и некий полковник в отставке, и молодой выпускник Политехнической школы, специалист по строительству мостов и дорог Эжен Сюрвиль, занимавшийся техническим обслуживанием и ремонтом канала реки Урк. Все жители Вильпаризи считали Бальзаков людьми благовоспитанными, хорошо образованными, с прекрасными манерами. Короче говоря, гражданами благонадежными. Никто и не подозревал о муках, терзавших душу главы семейства: Бернар-Франсуа всегда ревностно оберегал честь семьи, а потому с тревогой наблюдал за перипетиями весьма неприятного дела, которое напрямую его касалось. 16 августа 1818 года Луи Бальса, его брат, был арестован в Нажаке (департамент Тарн) по подозрению в убийстве соблазненной им крестьянской девушки Сесиль Сулье, которую он якобы задушил, узнав о ее беременности. Бальса уверял, что невиновен, улики указывали на местного нотариуса Жана Альбара, тем не менее суд присяжных приговорил несчастного к смертной казни, и 16 августа 1819 года он был гильотинирован в Альби. Бернар-Франсуа мудро решил держаться в тени, пока шло судебное разбирательство, и не предпринял ни единой попытки спасти сбившегося с пути брата – респектабельность, считал он, дороже милосердия. И, несомненно, зная импульсивный характер Оноре, не стал рассказывать ему об этом «пятне» на их семействе.

К тому же сын, который, как рассчитывал господин Бальзак, станет достойным преемником господина Пассе, обманул эти ожидания, заявив, что не намерен заниматься никакой судебной деятельностью, хотя она придает вес и позволяет хорошо зарабатывать. А ведь ему ничего не стоило выгодно жениться и на приданое приобрести столь желанную должность нотариуса. Его будущее было бы обеспечено, и при необходимости он мог бы помочь семье. Но юноша противился, слышать не хотел ни о жене, ни о подобной карьере. Казалось, его смущали, ослепляя, блики позолоченной таблички на двери той предполагаемой конторы.

Единственным устремлением Оноре была литература. Конечно, все Бальзаки любили читать и даже пописывали, но отсюда вовсе не следовало, что нужно поощрять к сочинительству вполне нормального молодого человека: каждый знает, что писатели, за редкими исключениями, которых можно по пальцам пересчитать, живут впроголодь и вообще – голодранцы. И если Шатобриан, Гюго, Ламартин и им подобные заслужили известность своими стихами и прозой, то множество неудачников затерялись в толпе бумагомарателей. Нанизывать на строки слова в уединенной тиши кабинета – роскошь, которую может позволить себе каждый благородный человек, но делать это профессией, что за странность, если не сказать – сумасшествие. Все это госпожа Бальзак высказала сыну при не слишком решительной поддержке мужа, который не мог забыть о собственном пристрастии к некоторым писателям, чьи книги были в его библиотеке. Но есть ли у упрямца талант? Как быть уверенным в этом?

Оноре клялся, что в ближайшее время докажет родителям – у него исключительные способности. Те отказывались верить. Спор продолжался, каждый вносил свою лепту. Бернар-Франсуа обратился за советом к близкому другу, отошедшему от дел торговцу скобяными изделиями Теодору Даблену, коллекционеру и большому любителю книг, человеку рассудительному и не чуждому литературе. Даблен отсоветовал пускаться в столь рискованное предприятие, считая, что виновник споров годен скорее для должности письмоводителя. Тот стоял на своем, черпая мужество и силы в вере в свою мечту, мать негодовала, Лора плакала и молилась, чтобы ему все удалось, отец не осмеливался ни отговаривать его, ни поддержать. Наконец пришли к компромиссу, некий негласный договор был заключен между частично капитулировавшими родителями и мятежным сыном: за рекордно короткий срок он должен был доказать им, что может стать успешным писателем. Ему позволено было на два года, и ни месяцем больше, остаться в Париже и предаться своей страсти на скудное содержание, достаточное, чтобы только не умереть от голода.

Стесненному в средствах Бернару-Франсуа это казалось лучшим на тот момент решением, госпожа Бальзак рассчитывала, что безденежье скоро заставит Оноре раскаяться в содеянном. Она сняла для него крошечную мансарду на четвертом этаже старого дома на улице Ледигьер, 9, недалеко от библиотеки Арсенала. Заботясь о том, чтобы кто-нибудь из знакомых по кварталу Марэ не узнал о столь странном времяпрепровождении в Париже ее сына, решила, что лучше будет говорить всем, будто он отправился в Альби к кузену. Чтобы избежать нежелательных встреч, Оноре дозволялось покидать свое убежище лишь с наступлением темноты. Жизнью отшельника он должен был расплатиться за то, что марает бумагу в столице, пока семья вынуждена жить в Вильпаризи. «Матушке Болтушке», частенько наведывавшейся в Париж за продуктами, определена была роль «связной» между родителями и сыном. Оноре с сестрами именовали ее теперь «Иридой» – крылатой вестницей богов.

Вспоминая полную лишений жизнь на улице Ледигьер, Бальзак напишет в «Шагреневой коже»: «Нет ничего ужаснее мансарды с желтыми грязными стенами, которая пахнет нищетой… Кровля в ней шла покато, в черепице образовались просветы, и в них сквозило небо. Здесь могли поместиться кровать, стол, несколько стульев… эта клетка не уступала венецианским piombi…[6] Я (про)жил в этой воздушной гробнице… работал день и ночь не покладая рук, с таким наслаждением, что занятия казались мне прекраснейшим делом человеческой жизни… Научные занятия сообщают нечто волшебное всему, что нас окружает… От долгого созерцания окружающих предметов я стал различать у каждого свое лицо; они часто разговаривали со мной… по утрам, стараясь оставаться незамеченным, я выходил купить себе что-нибудь из еды, сам убирал комнату, был в одном лице и господином, и слугой, диогенствовал с невероятной гордостью».[7] Иногда ему приходилось довольствоваться на обед черствым хлебом, размоченным в молоке. Жилье обходилось в шестьдесят франков в год, прачке он платил два су, столько же – за уголь. Нужно было ограничивать себя и в масле для лампы, и в чернилах. Но юноша не жаловался, бедность была предметом его гордости – он выбрал ее сам, чтобы сбросить семейные путы, и был уверен – отсутствие мещанского комфорта только ускорит появление шедевров.

По воскресеньям в его келью иногда заглядывал папаша Даблен, принося отзвуки столичной жизни и рассказы о ближайших, с третьего этажа, соседях Оноре – славных буржуа, у которых хорошенькая дочка, или хозяине, не сомневавшемся в литературном гении того, кто снимает у него мансарду… Когда Даблен пропадал на несколько недель, жадный до новостей Бальзак дружески его упрекал: «Вероломный папаша, вот уже шестнадцать нескончаемых дней я не видел Вас. И это огорчает меня, так как Вы единственное мое утешение». И все-таки самую большую радость доставляют ему письма Лоры, которые регулярно привозит «Болтушка». Порой сестра журит его за расточительность: вместо того чтобы заплатить за квартиру, прачке и купить провизию, он обзавелся зеркалом в золоченой раме. Родители рассержены, и, несмотря на всю свою привязанность к брату, Лора на их стороне: «Дорогой мой Оноре, не помышляй больше о подобном. Я люблю тебя и хотела бы писать тебе только нежные слова, передавая и материнские советы, но я очень недовольна этой покупкой…» Порой сообщает незначительные подробности жизни в Вильпаризи: «Бабуля подарила нам три соломенные шляпки по последней моде, они великолепны, и ты можешь догадаться, как мы ими горды… Окрестности Вильпаризи восхитительны, леса прекрасны. Каждый день с шести до восьми утра я сижу за фортепьяно, и, пока играю гаммы, воображение уносит меня на улицу Ледигьер…»

Лоранс тоже пишет ему. Сестры романтичны и ироничны, судят независимо и смело. Их мнение, особенно Лоры, много значит для Оноре. Ему хочется поделиться с ней – он начал большой труд, но сдерживает себя, сообщает лишь, что «подумывает, прибирается, перекусывает и погуливает», ничего хорошего не сочиняет. И признается: «Этот вздор [план написать роман в письмах] показался мне чересчур трудным, не по силам. Я только учусь и воспитываю свой вкус».

С годами его ненасытная потребность в чтении только усилилась. Бальзак пытается проникнуть в тайны бытия, прибегнув к помощи Декарта, Спинозы, Лейбница, Мальбранша, «сорвать последние покровы, за которыми прячется свет истины». Обращается даже к индийской философии, не забывая о Ламарке и Гоббсе, увязает в противоречивых теориях. Решает сначала обратиться к «Трактату о бессмертии души», которое считает обманом, думает об эссе «О поэтическом гении», делает заметки, бросается переводить «Этику» Спинозы… Но, витая в облаках, не теряет из виду твердой почвы. Поразмыслив хорошенько, приходит к выводу, что славу и деньги, в которых он так нуждается, принесут ему не философские сочинения, а романы или даже пьесы. В то время на роман смотрели как на искусство низкое, театр же пользовался бесспорным уважением, особенно пьесы в стихах. Оноре с легкостью набросал несколько поэм – ни хуже, ни лучше многих других, так почему бы не попробовать написать трагедию в пяти актах александрийским стихом? Великолепная идея приходит ему при чтении истории Кромвеля, написанной Франсуа Вильменом. Он полон решимости и 6 сентября 1819 года сообщает Лоре: «Наконец-то я остановился на „Кромвеле“ (смерть Карла I). Вот уже полгода я обдумываю план и почти составил его. Но трепещи, сестра, мне понадобится семь-восемь месяцев, чтобы все придумать и написать, а потом еще отшлифовать. Главное из происходящего в первом акте уже на бумаге, кое-где есть уже и стихи, но я должен семь-восемь раз обгрызть себе ногти, прежде чем появится первое мое творение… Мне кажется, что если Господь дал мне талант, то самое большое наслаждение – сделать его источником славы в том числе и для тебя, и для бедной матушки. Подумай, какое счастье, если мне удастся прославить фамилию Бальзак! Какая возможность выйти из забвения!.. Когда у меня появляется удачная мысль и я облекаю ее в звучный стих, мне кажется, я слышу твой голос, который говорит мне: „Вперед! Смелее!“ Я прислушиваюсь к звукам твоего фортепьяно и с новыми силами сажусь за работу».

Иногда Оноре оставляет «Кромвеля» и делает наброски «небольшого „античного“ романа» – отдыхает. Или раздумывает над комической оперой по мотивам «Корсара» Байрона. К тому же не следует забывать и о физическом состоянии: чтобы размять ноги, любит пройтись, несмотря на довольно значительное расстояние, до кладбища Пер-Лашез. Читает эпитафии и размышляет о великих людях, что спят здесь вечным сном. Но, «занимаясь поисками мертвых, я думаю лишь о живых», – пишет он сестре. От могильных плит молодой человек переносится взглядом в скрытый дымкой город, лежащий у его ног, – огромный серый муравейник, зажигающий в сумерках окна, и голова идет кругом. Оноре угадывает в нем бесчисленных персонажей романов и читателей, сердца которых ему так хочется завоевать. Он готов пожертвовать всем ради восхищения тех, кто не знает даже о его существовании. Герой «Отца Горио» на последних страницах книги тоже бросит отсюда вызов Парижу: «Теперь – кто победит: я или ты?»

Пока же едва продвигается «Кромвель» – тени авторов великих трагедий лишают Оноре сна. Сумеет ли он быть равным им или удастся их превзойти? И делится с Лорой: «Кребийон успокаивает меня, Вольтер – приводит в ужас, Корнель – восхищает, Расин – заставляет бросить перо». Его приводит в отчаяние мысль, что «великий Расин два года доводил до блеска свою „Федру“». Тем не менее во что бы то ни стало необходимо проторить собственную дорогу, и в том же письме он шутливо обрисовывает ситуацию: «В голове одного юноши, живущего в моем квартале, на четвертом этаже дома номер девять по улице Ледигьер, разгорелся пожар. Полтора месяца пожарные пытаются справиться с огнем, ничего не выходит. Молодой человек страстно увлекся хорошенькой девушкой, которую совсем не знает. Ее зовут Слава». В ноябре 1819 года Бальзак высылает сестре подробный план пьесы, которую не считает неудачей, вот только александрийский стих ускользает от него, и творение его тяжело, неуклюже, условно и в высшей степени банально. Предчувствуя поражение, Бернар-Франсуа с горечью пишет Лоре: «Тот, на кого я более других рассчитывал, за несколько лет почти полностью растратил все сокровища, отпущенные ему природой, и этого я более всего опасался. А все потому, что меня не послушали: он должен был идти по утомительной, усыпанной терниями дороге, ведущей к успеху, а ему все потакали. Вместо того чтобы пробиваться и стать старшим клерком – работа тяжелая и сложная, которая ему не подошла, он увлекся пьесами, именами актеров и актрис… Мне же мучительно видеть, что сын моих старинных приятелей в семнадцать лет уже старший клерк в одной большой конторе… О, как я несчастен, как жестоко наказан, и мне есть в чем упрекать себя в своем отношении к тому, чье будущее виделось мне столь блестящим!»

Госпожа Бальзак, напротив, была отчасти горда тем, что сын разродился пьесой в пяти актах, да еще в стихах, и, получив от Оноре рукопись, старательно переписала ее каллиграфическим почерком. Лора же подшучивала над предполагаемым увлечением брата «девушкой с третьего этажа». Тот протестовал: сестра принимает его за «Адониса», тогда как он всего лишь «китайский болванчик», для которого предназначены не постели, а только камины. Впрочем, похоже, Лора сама увлечена Эженом Сюрвилем, о котором то и дело проговаривается в письмах. Она уверяет, что все не так, но брат мало ей верит: как и все молодые девушки, его сестра мечтает о замужестве. Лора и не помышляла о браке по любви, что в те времена считалось излишеством, но счастливой можно быть и с человеком, выйдя за него, следуя доводам рассудка, питая к нему уважение, испытывая определенное влечение, чувствуя схожесть характеров. Время от времени Бальзаки вывозили дочерей на бал в Со, где собирались «сливки» местного общества. Без сомнения, за ними ухаживал Эжен Сюрвиль. Но простой инженер не мог рассматриваться в качестве возможного жениха, родители рассчитывали на более выгодную партию. Осуждая буржуазные предрассудки, в этом вопросе Оноре был полностью согласен с ними.

Порой, изнуренный бесконечными исправлениями своего «Кромвеля», он спешит удрать из Парижа, едет в Иль-Адам в долине Уазы к другу отца Луи-Филиппу де Вилле-ля-Фэ. Бывший священник после революции расстался с сутаной и с тех пор весело жил «во грехе» с женщиной, которая вела его дом и царила в его постели. Де Вилле любезно принимал молодого человека, допускал в свою богатую библиотеку и с удовольствием обсуждал с ним труды Бюффона, которым восхищался, а гость – едва знал. В этом доме 12 мая 1820 года Оноре получил письмо от Лоры, где сестра сообщала о ее скорой свадьбе с Эженом Сюрвилем и просила быть в Париже 17 мая, чтобы присутствовать при подписании брачного контракта у господина Пассе, а в четверг утром – в церкви Сен-Мерри. По правде говоря, Сюрвиль довольно долго колебался, не зная, кого выбрать – Лору или Лоранс, пока не отдал предпочтение старшей. Почти столь же долго Бальзаки не могли решиться отдать дочь за человека, вовсе не знатного, с весьма скромными доходами. Жениху исполнилось тридцать, он был внебрачным сыном провинциальной, лишенной таланта актрисы, Катрин Аллен, которая дебютировала под псевдонимом Сюрвиль. Отец, Огюст Миди де ля Гренере, умер, так и не признав официально этого ребенка, но обязал брата назначить мадемуазель Аллен ренту в тысячу двести ливров. Под именем Сюрвиль молодой человек поступил в Политехническую школу, затем в Императорскую школу по строительству мостов и дорог.

Поначалу Лора считала его не заслуживающим внимания из-за слишком низкого происхождения. Эжен обратился в суд Руана с ходатайством о введении в силу давнишнего решения, позволявшего ему именоваться Миди де ля Гренере. Господин и госпожа Бальзак оживились – благородная частичка «де» значила для них многое и казалась решением проблемы. Они стали убеждать дочь, та согласилась, что этот претендент на ее руку, несмотря на темное прошлое, не заслуживает того, чтобы им пренебрегли. Что испытал Оноре, увидев любимую сестру в объятиях мужчины, который имел теперь право обладать ею? Без сомнения, некоторую ревность, но также уверенность, что муж, пусть даже самый прекрасный, никогда не заменит Лоре брата – их чуть-чуть кровосмесительная любовь сильнее других привязанностей. В романе в письмах «Стени» Бальзак опишет эту ангельскую страсть брата к своей сестре. Ведь зачастую в слиянии душ можно обрести счастье, которого не даст никакой телесный союз.

Едва закончилась свадебная церемония, новое важное событие потребовало присутствия Оноре. Бернар-Франсуа, решив раз и навсегда понять, есть ли у его сына способности, пригласил в гостиную дома в Вильпаризи несколько знакомых, перед которыми тот должен был прочесть свою трагедию. Оптимист по натуре, юноша надеялся на триумф. Начав чтение текста, который знал почти наизусть, уголком глаза наблюдал за реакцией собравшихся. По мере того, как разворачивалась драма Карла I, жертвы отвратительных интриг Кромвеля, лица присутствовавших скучнели: казалось, никто не в состоянии оценить ужасающую актуальность сюжета, противопоставлявшего власть королевскую власти народной. Ведь Карл – это Людовик в последние дни своей жизни, и Мария-Генриетта образцово ему предана. Вся пьеса проникнута ненавистью к англичанам, которым нельзя простить Ватерлоо. Кажется, королева упрекает Кромвеля не в том, что тот отправил короля на эшафот, а в том, что сослал Наполеона на остров Святой Елены. К несчастью, пьеса была в стихах. А они – лишь бледным подобием классических образцов. Мария-Генриетта, проклинающая вероломную Англию, – это Корнель, проклинающий Рим:

Ты ненавистен мне, коварный Альбион!..

Измена зреет тут, грозит со всех сторон!

Отныне, Франция, к тебе мое моленье:

Тебе вручаю я свой трон, детей и мщенье!..[8]

И вот, наконец, последняя реплика. Неловкое молчание. Никто не решался выразить автору одобрение, даже Лора, по ее словам, была «сражена». Тем не менее она решает переписать пьесу, что ранее уже проделала матушка. Что до Бернара-Франсуа, то всеобщее разочарование взволновало его больше, чем он ожидал: быть может, «судьи» ошиблись и следует предложить «Кромвеля» кому-нибудь более компетентному и беспристрастному? Выбор пал на бывшего преподавателя Эжена Сюрвиля в Политехнической школе, академика Франсуа-Гийома Андриё. Со множеством оговорок ему передают копию, выполненную госпожой Бальзак. По свидетельству Лоры, специалист вынес окончательный вердикт, не подлежащий обжалованию: «Автор может заниматься чем угодно, только не литературой».

Тогда мать и сестра новоявленного драматурга сами отправились в Коллеж де Франс, чтобы лично встретиться с Андриё, выслушать советы и забрать рукопись. Во время визита проворная, словно белочка, Лора обнаруживает среди бумаг, разбросанных в беспорядке на письменном столе преподавателя-академика, листок, на котором тот набросал свои впечатления от прочитанного, забирает с собой, показывает Оноре, потом с извинениями возвращает. Госпожа Бальзак получает письмо, где ученый муж пытается сгладить разочарование, пережитое семьей незадачливого автора: «Придирчивость к деталям, быть может, заставила меня судить слишком строго. Я далек от того, чтобы заставить вашего сына пасть духом, но думаю все же, что он мог бы с большей пользой тратить время, не сочиняя трагедии или комедии. Если он окажет мне честь своим приходом, я поговорю с ним о том, что, с моей точки зрения, дают занятия изящной словесностью, и о том, какую пользу для себя можно из этого извлечь, не становясь профессиональным поэтом». Оноре покорно идет в Коллеж де Франс, но не находит там Андриё. На этом все и закончилось.

Любезный Даблен, которому пьеса совсем не понравилась, предлагает посредничество, чтобы заручиться мнением знатока: Пьер Рапенуй, он же Лафон, пайщик «Комеди Франсез», признанный интерпретатор пьес Корнеля и Расина. Даблен рассчитывает снискать благосклонность актера благодаря рекомендательному письму их общего друга Пепина-Леалёра. «Поторопитесь и перепишите начисто плод ваших бдений, – советует он Оноре, – большими, красивыми буквами, затем напишите сопроводительное письмо Пепину, самому обязательному и надежному человеку… не забудьте немного лести в адрес Лафона, но не слишком грубой… Возможно, через три-четыре дня после того, как ваша рукопись будет ему вручена, вы будете представлены Лафону Пепином, и он будет так любезен, что пригласит вас на обед».

Готовый на все ради достижения цели, юноша приносит рукопись Даблену. Впрочем, он ни на что особенно не рассчитывает, поводов для сомнений у него более чем достаточно. «Кромвель» оставляет Лафона равнодушным, нет сомнений – он слишком «погряз» в своем репертуаре, чтобы получить удовольствие от чего-нибудь новенького. Так уговаривает себя Оноре, чтобы справиться с очередным поражением. И признается Лоре: «Я вижу, что „Кромвель“ ничего не стоит и не заслуживает права считаться даже зачатками пьесы». Осознание этого факта не повергает его в уныние, напротив, придает сил: раз не удалась трагедия, надо поискать новых форм выражения, более подходящих его таланту. Единственное, что огорчает в грустной истории с «Кромвелем», – несколько месяцев потрачено напрасно, а отец выделил только два года на то, чтобы он в полной мере проявил свой талант. Ну что ж, отныне придется ускорить темп. А сюжеты, вот они, повсюду! Только бы глупые военные стычки не помешали писать!

Его угнетает возможность провести годы на военной службе, но первого сентября 1820 года судьба улыбнулась Оноре – он освобожден от подобной перспективы. Сертификат генерального секретаря префектуры Сены говорит о том, что у молодого человека слишком маленький рост – 1 метр 655 миллиметров. Полный коротышка с цветущей физиономией и подпорченными зубами не в восторге от того, что видит в зеркале, но уверен – божественный огонь скрывается под столь неказистой оболочкой. И хочет как можно скорее доказать это. Родным, конечно же. Но главное – тысячам незнакомых людей, которые, закоснев в ежедневных заботах, ждут, сами того не зная, появления на небосводе литературы его, и только его – Бальзака.

Глава шестая

«Мастерская» Лепуатевена

Лора вышла замуж, в доме Бальзаков в Вильпаризи освободилась комната. Парижский опыт Оноре чересчур затянулся, полагали его родители, а потому потребовали, чтобы он возвратился к родному очагу, где мог теперь рассчитывать на удобную и покойную жизнь. Сын сопротивлялся: сердце его разрывалось от грусти при мысли о расставании со столицей, но обрести после месяцев дискомфорта налаженную жизнь было совсем неплохо. К счастью, у Бальзаков сохранилось кое-какое временное пристанище в их любимом квартале Марэ, это позволило Оноре время от времени отправляться дилижансом в Париж и проводить там несколько дней. Вернувшись, он вновь с раздражением и нежностью находил неизменными отцовские прорицания, его старческий задор и рецепты долголетия (съедать каждый вечер яблоко и ложиться спать пораньше), приступы безнадежности, досады и властности у матери, недовольство бабушки суровыми временами и падением нравов, напрасные мечтания Лоранс, которая после свадьбы сестры не находила себе места и думала о том, как бы найти жениха с деньгами и титулом. Оноре любил своих родных со всеми их слабостями, недостатками, маниями, но никто из них не в состоянии был заменить ему «сосланную» с мужем в Байё Лору, которая уверяла, что вполне довольна судьбой. Так ли это было на самом деле, или она разыгрывала комедию образцовой семейной жизни, никто не знал. Брат регулярно писал ей, держал в курсе своей работы, делился переживаниями.

После неудачи с «Кромвелем» он видел спасение лишь в романе. Чтение Вальтера Скотта окрылило его: захотелось превзойти автора «Айвенго» изобретательностью в написании отдельных эпизодов и блестящим знанием истории. Воодушевленный этим примером, Оноре начинает долгое повествование, озаглавленное «Агатиза». Действие происходит в Италии во времена Крестовых походов. Здесь есть любовь, предательство, рыцарские турниры, разбойники, прекрасная героиня, знающая тайны растений, умеющая готовить приворотное зелье. Исчеркав несколько страниц, незадачливый автор прерывает эту путаную историю, чтобы вскоре продолжить в несколько иной форме – «манускрипта аббата Савонати, переведенного с итальянского господином Матрикантом, учителем начальных классов». Меняется и название – теперь это «Фалтурна». И здесь Италия, но до Первого крестового похода, папа олицетворяет обскурантизм и узость мышления, прекрасная Фалтурна – свободу, вдохновение, древнюю магию. Ее странное имя означает «власть света», она милосердна и воплощает все знания мира. Рожденная, чтобы властвовать над людьми, поначалу покоряет и подчиняет себе сочинителя, который, впрочем, не идет дальше первых страниц.

Одновременно он занят романом в письмах – «Стени, или Философские заблуждения». На этот раз дело происходит во Франции. Герой – Жакоб дель Риес – возвращается в Тур, где встречает молочную сестру Стени, с которой был разлучен с детства. Он совсем не по-братски восхищен ею и приходит в отчаяние от того, что мать девушки вынуждает ее выйти замуж за господина де Планкси. Страстная переписка завязывается между двумя созданными друг для друга, но разлученными злою судьбой людьми. Однажды во время прогулки Стени чуть было не уступает брату. Грубый, ревнивый муж вызывает Жакоба на дуэль, тот умирает при невыясненных обстоятельствах. Все в этой истории чрезмерно, выспренно, витиевато, кроме описания провинции, на фоне которого разворачиваются события: «Между Луарой и Шером лежит широкая равнина, не сухая и бесплодная, но зеленая, орошаемая взаимной дружбой двух рек, чьи воды встречаются». Как только Бальзак переходит к чему-

то хорошо ему знакомому, он находит верные слова, но чувства персонажей отягощены бесконечными рассуждениями. То и дело повествование прерывают их споры о материальности мысли или абсурдности христианского объяснения происхождения мира. Читатель тонет в потоке слов и не знает, прислушиваться ли ему к биению сердца героев или разглагольствованиям начинающего философа. Автор демонстрирует чрезвычайно непринужденное письмо, но техники ему все же не хватает, и он отдает себе в этом отчет: на полях то и дело появляются записи: «Переделать… Исправить…»

Оноре стремится во всем быть первым, но необходимо справиться с родительскими опасениями, а потому как можно быстрее следует подумать и о деньгах. От своего бывшего соученика по Вандомскому коллежу, толстяка Огюста Сотле, он слышал о весьма известном среди парижской богемы персонаже – Огюсте Лепуатевене, он же ле Пуатевен де л’Эгревиль или ле Пуатевен Сент-Альм, писателе, авторе водевилей, журналисте, хроникере, который специализировался на популярных романах, созданных «бригадным» методом. Незатейливые эти произведения пользовались невероятным спросом, а коллективный труд позволял выпекать их, словно горячие пирожки. Лепуатевен, сын довольно известного актера, был ненамного старше Оноре и при первой же встрече распознал в нем живой, плодотворный ум. Он дал ему место среди «писак», которые вкалывали под его руководством. Самым замечательным из них был Этьен Араго, младший брат известного астронома. Сотрудники «предприятия» руководствовались простыми правилами: описания сводятся к минимуму, герои принадлежат к высшему обществу, женщины блистают красотой, умом и благородством, порой, ради некоторой остроты, ревнуют, злодей должен быть наказан, поборник справедливости всегда вознагражден, на каждой странице – поэзия, почитание семьи и религии, эмоциональное напряжение не ослабевает ни на секунду. Что до стиля, это совершенно не заботило Лепуатевена, не будучи приманкой для читательниц.

Руководитель «предприятия» обладал исключительным коммерческим чутьем, сотрудники работали изо всех сил. «У него под началом, словно у вооруженного линейкой учителя, был десяток молодых людей, которых он называл „маленькими кретинами“», – напишет о Лепуатевене его современник. Попав в ряды этих «маленьких кретинов», Бальзак охотно подчиняется дисциплине. Тот, кто неоднократно заявлял о своем намерении одарить человечество бессмертным произведением, не видит ничего плохого в том, чтобы принять участие в производстве субпродуктов. Один Оноре вынашивает грандиозные планы, другой – стряпает блюда на потребу неискушенной, мало просвещенной публике. И хотя подобное невеселое занятие должно было отвратить от литературы, почти поневоле учится следить за интригой, равномерно распределять ударные эпизоды, следуя к неожиданной развязке. Работа по принципу Лепуатевена не кажется Бальзаку унизительной, напротив, он даже несколько воспрял. Дело идет полным ходом, книгоиздатели, имеющие собственные магазины, охотно клюют на такого рода товар, тем более что цена весьма невысока. Авторы предпочитают звучные псевдонимы: Дон Раго – это Этьен Араго; Вьелэргле – анаграмма л’Эгревиля, имени, полученного Лепуатевеном незаконным путем; лорд Рооне – Оноре собственной персоной.

Он не плюет в колодец, из которого пьет. Такого рода сочинительство скорее забавляет его скоростью и определенным трюкачеством. К тому же это приносит деньги, сохраняя в неприкосновенности сокровищницу его ума. Бальзак сообщает Лоре о барышах, полученных на ниве ремесленничества: «Дорогая сестра, я очень рад, „Наследница Бирага“ [роман, написанный совместно с Лепуатевеном] продана за восемьсот франков» (июль 1821 года). Осенью он отдает за тысячу триста франков тому же издателю Юберу, обосновавшемуся в галереях Пале-Руаяль, второй роман – «Жан-Луи, или Обретенная дочь». Двадцать третьего ноября объявляет Лоре, что рассчитывает на две тысячи за третий под временным названием «Прекрасный еврей» (окончательно будет звучать как «Клотильда Лузиньянская, или Прекрасный еврей»).

Занятый тем, что считает коммерческой пародией на искусство, Оноре рассчитывает на доход в двенадцать тысяч франков от публикации шести романов в год. Цифра эта не кажется ему чрезмерной, он чувствует в себе силы придумать и написать под псевдонимом полдюжины «отбросов» в ожидании возможности выпустить под собственным именем роман, которым будет гордиться. Этими планами компаньон не делится с Лепуатевеном – узнав о них, тот рассмеялся бы ему в лицо. Но часто приглашает «патрона» совершить поездку в Вильпаризи, отведать семейного рагу. Эти визиты вносят разнообразие в быт Бальзаков, витающая в облаках Лоранс немедленно начинает воображать, что живой и предупредительный парижанин приезжает только ради нее. Брату стоило большого труда разуверить ее в этом, объяснив к тому же, что писатель – не самая удачная партия.

Девушка никак не могла смириться с отсутствием воздыхателей. Она пишет сестре, которой, по ее мнению, повезло с замужеством, о покойной и скучной жизни в родительском доме: «Мы не отличаемся безудержным весельем, но и не грустим особенно, мы настоящие буржуа и не впадаем в крайности: вечером – вист или бостон, иногда экарте, охота за комарами, каша… Остроумные выходки Оноре, а потом мы идем спать». Специально для Лоры брат дополняет картину: «Скажу тебе по секрету, что бедная матушка все больше становится похожа на бабушку и даже хуже. Я надеялся, что возраст, в котором она теперь, окажет на нее благотворное влияние и изменит ее характер, но ничего подобного… Вчера она жаловалась, как бабушка, вздыхала о старости, как бабушка, сердилась поочередно на Лоранс и Оноре, меняла взгляды с быстротой молнии… А преувеличения!.. Да, в мире нет второй такой семьи, как наша, я думаю, мы единственные в своем роде». В тесном старческом мирке Лоранс чахла на глазах, и это очень беспокоило брата, который в июле 1821 года делится с Лорой: «…Лоранс достойна кисти художника, у нее прекрасные руки, белоснежная кожа и восхитительная грудь». К тому же у нее живой ум и взгляд, от которого растаяла бы и бронзовая статуя. Короче, настоящее сокровище, надо немедленно выдать ее замуж.

Того же мнения придерживается и Бернар-Франсуа, он даже подобрал достойного кандидата. Это Арман-Дезире Мишо де Сен-Пьер де Монзэгль. Двойное «де» вдвойне заслуживает внимания. Семья предполагаемого жениха дворянской стала недавно, но по праву. Бернар-Франсуа хорошо знал отца молодого человека по работе в Королевском совете и позже в интендантском ведомстве. Схожесть их служебной деятельности кажется Бальзаку хорошим предзнаменованием. К тому же Арман-Дезире старше Лоранс на пятнадцать лет, а это гарантия прочности брака. Нельзя забывать и о том, что после непродолжительной военной службы он поступил на ответственную должность в управлении по взиманию городских пошлин в Париже. Уверенный, что ставит на хорошую лошадь, Бернар-Франсуа старался не обращать внимания на слухи, будто долгожданный зять весь в долгах, любит игорные и публичные дома. Напротив, полагал, что, достаточно погуляв, объект его намерений дозрел, чтобы стать смирным мужем, преданным жене, тапочкам и счету в банке.

Безусловно, ограниченность этого краснобая несколько раздражала Оноре, который прозвал его «героем из героев», «трубадуром» и потешался за его спиной над непоколебимой уверенностью будущего родственника в том, что ему нет равных на охоте, за бильярдом и в гостиных. Но Бернар-Франсуа отказывался прислушиваться к критике. А Лоранс, вовсе не влюбленная, тщеславно гордилась, что вскоре, как сестра, станет настоящей дамой со своими слугами, днями приемов, каретой и, быть может, детьми.

Дело продвигалось быстро, и 19 июля 1821 года отец пишет старшей дочери: «Сообщаю тебе, моя дорогая Лоретта, – вы с мужем получите еще официальное извещение, – что я устроил свадьбу твоей сестры… Будущие супруги встречаются уже месяц, они очень подходят друг другу, все необходимые шаги предприняты, семья жениха… согласна». Спустя три дня, 22 июля, был день рождения Бернара-Франсуа. Ему исполнилось семьдесят пять, семья собралась в Вильпаризи. Одновременно крестили сына Луизы Бруэт, кухарки, Монзэгль официально просил руки Лоры, и предложение было великодушно принято. Оноре, наблюдавший во время этой церемонии за женихом, делится с Лорой: «Он немного выше Сюрвиля, ни хорош, ни дурен лицом, у него нет верхних зубов…. В остальном он лучше, чем может быть, в качестве мужа, конечно».

Брачный контракт, проработанный господином Пассе, был подписан двенадцатого августа 1821 года и предполагал приданое в тридцать тысяч франков. В честь этого события в Вильпаризи был дан вечерний прием с тщательно подобранными закусками, винами и сладостями. Бернар-Франсуа встречал гостей, подмигивая глазом, – неловкий кучер заехал ему хлыстом и поцарапал роговицу. Эта неприятность отравила ему праздник и была тем более досадной, что он чрезвычайно ревностно оберегал свое здоровье и самочувствие. Через два дня после подписания контракта госпожа Бальзак посчитала разумным задать Арману-Дезире несколько вопросов личного порядка, после чего написала Лоре: «Он дал мне честное слово, и я ему верю, что он никогда не имел дела с проститутками и совершенно здоров, его никогда не лечили, он никогда не принимал лекарств и здоровье его превосходно. У него нет детей, которые могли бы в будущем явиться. Нога его никогда не ступала в игорный дом, и, будучи первым в Париже среди игроков в бильярд, никогда не играл на деньги».

Конечно, Монзэгль врет так же легко, как дышит, но госпожа Бальзак столь простодушна, что проглатывает все с довольной улыбкой. Оноре, напротив, настроен все более скептически. «Трубадур приходит и на обед, и на ужин и прилежно ухаживает, – делится он с Лорой. – Но, говоря откровенно, и откровенность эта требует, чтобы письмо мое было уничтожено, я не нахожу в его поступках, улыбках, словах, жестах и прочем ничего, что свидетельствовало бы о любви, как я ее представляю».

Бракосочетание состоялось первого сентября 1821 года в мэрии Седьмого округа. Затем венчание в церкви Сен-Жан-Сен-Франсуа. По этому случаю Бальзаки отпечатали два вида уведомительных писем. Одни, предназначенные для близких, были подписаны: «Господин Бальзак, бывший секретарь Королевского совета, бывший директор Интендантской службы первого военного дивизиона, и госпожа Бальзак имеют честь известить вас о свадьбе мадемуазель Лоранс Бальзак, их дочери, и господина Армана-Дезире Мишо де Сен-Пьер де Монзэгля». Во второй версии, для друзей более отдаленных, присутствовала драгоценная частичка «де» перед всеми тремя Бальзаками. В письмах, которые разослали Монзэгли, невеста именовалась Лоранс де Бальзак.

Несмотря на предосторожности, брак этот оказался катастрофой, и очень скоро. Лоранс была не в себе с первой супружеской ночи, а когда она оказалась в полной изоляции в уединенном доме в Сен-Манде, один за другим последовали нервные срывы (как у матери и бабушки), она невероятно скучала, у нее стали выпадать волосы. Муж то и дело оставлял ее ради охоты и бильярда. Первое письмо, отправленное ею сестре, – это длинная жалоба: «Я держусь только на нервах, и этим все сказано…. Совестливая женщина должна была бы молчать о недостатках своего мужа, я же скажу тебе потихоньку, что считаю его легкомысленным и честолюбивым до такой степени, как только можно вообразить». В довершение всех несчастий она скоро узнала, что Арман-Дезире должен всем на свете – занимает у одних, чтобы отдать другим, они рискуют лишиться мебели. Из гордости новобрачная пытается скрыть все это от родных, но тайное становится явным. Пораженный Оноре пишет Лоре: «…кажется, у Монзэгля тысяча экю долга. Лоранс преследует свора кредиторов… Монзэгль ведет себя очень грубо. Он возвращается под утро, оставляя на целый день в одиночестве маленькую страдающую женщину в доме, стоящем в двух лье от других».

Выведя мужа на чистую воду, ошеломленные Бальзаки обнаруживают, что он прохвост. Тем временем Лоранс вынуждена заложить свои драгоценности. На грани разорения Монзэгль попросит взаймы у тестя. Тот высокомерно откажет в помощи зятю, который обманывал его с самого начала. Госпожа Бальзак, выше понимания которой, как ее дочь может любить и поддерживать столь гнусного субъекта, откажет ей в своей привязанности. Но все же подаст милостыню в виде визита, когда

несчастная вот-вот должна будет родить, хотя не согласится присутствовать при крещении внука Альфреда, который появился на свет 28 июля 1822 года, – она считала его плодом предосудительной связи. Больная Лоранс отдала малыша кормилице, а Монзэгль все чаще покидал супругу, этот, по его мнению, мертвый груз в его полной приключений жизни.

Бальзак вспомнит о нем, когда будет писать портреты самых циничных героев своей «Человеческой комедии». Исключительный негодяй шурин послужит прообразом мерзкого Филиппа Бридо из «Авантюристки»: разорив семью и доведя до отчаяния жену, тот совершит головокружительное восхождение по социальной лестнице, приведя Париж в восторг. В 1831 году Монзэгль станет личным секретарем графа Сесака, академика и пэра Франции. Освободившись от денежных проблем, этот новоиспеченный кавалер ордена Почетного легиона, как и эгоистичный, подлый герой Бальзака, – человек, преуспевший вопреки всякой справедливости и морали. Так понемногу Оноре осознает, что достаточно внимательно посмотреть вокруг, на близких, друзей, знакомых, чтобы обнаружить персонажи гораздо более сложные и волнующие, чем те, что населяют романы-клише, производство которых доверил ему Лепуатевен.

Глава седьмая

Госпожа де Берни

Каждый раз, проходя мимо дома на окраине Вильпаризи, который стоял у дороги, ведущей в Мо, Оноре думал о том, что мир невероятно тесен. До 1815 года дом этот принадлежал Шарлю де Монзэглю, отцу оказавшегося столь позорным для Бальзаков зятя. Разорившись, он продал его советнику Королевского суда Габриэлю де Берни. Просторное здание с окнами в «мелкую клетку» поддерживалось в хорошем состоянии и украшено было цветами, во дворе, посыпанном песком, стояли кадки с апельсиновыми и гранатовыми деревьями. Бернар-Франсуа познакомился с графом де Берни давно – оба сделали карьеру на интендантской службе, и это оставило свой след. Госпожа де Берни, урожденная Луиза-Антуанетта-Лора Иннер, была дочерью учителя музыки королевы Марии-Антуанетты и одной из ее любимых камеристок. В 1777 году ее крестили в Версале король Людовик XVI с супругой – так было принято в отношении высоко ценимых их величествами слуг. Когда в 1787 году Иннер умер, вдова вторично вышла замуж за шевалье де Жаржэ, который во времена революции вместе с Туланом и Лепитром (бывшим директором пансиона, где учился Оноре) тщетно пытался освободить Марию-Антуанетту из Тампля.

Санкюлоты засыпали угрозами де Жаржэ и его супругу, и та сочла благоразумным поскорее выдать дочь пятнадцати с половиной лет за человека, который сумел бы ее защитить, – графа де Берни. На другой день после свадьбы молодоженов арестовали, они остались в живых только благодаря поражению Робеспьера и наступившей реакции. В 1799 году Габриэль де Берни начал работать в благословенной службе продовольственного обеспечения армии, и вот он столоначальник в одном из отделений Министерства внутренних дел и, наконец, советник Королевского суда. У них с женой было девятеро детей, что вовсе не означало гармонии в супружеских отношениях. Де Берни рано состарился, был подслеповат, ворчлив, мелочен, придирчив, мрачен, готов продаться любому и считал госпожу де Берни лишь необходимой составляющей его положения в обществе. Жена много изменяла ему, на что он закрывал глаза из соображений удобства. Один из ее любовников, «свирепый» корсиканец Андре Кампи, зашел дальше других, результатом этой связи стала дочь Жюли: сначала ее появление на свет скрывали, потом признали. Порвав на время с женой, де Берни вернулся к ней, не держа зла за измены. Внебрачная дочь носила фамилию Кампи – на этом настоял, следуя указаниям завещания своего покойного брата – отца ребенка, ее опекун и дядя генерал Туссен Кампи. Тем не менее акт гражданского состояния свидетельствует, что Жюли родилась в апреле 1804 года от неизвестных матери и отца.

Все это ничуть не препятствовало госпоже де Берни с радостью видеть Жюли у себя в Вильпаризи наряду с другими своими отпрысками, вполне законными. Поговаривали, что теперь она состояла в связи с неким господином Манюэлем, снимавшим один из принадлежавших ей домов. Что не мешало соседям, в том числе Бальзакам, считать ее великосветской дамой, «госпожой» их городка. Оба семейства поддерживали любезные, почти дружеские отношения: бывали в гостях друг у друга, встречались на заседаниях благотворительных комитетов… Одетая, как и ее дочери, в белое в память о появлениях Марии-Антунетты в Трианоне, госпожа де Берни была обаятельна, непринужденна, умна. Ей было сорок пять, лицо ее светилось добротой, и, несмотря на маленький рост и полноту, она держалась весьма элегантно. К тому же не скрывала свой возраст, охотно сознавалась – бравируя этим и кокетничая – в том, что уже бабушка, и умела веселиться с юношеской живостью. Оноре удивляло, что эта крошечная женщина, всего на год моложе его матери, столь темпераментна. Приглядевшись к ней, приглашенной к ним в дом на крестины сына кухарки, он поделился с Лорой: «В целом мире только дети госпожи де Берни умеют по-настоящему смеяться, есть, спать и разговаривать, а их мать – женщина очень любезная, притягивает к себе».

Госпожа де Берни пожелала, чтобы Оноре давал уроки ее дочерям. Молодой человек безропотно согласился на роль воспитателя и очень скоро стал испытывать истинное наслаждение от посещения «дам с околицы». За занятиями следовали беседы – занимательные и поучительные. Отмечая усердие новоявленного преподавателя, госпожа де Берни стала подумывать о возможной его женитьбе на одной из своих дочерей – Жюли Кампи. Он казался ей не самой плохой партией, не слишком импозантную внешность компенсировали ум и насмешливость.

Но Бальзака на окраине Вильпаризи привлекали вовсе не барышни – с каждым днем его все больше волновала зрелая грация хозяйки дома. Он видел ее всегда в окружении детей, но странным образом их хорошенькие юные лица и глупая невинность

лишь оттеняли исключительное очарование уже пожившей женщины, которая страдала, любила и которую этот опыт окутывал тайной более притягательной, чем непорочность. Она умела своими вопросами заставить его открыть душу: Оноре рассказывал ей о своих планах, отношениях с сестрой, матерью. Госпожа де Берни подтрунивала над его горячностью, умела успокоить, говорила с ним о литературе, обсуждала семейную жизнь, и скоро он уже не мог без нее обойтись. Увлекали ее рассказы о детстве во времена Людовика XVI, отрочестве, совпавшем с революцией, юности уже при Империи. Воспоминания этой все еще соблазнительной женщины казались ему во сто крат интереснее родительских. Ее голос, когда она поверяла их ему одному, баюкал, а иногда от этих звуков вдруг бросало в дрожь. Героиня «Лилии долины» госпожа де Морсоф будет произносить «ш» как госпожа де Берни, заставляя мужчин трепетать. Не знавший материнской нежности. Оноре был признателен женщине, обладавшей всеми качествами, коих недоставало Шарлотте-Лоре. Тот факт, что они почти ровесницы, не охлаждал, напротив, разжигал его пыл. Она лучше других знала, как заставить его забыть об огорчениях, унижениях, неудовлетворенности, к ней он чувствовал почти сыновнее почтение, но, будучи рядом, терял голову, словно любовник. Хотел раствориться в ее душе и обладать ее телом, прижаться к ней, как это делают дети, ища защиты и утешения, и обладать ею. Возможно ли это? Оноре день и ночь искал ответа и решил открыться. Она отвергла его, ссылаясь на возраст, общественное положение, мужа. Ни один из аргументов не убедил его, он не только не успокоился, но стал забрасывать письмами объект своих желаний. После смерти госпожи де Берни по ее распоряжению сын Александр сжег эти послания. Но черновики сохранились у Бальзака. Мольбы его становились все настойчивее: «Представьте, что далеко от Вас есть кто-то, чья душа обладает исключительным даром преодолевать расстояния, переноситься по воображаемым небесным путям, опьяненная, она кружит над Вами. Ему нравится участвовать в Вашей жизни, разделять Ваши чувства, то жалеть Вас, то желать, он любит Вас со всей искренностью, свойственной только молодости. Вы для него – больше чем друг, сестра, Вы почти мать, и даже больше… божество… И если я мечтаю о величии и славе, то лишь потому, что это приблизит меня к Вам, и если я начинаю нечто важное, то только во имя Вас. Не зная того, Вы покровительница. Наконец, представьте все, что может быть самого нежного, ласкового, огромного в человеческом сердце, и все это есть в моем, когда я думаю о Вас».

Любовь юноши двадцати двух лет, когда ей самой сорок пять, льстила госпоже де Берни, но она благоразумно решила сдерживаться и отказывалась принимать его наедине – только в присутствии детей. Надеялась, что многочисленное потомство – надежная защита от соблазна увлечься. Муж, потрепанный и раздраженный, думал иначе. Впрочем, не он удерживал ее, а боязнь раскаяться позже в глупости, у которой нет будущего. В Оноре же словно бес вселился, его послания волнуют, и, кажется, не устоять перед его напором: «Великий Боже, если бы я был женщиной, и мне было сорок пять, и я была бы все еще хороша, да я вел бы себя совсем не так, как Вы… Я бы отдался своим чувствам, стремясь обрести в них наслаждения, свойственные юности, свои невинные мечты, простоту и естественность, и все очарование, с ними связанное». Он сравнивает себя с Руссо в его непреодолимом стремлении к госпоже де Варанс, обладавшей материнской нежностью и пылкостью возлюбленной. Иногда представляет себя голодным перед витриной кондитерской.

В апреле 1822 года госпожа Бальзак уезжает в Байё проинспектировать своим материнским оком семейную жизнь Лоры. Оноре остается в Вильпаризи с отцом, расхрабрившись, все чаще наносит визиты госпоже де Берни. Соседи обсуждают их с насмешливой недоброжелательностью, взволновались и дети графини, хотя и не делая пока заключений о поведении матери. Уверенный, что имя Антуанетта нисколько не подходит хозяйке дома, молодой человек просит разрешения называть ее Лорой: это имя носят его мать и сестра. Первая для него – воплощение безразличия, вторая – единения сердец. Первая произвела его на свет, вторая разбудила в нем нежность. С третьей он надеется на рай. Ее этот каприз забавляет, и она соглашается. Оноре кажется, что после «крещения» они становятся ближе, в этом для него главный смысл существования теперь. И хотя госпожа де Берни все еще отказывает ему, понимает, что готова уступить. Письма становятся все пламеннее: «Думаете ли Вы обо мне, как я думаю о Вас, любите ли так, как я, не знаю, почему, но я в этом сомневаюсь с некоторых пор… Как Вы были хороши вчера… Не говорите мне о Вашем возрасте». Потесненная на последних оборонительных рубежах, она умоляет его не говорить о любви, иначе выставит его за дверь. Он прикрывается оскорбленным достоинством: «Мне кажется, я хорошо понял Ваше письмо. Это ультиматум. Прощайте, я потерял надежду и предпочту страдать в изгнании, но не испытывать муки Тантала. Поскольку Вы не терзаетесь вовсе, полагаю, Вам безразлично, что произойдет со мной. Можете считать, что я Вас никогда не любил! Прощайте!»

Конечно, это были лишь угрозы – он не собирался порывать с госпожой де Берни. Та, хоть и проявляла нерешительность, думала лишь о его молодости и безрассудстве. Как-то вечером, после очередного отказа, Оноре возвращается, идет следом за ней к их любимой скамейке в саду. Сидящая в задумчивости женщина была поражена столь внезапным появлением и не нашла сил оттолкнуть его. Так он впервые поцеловал ее, но больше она ничего не позволила, посчитав, что легких объятий будет ему вполне достаточно. Бальзак покинул ее, желая еще сильнее после этого поцелуя. Несколько дней Лора колеблется, он же пишет: «Ничто не помешает мне быть в десять у ограды Вашего сада, чтобы остаться в памяти той, которую должен там увидеть. Мне будет хорошо, даже если у меня не будет никакой надежды». Наконец, во время очередного свидания она признается себе, что готова совершить непоправимое. Майская ночь была такой нежной: прозрачный полумрак, тишина, прерываемая неясными шорохами, аромат свежей зелени. Казалось, природа встала на сторону Оноре, подготавливая его победу. Смущенная более, чем ожидала, госпожа де Берни, забыв о всякой осторожности, уступила натиску своего возлюбленного.

Возвратившись к себе, пылая, он немедленно садится за письмо, полное безумной благодарности: «О Лора, пишу тебе среди ночи, в ее тиши, напоенной тобой, меня преследуют воспоминания о твоих исступленных поцелуях! Могу ли я еще о чем-то думать? Все мои мысли – только о тебе. Моя душа связана с твоей, отныне ты можешь быть только рядом со мной. Я весь под властью очарования восхитительной, магической нежности. Я вижу перед собой только нашу скамейку, чувствую только твое

ласковое прикосновение, цветы передо мной, пусть даже и увядшие, хранят свой пьянящий аромат. У тебя есть какие-то опасения, и ты говоришь о них тоном, от которого разрывается мое сердце. Увы! Теперь я уверен, что клялся тебе не напрасно – твои поцелуи ничего не изменили. Но я, я изменился, я люблю тебя безумно…»

Атмосфера родительского дома показалась ему как никогда скучной, почти невыносимой. Как только он расстается с госпожой де Берни, мир вокруг становится бесцветным. Оноре пишет сестре: «Бабушкина улыбка мне больше не нравится, отцовский голос – не притягивает, я читаю газету со слезами на глазах». Его жизнь начинается с приходом вечера, когда он готовится к тайной встрече с волшебницей, открывшей для него любовь.

Возвратившись из Байё, госпожа Бальзак быстро разгадала неловкие увертки Оноре, связь эта привела ее в негодование: ее сын ввел в соблазн замужнюю женщину, которая к тому же вдвое его старше! Ровесницу матери! Какой скандал! Сын пытается оправдаться, но под градом родительских упреков вынужден признать, что ситуация весьма деликатная. Очевидно, что его постоянное присутствие компрометирует госпожу де Берни в глазах соседей, но прежде всего – детей. Они все понимают, осуждают ее, она же, вне всякого сомнения, чувствует себя несчастной. «Думаю, мы не можем больше таиться, острый взгляд молодых девушек давно все угадал, – пишет юноша своей любовнице. – Не знаю, но, кажется, никогда не смогу взглянуть на твою Элизу, не заставив ее покраснеть и не прочитав на ее лице чего-то такого, что не могу выразить. Что до Антуанетты, презрение и множество других чувств прорываются в ней. Жюли Кампи давно обо всем знает, все они не скрывают более своего отношения к нам».

Оказавшись лицом к лицу с враждебной коалицией молодого поколения, Оноре считает благоразумным видеться реже. Теперь он призывает к осторожности, она же заявляет, что готова пренебречь общественным мнением. Выход из положения нашла госпожа Бальзак: чтобы пересуды смолкли, сын должен уехать на несколько недель к сестре, в Байё. Тот соглашается на неизбежную ссылку, испытывая муки ада. Но ему удается выиграть несколько дней, необходимых, чтобы приготовить себя к разлуке. Получив отсрочку, он вновь приходит к их скамейке, потом сопровождает Лору де Берни в Париж, где любовники остаются наедине до двенадцатого мая. Возвратившись в Вильпаризи, Оноре требует, чтобы после его отъезда она каждую неделю отправляла ему длинное письмо с рассказом обо всем происходящем, пусть самом незначительном, без всяких умолчаний. Адрес: господину Оноре, в доме господина Сюрвиля, улица Тентюр. Накануне расставания Лора дарит ему свой любимый амулет, флакон туалетной воды и томик стихов Андре Шенье, который они читали вместе. Он плачет над жестокой судьбой, разлучающей их, и, наконец, двадцатого мая садится в дилижанс, как поднимаются на эшафот. Слуга, Луи Бруэт, провожавший его, доносит госпоже Бальзак, что молодой хозяин шутил с очень любезной графиней, которая тоже отправлялась в путь. Мать успокаивается: сын не настолько сбился с толку, как это кажется на первый взгляд. К тому же она рассчитывает, что дочери удастся образумить брата: рядом с ней он вновь вспомнит о семейных ценностях и благопристойности. Со всем своим хладнокровием госпожа Бальзак ставит на Байё против Вильпаризи.

Глава восьмая

Профессия – писатель

Оноре оценил пользу смены обстановки сразу по приезде, радость вновь увидеть сестру смягчила горечь расставания с госпожой де Берни. Тесть ждал его у конторы Мессажери, когда он выходил из дилижанса. Вместе они отправились на улицу Тентюр. Выкрашенные в зеленый цвет, с отслаивающейся краской ворота выглядели неприглядно, но в доме было уютно, изысканно подобранная мебель свидетельствовала о достатке, все говорило о присутствии женщины со вкусом, ценящей порядок. Зала для приемов была обшита полированными панелями орехового дерева, стулья, кресла, ковры приглашали к беседе добропорядочных людей.

Едва брат и сестра оказались наедине, начались признания, скоро он знал все о ней, она – о нем. Лора скучала в Байё, но уверяла, что в общем довольна замужеством: инженер Эжен Сюрвиль был человеком бесцветным и серьезным, не склонным к мечтаниям, любившим свое дело, уважавшим жену. При общении с ним казалось, что атмосфера сгустилась и не хватает воздуха, но упрекнуть его было не в чем. Благородные граждане городка с женами часто навещали Сюрвилей: мужчины удалялись в гостиную, чтобы обсудить охоту и политику, дамы рядышком судачили о домашних заботах и детях. Жизнь была монотонна, как течение реки Ор, чьи неспешные воды омывали Байё. Оноре почувствовал, что ему здесь будет лучше работаться, а желание видеть госпожу де Берни с каждым часом все меньше его тревожило. Быть может, он не создан для того, чтобы посвятить себя женщине? И для писательской карьеры вернее вздыхать рядом с обворожительным, но недостижимым созданием, чем привязаться, рискуя забыть о творчестве? Быть может, искусство несовместимо с определенным конформизмом, которого требует любовь, и не приемлет брака? Оноре обсуждает все это с сестрой, та понимает его с полуслова. Она – это он сам. В домашней одежде, без чулок и галстука, лежа на оттоманке, Бальзак с наслаждением открывает ей свои помыслы и чувства.

Лора, как и следовало ожидать, представляет его знакомым Сюрвилей. Он жадно изучает их, в надежде пристроить в одной из будущих книг. Нескольких встреч оказывается довольно, чтобы проникнуть в дух провинциального мирка с его кастовостью, тщеславием, алчностью и боязнью пересудов. Он сравнивает его с тем, что наблюдал в Вильпаризи: похоже, и тем не менее у

каждого свои характерные черты, традиции, увлечения, цвет, запах. Решительно жизнь – великолепная почва для литературы. Но только ли?

Сюрвиль сопровождает Оноре в прогулках по городу, ездит с ним в Канн и Шербур. Бальзак «на лету» схватывает лица, памятники, анекдоты, продолжает делать «запасы», хотя в мыслях далеко от этих мест. С собой он привез начало романа «Ванн-Клор» и план другого – «Арденнский викарий», но сейчас его занимает выход в свет в Париже, у Юбера, другого его произведения, написанного под псевдонимом лорд Рооне, – «Клотильда Лузиньянская, или Прекрасный еврей». Конечно, под этой абракадаброй на тему Крестовых походов не стоит его имя, но он вложил туда немало вдохновения, с ним связаны многие амбиции, и, получив наконец томик, он горделиво ожидает похвалы близких.

Но, прочитав книгу, госпожа Бальзак пятого августа 1822 года отправляет Лоре разгневанное письмо, полагая, что сын тоже прочтет его: «У меня новое огорчение… речь об Оноре, добром, чудном Оноре, который, сам того не желая, жестоко ранит меня. Ты не знаешь еще, мой добрый друг, сколь сильно и хрупко материнское честолюбие, питаемое желанием, свойственным всем хорошим матерям, видеть, как из детей получается нечто значительное. То же испытываю и я в отношении Оноре, но к моим пожеланиям никто не прислушивается… Я призывала его тщательно пересмотреть рукопись, даже показать кому-то, у кого больше писательского опыта. Я умоляла сделать некоторые сокращения, предупреждала, что пытки, которые он описывает, приведут читателя в ужас… Оноре делал вид, что все, что я говорю, ничего не стоит, что порицаемое мною другому покажется прекрасным, что есть множество мнений, множество различных вещей, которые одни считают отличными, другие – ужасными, что автор должен быть самим собой и все».

Дабы подкрепить свое негодование, госпожа Бальзак цитирует выражения, кажущиеся ей неприемлемыми. Как сын осмелился написать: «хрупкий луч» или «по справедливости»? Почему злоупотребляет словами «приятный» и «шелковистый»? «Я очень расстроена, – продолжает она. – Всякий раз, когда автор хочет блеснуть умом, он весьма далек от этого… когда пытается говорить с читателем, выходит дурновкусие… его суждения обнаруживаешь на каждой странице, а этого не следовало бы делать. Книга должна быть написана для всех… Его сбил с толку Рабле… Стерн тоже со своими описаниями чувств, наконец… повторю еще раз – я расстроена. Оноре считает себя либо всем, либо ничем. Это вредит голове, и я бы сильно подумала, прежде чем сказать ему то, что написала вам. Надеюсь, вы будете чутки с ним и ваши замечания не позволят ему пасть духом».

Итак, недовольная необходимостью вмешиваться в жизнь сына, госпожа Бальзак решает вторгнуться в его творчество: о том, как надо писать роман, ей известно так же хорошо, как и о правилах поведения в обществе. По ее мнению, приезжая в Париж, Оноре встречается «с молодыми людьми, которые портят друг другу вкус, забывают о всяких приличиях, о том, что такое „хорошо“, и считают прекрасной лишь чепуху, которую сочиняют для развлечения». Если он будет продолжать в том же духе, не сделает в своей жизни ничего стоящего. Лора должна постараться предостеречь его от излишней легковесности! И пусть руководствуется в этом материнским посланием, не показывая его брату!

Безусловно, несмотря на лицемерные советы госпожи Бальзак, Лора сразу показала письмо Оноре. Он узнавал мать во всем: резкий тон, уверенность в собственной правоте. Ему и в голову никогда не могло прийти, что эта дерзкая, даже грубая женщина ошибается: полное непонимание, отсутствие теплоты и терпимости по отношению к собственному сыну потрясли его больше, чем любая критика какого-нибудь паршивого журналистишки. Он был ошеломлен и подавлен. Лора, как могла, утешала брата, дипломатично отвечала на материнские упреки: признавала ее правоту в том, что касается невысокого качества трудов, опубликованных Оноре у Лепуатевена, но напоминала, что сроки были слишком сжатыми, чтобы тщательно поработать с рукописью. «Когда молодой человек, обладающий воображением Оноре, пишет за два месяца четыре книги, все их недостатки – естественное следствие спешки, он должен был бы более строго отнестись к текстам и прислушаться к мнению окружающих, – делится Лора с матерью. – И „Клотильда“ была бы замечательной книгой, не будь этих шероховатостей… Повторяю, если бы Оноре несколько меньше доверял себе и немного больше – другим, „Клотильда“ была бы книгой, которую он с гордостью признал бы своей. Но, матушка, я не собираюсь приводить его в уныние из-за „Клотильды“, напротив, она внушает мне большие надежды… Оноре не надо от тебя ничего, кроме счастья, так дай же ему его, матушка. Но ты видишь все в черном цвете, когда речь заходит о нем. Разве дело в „Клотильде“? И разве, чтобы бойко продаваться, книга обязательно должна быть хорошей?.. Ни один роман не шедевр, их сочиняют только ради денег, не претендуя на славу».

Несмотря на деликатные, обнадеживающие слова сестры, Оноре был задет глубоко. Не стоит ли действительно расстаться с мечтами о величии? Вдруг его пребывание у Лоры становится лишенным всякого смысла, и, готовый покинуть Байё, он адресует госпоже де Берни письмо, полное разочарования: «Не решаюсь сказать, как грущу, не находя больше в Ваших письмах цветов. Туалетная вода закончилась, не будь Шенье, я словно бы лишился защиты… Есть люди, которые рождены для несчастий, я – из их числа».

Чтобы поднять его дух, любовница сообщает, что вновь обрела «свободу воли», другими словами, что ее муж, узнав обо всем, отнесся к их связи философски. Вместо того чтобы обрадоваться, молодой человек упорно продолжает хандрить: «Думаю, что заблуждаюсь на свой счет, да и в отношении жизни – тоже, – жалуется он. – Отныне буду довольствоваться лишь тем, что живу в Вашем сердце, как Вы живете в моем, буду жить воспоминаниями, иллюзиями, мечтами, жизнь моя будет только воображаемой, каковой, впрочем, отчасти и была до сих пор».

Из опасения, что она не сумеет оценить всю важность этого заявления, Бальзак продолжает своего рода романтическое самобичевание: «Когда ты – посредственность и все твое богатство – чистая душа, жить не стоит; весьма умеренные способности не дают повода для наслаждений… Превосходство гения и исключительные способности великих людей – единственное, чего нельзя присвоить. Карлик не в силах поднять палицу Геракла. Я уже говорил Вам, что умру от горя в тот день, когда окончательно пойму, что моим надеждам не суждено сбыться. И хотя я пока еще ничего не сделал, чувствую, что день этот близок. Я стану жертвой собственного воображения. Итак, Лора, заклинаю Вас не привязываться ко мне, умоляю порвать со мной».

Но хотя призывает ее к окончательному разрыву, ревностно следит за той жизнью, что она ведет вдали от него. Непоследовательность влюбленного, не уверенного в своих истинных чувствах: вопрошает избранницу, сидит ли она иногда на «их» скамейке, думая о нем, напевает ли его любимые песни, играет ли на фортепьяно в его отсутствие. Даже решает вернуться, несмотря на ожидающие его дома неприятности в лице несговорчивой матери и слабеющего разумом старого отца. Тем временем в доме Бальзаков появляется новый жилец – племянник госпожи Бальзак Эдуар, сын ее покойной сестры Софи Саламбье и Себастьена Малюса, тоже умершего. Сироте двадцать два года, он страдает туберкулезом. Родственник особенно дорог тетке тем, что остался совершенно один и владеет значительным состоянием, которое она унаследует, если будет заботиться о нем в последние дни его жизни. В ожидании этого она чрезвычайно предупредительна, Оноре не видит в ее маневрах ничего предосудительного – его занимает совсем другое.

Во время пребывания в Байё он начал новый роман – «Арденнский викарий» – и предложил сестре и зятю сотрудничество в работе над этой весьма экстравагантной историей, в которой эротизм перемешан с религиозностью. Ему казалось, что втроем у них получится быстрее, а прибыль потом поделят. Ведь нет ничего более естественного, чем сочинять всей семьей. Уезжая, он оставил рукопись сестре и ее мужу, чтобы они дописали несколько глав, в соответствии с набросанным Оноре и одобренным ими планом. Сам же отправился в Вильпаризи, где в нетерпении его ожидала госпожа де Берни.

В пути он размышлял о своем романе и по прибытии в Париж заключил договор с издателем и книготорговцем Шарлем-Александром Полле. По контракту ему полагалось две тысячи франков за романы «Столетний старец» и «Арденнский викарий»: шестьсот – «живыми» деньгами, остальное – векселями, сроком на восемь месяцев. Единственная загвоздка была в том, что оба произведения следовало представить к первому октября 1822 года, но и то, и другое были в зачаточном состоянии. Ввиду срочности выполнения работы Бальзак пишет сестре четырнадцатого августа: «Итак, на „Викария“ у нас только сентябрь. Не думаю, что вы сумеете делать по две главы в день каждый, чтобы передать мне его к пятнадцатому сентября, да и тогда у меня останется только две недели на переделку… Обдумайте все хорошенько… Если у вас есть хоть капля жалости ко мне, вы пришлете мне в срок этого чертова „Викария“, если же подозреваете меня во лжи, могу прислать вам договор с Полле, согласно которому должен буду выплатить неустойку, если книга не будет напечатана к ноябрю… Столь тяжелый труд не по силам тебе, Лора. Не думаю, что ты сумеешь писать по шестьдесят страниц в день».

Несмотря на настойчивые просьбы брата, Лора не спешила отправлять драгоценный пакет. Оноре, чтобы скрасить пребывание в родительском доме, читал близким другой роман, привезенный им из Байё, – «Ванн-Клор, или Бледноликая Джейн». К счастью, на этот раз текст матери понравился, она даже процедила сквозь зубы несколько похвал. Вообще Шарлотта-Лора стала мягче с тех пор, как возник умирающий богатый племянник: семья жила планами на будущее. Владелец дома, который они теперь арендовали, кузен госпожи Бальзак Антуан Саламбье продал его своему брату Шарлю, а тот решил увеличить плату до невероятных пятисот франков. Для Вильпаризи это было чересчур! К тому же госпожа Бальзак мечтала вновь обосноваться в Париже, в любимом Марэ. Она даже нашла вполне подходящее прибежище на улице Руа-Доре, где и у Оноре была бы своя комната. Но Эдуар Малюс был нетранспортабелен, и надо было ждать последнего его вздоха, чтобы переехать. Впрочем, язык его почти совсем почернел, пульс с каждым днем становился слабее, он ел только устрицы и пил молоко, так не могло продолжаться долго, оставалось потерпеть совсем немного. На фоне этого молодого полутрупа, для развлечения занимавшегося вышиванием, Бернар-Франсуа, несмотря на солидный возраст, был вызывающе здоров. Бабуля, как всегда, вздыхала о своих недугах. Братец Анри удивлял глупостями. А госпожа Бальзак, непрестанно жалующаяся на все и вся, то и дело отлучалась в Париж, где готовила возвращение семейства в столицу. Каждый день Оноре интересовался на почте, не пришел ли «Викарий», за которого ему не терпелось приняться, и без конца обращался к сестре, описывая попутно умонастроения Бальзаков: «Эдуар почти в могиле, бабуля болеет, матушка пребывает в страшном возбуждении и ездит в Париж, отец, как всегда, здоров, Луиза – подслушивает, Луи – глуп, Анри – проказничает, сам я не занимаюсь ничем…. „Викарий“! „Викарий!“ „Викарий!“… Я должен над ним работать».

В письме нет ничего о госпоже де Берни, хотя та занимает все его мысли. Еще несколько недель назад он говорил о спасительной разлуке, но стоило увидеть ее, как страсть вновь завладела им. «Чем дольше мы вместе, тем больше достоинств я нахожу в тебе, – поверяет ей молодой человек четвертого октября 1822 года. – Признаюсь, Лора, что „освящение скамьи“, этот праздник любви, которая, нам казалось, вот-вот угаснет, вновь зажег ее, и я далек от того, чтобы видеть наш чудный уголок могилой, напротив, он кажется мне алтарем». Оноре уверен, что любит ее сильнее с тех пор, как согласился на абсурдную высылку в Байё. Но чувствовала ли она все то же, что он, во время их разлуки? Ему хотелось бы не сомневаться в этом, сам же клянется возлюбленной, что благодаря расставанию обрел душевный контакт с женщиной, о которой мог лишь мечтать. Вдали от нее научился наслаждаться воспоминаниями столь же сильно, сколь и реальными событиями.

Бальзак не в силах скрыть свои чувства от близких, мать жалуется в письмах к дочери в Байё, что сын уходит в полдень, возвращается в пять часов, снова уходит и возвращается в десять вечера; Эдуар очень плох, а ее оставляют с ним одну; Оноре не замечает, насколько бестактен, дважды в день бывая у госпожи де Берни, не чувствует, что его хотят «околпачить». «Я хотела бы оказаться за сотни лье от Вильпаризи. Он не пишет ни строчки. А ему осталось всего страниц двадцать, чтобы завершить „Столетнего старца". В голове у него только одно, он не видит, что, слишком уж предаваясь этому, однажды устанет, но поведение твоего брата лишает его всякого рассудка».

Тем не менее она не могла не признать, что, растрачивая себя на любовные дела, Оноре работает как каторжный: «Викарий» наконец-то у него, он спешит. «Ему надо работать, отрываясь лишь на короткий отдых, – сообщает госпожа Бальзак Лоре. – Его „Викарий" – лучшее из написанного им, надеюсь, ты будешь им довольна… Я нахожу в нем много случайных слов, повторы в описании старика, но он ни от чего не хочет отказываться».

С «Викария» Бальзак переключается на «Столетнего старца». Его не пугает необходимость писать сразу два романа, напротив, испытывает определенное волнение, перескакивая с одного сюжета на другой. Мать довольна его прилежанием, хотя все еще не верит, что подобного рода деятельность может принести сыну доход. Его же волнуют только деньги: материальная озабоченность присуща всем Бальзакам. Молодой Эдуар Малюс, кашель которого разрывает душу, живой тому пример.

Двадцать пятого октября 1822 года после долгой агонии больной вздохнул последний раз. Бальзаки грустят, но чувствуют облегчение. Госпожа мать будет щедро вознаграждена за свою преданность: тридцать тысяч франков в виде ренты, акций и наличных. Она плачет от огорчения и признательности этому бедному мальчику, который воздал ей из могилы. Теперь – в путь, они свободны, у них есть средства. В ноябре семья покидает Вильпаризи и устраивается в Париже, на улице Руа-Доре. Старший сын настоял, что сам будет оплачивать свое пребывание под крышей родительского дома: первого ноября он подписал договор, согласно которому должен платить отцу сто франков в месяц за жилье и еду. «Господин Оноре, – записано в этом документе, – сам будет заботиться об освещении, отоплении, стирке, так как сумма в двенадцать сотен франков пойдет исключительно на еду и аренду жилья».

Уезжая из Вильпаризи, начинающий автор уверяет себя, что теряет любовницу, чьи ласки с некоторых пор значат для него меньше духовной общности, и что теперь начнет настоящее сражение на литературном фронте за известность и богатство.

Глава девятая

Анонимные публикации

Обосновавшись в Париже, Оноре сменил не только место жительства, он отказался от псевдонима лорд Рооне (R'Hoone – анаграмма его имени) ради столь же звучного: в ноябре 1822 года Полле один за другим опубликовал «Арденнского викария» и «Столетнего старца, или Двух Беренгельдов», вышедших из-под пера «бакалавра изящной словесности» Ораса де Сент-Обена.

Первый – весьма сумбурное повествование, в котором соседствовали мать семейства, влюбленная в викария, бывшего, возможно, ее собственным сыном, девушка, страстно увлеченная мужчиной, которого считает братом, пират, настойчиво пытающийся выкрасть несчастное дитя… Не отвлекаясь от интриги, автор, разумеется, касался вопроса безбрачия священников, проблемы инцеста, невозможных связей, размышлял о целомудрии и жестокости общества, отказывающегося уважать большое чувство, прикрываясь устаревшей моралью. Увы! Как только книга появилась в магазине, ее объявили оскорбительной для религии и нравов. Приказано было изъять ее из продажи, но предупрежденный об обыске Полле успел рассредоточить тираж, полиции пришлось довольствоваться рукописью и сигнальным экземпляром. К счастью, власти посчитали достаточным запрет на продажу «Арденнского викария», никаких санкций против самого Бальзака не последовало.

На появление «Столетнего старца» столь бурной реакции не последовало. В предисловии автор, Орас де Сент-Обен, представлял свой труд как тщательное воспроизведение признаний человека, чей отец переходил из века в век, заключив сделку с дьяволом. Старый Беренгельд получал право на бессмертие, убивая время от времени девственниц, чья кровь, попав в его вены, возвращала силу молодости. После тысяч перипетий неутомимый предок рассказчика готовился принести в жертву юную Марианину, не зная, что в нее влюблен его сын Тулий. Тот, поставленный в известность о готовящемся убийстве, вырывает невесту из рук отца. Старец защищается именем науки, объясняя, что открыть принцип жизни и обрести возможность здравствовать столько же, сколько существует мир, несомненное достоинство любого человека. В этой мрачной истории угадываются все навязчивые идеи Оноре, его вера в сверхъестественные силы, интерес к медиумам, увлечение магией, телепатией, эзотерикой… Быть может, когда он набрасывал эту хронику необычайно длинной жизни, вдохновлялся примером собственного отца, чьей главной заботой было противостоять посягательствам времени? Неистребимый Беренгельд, не отвратительная ли это карикатура на Бернара-Франсуа, пытающегося пройти сквозь годы без потерь?

Но если отца миновали болезни, усталость и разрушение, бабушка, госпожа Саламбье, чахла на глазах. Переезд в Париж не пошел ей на пользу, тридцать первого января 1823 года она умерла. Дети устроили ей достойные похороны: когда речь идет об общественном положении, не надо экономить на расходах. Хотя наследство покойная оставила весьма скудное, она любила

повторять, что ее разорили спекуляции зятя. Оноре в конце концов стал симпатизировать сварливой старухе, которую с самого начала забавляла его интрижка с госпожой де Берни, во время пребывания внука в ссылке в Байё она выполняла роль почтальона.

После смерти госпожи Саламбье главными действующими лицами в квартире на втором этаже дома номер семь по улице Руа-Доре стали родители и молодой Анри, все более легкомысленный, расточительный, не желающий знать никаких забот. Сюрвили жили теперь ближе в Парижу, в Шампрозэ, надеясь, что Эжен получит место инженера мостов и дорог департамента Сена и Уаза и это позволит им поселиться в Версале. Лоранс, едва держась на ногах после родов, вынуждена была решать финансовые проблемы мужа, которого арестовали за долги. Оноре казалось, что она рождена для несчастий. Сам же изо всех сил стремился преуспеть, удивлять, блистать: в жизни надо быть только победителем. Ему уже не хватало романов «на потоке», он метил выше. Но выйдет ли из него настоящий писатель? «Теперь, когда, мне кажется, я знаю свои силы, обидно тратить лучшие мои мысли на эти глупости, – пишет Бальзак сестре Лоре. – Я чувствую в голове нечто, и если бы я был спокоен за свое существование, то есть у меня не было бы обязательств, которые я должен выполнять, а были бы еда и крыша над головой… я работал бы над серьезными вещами. Но для этого надо удалиться от мира, а я постоянно туда возвращаюсь».

В Париже он вошел в круг язвительных, безденежных журналистов, изливавших желчь в скандальных листках вроде «Le Pilote» или «Le Corsaire». Их звали Огюст Лепуатевен, Этьен Араго, Орас Рессон… средоточие мелких парижских пересудов. Все они готовы были при необходимости одолжить свое остроумие именитому писателю, жили чем и как придется, сидели в кафе вместе с художниками или за кулисами театров. Вовлеченный в эту беспорядочную жизнь, Оноре лихорадочно искал свой путь. Он быстро сочиняет мелодраму «Негр» и предлагает ее в театр Гетэ, следует вежливый отказ, тогда вновь возвращается к роману, пишет «Последнюю фею, или Новую волшебную лампу», признается себе, что в ней нет абсолютно ничего, и, дабы оживить вдохновение, погружается в труды Лафатера, полагавшего, что проникнуть в тайну человека можно, проанализировав его физические данные. Не оставляя френологию, обращает внимание на оккультные науки, делает набросок некоего философского сочинения и в конце концов попадает под влияние одного из старинных приятелей по юридическому факультету, Жана Томасси.

Католик и легитимист, тот пытается вернуть вольтерьянца Оноре в лоно церкви и даже призывает не писать больше романов, так как занятие это исключительно мирское, унижающее человека. «Возвращаюсь к своим баранам, – просит он. – Сожгите все, чему поклонялись, поклонитесь тому, что сожгли. Вы не в силах осознать, насколько вырастет ваш талант, если его будут питать мораль и религия». Не соглашаясь до конца с доводами приятеля, Бальзак признает все же, что Бог существует, но лишь в форме вечного закона, объяснить который с точки зрения человеческой логики невозможно. Он подумывает даже о трактате, посвященном молитве, о чем ставит в известность Томасси, который в это время становится начальником канцелярии префекта департамента Эндр и обосновывается в Бурже. Узнав о замысле Оноре, тот отговаривает от его воплощения: «Расскажите мне о вашем трактате. Чтобы его написать, недостаточно прекрасной души и богатого воображения, помимо этого необходимо иметь определенные религиозные привычки, опыт длительного общения с божественным, и, наконец, нельзя обойтись без некоторого мистицизма, обогащающего и смягчающего. Если вы ни разу не вздрогнули при торжественных звуках органа, не были взволнованы, слушая юного священника, возлагающего венцы на головы столь же юным жениху и невесте, и не испытали многое тому подобное, оставьте вашу затею. Сам Руссо потерпел в этом поражение, потому что у него не было религиозных привычек, о которых я вам говорю. Одно дело набросать несколько строк в счастливые мгновения, другое – сохранить это настроение на протяжении всей книги».

Оноре прислушивается к совету, отказывается от своих планов и публикует, по-прежнему анонимно, брошюру «Право первородства», «Беспристрастную историю иезуитов», затем роман «Аннетт и преступник», заявленный как продолжение «Арденнского викария». Ни одно из этих произведений, написанных по заказу и оплаченных построчно, не вызывает острого интереса. «Право первородства» случайно попадает в руки Бернара-Франсуа (в доме дочери Лоры). Ему и в голову не приходит, что автор – его сын, разгневанный, он пишет письмо, опровергающее изложенное в памфлете. Посвященная в тайну дочь искренне забавляется этой заочной дуэлью на перьях между отцом и сыном.

В 1824 году Бальзаки осознают, что все еще не распорядились должным образом капиталом, доставшимся им от Эдуара Малюса. После нескольких вполне случайных вложений они решают использовать часть средств на покупку дома в Вильпаризи, который так долго снимали. Акт купли-продажи на сумму в десять тысяч франков был подписан двадцать четвертого июня у неизбежного господина Пассе. Бернар-Франсуа всецело поддерживал это решение, будучи уверен, что деревенский воздух на пользу всякому, кто стремится дожить до глубокой старости. Кроме того, в свои семьдесят восемь лет он не утратил интереса к безыскусным сельским шалостям и знал, что в Вильпаризи в его распоряжении будут здоровые крестьянские девушки.

Семья переехала немедленно. Но в августе Оноре стало невмоготу в провинциальном заточении, он вернулся в Париж. На этот раз не в Марэ – на Левый берег, где ему приглянулась квартирка на шестом этаже чудесного дома на улице Турнон. Лора, все так же нежно к нему расположенная, уверяла мать, что если брат и уехал в Париж, то исключительно ради работы. Но госпожу Бальзак трудно было обвести вокруг пальца: она пребывала в уверенности, что Оноре покинул родительский кров, чтобы удобнее было встречаться с «женщиной с околицы», то есть с госпожой де Берни. «Вернемся к отъезду Оноре, – пишет мать Лоре двадцать девятого августа. – Я одобрю вслед за вами его решение, если это действительно ради работы… но боюсь, это отступление – лишь предлог, чтобы без препятствий предаться снедающей его страсти. Он сбежал от нас с ней, она провела в

Париже целых три дня… Все это дает мне повод думать, что он захотел лишь большей свободы, вот и все. Видит Бог, я хотела бы ошибаться… „Дама с околицы“ донимает меня визитами и знаками внимания. Вы понимаете, как это льстит мне. Она делает вид, будто проезжала мимо. Как же! Сегодня пришла, чтобы пригласить на обед, но я отказалась как можно вежливее».

Несколько дней спустя, четвертого сентября, Шарлотта-Лора вновь жалуется, на этот раз обвиняет зятя, Сюрвиля, который во время беседы с Бернаром-Франсуа высказался в том смысле, что семья не проявляет должной привязанности и благородства в отношении бедняги Оноре. «Отец сказал мне, что с удовлетворением рассеял заблуждения твоего мужа касательно наших финансовых взаимоотношений с Оноре, который берет столько денег, сколько захочет. В последний раз я предложила оплатить все долги сына, если это необходимо для взлета его гения, чтобы он мог, наконец, создать что-то, заслуживающее признания. Он отказался, решив не брать на себя лишние обязательства. Я предложила полностью оплачивать его пропитание, большего мы не должны делать, ради его же блага. Он не захотел ничего принять. За наше внимание отплатил нам распутным поведением почти в собственном доме… поставив нас в весьма неловкое положение, и ни мой гордый вид, ни суровый взгляд не могли заставить замолчать насмешников, когда с госпожой де Берни мы проходили по городку… Не думай, Лора, будто его поведение помешало нашей дружбе, наши объятия открыты для него, наши деньги в его распоряжении… И если он продемонстрирует талант, мы будем только рады, если он вновь станет ее любовником и начнет относиться к своей страсти, как должно, то есть она станет для него источником наслаждения не во вред его таланту и работе, поверим, что он начал понимать кое-что в жизни, пора бы уже этому случиться. Наша дама ездит в Париж часто, с тех пор, как его здесь нет, проводит дня два, убеждая меня в собственной правоте, в том, что, покидая дом, он хотел лишь свободы».

Негодование госпожи Бальзак тем сильнее, что сын увлекся ее ровесницей. Как представить, что юноша в самом расцвете пробудившейся чувственности целует бабушку? Что ощущает это увядающее создание, когда ее ласкает молодой любовник?

Госпожа де Берни сама удивлялась и увлечению Оноре, и собственному увлечению мужчиной, который годится ей в сыновья. В начале их связи она вела себя с ним по-матерински, забавлялась тем, что опытнее его, порой была насмешлива. Но после четырех лет прочных отношений полностью отдалась своей страсти, завороженная пылом Оноре и его умом. Письма, написанные между их встречами, – письма благодарной женщины. «Я люблю тебя! Да, я люблю тебя! Ты для меня больше, чем воздух для птицы, вода – для рыбы, солнце – для земли, тело – для души. Повторяя: дорогой, я люблю тебя, обожаю, я хотела бы напевать тебе на ухо, как весенняя птичка, просить, чтобы ты прижал любимую к сердцу и совершил с ней чудесную прогулку, чтобы вспомнил о прекрасных летних деньках… Твой дар мне огромен, я в состоянии почувствовать это, уловить. О, как бы я хотела иметь тысячу обличий, чтобы дать тебе все, что хотелось бы, и так, как хотелось бы! Но, друг мой, если тебе достаточно меня самой, переполненной всем тем, что может дать самая совершенная любовь, буду счастлива, так как ничто во мне не принадлежит больше мне самой». Она называет его своим «божественным херувимом», кричит: «Спасибо, тысячу раз спасибо!»

На любовном фронте все прекрасно, с литературой, увы, дела плохи. Оноре анонимно, за мизерное вознаграждение сотрудничает с газетами, вместе с товарищами по парижским кафе редактирует коммерческие брошюры, начинает исторический роман, бросает после нескольких глав, огорчается тем, что никак не может найти издателя для «Бледноликой Джейн». Лишившись всякой на то надежды, пишет послесловие: «Прочитав это послесловие, многие скажут, что Орас де Сент-Обен честолюбив, но пусть говорят, что хотят, все равно это в последний раз. Я слишком нуждаюсь в тишине, чтобы пытаться нашуметь, пусть даже только самим именем. Итак, прощайте, кто захочет, пусть дружески пожмет мне руку».

Но кто раскланивается с публикой? Орас де Сент-Обен, бакалавр изящной словесности, бесславно завершающий свою карьеру, или Бальзак, отказывающийся смотреть в будущее? Последний, несмотря на усталость, отвращение к материальным заботам, все еще не решается окончательно оставить литературу. Стремление выдумывать новых персонажей, плести интригу, создавать новый мир пересиливает в нем разочарования непризнанного автора. Как-то вечером он чувствует, что чаша переполнена. Любви госпожи де Берни ему уже недостаточно, к тому же она так далеко, а он в Париже, один на один со своими обманутыми надеждами. Вид бумаги и чернил угнетает, страшное «зачем?», которое задает себе однажды каждый писатель, разъедает мозг. В сумерках он бродит по набережным. Этьен Араго, идущий по мосту, видит, как Оноре стоит, облокотившись на парапет, и смотрит на темную воду. Удивленно спрашивает: «Что вы здесь делаете, дорогой друг? Подражаете персонажу „Мизантропа“? Плюете в воду и смотрите, как расходятся круги?» – «Я смотрю на Сену, – отвечает Бальзак, – и спрашиваю себя, не лечь ли спать в ее мокрые простыни». – «Что за мысль! – вскричал Араго. – Самоубийство? Что за безумие! Пошли со мной. Вы ужинали? Поужинаем вместе».

Попытка самоубийства, конечно, не была серьезной. После ужина с Этьеном она была забыта. Да и зов рабочего стола был сильнее, чем вод Сены.

Глава десятая

Герцогиня д’Абрантес

Госпожа де Берни в своей любви уже не опасалась ни мнения мужа, ни детей, ни молвы. Продав дом в Вильпаризи, она перебралсь в Париж, где обосновалась рядом с Оноре. Понимание, что со временем ее лицо и тело перестанут быть столь

желанными, только утверждало ее в необходимости видеться с любовником каждый или почти каждый день, это были последние проявления чувства, отпущенные ей. Он был благодарен графине за это безумие, столь схожее с его собственным. В душе он давно окрестил госпожу де Берни «Dilecta» (любимая), это стало новым ее именем. Dilecta очаровывала его не только в постели, но помогала принять окружающий мир.

Этот мир Реставрации был странной смесью честолюбивых стремлений и злопамятности. Аристократы, которым удалось благополучно пережить эпоху террора, не забыли перенесенных страданий и требовали восстановления утраченных привилегий. Выскочки, сколотившие состояние при Империи, ревниво ее защищали, а буржуа, обогатившиеся в период революции, дрожали при мысли, что могут лишиться части нажитого в заботах власти об исправлении исторических ошибок. Офицеры в отставке вздыхали о былой славе, сражениях, пышной военной форме, насмехаясь в кафе над новым режимом, лишенным какого бы то ни было величия. Наконец, либералы, коим молодой Оноре симпатизировал, ненавидели крайних, в своей слепоте стремившихся отбросить Францию на пятьдесят лет назад.

Разочаровавшись в своих литературных начинаниях, Бальзак предпринял последнюю попытку, опубликовав анонимно «Кодекс честных людей, или Искусство не быть обманутым плутами». Этот небольшой по объему труд призван был предупредить буржуа об опасности, грозящей их деньгам, но одновременно воспевал изобретательность жуликов, столь необходимых обществу, потому что за их счет кормится жандармерия, магистратура, полиция, судебные исполнители, тюремщики, адвокаты. Ирония автора не пощадила и армейских интендантов, чья деятельность была ему хорошо известна по рассказам отца. Двадцать образов жуликов выполнены с блеском. Идея создания этих «кодексов» («Кодекс коммивояжера», «Кодекс литератора и журналиста» и т. п.) принадлежит Орасу Рессону, который подпишет своим именем «Кодекс честных людей», опубликованный в 1829 году. Несмотря на то что он от начала до конца написан Бальзаком. Но Оноре нисколько не смущает, что его рукопись присвоена другим, у него обширные планы, а потому не стоит опускаться до демонстрации своего честолюбия, когда речь идет о «серийном производстве».

К тому же он почти окончательно решил порвать с литературой ради деловой карьеры. Доверенное лицо, Жан Томасси, убедительно советует: «Выберите правильное направление и кроме того занимайтесь литературой. Прежде чем думать о сладком, надо съесть два первых блюда, вот лучший способ мирно, со спокойной совестью спать». В общем, речь шла о том, чтобы зарабатывать деньги в сфере торговли или промышленности, обеспечивая тем самым возможность писать, что хочешь, когда хочешь, не будучи зависимым ни от сроков, ни от финансовых обстоятельств. И как это раньше не приходило ему в голову? Тем более что Орас Рессон сводит его с владельцем книжного магазина, который собирается вместе с коллегой издать полное собрание сочинений Лафонтена и Мольера (каждое в одном томе размером в восьмую часть листа). Текст будет напечатан очень мелким кеглем, по две колонки на странице. Идея восхищает Оноре, который видит магазины, опустошенные нашествием нетерпеливых покупателей, желающих приобщиться к литературным сокровищам в столь удобной и элегантной форме. И пока Лафонтен с Мольером будут зарабатывать для него деньги, он, отрешившись от забот, станет писать нетленные романы, право публиковать которые будут оспаривать самые серьезные издательства.

Дело за малым – нужен начальный капитал. По мнению новоявленного предпринимателя, проект сулит так много, что деньги потекут рекой. Не заглядывая в будущее, он подписывает с владельцем магазина контракт, предусматривающий равноправное участие в прибыли, расходах и потерях в случае неудачи. Друг семьи Бальзаков Дассонвилль де Ружмон дает ему шесть тысяч франков наличными, потом еще три ввиду большого интереса к Мольеру. Госпожа де Берни предоставит девять тысяч на Лафонтена: на этот раз она уверена, Оноре с честью справится с задуманным. Родители тоже счастливы, что сын, наконец, нашел свой путь. Единственный, кто беспокоится, грустная, далекая Лоранс. С тех пор как муж разорился, она остерегается мира деловых людей. Ее приводят в ужас разговоры о векселях, сроках платежа, ипотеке, заключении договора, арбитражных оговорках. Супруг, оказавшийся самоуверенным жуликом с благообразной внешностью, то и дело требует подписать бумаги, передающие ему скудные остатки ее приданого. Мать строго-настрого запрещает соглашаться на этот грабеж. Разрываясь между дочерней почтительностью и любовью к мужу, Лоранс не знала, что делать, между тем вторая беременность серьезно угрожала ее здоровью: у нее был туберкулез в последней стадии, а на сочувствие родителей рассчитывать не приходилось. Она нашла прибежище в их доме на улице Руа-Доре в Париже, где вынуждена была сносить попреки деспотичной Шарлотты-Лоры, которая не могла ей простить столь неудачного замужества и мягкотелости, не позволившей взять хозяйство в свои руки. Но, несмотря на беды собственной жизни, Лоранс обладала достаточной проницательностью и смелостью, чтобы отговаривать брата от авантюры, в которую он пускался: «Твои коммерческие предприятия, дорогой Оноре, не идут у меня из головы – писателю достаточно его музы. Ты так увлечен литературой, что эта деятельность, всецело поглощавшая жизнь знаменитых авторов, не должна оставлять времени на другую, и зачем тебе пускаться в торговлю, о которой ты ровным счетом ничего не знаешь и которая требует, чтобы ею занимались с ранней молодости? Когда в этой области начинают с нуля, чтобы сколотить состояние, надо быть человеком, который с утра до ночи одержим одним: быть приветливым с каждым, нахваливать свой товар, продавать его с прибылью. Ты же не принадлежишь к числу таких людей… Те, с кем ты связался, заставят тебя смотреть на все с точки зрения выгоды. Твое воображение довершит дело, ты будешь видеть себя с тридцатью тысячами дохода, а когда разум начинает действовать, придумывая тысячи способов заработать денег, здравый смысл отступает. Твоя доброта и прямолинейность не смогут защитить тебя от жульничества других, которые кажутся тебе такими же честными, каков ты сам. Ты не безразличен мне, и это заставляет меня поделиться с тобой этими сомнениями. Я с большей радостью видела бы тебя сидящим за рукописями, над серьезными произведениями, без гроша в кармане, в комнате под крышей, чем удачливым и богатым предпринимателем».

Поздно! Бальзак уже пустился в погоню за своей химерой. Подписав контракт, уехал в Алансон, где договаривается с гравером Пьером-Франсуа Годаром об иллюстрациях, затем возвращается в Париж и пишет предисловие сначала к Мольеру, потом к Лафонтену. Увы! Оба издания небольшого формата, напечатанные микроскопическим шрифтом, оказываются слишком дороги. Покупатели редки. Оноре начинает сомневаться в успехе предприятия.

Счастливее оказался Сюрвиль, ставший, наконец, инженером по строительству мостов и дорог департамента Сена и Уаза и живущий теперь в Версале. Бальзак счастлив, что случился этот неожиданный переезд, и часто навещает сестру, которая очень скоро заводит знакомства в высшем обществе. Не без ее участия Бальзак представлен обитателям Версаля, в том числе Лоре д'Абрантес, живущей в двух шагах от Сюрвилей. Юная Лора Пермон вышла замуж за бравого генерала Жана-Андоша Жюно. Он дрался как лев в Испании и Португалии, за что Наполеон даровал ему титул герцога д'Абрантес. Во время страшного похода в Россию герцог лишился рассудка, был назначен губернатором Иллирийских провинций и в 1813 году покончил жизнь самоубийством, оставив вдову и четверых детей, лишенных средств к существованию. Несмотря на падение Империи, Лора могла рассчитывать на поддержку австрийского канцлера Меттерниха, чьей любовницей когда-то была, а также русского царя Александра I, небезразличного к ее красоте и уму. Без денег, но не утратив мужества, она жила в основном на то, что выручила когда-то за продажу мебели, и мечтала о литературной славе. В сорок один год у нее был прекрасный цвет лица, живой взгляд, красивая, белая шея, мягкие, волнистые, темные волосы, а ее вид и речи доставляли окружающим удовольствие. Она шаг за шагом прошла с Наполеоном весь его путь от восхождения через славу к поражению и, хотя считала теперь этого человека узурпатором с преступными амбициями, сохранила прелестные воспоминания о том, кто еще не так давно был полноправным хозяином половины Европы. Оноре с благоговением познакомился с женщиной, имевшей счастье быть в числе приглашенных в Тюильри, которая, казалось, хранила историю Франции. Бальзак советовал ей писать мемуары, она не говорила «нет». Но очень любезно поставила его на место, когда он принялся слишком рьяно за ней ухаживать. Молодого человека привлекло ее бурное прошлое, остроумие и титул, полученный во времена Империи, равный в глазах Оноре сиянию далекой звезды. Большой свет означал для него еще одну взятую высоту. Что до разницы в возрасте, какое же тут препятствие: почему его должно заботить это, когда речь идет о госпоже д'Абрантес, если все так ловко устроилось с госпожой де Берни? Кроме того, герцогиня на семь лет ее моложе. У него и в мыслях не было, что она отказывается стать его любовницей, так как слишком многие пользовались уже этим для достижения каких-то своих целей. Ему казалось, он чересчур уродлив со своим коренастым телом и беззубым ртом, а Лора не в состоянии оценить живость его ума и значимость произведений. Герцогиня согласилась на дружбу. Это все-таки лучше, чем ничего.

В ожидании перемен незадачливый сочинитель забрасывает ее письмами, подписанными – ставка в игре велика, и позволительны все козыри – Оноре де Бальзак. Уверяет, что покорен сильным, но таким радостным характером своей корреспондентки: «Чем больше я размышляю о вашей судьбе и природе вашего ума, тем больше меня увлекает мысль, что вы одна из тех женщин, чья власть длится дольше, чем это дозволяют законы для простых смертных… Мне хочется верить в это, и кажется, что природа отметила вас особой печатью. Разве один только случай позволил бы вам побывать во всех уголках нашей старушки Европы, которую расшевелил титан, окруженный полубогами?» Одновременно он защищается, поскольку все еще продолжает быть связан с другой цепями, украшенными цветами. Но готов подчиняться только ее вкусу и воле: «Если у меня и есть какие-то достоинства, то это энергия… Господство надо мной для меня невыносимо. От многих мест мне пришлось отказаться из-за необходимости соблюдать субординацию, и в этом плане я абсолютный дикарь». Именно декларации собственной независимости не хватает, чтобы поощрить зрелую женщину стать наставницей в жизни молодого человека. Бальзак прекрасно это знает и потому продолжает: в нем скрыто столько противоречий, и те, кто считает его пустым, упрямым, легкомысленным, непоследовательным, самодовольным, небрежным, ленивым, не слишком старательным, не умеющим мыслить, непостоянным, болтливым, бестактным, грубым, невоспитанным, невежливым, с переменчивым настроением, так же правы, как и те, кто видит, что он экономен, скромен, смел, стоек, энергичен, работоспособен, постоянен, молчалив, тонок, воспитан, всегда весел… Ничто его не удивляет в нем самом. Автор письма рисует свой портрет столь разными красками и таинственными мазками в надежде, что его получательница проявит мягкое любопытство и захочет заняться им. Оноре рассчитал верно: герцогиня д'Абрантес заинтересована, воодушевлена. Госпожа де Берни, угадав это, загрустила.

Начало нового романа омрачила болезнь Лоранс, у которой пятнадцатого марта родился второй сын, Альфонс. Сестра никак не могла поправиться после родов. Она жила с матерью в маленькой парижской квартире, зная, что вот-вот умрет, и грустно подводила итог своей неудавшейся жизни. Оставшегося в Вильпаризи отца нисколько не заботил ее жалкий конец. Он бодро писал племянникам тринадцатого августа 1825 года: «В мои 81 год здоровье мое продолжает оставаться неизменно прекрасным, благодаря разумному поведению, которому может следовать каждый смертный. Госпожа де Монзэгль, моя младшая дочь, мать двоих сыновей, в свои двадцать два года будет на небесах раньше, чем вы получите мое письмо, и это не может не вызывать сожаления. Моя старшая дочь, госпожа Сюрвиль, второй раз забеременела. Ее муж предложил проект канала, на сооружение которого необходимо семнадцать миллионов, правительство его одобрило, назначив господина Сюрвиля главным инженером строительства, дело теперь за деньгами… Оноре занят только литературой, пишет хорошенькие, интересные вещички, которые пользуются спросом». Так, в счастливом неведении, Бернар-Франсуа ставит в один ряд скорую смерть дочери, строительство канала, свое великолепное здоровье и мнимые литературные успехи сына. Все мешается в его злополучной голове. Оноре жалеет отца и списывает его цинизм на почтенный возраст.

Лоранс умерла одиннадцатого августа 1825 года. В апреле ей исполнилось двадцать три. Брат узнал об этом в Версале у Лоры, вторая беременность которой оказалась тяжелой. Щадя ее, близкие разрешают ей не соблюдать траур. Едва узнав о случившемся, Оноре пишет герцогине д'Абрантес: «Страданиям моей бедной сестры пришел конец… я уезжаю и не могу точно сказать, когда освобожусь от моих печальных забот. Я сразу вернусь в Версаль. Проявите хоть немного сострадания ко

мне взамен совсем иного чувства и не огорчайте меня тогда, когда, кажется, все несчастья сыплются на мою голову. Прощайте. Умоляю, не лишайте меня вашей дружбы. Она будет мне поддержкой в этих новых переживаниях».

Госпожа Бальзак тем не менее испытывала определенное облегчение при мысли, что смерть Лоранс снимет с нее некоторые заботы, и, неспособная посочувствовать горю близких, обращается к другой дочери, Лоре, со своего рода надгробной речью: «Как будто само Провидение руководило несчастьем, лишившим нас твоей сестры. Судьба оказалась великодушна по отношению к ней, мы должны благословить ее конец». Спустя годы Оноре безжалостно осудит отношение матери к смерти Лоранс: «Если бы вы знали, что за человек моя мать!.. Это монстр, нечто чудовищное! Сейчас она убивает мою сестру, убив уже бедную Лоранс и бабушку. Она ненавидела меня еще до моего рождения».

Событие это настолько потрясло Бальзака, что он решает провести некоторое время в Турени, дабы собраться с мыслями, надеется, что смена обстановки излечит его от зубной боли и нервного тика. Предварительно он сумел добиться от герцогини согласия уступить его страстным мольбам, и эта победа несколько скрасила потерю Лоранс. В письме, написанном новой любовнице из Саше, он чередует «ты» и «вы», называет ее «моя дорогая Мари», хотя герцогиня, как и его мать, сестра и госпожа де Берни, носит весьма распространенное в то время имя Лора. Но четыре Лоры – это слишком! Чтобы отличить герцогиню от всех прочих, нарекает ее Мари. Так, ему кажется, он и милую, нежную Dilect'у меньше обманывает. Герцогиня д'Абрантес, полюбившая общество Оноре, упрекала его в долгом отсутствии, настаивала на скорейшем возвращении в Версаль. В конце сентября 1825 года он отвечает ей: «Не думай, дорогая моя Мари, что я тебя совсем не люблю… Пишу это письмо, страдая так, что ничто не может мне помочь, я едва различаю бумагу. Душа моя полна милых ласк и воспоминаний. Вот что заставит тебя улыбнуться, моя дорогая, любимая Мари, я буду в Версале пятого или шестого октября, пусть даже и со всеми моими болячками».

Несколько дней он мечется между тщеславным желанием быть любовником герцогини (и это он, кого в семье считают неудачником!) и боязнью оказаться не на высоте из-за страшной зубной боли и нервного расстройства. Наконец, возвращается в Версаль, к великой досаде госпожи де Берни, которая будет ревниво вспоминать об этом и семь лет спустя: «Не другая ли заставила тебя вернуться из Тура в Версаль, чтобы утешать ее в горестях, которые эгоизм этой дамы несколько преувеличивал?» Приехал измученный, абсолютно больной человек, вынужденный разрываться между двумя любовницами: ему хотелось сохранить обеих; в первой привлекала ее материнская нежность, во второй – сила духа, легендарное прошлое и связи в высшем обществе. Но и этого было недостаточно, чтобы справиться с неудачами на литературном поприще. Только-только вышел «Ванн-Клор» и был обруган критиками, нашедшими в нем много общего с «Любовью ангелов» Томаса Мора. Лишь один, Анри де Латуш, опубликовал в «Le Pandore» две хвалебные статьи, превозноса талант автора, не владеющего пока стилем. Впрочем, Латуш не был вполне искренен, так как стремился во что бы то ни стало угодить издателю, на которого работал и сам. Книга не продавалась. Та же беда постигла и полное собрание сочинений Мольера. Оноре понимал, что дошел до последней черты. Он согласился на предложение родителей пожить у них в Вильпаризи. Близкие жалели его, но считали пустоцветом – никогда и ни в чем не удастся ему преуспеть, ни в литературе, ни в делах.

Четырнадцатого января 1826 года отец пишет Лоре Сюрвиль: «Оноре приехал сюда на прошлой неделе. Я понял, не сказав ему ни слова, что он в отчаянии и совершенно без сил. В течение четырех дней сын понемногу приходил в себя, не написав за это время ни слова. На пятый начал новый труд, настрочил около сорока страниц и в среду уехал в Париж, чтобы на другой день вернуться и приняться за работу. Мы с матерью оплатили его жилье, я вернул ему расписку в качестве новогоднего подарка. Говорю все это только тебе одной. Вернется ли он? Что собирается делать? Что будет делать? Мне ничего об этом не известно, знаю лишь, что в свои двадцать семь лет он перепробовал уйму всего, не сделав ничегошеньки полезного».

Время шло, то, что казалось «полезным» родителям Оноре, по-прежнему ускользало от него. На бумаге роились колонки цифр, в голове мешались сюжеты, но каждый раз события оказывались не в его власти. Бальзак-триумфатор его грез не подавал никаких признаков жизни. Как поступить: отказаться от мечты или продолжать верить в нее, несмотря на очевидную чрезмерность собственных амбиций?

Глава одиннадцатая

Обманутые надежды

Неужели Лафонтен, как и Мольер, вышел из моды? Книги не продавались, долги росли, компаньоны Оноре в панике разбежались. Но его это нисколько не заботило, он был рад оказаться один и при поддержке отца, госпожи де Берни и господина Дассонвилля решает отныне быть редактором и владельцем типографии в одном лице. Пятнадцатого июля 1827 года он договаривается с Андре Барбье, бывшим мастером в типографии Тасту, и считает собственное предприятие готовым к работе. Но прежде необходимо получить свидетельство, выдаваемое Министерством внутренних дел после предусмотренного полицейского расследования. Господин де Берни, сама любезность, используя связи в высоких сферах, добивается благоприятного отклика о заинтересованном лице: господин Оноре де Бальзак, «благовоспитанный молодой человек, правильно мыслящий, из обеспеченной семьи, учившийся праву, а также литератор». Оставшиеся экземпляры Мольера и Лафонтена были с убытками проданы владельцу книжного магазина Бодуэну, обязавшемуся позаботиться о том, чтобы удовлетворить часть кредиторов. Типография, расположенная на улице Марэ-Сен-Жермен и полностью оснащенная, была

куплена за шестьдесят тысяч франков благодаря ссуде, полученной от госпожи Жозефины Делануа, дочери банкира Думерка, верного друга Бальзаков. Родители Оноре выступили его гарантами.

Госпожа де Берни тоже не оставила его, готовая помочь материально, если выйдет какая-то заминка. Правда, выдвинула условие: он не должен больше видеться с герцогиней д'Абрантес, она слишком страдала от того, что появилась соперница, и теперь в обмен на свою преданность могла рассчитывать на верность Оноре. Как поступить? Какое-то мгновение ветреный любовник не знает, на что решиться: одна возлюбленная хранит воспоминания о наполеоновских походах, другая – искренне любит, да и ее финансовая поддержка никогда не будет лишней. Наконец, здравый смысл и благодарность берут верх, но не без сожаления отказывается Оноре от женщины с историческим именем ради не столь именитой вкладчицы в его предприятия. Брошенная из коммерческих соображений, герцогиня метала громы и молнии: «Этот разрыв смешон. Чтобы рассеять ваши опасения, скажу без гнева, что полное безразличие пришло на смену всему, что было до сих пор… Но не забудьте, что я женщина, и оставайтесь по крайней мере вежливы со мной, как всякий мужчина должен быть по отношению даже к падшему созданию. Если вы настолько слабы, что вынуждены защищаться, мне вас жаль. Это достойно только сострадания. Не потрудитесь ли вы вернуть мне книги, которые я брала в библиотеке Версаля и которые вы получили только благодаря моему имени».

Теперь надо было запустить машину, которую обслуживали тридцать шесть рабочих, что по тогдашним меркам было мизерным: у Дидо работали двести, у Эвера – пятьсот человек. Первый этаж дома занимала собственно типография, окна которой выходили на улицу Марэ-Сен-Жермен. По винтовой лестнице с железными перилами можно было подняться на второй этаж, где находилась квартира Бальзака: прихожая, столовая, спальня (огромная кровать скрывалась в алькове, стены, обитые голубым перкалем, сообщали этому уголку нечто серафическое). Госпожа де Берни наведывалась сюда каждый день, терпеливо сносила присутствие рабочих, шум машин, запах краски, бумаги, клея. Вместе с Оноре она склонялась над книгами счетов, выслушивала его сногсшибательные планы – Бальзак не умел размениваться на мелочи. Первого августа 1827 года он приобретает шрифтолитейную мастерскую, теперь, помимо Бальзака и Барбье, появляется третий компаньон – Жан-Франсуа Лоран. Госпожа де Берни мужественно субсидирует новое начинание.

Оноре располагает семью печатными станками, лощильным прессом и хорошим набором свинцовых букв, знаков, виньеток. Он готов принять любой заказ, печатает исторические мемуары, каталоги коммерческих фирм, рекламные объявления, дешевенькие брошюры, произведения Мериме, третье издание «Сен-Мара» де Виньи, который будет вспоминать о нем как об очень грязном, очень худом, чрезвычайно разговорчивом молодом человеке, путавшемся в своих речах и брызгавшем слюной из-за отсутствия всех передних зубов в его слишком влажном рту.

Несмотря на столь неприглядную внешность Бальзака, госпожа де Берни продолжала видеть в нем сверхчеловека, гениального, хотя и несколько несерьезного, суматошного. «Госпожа де Берни была для меня божеством, – будет он вспоминать годы спустя. – Была матерью, подругой, семьей, другом, советчиком, она сделала из меня писателя, она утешала молодого человека, плакала как сестра, смеялась, приходила каждый день как целительный сон, во время которого забывались все горести». Но и под нежным ее наблюдением Бальзак не замедлил запутаться в делах: он не умел считать, еще менее – предвидеть, управлял хаотично и, как всегда, видел только глобальное, двигался слишком быстро.

К началу 1828 года средства почти иссякли, забыв о хороших отношениях, потребовал вернуть долг господин Дассонвилль, заказчиков становилось все меньше. Госпожа де Берни начала подумывать, не ошиблась ли, поощряя любовника ввязаться в авантюру с типографией: ей было спокойнее, когда тот писал романы. И, будучи женщиной рассудительной, она скорее готова была простить неверность, чем пережить позор банкротства. В феврале, предвидя финансовую катастрофу, типографию покинул Барбье. Товарищество «Бальзак и Барбье» уступило место товариществу «Лоран, Бальзак и де Берни». Dilecta принесла с собой девять тысяч франков, теперь капитал составил тридцать шесть тысяч, восемнадцать из которых стоило оборудование, предоставленное Лораном. На счету Оноре был лишь долг в четыре с половиной тысячи франков. Извещения кредиторов заполонили его квартиру, лежали на столе, креслах, под часами. Ночами ему снились счета, днем он старался не смотреть в глаза рабочим, которым давно не платили.

В конце концов пришлось оставить квартиру, где слишком очевидны были свидетельства банкротства, и перебраться к другу, писателю Анри де Латушу. Потом, скрываясь за именем Сюрвиля, Бальзак снял квартиру на третьем этаже в доме по улице Кассини: так, казалось ему, будет спокойнее, никто не станет его тревожить. Но скоро положение товарищества стало внушать столь серьезные опасения, что он уступил Барбье за шестьдесят семь тысяч франков всю типографию – с оборудованием и даже разрешением на ее работу. Это позволило заплатить долги самым «голодным» кредиторам. В результате Оноре остался должен еще пятьдесят тысяч франков, сорок пять из которых – родителям. Те волновались, что сына посадят в тюрьму как злостного неплательщика, и госпожа Бальзак упросила своего кузена Шарля Седийо, помощника судьи, уладить дело полюбовно. Шестнадцатого апреля 1828 года он распустил шрифтолитейное товарищество «Лоран – Бальзак». Сын госпожи де Берни Шарль-Александр, которому только исполнилось девятнадцать и которого спешно объявили юридически дееспособным, возглавил предприятие.

Бальзак не был теперь ни шрифтолитейщиком, ни печатником, ни издателем, он и писателем-то едва ли себя ощущал. Тем не менее пребывал в уверенности, что знакомство с миром деловых людей было небесполезным: научился плавать среди акул. Это вспомнится, когда будут создаваться персонажи, сражающиеся за жизнь в неумолимом водовороте финансов. Действительно,

даже чудная госпожа де Берни, безгранично преданная своему любовнику, сумела извлечь выгоду из ликвидации товарищества, добившись назначения новым руководителем своего сына, который со временем сумеет поправить ситуацию. Но Бальзак, уступивший место, ничего не получит.

Он не держит зла на плохих советчиков или сотрудников и в восторге от своей новой квартиры. Добрый Латуш позаботился о ее убранстве: деревянная обшивка была тщательно вымыта, стены обиты голубым блестящим коленкором. Драпировка скрывала потайную дверь в ванную комнату с белыми оштукатуренными под мрамор стенами, которая освещалась окном с красными матовыми стеклами. Спальня, бело-розовая, приглашала заняться любовными играми. Главной заботой Бальзака стала покупка мебели и безделушек: за сорок франков приобретены были три ковра, за сто сорок – часы с желтым мраморным цоколем, книжный шкаф из красного дерева, на полках которого выстроились томики в темно-красном сафьяновом переплете. «У меня не слишком роскошно, – пишет он Лоре, – но чувствуется вкус, который всему сообщает гармонию». У обладателя столь элегантной квартиры и внешний вид должен быть соответствующим: Оноре заказывает у Бюиссона, улица Ришелье, 108, черные брюки за 45 франков, белый пикейный жилет – 15, синий редингот из тонкого сукна – 120, брюки из тика цвета маренго – 28 и пикейный светло-желтый жилет – 20. Желание хорошо выглядеть и восхищать столь сильно, что его не заботит вопрос стоимости покупок. Пусть другие, вроде честного Седийо, разбираются с векселями, он намерен наслаждаться жизнью, даже если придется умереть молодым. Тем более что портной Бюиссон оказался человеком понимающим и сочувствующим: уступив напору заказчика, соглашался на все отсрочки, верил обещаниям, не получая ни су, не сомневался, что однажды этот великодушный человек вернет все до последнего сантима.

Оноре считал вполне естественным, что столько людей стараются ради того, чтобы жизнь его была восхитительной: голова полна новых планов, сердце – любовью, довольствоваться обычной судьбой ему не годится. Он вновь продолжал соблазнять двух женщин одновременно: неизменную госпожу де Берни и настойчивую герцогиню д'Абрантес. Его удивило, что интрижка была и у отца в его восемьдесят с лишним лет. По словам госпожи Бальзак, ее муж обрюхатил деревенскую замарашку, родные опасались, как бы та не стала его шантажировать. Отец же был несказанно горд своей мужской силой, о чем, не таясь, делился с дочерью Лорой несколькими годами раньше: «У меня молодая, красивая и сильная любовница, к которой я привязан… Мне уже семьдесят семь, а я все еще силен в любви». Его супругу мало заботила измена этого полусумасшедшего старика, но как противостоять последствиям его похождений. Свою озабоченность она высказывает Лоре: «Во время родов его преспокойно облапошат, заставив сделать все, что угодно, напирая на его честолюбие и страх».

Дабы избежать скандала, всегда возможного в подобной ситуации, и чтобы быть поближе к Сюрвилям, Бальзаки решают переехать в Версаль. Оноре забавляет бегство потешного старика-волокиты. Отец представляется ему чудовищным эгоистом, стремящимся лишь к наслаждениям, смешным и уродливым эпикурейцем, персонажем какого-то романа. Хотя Бальзак больше не уверен в том, что ему хочется писать – он сыт по горло тем, что печатал произведения других. Случайному корреспонденту, барону Лёве-Веймару, который пытался привить на французскую почву немецкую литературу, он с горечью признается: «Уже давно я сам приговорил себя к забвению, публика грубо доказала мне мою посредственность. Я встал на ее сторону и забыл о литераторе, который уступил место печатнику».

Но, по правде говоря, именно теперь, разделавшись с типографией, он вновь подумывает о том, что лучшая в мире профессия – сидеть в одиночестве в тиши кабинета перед белым листом бумаги, с пером в руке и придумывать истории, за перипетиями которых будут следить тысячи незнакомых автору читателей.

Глава двенадцатая

«Шуаны» некоего Бальзака

Самый удивительный период в жизни любого литератора, когда он, мучимый желанием писать, не знает пока о чем. Долгие недели Бальзак чувствовал, что вновь готов взяться за перо, но, перебирая сюжеты, ни на одном не мог остановиться. Его интересовала история Франции, полная кровавых событий: он думал то о Варфоломеевской ночи, то об эпохе террора и восстании в Вандее, читал об этом в воспоминаниях Тюро и госпожи де ля Рошжаклен, погружался в сочинения Савари, среди которых была и «Война вандейцев». Но, как ни странно, высоко оценивая рассказы о происходившем у него на родине, больше думал о Вальтере Скотте и его романах, навеянных историей Шотландии, или Фениморе Купере с его «Последним из могикан», где индейцы сражались с бледнолицыми на просторах Нового Света. Его, Бальзака, «краснокожими» станут партизаны Нормандии. Инстинктивно Оноре понимал, что, добавив сентиментальный сюжет к их истории, сделает ее близкой всем. Он был уверен, что гордость, смелость, хитрость шуанов, их верность традициям заслуживают того, чтобы потомки воздали им должное. В то же время не хотел принимать чью-то сторону, достоверность картине придает, как ему казалось, только абсолютная беспристрастность автора. Братоубийственное противостояние «синих», республиканцев в душе, поставленных под ружье, в военной форме, с закаленными офицерами во главе, и «белых», фанатичных, неграмотных крестьян, взявших в руки старинное оружие и косы, одетых в козьи шкуры, подчиняющихся вернувшимся из Англии аристократам. Чем больше Бальзак узнавал об этих событиях, тем сильнее увлекали его заговоры, столкновения, перестрелки, пытки, любовные увлечения на фоне бури. Наконец, отвергает другие сюжеты ради шуанов. В 1827 году останавливается на названии «Молодец» и набрасывает предисловие. Оноре все еще не намерен печатать роман под собственным именем и выбирает псевдоним Виктор Морийон. Но работа так увлекает его, что он отказывается и от предисловия, и от псевдонима и окончательно решает, что автором романа – памятника литературы, коему не будет равных, – станет Оноре Бальзак.

Очень скоро ему становится недостаточно читать рассказы других – так не воссоздать атмосферу времени и места. Непременно надо самому отправиться туда, чтобы поговорить с людьми, осмотреться.

Оноре с одинаковым интересом вглядывается в души и вещи, ведь неожиданное выражение лица, пейзаж, безделушка, жест, манера одеваться, говорить, есть лучше всякого психологического анализа способны охарактеризовать человека. Автор так захвачен своими героями, что порой ему кажется, те заходят в комнату и склоняются над рукописью, он видит их во плоти, слышит голоса, вдыхает запах. Бальзак надеется, что читатели тоже примут их как живых людей, попутчиков, к которым привыкаешь в дороге.

И вновь его ободряет госпожа де Берни, которая каждый день наведывается к нему. Она приходит пешком, ведь поселилась совсем рядом, и шуаны вдохновляют ее гораздо больше, чем общение с поставщиками и клиентами в типографии. Друг Латуш – услужливый брюзга – тоже уверяет, что вандейская эпопея – золотое дно, публика с жадностью набросится на нее. К тому же исторические романы в моде: огромный успех выпал на долю «Сен-Мара» де Виньи, говорят, что Виктор Гюго принялся за события вокруг собора Парижской Богоматери. Все это не могло не подстегивать Бальзака: пора отбросить все сомнения – Франция ждет его нового творения. Но он поклялся не садиться за роман, пока не посетит место действия! И тут вспоминает, что когда-то в Туре отец был в хороших отношениях с генералом Франсуа-Рене де Поммерёлем. Тот умер в 1823 году, но его сын Жильбер, тоже генерал в отставке, живет в Фужере, самом сердце страны шуанов. У него прекрасный дом в городе и два замка неподалеку. Бальзак несколько раз виделся с ним в Париже и теперь со спокойной уверенностью обращается с просьбой приютить на некоторое время: «Я потерпел поражение в делах, но благодаря преданности матери и доброте отца удалось спасти честь семьи за счет моего состояния и их тоже, а потому в свои 30 лет я еще полон сил и отваги, а имя мое незапятнано… Я хочу вновь взяться за перо… которое поможет мне выжить и вернуть долг матери. Уже много месяцев я сижу над историческими трудами… По чистой случайности наткнулся на исторический факт, касающийся войны между шуанами и вандейцами в 1798 году, и хочу взять его за основу своего произведения. Оно не требует никаких дополнительных изысканий, кроме разве знакомства с местом, где все происходило. Сразу подумал о вас и решился просить вашего гостеприимства дней на двадцать – муза, ее рожок, бумага, а также я сам не слишком обременительны, хотя на самом деле второй моей мыслью было, что, вне всякого сомнения, помешаю вам… Но вообразите, генерал, все, что я прошу, это походная кровать, тюфяк, стол на четырех ножках, целый, стул и крыша над головой. Рассчитываю на вашу столь драгоценную и милую доброжелательность».

Поммерёль ответил, что будет счастлив видеть его, Бальзак немедленно пустился в путь. По дороге в Бретань заночевал в Алансоне, осмотрел город, в Фужере высадился с энтузиазмом исследователя, готового к встрече с неизвестным. Генерал и его жена встретили Оноре как давнего друга, хотя были едва знакомы с ним. Баронесса Поммерёль, гораздо моложе мужа, была очарована вновь прибывшим с горящими глазами и хорошо подвешенным языком, который так забавно рассказывал о своем путешествии, словно в брюхе у рыбы. «Это был мужчина небольшого роста, с большим животом, которого еще больше полнила плохая одежда, – вспоминает она позже. – Руки его были великолепны, шляпа – уродлива, но, когда он ее снял, все остальное оказалось неважным. Я смотрела только на его голову… Тот, кто не видел, не сможет понять, какими были его лоб и глаза: высокий, будто озаренный светом лоб и коричневые с золотом глаза, которые говорили обо всем с той же выразительностью, что и слова. У него был большой квадратный нос, огромный рот, который все время смеялся, несмотря на ужасные зубы, густые усы, очень длинные, зачесанные назад волосы, в это время, особенно сразу по приезде к нам, он был скорее худ и показался нам голодным… Набрасывался на еду и пожирал все, бедный мальчик… Ну, что еще сказать? Во всем его существе, жестах, манере говорить, держаться было столько доверия, доброты, наивности, свежести, что невозможно было, узнав, не полюбить его. Но самым удивительным в нем было его непременно хорошее настроение, бьющее через край и невероятно заразительное. Несмотря на пережитые несчастья, не пробыв у нас и четверти часа, не видав еще своей комнаты, он уже заставил нас, генерала и меня, смеяться до слез».

С первых дней путешественник и хозяева стали друзьями. Госпожа де Поммерёль считала своим долгом откармливать писателя, который казался ей чересчур исхудавшим для того, чтобы приняться за серьезное дело. Уступив ее настойчивому вниманию, Оноре ел за четверых и нарек баронессу «госпожой Бурран» (bourrant – по-французски означает сытную еду, переполняющую желудок). Он полюбил свою комнату, обожал хрустящее печенье на завтрак, с увлечением слушал рассказы генерала о гражданской войне, каждое утро осматривал с ним песчаные равнины, покрытые дроком и утесником, густые леса, в которых прятались шуаны, готовя засады, окрестности замка, где собирались те, кто стоял во главе восставших. Благодаря своему гиду познакомился с несколькими свидетелями трагедии, которые с ужасом вспоминали о жестокости «синих», записывал все, беспокоясь, что столь важные многочисленные сведения забудутся или перепутаются со временем. Как подчинить их себе, превратить в роман? Очень осторожно набрасывает Бальзак первые главы. Госпоже де Поммерёль не нравится название – «Молодец», он находит другое – «Шуаны, или Бретань тридцать лет назад», позже изменит его на «Последний шуан, или Бретань в 1800 году» и, наконец, в 1841 году просто на «Шуаны».

Латуш из Парижа торопил заканчивать подготовительные работы и скорее возвращаться на улицу Кассини с рукописью в багаже. Госпожа де Берни жаловалась, что ее опять оставили: «Дорогой мой, обожаемый, твоя кошечка хочет сидеть у тебя на коленях, обняв тебя, и чтобы ты положил голову ей на плечо… Посылаю тебе поцелуй, который ты так хорошо знаешь… Боюсь, как бы ты не задержался там слишком надолго. Но если тебе хорошо там и ты работаешь, я буду только рада. Дорогой, разум мой согласен принять все, что ты считаешь нужным, но сердце – слишком избалованный ребенок, чтобы добровольно согласиться на лишения».

Наконец Бальзак решает тронуться в путь, но, вместо того чтобы вернуться на улицу Кассини, останавливается в Версале, рядом с родителями и Сюрвилями. Отсюда пятнадцатого сентября 1828 года он пишет генералу де Поммерёлю, благодаря за чудесно проведенное время: «Я здесь работаю и не уеду, пока не завершу теперь уже не „Молодца", название, которое так не нравилось госпоже де Поммерёль, а „Шуанов, или Бретань тридцать лет назад"… Не думайте, что этим письмом я прощаюсь с вами, все время, что буду заниматься моим романом, мне будет казаться, что мы рядом в Фужере. Но за столом приходится забыть об этом – нет ни печенья, ни масла».

Латуш торопит, ему невмоготу ждать, пока Оноре отделывает каждую фразу, но Бальзак спешить не хочет – текст должен быть безупречен. Хорошо было бы выпустить его в двух томах форматом в восьмую долю листа, как это принято для качественных изданий, а не в двенадцатую, как поступают с самыми заурядными. Только в конце октября автор возвращается на улицу Кассини, куда призывает Латуша, чтобы прочитать ему роман. Тот взамен покажет несколько страниц из своей «Фраголетты», истории неаполитанского гермафродита. Привыкший к резким суждениям друга, Оноре ожидает суровой критики. Но тот восхищен и говорит, что видит роман в четырех томах, синем переплете, расходящимся, точно горячие пирожки.

Он готов обеспечить публикацию и говорит об издании романа с Юрбеном Канелем. Тот колеблется, Латуш берет на себя расходы по набору. Но о формате ин-октаво речи быть не может, достаточно двенадцатой доли листа. Всего получится четыре тома. Рукопись передана в типографию тринадцатого января 1829 года, контракт с издателем подписан пятнадцатого: тираж тысяча экземпляров с выплатой писателю скромной суммы в тысячу франков наличными. Впервые на титульном листе будет значиться имя Оноре Бальзака. Автор прекрасно понимает всю ответственность этого шага. Ему кажется, что таким образом удалось уйти от поделок, приблизиться к настоящему искусству. Стремление к совершенству заставляет без конца править гранки, на полях появляются добавления, исправления, приводящие сотрудников типографии в отчаяние. Все это задерживает выход романа, одновременно растет стоимость печати, Латуш торопит. Бальзак, напротив, смеется над коммерческими соображениями, литературная ценность – вот главное, книга должна быть безупречна. Чем больше он возвращается к ней, исправляет, тем сильнее верит в успех. В романе есть все необходимые составляющие: столкновение двух миров, двух моралей, напряженный сюжет, перестрелки, осада Фужера, захват дилижанса, ужас и ярость преследуемых священников, кровь на каждой странице, но и любовь повстанца Монторана к соблазнительной Мари де Верней, свадьба на скорую руку и, как неизбежное завершение драмы, напоминание об уважении, которое внушает солдатам честный неприятель.

Роман вышел из печати в марте 1829 года. Предваряя отправку экземпляра будущей книги, Бальзак писал барону де Поммерёлю: «Она немного и ваша тоже, так как в действительности составлена из историй, которые вы мне столь захватывающе и щедро рассказывали за стаканчиком чудного вина, пахнущего песками, и хрустящим печеньем с маслом… Все принадлежит вам, сердце автора, его перо, его воспоминания».

Вопреки ожиданиям критика встретила «Шуанов» недоброжелательно. Конечно, были и хорошие отзывы, в «Le Corsaire», например, принадлежавшем Лепуатевену, или в «Le Mercure du XIX-e siècle». Латуш, непосредственно заинтересованный в успехе новичка, расхваливал в «Le Figaro» «поэзию, силу выражения, оригинальность оттенков, высокий стиль», но не мог отказать себе в удовольствии и не осудить «ужасающее однообразие» целого, расплывчатые мизансцены и долгие описания, сбивающие с толку читателя. В «L'Universel» Бальзака упрекали за вычурный язык и постоянные отступления. Критик из «Trilby» нанес последний удар, заметив, что в романе очень запутанная интрига, слишком много невнятностей, чувствуется неопытность автора, плохо прописаны персонажи, и в довершение всего – невероятная разболтанность стиля, что, по всей видимости, писатель считает оригинальностью. И только «Revue encyclopédique» осмелился высказать мнение, что героиня «Последнего шуана» восхищает достоверностью, чувствуется знание материала и прекрасное владение информацией, что речь идет, даже если иметь в виду «Сен-Мара», о первом французском историческом романе. Но эта похвала появилась позже, в июне 1829 года было продано только триста экземпляров книги.

Латуш сожалел о потерянных деньгах, но втайне радовался неуспеху Бальзака. Спустя несколько месяцев увидел свет написанный им роман «Фраголетта». Его появление в книжных лавках Оноре приветствовал статьей в «Le Mercure» ни «за», ни «против»: «Лаконизм господина Латуша подобен удару молнии: вы ослеплены и не знаете, куда идти. И каковы бы ни были мои личные впечатления, это произведение призвано ослеплять, его нельзя ни хвалить, ни критиковать». Уклончивый отзыв задел друга, который был оскорблен. Они стали врагами. Хотя на самом деле их всегда разделяло слишком многое: манерного, любящего четкость и околофилософские рассуждения, замкнутого в себе Латуша не могли не раздражать экспансивность и шутки, простодушие и плохие манеры доброго малого Бальзака, Оноре с трудом выносил его мелочные придирки по любому поводу. Провал «Шуанов» ознаменовал конец их дружбы.

Бальзак потребовал, чтобы близкие воздержались от комментариев по поводу этого сочинения, особенно не хотелось ему выслушивать замечания матери. «Я увижусь с вами только после появления „Шуанов", – пишет он Лоре Сюрвиль четырнадцатого февраля, – и предупреждаю, что не желаю ни от кого ничего о них слышать, ни хорошего, ни плохого. Родные и друзья не в состоянии судить автора».

Но долго оставаться вдали от сестры, которой поверял свои тайны, не мог. Лора пыталась убедить брата, что роман хорош, что он найдет свой путь, несмотря на неудачу с продажей «Шуанов». Она гордилась им и пыталась познакомить со своими друзьями. Эжен Сюрвиль свел его с выпускником Политехнической школы, ныне преподавателем военного училища в Сен-Сире недалеко от Версаля Франсуа-Мишелем Карро и его женой. Урожденная Зюльма Туранжен в свои тридцать два года была

некрасива, но ее открытое, умное, по-мужски энергичное лицо никого не оставляло равнодушным. С первых же визитов в дом четы Карро Оноре нашел здесь понимание и поддержку, которых ему так не хватало: со стороны родных была только грусть, горечь и даже озлобленность. Отец сожалел, что пришлось покинуть Вильпаризи, где у него были свои «привычки», пичкал себя лекарствами и угасал на глазах. Мать упрекала сына в неблагодарности, в том, что тратит деньги на безделушки и одежду, будучи не в состоянии заработать себе на жизнь. Писателю, пыталась втолковать близким Лора самоотверженно, но, впрочем, безуспешно, необходим покой и комфорт, чтобы выносить шедевр. Не зная, к кому приклонить голову, Оноре вновь становится добычей герцогини д'Абрантес – они регулярно видятся у нее в доме в Версале. Ревнивая дама требует ради нее отказаться от старых «цепей», он слишком слаб, чтобы не дать обещания подчиниться. На деле прилежно продолжает навещать госпожу де Берни, которая, несмотря на свои пятьдесят два года, еще восторженнее, чем была, когда их роман только начинался. Теперь она обожает не только любовника, но и писателя, чей гений взошел не без ее поддержки. «О, ты, ты, божественный дорогой, – пишет она ему. – Я в восторге, полна воспоминаний, и это все, что мне остается. Как высказать тебе мое счастье?.. Что я могу сделать? Где найти силы, власть, все, что мне хотелось бы, все, что мне нужно, чтобы отплатить тебе за любовь». Госпожа де Берни знала, что Оноре проводит время не только у нее, но и у госпожи д'Абрантес, смиренно принимала его неверность из боязни потерять, порой пыталась урезонить: «Не верю, что эта женщина может и хочет быть тебе полезной… Она не хочет, так как не в Версале ты можешь сделать себе карьеру, но удались ты от нее, думаю, она не будет рада».

Когда госпоже де Берни казалось, что Бальзак в Париже, она шла пешком на улицу Кассини, чтобы застать его врасплох. Через раз ее останавливала на пороге горничная: «Господин вышел». Гостья понимала с полуслова: Оноре в Версале с другой. Считалось, что те двое трудятся над мемуарами герцогини, но они могли бы проявлять чуть меньше прилежания. Мучимая ревностью, госпожа де Берни упрекает Бальзака в непоследовательности: «Умоляю, скажи, могу ли я, забыв про солнце и дождь, прийти в три часа на улицу Кассини?.. Прощай, Диди… Прощай!» Раскаяние заставляет его сжалиться над безутешной Dilect'ой, но отказать пылкой герцогине он не в силах. Смутно ощущает, что эти две женщины дополняют друг друга, каждая по-своему, но они необходимы ему обе: госпожа де Берни – его общение с миром иллюзий, герцогиня – с самой реальностью, обманывая первую со второй он не столь виновен. Dilecta должна смириться с его похождениями, его идеальная, неземная любовь – все равно она. Но ее такое положение не устраивает, время от времени к ней возвращается вполне земной аппетит, и Оноре приходится доказывать, что она по-прежнему желанна. Бальзак уверен, что в ситуации, когда он разрывается между двумя столь несхожими страстями, его извиняет артистическая натура: право, долг писателя пережить как можно больше. Чем он будет питать свои романы, если станет руководствоваться благоразумием? Тем хуже для женщин, связанных с ним! Они заплатят за всех читательниц, что будут таять над его романами.

Такой взгляд нашел бы полную поддержку старого греховодника Бернара-Франсуа, но теперь не время думать о пустяках: здоровье отца ухудшалось с каждым днем. Тот, кто хвастался, что доживет до ста лет, опасается не перевалить за восемьдесят три, и никакие рецепты долголетия тут не помогут. В конце апреля 1829 года обеспокоенные врачи начинают говорить об абсцессе в области печени, который необходимо срочно вскрыть. Операцию сделали в больнице, но неудачно. Девятнадцатого июня Бернар-Франсуа умер. Отпевание состоялось два дня спустя в церкви Сен-Мерри, похороны – на кладбище Пер-Лашез.

Все состояние покойного было вложено в пожизненную ренту, вдова оказалась в весьма непростой ситуации: она имела право на свое приданое и материнское наследство, а также наследство племянника, что составило немногим менее двухсот тысяч франков, но наличность не превышала ста пятидесяти тысяч. Бальзаки не стали вступать в права наследования, так как каждый уже получил свою долю: Оноре – аванс в тридцать тысяч франков первого июля 1826 года, Лора – приданое на такую же сумму шестого декабря 1828 года. Госпожа Бальзак напрасно пыталась выторговать пятнадцать тысяч франков своему второму сыну, Анри, когда ему исполнится тридцать, и столько же немедленно для бывшего зятя, отвратительного Монзэгля. Оноре был в отъезде и не присутствовал на совещании у нотариуса. Смерть отца его глубоко взволновала. Посмеиваясь над старческими причудами Бернара-Франсуа, уловками и заботами в попытке избежать болезней, сын испытывал к нему благодарность: своеобразие, оптимизм, наивность этого человека даже в воспоминаниях продолжали очаровывать, контрастируя с жесткостью и авторитарностью матери. Рядом с ним он никогда не испытывал неловкости, в ее присутствии нередко ощущал себя чужаком в доме. И теперь потому предпочитает общество женщин, что ищет в них то, чего не получил в детстве от госпожи Бальзак.

Глава тринадцатая

Попутный ветер

Широкого круга читателей у «Шуанов» не оказалось, но некоторые весьма именитые люди, познакомившись с романом, захотели встретиться с автором. Бальзак, жадный до светской жизни, начинает усердно посещать среды художника Франсуа Жерара, где встречает известных Делакруа, Энгра, Ари Шефера, с увлечением прислушивается к их спорам. Но это утонченное наслаждение не идет ни в какое сравнение с гордостью и счастьем, испытанными им десятого июля 1829 года, когда он получает приглашение присутствовать при чтении Виктором Гюго его новой пьесы «Марион Делорм». В квартире прославленного писателя собрались Альфред де Мюссе, Альфред де Виньи, Сент-Бёв, Вильмен, Александр Дюма, Мериме. Оноре чувствовал себя карликом среди великанов. Пьеса имела настоящий успех, каждый считал своим долгом сказать о гении автора, который в двадцать семь лет создал столь значительные произведения, что может по праву считаться главой нового поколения романтиков. И хотя «Кромвель» для сцены совершенно не годится, «Марион Делорм» ожидает триумф. Бальзак присоединил свой голос к общему потоку похвал, хотя в душе посмеивался над их чрезмерностью. Литературные собрания, без

сомнения, привлекали его, но тайную зависть, прикрываемое улыбками лицемерие, темные расчеты и подсчеты, задрапированные блестящей беседой, он осуждал. Посмеивался над грубой лестью в адрес Гюго и страдал, что льстят не ему.

Тем временем герцогиня д'Абрантес обрела временное пристанище в Аббе-де-Буа, в своеобразном «приюте», который содержали монахини, но существовавшем независимо от монастыря. Ее соседкой оказалась госпожа Рекамье. Старая, величественная, без гроша, она царила в крошечной квартирке на четвертом этаже. Ее слава была столь велика, что знаменитости слетались к ней, словно мухи на мед. Полулежа на своей неизменной кушетке, она принимала Бенжамена Констана, Шатобриана, Ламартина…. Бальзак трепетал от уважения, когда эта живая легенда по просьбе герцогини согласилась увидеться с ним. По словам Этьена Делеклюза, он был полон наивного энтузиазма, предвидя встречу с замечательной женщиной, считал себя недостойным подобных почестей. А может, это было страстным желанием юноши, делающего первые шаги в свете, получить благословение известной особы? «Чтобы не броситься в объятия каждого из присутствовавших, ему потребовалось из последних сил прислушаться к остаткам здравого смысла», – напишет Делеклюз.

С удовольствием неменьшим посетит Бальзак креолку, бывшую когда-то «очаровательницей» Директории, Фортюне Гамелен, княгиню Багратион, вдову русского генерала, смертельно раненного в 1812-м во время битвы у Бородина, восхитительную Софи Гэ, за которой ухаживали все корифеи романтизма. Его интересовали знаменитости, являвшиеся в гостиных, и хорошенькие женщины, украшавшие собой салоны. Каждая казалась Оноре такой желанной: новые лица, тайны, в которые хотелось проникнуть, и будь он краше и остроумнее, ни одна не устояла бы перед ним. Но, несмотря на обожание госпожи де Берни, Бальзак прекрасно сознавал свои недостатки: отяжелевшее тело, порой вульгарный ход мысли, юношеское простодушие, страсть казаться значительнее. Удивление перед поведением женщин, восхищение ими заставляют вновь взяться за перо, он сочиняет «Физиологию брака».

Написанная «молодым холостяком» книга появляется в магазинах двадцатого декабря 1829 года. Бальзак вдохновлялся своими романами с госпожой де Берни и герцогиней д'Абрантес, несчастьями сестры Лоранс, разочарованиями сестры Лоры, горечью матери и сотнями других историй, которые услышал от доверившихся ему женщин. Книга была выдержана в разговорном ключе, философия молодого автора сводилась к осуждению замужества как заложника социальных условностей, вследствие которых мужчинам в большинстве своем нет дела до чувств женщин, по прихоти родителей переходящих из положения ничего не знающих девственниц в положение отверженных рабынь. Непонятые духом и телом, они подчиняются грубым мужьям, которые не в состоянии дать им утонченное наслаждение, и находят утешение в заботе о детях, ведении дома или погружаясь в пустую светскую жизнь. Единственное спасение из этого ада – адюльтер. Но если мужская измена позволительна и простительна в глазах правосудия, женская считается преступлением. Исследуя противостояние полов, Бальзак встает на сторону хрупких жертв закона, условностей и традиций. Даже описывая лживых, распутных женщин, находит им оправдание перед лицом тупой самоуверенности мужей. Вывод: замужество, выдаваемое за требование природы, в большинстве случаев противоречит ее законам. Взаимопроникновение, физическое и душевное, двух столь разных созданий не может принести счастья при подавлении одного из них. Тогда супружество обретает гармонию, когда мужчина отказывается от своей главенствующей роли, роли хозяина собственной жены, находит в себе силы попытаться понять ее душевный настрой и то, что может внушать ей отвращение в интимной сфере, то есть начинает относиться к ней, как к равной.

Зюльма Карро была шокирована цинизмом этого осуждения супружества и написала автору, высказав свое негодование. Тот отвечал: «Отвращение, испытанное вами при чтении первых страниц книги, которую я вам принес, доказывает, что вы не принадлежите миру лжи и неверности, что вы не знаете общества, в котором увядают все чувства, что вы достойны одиночества, возвеличивающего, облагораживающего и очищающего любого человека». Большинство же читательниц были в восхищении от этой «дьявольской книги»: в ней с такой силой прозвучали требования, которые сами они никогда не решились бы высказать вслух. Бальзак проиллюстрировал свою теорию примерами неудачных союзов, взаимных обманов, сломанных судеб, которые не могли не волновать женщин, бравших в руки «Физиологию брака». Они находили в ней не только сделанные с натуры наброски, но отклик, защиту, поддержку.

Успех книги заставил Бальзака пожалеть, что не опубликовал ее под своим настоящим именем, в конце концов он решил открыться: нельзя было не воспользоваться симпатией читателей, которую приобрел в качестве защитника прав женщин. Более того, Оноре решает на волне успеха этой темы отвлечься на время от исторических романов и заняться рассказами о нравах современного общества.

Он думает о коротких, правдивых историях, предназначенных прежде всего для журналов. Местом действия будет Париж или провинция, темой – семейная жизнь с ее тайнами, огорчениями и компромиссами, скрытыми за маской респектабельности. Большая часть «Сцен частной жизни» будет посвящена несчастьям этой самой жизни, духовным и физическим, о которых автор мог судить по собственному опыту: семейство Бальзаков, разрушительные последствия адюльтера, безразличия и ненависти; сестра Лоранс, обманутая и разоренная мужем; другая сестра, Лора, вынужденная смириться с весьма унылым существованием; мать, обожающая Анри, дитя ее грешной любви; отец, распутство которого было бегством от чудовищной скуки и бесконечной ругани. И деньги как движущая сила этих губительных процессов. Навязчивую идею разбогатеть воплощает собой ненасытный Гобсек, одержимый страстью к манипуляциям с деньгами, которые делают человека всемогущим. То же стремление к наживе мы находим во всех шести рассказах, составивших сборник: «Вендетта», «Гобсек», «Загородный бал», «Дом кошки, играющей в мяч», «Побочная семья», «Супружеское согласие». В каждом возвращается к

мысли о неудаче союза между мужчиной и женщиной, когда между ними стоит социальное неравенство, тщеславие и неудовлетворенность. Книга превращается в горестный перечень обманутых надежд.

«Сцены частной жизни» вышли из печати тринадцатого апреля 1830 года в двух томах ин-октавио у Марма и Делонэ-Валле. На титульном листе значилось имя Оноре Бальзака, получившего за сборник тысячу двести франков векселями. Ироничный тон «Физиологии брак» отпугивал многих читателей, но нельзя было не признать, что автор прекрасно знает женское сердце и продемонстрировал это в своих новых рассказах – жестоких и нежных одновременно. Теперь Бальзак не ошибся с выбором темы: книга была нарасхват в читальных залах, издатели выстраивались в очередь за его новыми произведениями, самые престижные газеты и журналы предлагали публикации. Оноре писал для «Le Voleur», «La Silhouette» и «La Mode» Эмиля Жирардена. Комментарии всегда остры, но он не решается, например, подписать рецензию на «Эрнани» Гюго, в которой осмеливается его критиковать, пока не чувствует себя на равных с литературными знаменитостями, среди которых особенно выделяются Гюго, Виньи и Нодье. И прежде всего Бальзака удручает собственная физическая непривлекательность. Вот что писал о нем молодой Антуан Фонтанэ: «И вот, наконец, я вижу это новое светило: толстый парень с живыми глазами, в белом жилете, с внешностью аптекаря, манерами мясника, жестами золотильщика, очень импозантного. Это великолепный деловой человек от литературы».

Другие, граф Фаллу, например, упрекали Бальзака в тщеславии, отсутствии вкуса, парадоксальности. Действительно, Оноре выделялся на фоне элегантных, хорошо одетых светских людей своим кругленьким животом, толстыми щеками, одышкой, отсутствием зубов. Но едва он начинал говорить, женщины забывали его вульгарную наружность и приближались, чтобы не упустить ни слова: он пока не принадлежал к их кругу, но был интересен и забавен. Что до мужчин, их больше всего смущала невозможность причислить этого новичка к определенному политическому лагерю: выходец из буржуазной среды симпатизировал либералам, осуждая революционные крайности; обе его любовницы принадлежали к высшему обществу, что не мешало ему высмеивать его нравы, которые превыше всего ставят происхождение, он почтительно относился к церкви, но порицал заблуждения верующих и без малейших колебаний создал в «Побочной семье» образ хитрого священника-карьериста. Однако излюбленной его мишенью была нетерпимость, он не прощал фанатизма любого рода, придерживался точки зрения, что государство должно поддерживать порядок, не прибегая к помощи силы. И народ, и супружеская чета могут обрести счастье только через компромисс.

В свете подобных воззрений покойный король Людовик XVIII, которого Бальзак критиковал когда-то за излишнюю мягкость, видится ему теперь благородным правителем, пытавшимся примирить вчерашних врагов. Он скончался шестнадцатого сентября 1824 года, на престол взошел Карл X, не склонный поддерживать политическое равновесие, опиравшийся на правых экстремистов, что вызывало недовольство части палаты депутатов. Оноре все больше сожалел об ушедшем монархе, хотел бы, чтобы новый король основывался на опыте предшественника, пытаясь приглушить распри, раздиравшие страну. Сторонница республиканцев Зюльма Карро упрекала Бальзака за сочувствие Людовику. Писатель отвечал: «Не обвиняйте меня в отсутствии патриотизма, мне свойственно ошибаться в оценке людей и событий. И я испытываю при этом те же чувства, что другие, обнаружив свое удручающее финансовое состояние. Правительственный гений в эпоху революций состоит в том, чтобы призвать народ к объединению, это сумели сделать талантливые Наполеон и Людовик XVIII». По Бальзаку, правитель должен руководствоваться прагматизмом, по Карро – общими соображениями. Бальзак – воплощение реальной жизни, Карро – на стороне утопии.

Устав от шумной, светской парижской жизни, Оноре всегда возвращался к госпоже де Берни, которая, знал, одобрит его воззрения, поможет продолжить работу. Как женщина она перестала для него существовать: похудела, побледнела, взгляд потускнел, улыбка скорее грустная. Теперь это всего лишь воспоминание юности, но какое воспоминание! Бальзак был глубоко признателен ей за то, что сделала из него мужчину и писателя, в течение многих лет не жалея нежности, терпения, материнского обожания. Только рядом с ней он мог работать. Невозможность вернуть ей ее былую красу заставляла его почти страдать.

Весной 1830 года Бальзак решает удалиться вместе с ней на несколько месяцев в Турень, в Сен-Сир-сюр-Луар, где малышом жил у кормилицы. Он снимает старую, милую усадьбу Гренадьер с видом на долину Луары. Прежде чем осесть здесь, они спускаются по реке, останавливаясь в Сомюре, ле Круазике, Геранде, восхищаются городками, вдыхают океанский воздух, убеждая себя, что счастье разлито повсюду и только в парижском муравейнике его не встретишь. Бальзак заявляет, что покорен Туренью. «Добродетель, счастье, жизнь на берегу Луары за шестьсот франков годового дохода», – пишет он Виктору Ратье, главному редактору «La Revue de Paris». Из глубины сельского уединения подтрунивает надо всем светом, с презрением взирает на суету политиков. «Когда видишь эти прекрасные небеса чудной ночью, хочется расстегнуть штаны и помочиться на головы всех правителей». Чтобы развлечься и заработать, Оноре на скорую руку сочиняет «Трактат об изящной жизни», это шутливая дань уважения праздным людям, которые, подобно денди Брюммелю, превыше любого искусства, любой философии ставят манеру одеваться. Совершенно вторичное, по ее мнению, произведение разочаровало госпожу де Берни, но Бальзак слишком уверен в себе, чтобы обращать внимание на замечания состарившейся любовницы. Уезжая в Париж, она увозит с собой начало рукописи.

Столица бурлила. Ультраправое правительство, назначенное Карлом X, возглавил князь де Полиньяк, известный приверженностью абсолютизму. Ослепленный победами французского экспедиционного корпуса, он рассчитывал на поддержку общественности, распуская Национальную ассамблею, подписывая указ об изменениях в законе о выборах, налагая

ограничения на свободу прессы. Большинство выборщиков проголосовало против этих неосторожных решений, партия роялистов набрала лишь сто сорок три голоса против двухсот семидесяти четырех, отданных либералам. С этого момента противостояние монарха и страны стало неизбежным. Бальзак прекрасно знал о происходящем, но не собирался покидать свое убежище: предпочитал быть над схваткой, которая издалека, с берегов Луары, казалась смехотворной.

Двадцать первого июля он решает немного проветриться и отправляется в окрестности Тура, в Саше, здесь живут его друзья Маргонны. Жара стояла чудовищная, земля пылала. Обливаясь потом, тяжело дыша, прислушивался Бальзак к скрипу мельниц, этому голосу долины Индры, восхищался прозрачными водами реки и старался убедить себя в том, что никакие политические соображения не стоят того, чтобы ради них отказаться от наслаждения природой. И все-таки слухи из Парижа до него доходили, он не мог оставаться совсем в стороне, хотя волновали его не устремления отдельных партий, а борьба бедных против богатых за лучшую жизнь. Оноре опасался мятежа бедных, которым не повезло в жизни, с кем обошлись несправедливо, крови, могущей пролиться, как во времена революции. Впрочем, восстание в Париже с баррикадами, перестрелками и прокламациями продолжалось недолго, да и размах был не тот. Три дня – 27, 28 и 29 июля, прозванные славными, ознаменовались двумя сотнями убитых со стороны сил правопорядка и почти двумя тысячами – восставших, но победа осталась за теми, кто вышел на улицы. Король вынужден был отречься от престола, Луи-Филипп, герцог Орлеанский, назначен был сначала наместником, а потом избран согласно хартии. Говорили, что он республиканец по духу. Как бы то ни было, он не стал именовать себя «королем Франции милостью Божьей», но «королем французов», не стал короноваться в Реймсе, а только принес присягу. Издалека Бальзаку это показалось вполне приемлемым решением.

Госпожа де Берни умоляла Оноре вернуться в Париж: три «славных дня» нисколько ее не тронули, она прислушивалась только к биению своего влюбленного сердца. В ее письмах нет ни слова о политических бурях, только о чувствах: «О, моя нежная и милая надежда, вернись в мое сердце, в котором я ласкаю тебя, покажись, мой дорогой, мой властелин, извести о своем приходе».

Но Бальзак хочет возвратиться в Париж не раньше, чем будут закончены рукописи, которые можно обсуждать с издателями. Можно было бы попытаться воспользоваться сменой режима и получить какую-нибудь должность, но подобная перспектива его не привлекает: он посмеивается над некоторыми своими собратьями, устремившимися на освободившиеся места. Вокруг раздают награды сочувствующим: Жирарден назначен генеральным инспектором музеев и художественных выставок, Стендаль – консулом в Триест, Дюма – хранителем библиотеки, Мериме – чиновником в Министерство торговли и общественных работ, Филарет Шаль – атташе посольства в Лондоне, Огюст Мине – сотрудником архива Министерства иностранных дел… Бальзак составил себе мнение об этой новой революции, еще не добравшись до порога дома на улице Кассини: ее совершили молодые и бедные ради того, чтобы старые и богатые жили спокойно под защитой закона. Тем не менее не мог не признать, что структура общества несколько изменилась, средний класс приобрел определенное влияние, готовый под руководством осторожного короля и боязливой палаты депутатов мудро, следуя традициям, служить на пользу стране. Следуя этим целям, необходимо было как можно скорее устранить тех, кто до сих пор подавлял средний класс, и одновременно бдительно следить, чтобы его не смели темные народные массы, вернувшиеся, к счастью, после стычек в свои мастерские и трущобы.

В сентябре Бальзак с сожалением все-таки расстался с Туренью и окунулся в суету парижской жизни. Его звали на помощь Карро: вследствие недавних административных преобразований муж Зюльмы рисковал лишиться своего поста в Сен-Сире. Несмотря на хлопоты друзей, он был назначен инспектором на пороховой завод в Ангулеме, что было, несомненно, плохо скрытым понижением. И все-таки принять решение вернуться в столицу Оноре заставили не неприятности Карро, не мольбы брошенной госпожи де Берни – Эмиль де Жирарден заказал ему для «Le Voleur» серию статей, озаглавленных «Письма о Париже». По настоянию провинциальных читателей он должен был анализировать состояние умов в столице после июльской революции. А это возможно только с места события.

Начиная свое сотрудничество с «Le Voleur», писатель решил для себя, что будет беспристрастен и ограничится лишь ироничными зарисовками некоторых участников мятежа. Он высмеивал так называемых героев, ни разу не вышедших из своей комнаты, пока на улицах шли бои, провозгласивших свои «орлеанские» принципы, едва был наведен порядок, и оказавшихся в результате на самых теплых местах. Считал, что новое правительство ничем не отличается от предыдущего. Понемногу начинал сомневаться в добрых намерениях Луи-Филиппа. Осмелился сказать о своем разочаровании в «Карикатуре». Наблюдая за согражданами, примерившими новый костюм, Бальзак приходит к выводу, что несколько стариков, прочно занявших места у власти, лишают страну всякой надежды на величие. Судьба Франции отнюдь не в руках молодых, энергичных победителей Июльской революции, ею распоряжаются мелочные, эгоистичные лавочники, изворотливые банкиры, главы семейств, озабоченные лишь тем, как продвинуть на ключевые посты свое потомство. Да, кокарда и трехцветный флаг пришли на смену белому, но в основании ничего не изменилось. Луи-Филипп сколько угодно может заказывать Делакруа «Свободу на баррикадах», свобода эта остается только мифом, народ, не удовлетворенный своей победой, вынужден заново мостить улицы. Автор констатирует это с горечью, но вполне философски. Он сердится на отсутствие у народа боевого духа, но его не может не радовать установившийся статус-кво – это позволяет ему спокойно продолжать карьеру литератора. Что, если бы к свержению Карла X привела кровавая революция? Был бы он счастливее? Вне всяких сомнений – нет. Даже если бы восторжествовали идеи, приверженцем которых он является, ему не хватало бы тишины, столь необходимой писателю. Одно дело рассказывать истории, чтобы развлечь современников, другое – призывать их к восстанию, свержению строя, который, несмотря на все его недостатки, все-таки обеспечивает ваш личный покой. Свое политическое кредо Бальзак ясно изложил в письме к раздражительной Зюльме Карро: «Франция должна быть конституционной монархией, должна иметь королевскую

семью с наследственной передачей власти, влиятельную палату пэров, представляющую собственность со всевозможными гарантиями наследования и привилегиями, природу которых надо обсуждать, вторую палату, выборную, представляющую интересы среднего класса, промежуточное звено между занимающими высшее положение в обществе и теми, кого я называю народом. Законы и их здравый смысл должны служить делу просвещения народа, то есть людей, у которых нет ничего, – рабочих, пролетариев, чтобы возможно большее их число стало средним классом. Но народ должен оставаться под достаточно сильным гнетом, все же имея при этом возможность рассчитывать на… помощь, процветание и защиту, и чтобы ничто не заставило его волноваться… Правительство должно быть сильным. Таким образом, правительство, богатые и буржуа должны быть заинтересованы в том, чтобы низшие классы были счастливы, средний класс становился более многочисленным, так как именно в нем истинное могущество государства… Пусть надо мной смеются, называют меня либералом или аристократом, я никогда не откажусь от этих взглядов».

Но каковы бы ни были объяснения, хаос представляется Бальзаку абсолютно неприемлемым для его писательского труда.

Часть II

Счастье быть писателем

Глава первая

«Шагреневая кожа»

Вслед за Оноре все семейство Бальзаков вдруг оказалось одержимо желанием преуспеть. Эжен Сюрвиль, муж Лоры, решив, что занимаемая им должность в Управлении по строительству мостов и дорог недостойна его способностей, в 1829 году оставил это место (к тому же и заработок был не слишком велик). Выдвинув идею создания обводного канала, соединяющего Орлеан и Нант, он решил переквалифицироваться из чиновника в независимого дельца. В 1830 году Сюрвили покинули Версаль и обосновались в особняке на бульваре Тампль в Париже – именно в столице инженер намерен был сколотить состояние. Впрочем, разрешение на строительство канала пока получено не было. В ожидании Эжен занялся поиском сторонников, готовых вложить деньги в подготовительные работы. Надежная финансовая поддержка была получена со стороны Поммерёля, шевалье де Валуа, доктора Наккара и собственной тещи. Та, хотя и получила после смерти мужа определенное наследство, была заворожена сногсшибательными прибылями, которые сулил зять: он уверил госпожу Бальзак, что в самом скором времени ее состояние удвоится.

Дело, казавшееся на первый взгляд таким простым, застопорилось, затягивались переговоры. Отчаянный республиканец Сюрвиль видел объяснение этому в заговоре иезуитов, выступавших против его проекта. Теща не на шутку забеспокоилась, ей очень нужны были деньги: Оноре, по-прежнему витавший в облаках, и не думал возмещать ей потраченное на сына; средства требовались детям Лоранс, да и дочерей Лоры – Софи и Валентину – когда-то придется пристраивать. Если бы хоть любимчик Анри радовал мать! Но, протирая штаны на скамейках лучших пансионов Франции, тот только расстраивал учителей своей ленью и бесхарактерностью. Он пробовал себя на разных поприщах, мечтал выучить несколько языков и сделать выдающуюся карьеру, но кончил тем, что 31 марта 1831 года отбыл на парусном судне «Магеллан» искать счастья в колониях. В июне молодой человек был уже на острове Маврикий, где и решил остаться, женившись на вдове пятнадцатью годами старше его, с ребенком и некоторыми средствами. Что было делать матери: радоваться или огорчаться? Госпожа Бальзак была сломлена происходившим вокруг.

На деле единственным из ее детей, кто умел сухим выходить из воды, оказался шалопай Оноре, от которого поначалу, казалось, нечего ждать: книги его хорошо продавались, имя мелькало на страницах газет и журналов, он знал весь Париж. Но жизнь вел беспорядочную, тратил гораздо больше, чем зарабатывал, не прислушивался, как, впрочем, всегда, к материнским призывам к умеренности.

В это время Бальзак впервые почувствовал, что выбрал правильное направление. После признания «Физиологии брака» и «Сцен частной жизни» он решил упрочить успех – его новое творение должно потрясти всех. С некоторых пор им завладел странный сюжет, в записной книжке появляются строки о восточной сказке, истории куска кожи, являющего собой саму жизнь. Оноре даже придумал название – «Шагреневая кожа». Сначала будущее произведение представлялось ему полным тайн, наподобие сказок Гофмана, в которое он вложит всю свою фантазию и отчасти – метафизические воззрения. В письме к неизвестной он говорит об этом как о литературном пустяке, где тем не менее попытается описать ситуации из суровой реальности, в которых оказываются гениальные люди, прежде чем кем-то стать. Повод поговорить об этом – талисман, кусок шагреневой кожи с посланием на санскрите, который позволяет ее владельцу исполнять все желания, но после исполнения каждого размер кожи уменьшается пропорционально обретенному счастью. Когда она превратится в ничтожный лоскуток, ее обладатель должен умереть. Поэтому во имя долголетия не следует эту жизнь чересчур любить: любая воплощенная мечта – шаг к гибели, всякая удавшаяся попытка успеха приближает к уходу в «никуда». Долголетие – синоним отказа от желаний, надо выбирать: сжигать свечу сразу с обоих концов, познать как можно больше земных радостей или только присутствовать на чужом празднике, забившись в одиночестве в темный уголок, словно скупец на сундуке с золотом.

Герой романа – Рафаэль де Валантен – двойник Бальзака. Бедный, отчаявшийся, на грани самоубийства, он оказывается в лавке старика-антиквара среди невероятных вещей. Старьевщику сто двадцать пять лет, это результат сурового воздержания от всех соблазнов жизни. Он соглашается уступить Валантену драгоценный талисман. «Сейчас я вам в коротких словах открою великую тайну человеческой жизни. Человек истощает себя двумя инстинктивно осуществляемыми актами – из-за них-то и иссякают источники его бытия. Все формы этих двух причин смерти выражены в двух глаголах: *желать* и *мочь*. Между этими двумя пределами человеческой деятельности находится иная формула, коей обладают мудрецы, и ей обязан я счастьем моим и благоденствием. *Желать* сжигает нас, а *мочь* разрушает, но *знать* дает нашему слабому организму возможность вечно пребывать в спокойном состоянии. Итак, желание, или хотение, во мне мертво, убито мыслью…»[9]

Чем больше Бальзак углубляется в эту тему, тем сильнее увлекается ее страшной философией. Думает о своем отце, который, подобно старику-антиквару, предпочел уединение и покой провинции блестящей и полной соблазнов жизни большого города. В отличие от Бернара-Франсуа, Оноре обожает разгул, светские развлечения, роскошь, любовные похождения. Он ненасытен и ни в чем не может отказать себе, оказавшись за накрытым столом. Бернар-Франсуа был экономен в своих чувствах, его сын – расточителен. Отец выстраивал судьбу осторожно, словно карточный домик, Оноре переиначивает свою снова и снова. Да, они с его героем скроены по одной мерке.

Антипод Валантена, с его жаждой удовольствий и мечтами о славе, богатстве, любви, карьерист Растиньяк, восхищается им, но находит безрассудным. Для него успех в жизни – результат холодного расчета, умения воспользоваться ситуацией, пусть даже за счет лучших друзей. Он представляет Валантена прекрасной, но холодной графине Теодоре, несчастный влюбляется в эту женщину с камнем вместо сердца.

Торопясь исполнить свои бесчисленные желания, он то и дело обращается к шагреневой коже, и вдруг, когда, кажется, осуществятся самые сладостные мечты, ее последний клочок съеживается на глазах у Рафаэля. В ужасе он решает впредь отказаться от всяких желаний, но дни его сочтены: Валантен тратит их на ненужные встречи, он променял главное на пустяки. Молодой человек умирает в объятиях Полины, своей любовницы, которая готова убить себя ради его спасения.

Эта философская сказка вполне передает круг вопросов, которые заботят автора: смерть и радость жизни, поиск всепоглощающей любви, желание властвовать, могущество денег, противостоящие друг другу материализм и идеализм, вечный конфликт души и тела.

Еще не завершив роман, в январе 1831 года Бальзак продает его Шарлю Гослену и Юрбену Канелю за весьма скромную сумму – тысяча сто тридцать пять франков. Но работа затянулась: слишком многое отвлекало Оноре от письменного стола. Подобно своему персонажу, он не мог ответить отказом ни на одно из приглашений, лишить себя малейшего удовольствия. Усердно посещает Эжена Сю и его любовницу Олимпию Пелисье, грацию и обхождение которой находит заслуживающими внимания. Поговаривали, что как-то Оноре спрятался в ее комнате, чтобы увидеть ее раздетой. Госпожа де Берни, до которой дошли эти слухи, не нашла в себе сил ревновать. Эжен Сю и его подруга принимали у себя герцога Фитц-Джеймса, герцога Дюра, Ораса Верне, Россини… От них Бальзак спешил в парижские кафе, коих был завсегдатаем. Если только не отправлялся навестить другую пару – Аврору Дюдеван (будущую Жорж Санд) и Жюля Сандо. Аврора, знавшая толк в мужчинах, в полной мере оценила дар собеседника этого полного, жизнерадостного молодого человека. Одному из своих друзей она писала, что если тот не в состоянии оценить обаяние господина Бальзака, значит, никогда не узнает, что такое магия взгляда и взаимное влечение двух душ.

Оноре ликовал, примеряя на себя платье успешного литератора. Теперь он зарабатывал достаточно (и книгами, и статьями), чтобы купить лошадь, кабриолет, упряжь, фиолетовую попону с вышитой козьей шерстью короной. Спустя месяц его кабриолет везли уже две лошади. Теперь необходимо было обзавестись грумом, который взял бы на себя заботу о животных. Бальзак нанимает юного Леклерка и заказывает для него у Бюиссона голубую ливрею, зеленую американскую фуфайку с красными рукавами и штаны из белого в полоску тика. Наконец можно появляться на светских приемах, в Опере и у Итальянцев без боязни быть осмеянным. Одновременно Оноре договорился с домовладельцем об увеличении вдвое своих апартаментов. Соответственно вдвое возросла и плата за них. Впрочем, его это мало заботило: перо окупит все. Он весело залезает в долги, чтобы обить стены гостиной серой, а столовой – светло-коричневой дорогой тканью. В его квартире полно ковров, зеркал, резная, с позолотой мебель, мраморная ванна. Спальня достойна первой брачной ночи юной герцогини. Оноре дает щедрые, утонченные обеды, во время которых то и дело откупориваются бутылки с шампанским. Ради этих безудержных трат он работает днем и ночью (в перерывах между выходами в свет): чтобы опубликовать сорок одну повесть, ему потребовалось немногим более года.

Внезапно Бальзак решает оставить парижскую кутерьму, забиться в нору где-нибудь в провинции и спокойно поработать. В марте он уезжает к чете Карро в Ангулем, в апреле перебирается в поместье Булоньер, которое госпожа де Берни сняла недалеко от Немура. Здесь Оноре занят «Шагреневой кожей», но вдруг на него нападает политическая горячка: ему приходит безумная мысль выдвинуть свою кандидатуру на выборах 1831 года. Это принесло бы двойную известность – писателя и депутата. Молодой человек ведет себя так, словно у него есть талисман, выдуманный им для героя «Шагреневой кожи»: нет ничего невозможного и не надо несколько жизней ради того, чтобы узнать все земные наслаждения. Если жизнь от этого станет короче, пусть, зато какой яркой она будет.

Но стать кандидатом на выборах может лишь тот, кто ежегодно платит в казну не менее пятисот франков, налоги Оноре в 1831 году почти в десять раз меньше. Что делать? Ловкий маневр, и вот он уже номинальный владелец поместья матери. Теперь осталось обзавестись избирателями. Поддержку в Камбре ему обеспечит Самюэль-Анри Берту, владелец местной газеты, в Фужере – барон де Поммерёль, в Туре – адвокат Амедей Фоше, явно ему симпатизирующий. Короче, надо решать. Этого Бальзак сделать не в состоянии.

Чтобы как-то приступить к делу, пишет «Оценку деятельности двух правительств» (Жака Лафита и Казимира Перье), где говорит о необходимости народного просвещения и создании правительства, основой деятельности которого был бы договор о взаимном согласии между богатыми и бедными. Это не могло не понравиться и нуждающимся в защите широким массам, и опасающейся потрясений элите. Казалось, удача на стороне Оноре, но читатели оказываются ему дороже избирателей, воображаемый мир – ближе реального. И вообще, он предпочитает свою комнату, в которой пишет из любви сочинять истории, а не Палату депутатов с их бесконечной болтовней. Отказавшись от затеи с выбора-ми, Бальзак решает не ехать в Камбре на встречу со своими сторонниками и остается в Булоньере, подле госпожи де Берни, молчаливо одобряющей этот неожиданно мудрый поступок.

Шарлю Гослену отступать некуда, он настойчиво призывает Бальзака прислать обещанную «Шагреневую кожу». Но писателя уже одолевают новые желания. Вдруг он находит разумным жениться на некоей Элеоноре Малле де Трюмильи, чьи родители располагают солидным, честно нажитым капиталом. Подобная перспектива беспокоит госпожу де Берни, которая не хочет терять своего любовника. Впрочем, отвращение Оноре к законному браку столь сильно, что и эта затея тоже оставлена (как чересчур буржуазная). Он непременно должен пробиться к славе один, никто и ничто не должно связывать ему руки. Быть может, счастье принесет «Шагреневая кожа» и автор сумеет насладиться им прежде, чем она неумолимо начнет уменьшаться?

Наконец книга вышла из печати. Оноре изнемогал от усталости, волновался, как примет публика эту дьявольскую историю. Чтобы задать нужное направление отзывам критики, Бальзак самолично написал для «La Caricature» хвалебную статью, которая была опубликована под псевдонимом граф Александр де Б. Впрочем, мнение журналистов не разошлось с его собственным. За исключением Сент-Бёва, который посчитал роман мерзким и аморальным, все наперебой расхваливали достоинства «Шагреневой кожи»: «La Revue des Deux Mondes» – «Это не Рабле, не Вольтер, не Гофман, это – Бальзак»; «Le Quotidien» – «Его книга – маленькое чудо искусства, произведение, сверкающее драгоценным красноречием»; «L’Artiste» – «Господин де Бальзак вошел в число лучших наших сочинителей… Все шумят, входят, выходят, возмущаются, кричат, вопят, играют, упиваются, впадают в безумство, тщеславие, умирают, раздражаются; бесконечные удары, поцелуи, душевные раны; сладострастие, огонь, железо. Вот „Шагреневая кожа“. Это книга разбойника, поджидающего нас на краю леса».

Количество проданных экземпляров говорило само за себя, и профессиональные критики не могли не признать достоинства романа. Эта история страсти и разочарования заставила трепетать романтиков. Она поражала сочетанием реализма и магии, точностью описаний и фантазией. Одни увидели в ней осуждение праздности, другие – гимн современным порокам. «Фауст» наоборот, «Вертер» с метафизической безнадежностью. Короче, чтобы не отстать от века, книгу эту следовало прочитать. Бальзак, казалось, немало удивлен был ее успехом, ведь поначалу она казалась ему довольно абсурдной историей, призванной рассеять скуку. Но нельзя было не признать: три крупных произведения, написанные им за три года, позволили ему сразу стать писателем первой величины.

Роман расходился так быстро, что Оноре пришлось подписать с Госленом новый контракт, дающий издателю право отпечатать еще тысячу двести экземпляров и опубликовать восемь-десять повестей и философские рассказы, которые увидят свет в газетах и журналах. Передача прав принесла Оноре четыре тысячи франков в векселях.

Он немедленно принялся за выполнение соглашения, благо в диковинных сюжетах недостатка не было. В «Эликсире долголетия» умирающий отец дона Хуана просит сына после кончины смазать его тело таинственным эликсиром, который помогает воскреснуть. Но тот, рассчитывавший на наследство, не выполняет просьбу, сохранив эликсир, чтобы со временем самому им воспользоваться. В конце своей развратной жизни он обращается к сыну с просьбой, в которой когда-то отказал отцу. Филипп подчиняется. Едва он намазывает руки и голову покойного, тот оживает и крепко обнимает его, в ужасе роняющего флакон. Донна Эльвира, жена дона Хуана, призывает священника, который подтверждает чудо. Подлого злодея торжественно канонизируют. Во время обряда ожившая голова обвиняет верующих в том, что тем самым они оскорбляют дьявола. Оторвавшись от тела, она бросается на священника. И в этой истории просматриваются любимые темы Бальзака: долголетие, взаимоотношения отца и сына. Никому не уйти от смерти, и это лучшее доказательство существования Бога.

В «Красной гостинице» молодой немец Герман, обедая у богатого банкира Тайфера, рассказывает историю преступления, совершенного в 1799 году в Андернахе, не подозревая, что сидит за столом с убийцей. На самом деле преступление замыслил и подготовил другой человек, но исполнил Тайфер, тот же был расстрелян вместо него. Видя реакцию банкира, рассказчик понимает, что была совершена чудовищная судебная ошибка. Угрызения совести, нервный припадок банкира. Герман, влюбленный в его дочь Викторину, не знает, как поступить: вправе ли он жениться на хорошенькой богатой девушке, если знает, что на руках ее отца – кровь? Советуясь с друзьями, обращает внимание на мудрое замечание одного адвоката: «Что было бы со всеми нами, если бы пришлось задаться вопросом происхождения большинства состояний?» В этой ловко скроенной истории две драматические развязки. Во-первых, автор задается вопросом, кто является истинным преступником – организатор или исполнитель? И не грех ли со стороны рассказчика, узнавшего правду, воспользоваться ситуацией и строить

семейное счастье, опираясь на деньги, полученные столь страшным путем? «Красная гостиница» была опубликована в «Философских повестях и сказках», в предисловии к изданию Филарет Шаль отмечал: «Писатель, берущий за основу тайные преступления, застой и скуку окружающей нас жизни, человек думающий, философ, пытающийся показать, как сила мысли способна изменить жизнь, вот кто такой господин де Бальзак».

Именно «де Бальзак», благородная частичка встречается все чаще, вызывая насмешки коллег. К тому же неожиданный, шумный успех молодого автора не мог не породить завистников. Многие ставили ему в упрек чувство собственного превосходства, которое он не считал нужным скрывать. Оноре же, высоко подняв голову, продолжал посещать столичные гостиные, где с удовольствием читал вслух свои произведения. Но самым большим наслаждением были вечера у Шарля Нодье, занимавшего пост библиотекаря Арсенала. Здесь собирались Гюго, Сент-Бёв, Мюссе, Виньи, Ламартин… Бальзак придерживался сходных с хозяином дома воззрений: только образование широких масс позволит исправить человеческую природу. В качестве первого шага на этом чудесном пути и тот, и другой настоятельно советуют читать Рабле, чьи яркие, сочные истории оживят французский язык, а юмор спасет Францию от угрюмости и оцепенения.

В какой-то момент Бальзака начинают интересовать и последователи Сен-Симона, призывающие рабочий класс объединяться, положить конец эксплуатации человека человеком, поделить все накопленные богатства и создать новую религию, основанную на милосердии и равенстве. Но Оноре чересчур «буржуазен», чтобы с легким сердцем согласиться на столь радикальные перемены в жизненном укладе и мыслях. Ему хотелось бы сохранить за собой право сказать бедным: я не дам вам умереть с голоду, но вы не мешайте мне зарабатывать деньги. В глубине души он сторонник разумного изменения социальных взаимоотношений с опорой, насколько это возможно, на Церковь. Долгое время, как и его отец, Бальзак считал Церковь источником всех предрассудков, теперь наделяет ее важной политической миссией. Ему даже начинает казаться, что только она в состоянии спасти человечество от полного упадка. Он пишет рассказ «Иисус Христос во Фландрии», в основе которого лежит брабантская легенда: плывущие на корабле пассажиры делятся по происхождению и богатству, знатные и состоятельные на корме, бедные – на носу. Начинается шторм, судно вот-вот пойдет ко дну, но посреди всеобщего смятения раздается голос седовласого человека с сияющими глазами: «Кто верует, тот спасется. Идите за мной!» Он шагает в воду. За ним идут простые, бедные, но истинно верующие, остальные гибнут в пучине.

Другой рассказ – «Церковь». Автор, стоя в соборе, размышляет о чуде спасения терпящих крушение, как вдруг ужасающего вида старуха хватает его за руку и ведет за собой. Неожиданно ее морщины разглаживаются, лохмотья исчезают, перед ним оказывается прекрасная сияющая женщина, какой она была во времена своей молодости. Это сама Церковь, проявляющаяся сквозь века обскурантизма и нетерпимости. Негодующий рассказчик упрекает ее в ошибках: «Без видимой причины ты погубила тысячи людей, словно песчинки бросая их с Запада на Восток. Ты покинула высоты мысли и уселась рядом с царями… Зачем ты?.. В чем твои сокровища? Что хорошего ты сделала?» Та отвечает: «Смотри и веруй». В то же мгновение он вдруг видит сотни соборов, жемчужин архитектуры, слышит ангельское пение, обнаруживает толпы верующих, воспевающих науку, историю, литературу, призывающих служить бедным. Снова прекрасная женщина становится нищенкой в лохмотьях, которая вздыхает: «Люди больше не верят!» Пробудившийся от видений автор произносит: «Верить – значит жить!» И решает отныне защищать Церковь.[10]

Так, проповедуя свободу мысли, Бальзак признает необходимость для человечества веры, веры простых, угнетенных, униженных людей. Чем «инстинктивнее» она будет, тем действеннее. Сплотив в едином порыве отдельных представителей рода человеческого, поможет поддерживать внешний порядок, без которого невозможны ни искусство, ни наука, ни социальный прогресс. «Церковь» была написана в феврале 1831 года по следам разграбления церкви Сен-Жермен-л-Оксеруа во время мессы в память герцога Беррийского, убитого 14 февраля 1820 года. Пятнадцатого бунтовщики атаковали собор Нотр-Дам, разграбили и разрушили дворец архиепископа. Возмущенный Бальзак протестовал против этих актов вандализма: «Собравшиеся на мосту тридцать тысяч человек аплодисментами встретили падение архиепископского креста; а на бульварах прогуливались расфуфыренные дамы, любопытные, насмешники и лицемеры. На набережной Морфондю какой-то рабочий, переодевшись, изображал жалкую старуху в лохмотьях, которая трясущимися руками под хохот прохожих предлагала веточки букса… Вот католицизм образца 1831 года».

В конце мая неожиданное происшествие приковало Бальзака к постели – он сильно разбился, вывалившись из своего экипажа. В июне все еще вынужден был соблюдать постельный режим, строгую диету, ему делали кровопускания и запрещали работать. Заботу о брате взяла на себя Лора, в доме которой он и узнал о демонстрациях, организованных по случаю похорон умершего от холеры генерала Ламарка. Проходившая под окнами толпа выкрикивала республиканские лозунги. В течение двух дней митингующие заняли центр Парижа, войскам пришлось открыть по ним огонь. Были убитые и раненые. Восстановленный порядок не казался надежным. Масштаб событий беспокоил Бальзака, и он счел за лучшее перебраться в Саше к Маргоннам – становиться свидетелем новой революции ему не хотелось. Да и риск подцепить холеру в деревне был меньше. К счастью, вскоре все успокоилось: смутьянов призвали к порядку, Луи-Филипп устоял. Хорошо это или плохо? Оноре в очередной раз пришел к выводу, что политические фанатики ставят под угрозу будущее страны. Но главная их вина состояла в том, что они отрывали его от работы.

Глава вторая

Любовь к роскоши, любовь к женщинам

Мечта Бальзака: быть известным, как Гюго, обладая при этом блеском и непринужденностью Эжена Сю или Латура-Мезэре. Последний буквально завораживал писателя своим дерзким видом, бородой, успехом у женщин, властью, приобретенной на поприще журналистики (вместе с Эмилем де Жирарденом они издавали «Le Voleur» и «La Mode»). Сын нотариуса из Аржантана, этот «лев» царил на бульварах, в гостиных, за кулисами театров. В Опере с друзьями занимал ложу бенуара, которую прозвали «дьявольской». У Бальзака в ней было место, но скоро он перестал оплачивать свое «участие», вызвав появление ироничного письма, адресованного «Господину Бальзаку д'Антраг де ла Гренадьер». Латура-Мезэре называли «господином с камелией» – этот дорогой цветок он неизменно носил в бутоньерке. Посетителей принимал, лежа на диване в кабинете, убранном в мавританском стиле. Жесты его были просчитаны и выверены до мелочей, его высокомерие вошло в поговорку, слова разили наповал. Он договорился с Бальзаком о ста франках за три статьи в месяц. Его деловой партнер Жирарден в 1831 году женился на дочери Софи Гэ Дельфине. Улыбчивая блондинка собрала вокруг себя всех выдающихся писателей того времени, и Бальзак во что бы то ни стало стремился попасть в число избранных.

Чтобы поддержать репутацию модного писателя, он одевался по последней моде, не пренебрегая светло-желтыми лайковыми перчатками. Заказал у Бюиссона три белых домашних халата с золотыми кистями на поясе. По его словам, это роскошное одеяние способствовало вдохновению во время ночных бдений. Мать напрасно призывала его сдерживать свои порывы – деньги буквально утекали сквозь пальцы. Сын полагал, что вкалывает как каторжный именно для того, чтобы обратить на себя внимание столичного общества. Странным образом в нем все больше сочетались серьезность мысли и светская пустота. Он был одновременно легок, словно перышко на шляпке парижской красотки, и тяжел, как полное собрание сочинений Сведенборга. Но, быть может, именно эти бесконечные переходы от главного ко второстепенному и позволяли ему без усилий влезать в шкуру столь не похожих друг на друга персонажей?

Зюльма Карро, поселившаяся на время у своего отца во Фрапеле, недалеко от Иссудена, предостерегает писателя от опасности разменяться на мелочи: «Дорогой Оноре, Париж привлекает и удерживает вас своей элегантностью, но балует ли он вас истинной привязанностью, которую вы могли бы обрести здесь, во Фрапеле?.. Отдаваясь описанию чувств вымышленных персонажей, вы пренебрегаете по-своему ценным сокровищем, которым обладают ваши близкие… Я не стремлюсь и никогда не стремилась к той очаровательной дружбе, которую вы дарите женщинам… Но если вас постигнет разочарование, омрачит ваше веселье и тронет сердце, вы вспомните обо мне и увидите, как я откликнусь на ваш зов». Она готовится к переезду в Ангулем, где мужу выделен дом с садом. Специальная комната для друга ждет Бальзака. Пусть он поторопится!

Несмотря на все призывы, Оноре не спешит. «Моя жизнь – борьба, – отвечает он, – я должен шаг за шагом подтверждать свой талант, если таковой у меня есть». Надо также отбиваться от кредиторов, которые готовы устроить ему западню, договариваться с издателями, осаждать редакции, медлящие с оплатой. Когда принимается за счета, просит мать выписать тех, кому должен, чтобы вернуть деньги. Госпожа Бальзак с годами не стала менее желчной, но понемногу сблизилась с сыном и, видя его успех, согласилась вести дела Оноре. Даже начала верить в его талант. Время от времени он поручал ее заботам свою квартиру на улице Кассини, а сам сбегал в Булоньер к госпоже де Берни или в Саше к Жану де Маргонну. Ему было где отдохнуть от трудов, были и нежные пристанища для сердца. Как и прежде, госпожа де Берни готова была открыть ему свои объятия и свою постель. Она знает, какими ласками пьянить его, ей нет равных, когда Бальзак нуждается в утешении. Уже давно прощается ему неверность, ведь никому этот человек не доверяет так, как ей, в свои пятьдесят пять лет по-прежнему доставляющей ему удовольствие. Другая любовница, герцогиня д'Абрантес, тоже не имеет ничего против его измен – он помогает ей писать книги, развлекает своей живостью. Переход от одной к другой, кажется, совершенствует его знание женской души и тела. Приходят послания и от многочисленных читательниц, которые хвалят его исключительное знание семейной жизни. Несмотря на невнятность и банальность этих похвал, он любезно их принимает: по его мнению, это одна из обязанностей писателя.

В октябре 1831 года в потоке ежедневной корреспонденции его внимание привлекает конверт, надписанный: «Париж, господину де Бальзаку». Удивительным образом почтовая служба доставила его сначала на улицу Кассини, потом в Саше. Английское имя в конце письма, скорее всего вымышленное, автор, прочитавший «Физиологию брака», обвиняет адресата в невероятно циничном взгляде на женщин. Задетый за живое, Оноре благодарит за внимательное прочтение его сочинения и горячо оправдывается: «Мадам, я взялся за „Физиологию брака“, чтобы защитить женщин. Каждой из тех, что прошла сквозь жизненные потрясения, ясно, что в своей книге я возлагаю на мужей вину за все совершенные женами ошибки. Это – отпущение грехов… Счастливый брак невозможен, если ему не предшествует полное взаимопонимание супругов в том, что касается привычек, характера и т. п., и я никогда не откажусь от этого».

Незнакомка, удивленная тем, что знаменитый и очень занятой писатель нашел время защитить свое детище, решает открыться. Это маркиза Кастри, урожденная Анриетта де Майе де ла Тур-Ландри. Она на три года старше Оноре, была замужем за маркизом де Кастри, с которым рассталась, чтобы жить со своим любовником, обворожительным, хрупким сыном австрийского канцлера Виктором фон Меттернихом. В 1827 году родила ему сына, которому император Австрии жаловал дворянство и титул барона фон Альденбурга. В 1829 году Виктор фон Меттерних умер от туберкулеза. Маркиза, неудачно упав с лошади во время охоты, повредила позвоночник. Но, несмотря ни на что, продолжала принимать, жила то в особняке на улице Гренель, то в замке Лормуа недалеко от Монлери, принадлежащем ее отцу, герцогу де Майе, то в замке Кевийон, владелец которого ее дядя, герцог Фитц-Джеймс.

Узнав, кто его собеседница, Бальзак почувствовал себя окрыленным. Еще бы, его пригласила маркиза, аристократия распахнула перед ним двери своих особняков. Ему удалось обскакать Эжена Сю и Латура-Мезэре! Еще никогда он так не радовался своему кабриолету, ретивым коням и груму в ливрее: в этом экипаже он не затеряется среди знакомых хозяйки дома! Отправившись к ней впервые, Оноре был поражен мертвенно-бледным цветом ее лица, ярко-рыжими волосами и манерой вести разговор. Маркиза с трудом передвигалась, но, и неподвижная, выглядела весьма соблазнительно. Вернувшись на улицу Кассини, Бальзак наслаждался воспоминаниями о встрече, мыслью о том, что на него пал выбор столь знатной дамы, и писал: «Позволено ли мне будет выразить глубокую признательность за те часы, что вы нашли возможным провести со мной? Они запечатлелись в моей памяти словно незнакомые стихи, мечты…» Скоро ему кажется, будто можно рассчитывать больше чем на восхищение и дружбу… Голова идет кругом при мысли о том, что его любовницей станет женщина, имеющая связи в самых высших сферах. Да, хромает, но лежа будет лакомым кусочком: титул маркизы, собственный особняк с многочисленными слугами, ее знает, ей завидует весь Париж, завоевав ее, можно подняться еще на одну ступеньку, приблизиться к избранным. Они часто беседуют наедине в ее будуаре, но ничего лишнего не позволяется, эта дистанция только усиливает его напор. Чтобы понравиться, Оноре провозглашает себя легитимистом, публикует статьи в новой газете «Le Rénovateur», его крен вправо одобряет сам герцог Фитц-Джеймс, оплакивают друзья-либералы. Адвокат Амедей Фоше из Турени сурово отчитывает: «Вот вы стали окончательно легитимистом! Поверьте мне, не стоит ратовать за неправое дело, у которого нет будущего. Ситуация может становиться хуже, но никогда не станет настолько плохой, чтобы вновь увидеть на троне Генриха V с его духовенством и дворянчиками». Зюльма Карро тоже читает мораль: «Оставьте, наконец, светскую жизнь тем, кому она заменяет заслуги или кому необходима, чтобы забыться, смягчить душевные раны. Но вы, вы!.. Говорят, увлеклись политикой. Ох, будьте осторожны, будьте очень осторожны. Как друг я не могу за вас не волноваться. Вы не должны никому себя посвящать… Пусть дворцовая прислуга занимается защитой влиятельных людей, не замарайте свою подлинную известность подобной общностью интересов… Дорогой мой, уважайте самого себя, а английские лошади и готические стулья – все это преходящее».

Бальзак защищается от нападок: да, занимается политикой, много бывает в свете, увлечен многими женщинами, но и работает тоже. «Я – каторжник пера и чернил, настоящий продавец идей», – уверяет он, успокаивая Карро. Физическая форма и впрямь позволяет ему писать ночь напролет даже после дружеской пирушки. Нанизывает слова на строчки, пока силы не оставят и не обрушится на кровать, чтобы забыться тяжелым сном. Иногда госпожа де Берни помогает ему вносить правку в гранки, затем Оноре перечитывает корректуру, вновь появляются бесчисленные пометки и добавления, иногда переписывает целые абзацы. Неудержимое стремление к литературному совершенству не входит в противоречие с развлечениями, которыми так щедра светская жизнь. Кажется, вихрь весьма незатейливых удовольствий необходим, оттеняя наслаждение иного рода – от серьезной работы в одиночестве. И чем бездумнее отдается он парижской круговерти, тем собраннее чувствует себя перед чистыми листами бумаги, нуждаясь в мимолетном ничуть не меньше, чем в вечном.

В феврале – марте 1832 года появилось новое произведение Бальзака – «Мировая сделка», которому он потом даст другое название – «Полковник Шабер». Сюжет почерпнут из исторических хроник наполеоновских времен и рассказов герцогини д’Абрантес. После сражения при Эйлау полковник Шабер оставлен умирать на поле боя. Возвратившись в конце концов во Францию, он пытается восстановить свое подлинное имя. Его жена, бывшая проститутка Роз Шапотель, становится к тому времени графиней Ферро, у нее двое детей. Появление первого мужа, который теперь лишь несчастный попрошайка, может свести на нет все ее усилия продвинуться вверх по социальной лестнице. Она предлагает сделку: заплатить, чтобы этот человек навсегда исчез из ее жизни. Полковник не соглашается и оканчивает свои дни в приюте для бедных, всеми забытый, всеми отвергнутый герой Империи.

Весной, после публикации этой прекрасной, горькой и грустной истории, госпоже де Берни удается вырвать Оноре из плена парижских соблазнов и хлопот: она увозит его в Сен-Фирмен, недалеко от Шантильи. Здесь он спокойно заканчивает «Тридцатилетнюю женщину», пишет на одном дыхании «Турского священника». Этот длинный рассказ, глубокий и простой, посвящен несчастьям бедного викария, слабого, наивного Бирото, лишившегося крова в результате козней погрязшей в злобе старой девы и тщеславного аббата, мечтающего о сане епископа. Здесь все дышит правдой: описание сонной провинциальной жизни, столь непохожие характеры персонажей, скрытые от любопытных глаз внутрицерковные интриги, психологическая драма повседневной жизни. Бальзак доволен собой – деревня принесла ему счастье.

Возвратившись в Париж, находит все то же – холеру и политику. Эпидемия свирепствует, люди не рискуют выходить из домов. Газеты заняты похождениями герцогини Беррийской, матери законного наследника престола: ее попытка поднять Вандею – обреченное на провал безумие или сторонникам Луи-Филиппа все-таки следует опасаться? Столица бурлит, мнения разделились. Едва Оноре переступил порог своей квартиры на улице Кассини, его охватило желание снова бежать. Хорошо было бы иметь замок, в нем – жену аристократического происхождения, которая обожала бы его и не мешала работать. Когда-то он подумывал об Элеоноре де Трюмильи, теперь обратился в мечтах к баронессе Каролине Дербрук, урожденной Ландрие де Борд. У нее бесценные достоинства: молодая вдова с прекрасным состоянием. Живет по соседству с Маргоннами в Саше. Летом он может встретиться с ней. После женитьбы ему будет чем расплатиться с кредиторами, издатели же будут валяться у него в ногах. На всякий случай надо позаботиться о том, чтобы избранница узнала о его глубоком к ней чувстве. Но победа не будет легкой, надо готовиться к длительной кампании. Вместо этого опять постельный режим, ушибы, головные боли: его широкий экипаж не вписался в поворот, и Бальзак не удержался в нем.

В июне он решает ослушаться доктора Наккара, настаивающего на полном покое, и отправиться в Саше, где его ждут Маргонны. В его отсутствие мать переедет к нему и возьмет на себя все заботы по дому. Тем хуже для госпожи де Берни, молчаливо вздыхающей в преддверии новой разлуки, и для герцогини д’Абрантес, которая хотела бы засадить его за

редактирование ее нескончаемых воспоминаний! Ему надо заняться собственными делами, а не распыляться на чужие. Он весь в долгах, его нетерпеливая натура требует быстроты. Как только ему удастся немного заработать, он уедет в Экс-ле-Бэн, куда его приглашает в августе маркиза де Кастри. Оттуда они могли бы совершить путешествие в Швейцарию, Италию… Подобное предприятие, безусловно, будет стоить недешево! Но обладание женщиной, занимающей столь высокое положение, стоит того, чтобы выложиться. В Саше, у Маргоннов, он сможет экономить, вдоволь поработает и наберется сил для этого завоевания. А если повезет, то заодно и встретится с баронессой Дербрук. Так, одним ударом, убьет двух зайцев.

Ему удается покинуть Париж вовремя – в столице назревали новые мятежи. Герцогиня Беррийская активизировала свою деятельность в Вандее. Восстание подавили, его вдохновительница бежала, ее сторонники-легитимисты, в том числе Шатобриан, Берье и герцог Фитц-Джеймс, человек весьма рассудительный, две недели провели под арестом. Со злополучной герцогиней было покончено, чему несказанно порадовалась госпожа де Берни: она ревновала Оноре к маркизе де Кастри, а потому ставила в один ряд всех представителей высшей знати, которые могли вовлечь ее молодого любовника в дела, губительные для его карьеры писателя. И что, черт побери, так привлекает его в этой аристократии, которая никак не может разобраться в происходящем в ее собственной стране? «Вчера я прочитала о некоторых арестах, которые меня очень заинтересовали, – пишет она Бальзаку. – Я думаю, господин де Шатобриан не в обиде за это происшествие, которое только придаст ему политический вес, о котором он всегда мечтал, но не знал, как приобрести. Что до ареста господина де Фитц-Джеймса, откровенно говоря, меня это не сильно огорчило. Ведь если партия, к которой принадлежат эти люди, перестанет существовать, тебе придется подыскать другую. А мое сердце трепетало от смертельной опасности: что, если бы некая дама пригласила тебя и ты бы туда отправился… Твое тщеславие никогда не дремлет и имеет над тобою власть тем более сильную, что ты отказываешься признать мощь этого твоего тщеславия. Но мой любимый, дорогой друг… прислушайся, пожалуйста, прислушайся к доводам рассудка, который, дабы быть услышанным, говорит голосом друга. Подумай о том, что эти люди не дали бы тебе ни единого экю из тех трех-четырех тысяч, в которых ты так нуждаешься. Они неблагодарны из принципа, которому не изменят ради тебя. Все они – эгоистичны, хитры… презирают людей другой крови. Друг мой! Ради всего, что тебе дорого, ради твоей славы и твоего грядущего счастья, ради моего покоя (ведь ты любишь меня), не верь им, не полагайся на них. Употреби весь свой ум, чтобы занять место, какое они занимают, используй их помощь, чтобы идти по дороге, которую ты, к несчастью, выбрал. Но сколькими недостатками придется обзавестись тебе, чтобы стать похожим на них! Как сумеешь ты защитить свою душу, как останешься чист среди людей столь развращенных? Обожаемый мой, утешь меня, сними тяжесть с души моей, скажи, что не станешь рабом этих людей и не подчинишься первому же их приказу».

Итак, Оноре предавался мечтам о маркизе де Кастри, а верная Дилекта умоляла отдалиться от этой женщины, правила гранки, плакала над «Сценами частной жизни» и с нетерпением ожидала вестей от возлюбленного: «Чтобы развеять жестокие мысли, я перечитала несколько дорогих мне фраз из твоих писем…» «Ты все еще мой властелин, и я жду твоего приговора, но пока он мне неизвестен, я все еще считаю себя твоей любимой, и ласкаю тебя, как обычно. Целую тебя… Я – вся твоя, твоя Ева». Когда получает несколько ответных строк, следует взрыв радости: «Ты любишь меня! Я все еще твоя дорогая любимая! Твоя звезда!.. О, друг мой, что еще нужно моему сердцу!» Порой госпожа де Берни решала быть разумной и размышляла о будущей семейной жизни своего любовника с «другой», от которой требовала всевозможных достоинств: «… я найду тебе женщину преданную и добрую, достаточно умную, чтобы понимать тебя… ты будешь богат, чтобы ни в чем не нуждаться, но все же не настолько, чтобы вокруг тебя появились льстецы… рядом с тобой не останется мнимых друзей, равно как и герцогини д'Абрантес». В то же время ее волновали матримониальные планы Оноре: с облегчением узнала она, что Каролина Дербрук, расположения которой он хочет добиться, на время покинула свой замок рядом с Саше: «Я успокоилась, тем более что *дама* уехала. Пусть судьба позаботится о том, чтобы она оставалась там, где сейчас, пока все не успокоится. И пусть дьявол посадит на цепь всех женщин, которые суются не в свои дела». Через неделю новый поток неудовлетворенных желаний: «О, мой Диди! мой дорогой! мой обожаемый повелитель! Явись за наслаждением, источник которого – ты сам, за ласками возлюбленной, скроенной по твоей мерке. О, я верю, что мы скоро увидимся. Мне было бы слишком тяжело позволить другим срывать прекрасные цветы, запах которых пьянит меня до сих пор, а восхитительные цвета заставляют трепетать от радости мое сердце».

Ненасытная эта любовь выводила Бальзака из терпения, но он был признателен госпоже де Берни за покорность и внимание, к тому же на нее можно было положиться, когда дело касалось издания очередной книги. Хорошей помощницей неожиданно оказалась и мать, от которой Оноре в юные годы напрасно ждал хоть какого-то участия: теперь она охотно следила за его квартирой, прикрывала своим именем дела весьма деликатные. Госпожа Бальзак передавала издателям пакеты с рукописями, занималась его долгами и кредиторами, предупреждая, что сын на многие недели уехал из столицы… Окончательно развеять материнские опасения призвана была призрачная женитьба на Каролине Дербрук. В преддверии возвращения баронессы в Турень Бальзак решил заручиться поддержкой ее сестры Клер, жившей с родителями в поместье Мере. «Здесь со дня на день ожидают приезда госпожи Дербрук, – сообщает он матушке. – Ты понимаешь, что дело это отнимает у меня много времени, так как обо всем следует подумать заранее… Три раза в неделю я хожу в Мере… Мне хотелось бы склонить на свою сторону Клер, а для этого надо добиться ее расположения, оказывая ей знаки внимания». Через нее он рассчитывает доводить до сведения баронессы то, что посчитает нужным.

Но возникает неожиданное препятствие – госпожа Дербрук извещает родителей, что пока не собирается возвращаться в Мере. Очередная женитьба оказывается иллюзорной, а долги растут. Придется экономить. «Если ты можешь продать лошадей, продавай, – пишет Оноре госпоже Бальзак. – Если хочешь отказаться от услуг Леклерка, рассчитай его». Тем не менее он не сломлен, уверен, полоса неудач продлится не более полугода. И пытается успокоить мать: «Рано или поздно литература, политика, журналистика, женитьба или выгодное дельце принесут мне богатство. Надо лишь еще немного потерпеть». Но

потерпеть придется не только ему одному. «Если бы не госпожа де Берни, за последние четыре года меня бы уже раз двадцать могли выслать из страны. Да и ты страдаешь, будучи одновременно причиной и моих тайных страданий. Я переложил на твои плечи все свои неприятности, когда у тебя и своих хватает. И меня это терзает. Ты просишь меня сообщать о мельчайших подробностях моей жизни, но разве ты не знаешь, как я живу? Когда могу писать, сижу за рукописями, а если не сижу за ними – думаю о них. Каждая страница, не написанная из-за каких-то дел или обязательств или моей привязанности, отнимает у меня жизнь. Я никогда не отдыхаю… Я готов сделать невозможное, лишь бы покончить с неприятностями. Но если ради счастья я должен трудиться, словно святой Фирмин в последние дни своей жизни, мы спасены».

Его уверенность в скором успехе возникла не на пустом месте: Бальзак пишет новый роман и рассчитывает поразить пресыщенных читателей блеском своего таланта. Это история молодого человека по имени Луи Ламбер, необычайно одаренного, обладающего энциклопедическими знаниями. Писатель дарит ему все свои юношеские переживания, открытия, страсть к философии. Сила воображения героя позволяет ему становиться участником событий, о которых он читает, сила мысли – влиять на людей и предметы материального мира. Соперник шведского мистика Сведенборга и Сен-Мартена обволакивает людей своими магнетическими волнами. Им властвует мысль, заменяя всякое действие. Его мозг пожирает его же плоть. Сверхчеловеческие усилия приводят к сумасшествию. От гениальных, бесплодных заблуждений юношу не спасает даже любящая женщина, Полина, «ангел»: накануне свадьбы он решает порвать с «жалким существованием» и окончательно погружается во мрак, где его неотступно преследуют видения. В двадцать восемь лет Луи умирает на руках любимой. «Быть может, в радостях семейной жизни он видел препятствие к совершенствованию своих внутренних чувств, путешествию в духовных мирах», – пишет автор. Полина, похоронив того, кто знал о жизни слишком много, чтобы жить самому, произносит: «Его сердце принадлежало мне, его гений – Богу».

Бальзак до такой степени погрузился в потусторонний мир этого романа, что, казалось, вот-вот сам лишится рассудка. Он призвал на помощь науки, Библию, метафизику, не раз вносил дополнения, в том числе призванные уточнить смысл того или иного рассуждения, высказывания, пытался превратить роман в трактат по оккультизму. Но все эти «обманки» ни к чему не привели: роман вредил трактату, трактат – роману, сверхчеловеческое выходило у него не столь волнующим, как человеческое.

Оноре не терпелось узнать мнение госпожи де Берни, он отправил ей первую версию, которая ужаснула ее. «Я думаю, ты взялся за непосильный труд. Меня утешает лишь то, что публика не заметит твой замысел… Если же догадается, для тебя все пропало – есть черта, которую нельзя преступать». Главные ее упреки сводились к попытке объяснить необъяснимое, посягнув таким образом на тайну мироздания. Она посчитала неприемлемым прославлять героя, не знающего нравственных ограничений. Умоляла умерить его – и Ламбера, и, следовательно, Бальзака – амбиции. «Пусть, дорогой мой, на той высоте, которой ты достигнешь, ты отовсюду будешь виден толпе, но не требуй криков восхищения – на тебя будут нацелены не просто взгляды, а увеличительные стекла. А чем становится под микроскопом даже самая прекрасная вещь?» Госпожа де Берни великодушно просила обратиться за советом к своей сопернице Зюльме Карро: «По правде говоря, судя по ее письмам, которые ты мне читал, и по твоим рассказам, она способнее меня, я же в своей жизни знала одно только чувство, в котором мною руководило мое сердце».

Последнее замечание заставило Бальзака задуматься о том, что пора бы сменить место пребывания – жизнь в замке его порядочно утомила. Здесь необходимо было следовать строгому распорядку дня, жить по удару колокола, переодеваться к обеду, поддерживать беседу с гостями, по большей части людьми весьма недалекими. Кроме того, славная госпожа де Маргонн горбата и благочестива, а ее муж – туговат на ухо. Теперь ему нужна совсем иная компания. Шестнадцатого июля, простившись с хозяевами, он по самой жаре дошел пешком до Тура и сел там в дилижанс, направлявшийся в Ангулем.

На другой день Оноре был у четы Карро. В отличие от госпожи де Берни, Зюльма была очарована странностью нового романа их гостя. «Я думаю, „Луи Ламбер“ – хорошая книга, – пишет Бальзак сестре Лоре. – Наши друзья восхищаются им, а они меня не обманывают. Зачем вновь возвращаться к развязке?.. Такой конец вполне правдоподобен, тому мы знаем множество грустных примеров. Разве не говорил доктор Наккар, что безумие всегда подстерегает умы, которые работают на износ?»

Здесь, в Ангулеме, в доме Карро, он вновь принимается за «Покинутую женщину». При этом его занимают две совсем не покинутые женщины, заслуживающие внимания.

Боже, до чего же трудно быть одновременно писателем и мужчиной! Зюльма – прелестный друг, чудесно уравновешивает госпожу де Берни, будучи не столь чувственной и гораздо более энергичной. Но ни с той, ни с другой он не связывает свое будущее. Ему необходим материальный и душевный комфорт, для достижения которого он видит пока два пути: присоединиться в Эксе к маркизе де Кастри или жениться на баронессе Дербрук. Свои достоинства и недостатки есть и там, и там. Маркиза соблазнительна, несмотря на увечье, но ничего пока не обещала. И вообще, не спровадит ли его, если он станет вести себя решительнее? У баронессы – состояние и положение в обществе, благодаря которым ее муж может чувствовать себя в полной безопасности до конца дней. Но семейная жизнь так монотонна и скучна! Оноре делится с Лорой: «Ваши догадки касательно госпожи Дербрук не соответствуют действительности… она вернется в Мере только в октябре. Клер уже три месяца говорит ей, что я ее люблю, и должна написать мне, когда госпожа Дербрук снова будет в Мере. Так что, насколько это возможно, здесь все налажено». В этом же письме мимоходом успокаивает сестру: уверен в успехе, будь то литература или матримониальные планы. Как всегда, думает только о подъеме, когда другие видят его в глубокой яме. «Моя дорогая сестра, все в порядке. Вот только отсутствие денег на некоторое время выбило меня из колеи. Но за эти полгода я существенно

продвинулся вперед по всем направлениям и через некоторое время буду пожинать плоды, ведь не напрасно нам с матушкой пришлось столь многим жертвовать… Наградой за это станет день славы и счастья. Только вот у нашей родительницы очень схожее с моим воображение: в иные мгновения она видит лишь нужду и трудности, в другие – только триумф».

В доме Карро Оноре мирно пописывал, наслаждаясь атмосферой бескорыстной дружбы. Но известность настигла его и в Ангулеме. Одному молодому человеку, рассказывал он матери, стало дурно, когда тот увидел во плоти и крови знаменитого Бальзака. Писатель утверждал также, что члены «Конституционного кружка» до такой степени почитают его творчество, что, если бы он решил стать депутатом, поддержали бы его, несмотря на «аристократические воззрения». Говорили, будто поклонницы таланта популярного автора облепили парикмахерскую, куда он зашел постричься, бились за каждую прядь его волос, упавшую на пол. Эти ежедневные проявления славы не могли не нравиться Оноре, но он страдал от отсутствия умелой в любовных играх подруги. «Мое воздержание стесняет меня и лишает сна», – признается он госпоже Бальзак. Недостаток плотской любви заставляет его обратить внимание на Зюльму Карро: он впервые видит в ней женщину, которая в крайнем случае могла бы утолить его голод. И однажды он вдруг говорит ей: «Вы сладострастны, но противитесь этому». Обиженная этим замечанием, она отталкивает его: почитает за честь быть его другом и доверенным лицом, но мысль о том, что она может быть желанна, ее возмущает. Мужское вожделение больно ранит ее, ведь она хорошо понимает, что в области чувств будет для него только крайним средством. «Наши теплые отношения никак не были связаны с моим полом, а вы нуждались в ином, – объяснит она ему позже. – Я же была слишком горда, чтобы стать избранной в силу именно этого обстоятельства. Вы рассчитывали подействовать на меня обещанием какого-то неизвестного счастья… Но вы не поняли, что я слишком горда для этого! Вам незнакомы наслаждения добровольного воздержания».

Отвергнутый Бальзак вновь задумался о путешествии в Савойю: быть может, маркиза де Кастри проявит большую чуткость, чем Зюльма? Дело было за деньгами, но неожиданно они посыпались словно манна небесная. Его мать непрестанно предпринимала какие-то шаги, и вдруг они увенчались успехом: преданный друг семьи, госпожа Жозефина Делануа, согласилась дать взаймы десять тысяч франков с возвратом в весьма неопределенные сроки. Этого было достаточно, чтобы успокоить особо разгневанных кредиторов и отправиться к маркизе. «Я чувствую, что ум ваш не знает усталости и что обычные занятия не принесут вам успеха, – писала госпожа Делануа Оноре. – Я люблю ваш талант и вас самого и не хотела бы, чтобы что-то стояло на пути вашего таланта, а сами вы мучились, когда я могу прийти на выручку. Помогла счастливая случайность: мне только что вернули деньги, я не успела их никуда поместить. С их помощью вы сумеете заплатить долги и совершить путешествие, о котором мечтаете и которое мне кажется полезным во всех отношениях. Ваше воображение, утомленное слишком напряженной работой и вследствие, быть может, множества иных причин, получит необходимый отдых».

Уверившись, что материальная сторона его поездки обеспечена и он в любой момент может отправляться к маркизе, Бальзак начинает готовить для этого почву: посылает ей отрывок из «Луи Ламбера», любовное письмо юного героя к Полине. «Любимая, ангел мой, какой нежный был вчера вечер. Сколько богатств таит твое драгоценное сердце, твоя любовь неисчерпаема, как и моя… Все соединилось, чтобы вызвать во мне страстные желания, чтобы побудить меня просить о первых милостях, в которых женщина всегда отказывает, несомненно, лишь для того, чтобы заставить возлюбленного похитить их у нее. Но нет, ты драгоценная душа моей жизни, ты никогда не будешь знать заранее, сколько ты можешь дать моей любви, и все же будешь давать, быть может, не желая этого!»[11]

Яснее не скажешь, и, забросив наживку маркизе, Оноре готовится покинуть Карро. В их гостеприимном доме он за одну ночь написал «Гренадьеру», сочинял, забавляясь, в подражание Рабле «Озорные рассказы». Давно ничто не доставляло ему такого удовольствия, как эта грубоватая стилизация на старофранцузском: он жонглировал старинными фразами, придумывал квазистаринные обороты. Истории вышли комичными, все в них было чрезмерно, они сбивали с толку: что общего между Бальзаком – автором этих соленых шуток и тем, что написал «Луи Ламбера» и «Шагреневую кожу»? Одного волнует человек и его предназначение, другого, кажется, заботит лишь, как, надев маску создателя «Гаргантюа и Пантагрюэля», позабавить современников. Но его отец не уставал повторять, что Рабле знает секрет хорошего настроения и даже здоровья, сам Оноре с детства любил от души посмеяться. Да и теперь, став взрослым, не прочь в любой момент расхохотаться. Этими сказками он воздавал должное порой грубоватой веселости французов, показывал нос разочарованным романтикам, доказывал, что может быть и мыслителем, и шутником.

Первая реакция читателей была смешанной. «Безусловно, ваши озорные рассказы полны достоинств, в них виден ум, – писала ему добрая госпожа Делануа, – но есть и вещи, неприемлемые для людей с хорошим вкусом, слишком легковесные». Герцог Фитц-Джеймс, напротив, весело рукоплескал: «На вас обрушатся громы и молнии ханжей и академиков. Но меня не будет в их числе – я хорошо позабавился, а когда смеюсь, безоружен». Критики были удивлены, некоторые настроены весьма враждебно, обвиняя Бальзака в неумеренном пристрастии к галльскому фарсу, стремлении провоцировать публику. И только Жюль Жанен советовал всем женщинам воспользоваться тем, что из-за холеры они вынуждены сидеть по домам, и прочитать тайком эти рассказы, «еще более непристойные, чем сочиненные Боккаччо». Несмотря на призыв Жанена, публика по большей части не знала, как отнестись к вымученной прозе, которая с трудом поддавалась расшифровке. Одних шокировал язык, других – содержание. Бальзак защищался: «Если и есть в чем-то частица меня, так в этих рассказах. Человек, который напишет сотню подобных, будет бессмертен». Его огорчает лишь одно – книга расходится не так хорошо, как он рассчитывал. Французы или утратили вкус к здоровому веселью, или их доконали холера да романтики, превратив в зануд?

Так что помощь госпожи Делануа оказалась весьма своевременной, можно было сменить обстановку. Отныне его цель – Экс, где его ждет настоящая маркиза. Покидая Ангулем, он вдруг обнаруживает, что у него нет никаких наличных денег. Что ж, на то есть друзья. Позабыв, что еще недавно пытался обмануть Карро, соблазняя его супругу, Бальзак занимает у него сто пятьдесят франков на путешествие. Мать вернет. Зюльма Карро теперь только воспоминание, в мыслях он уже у ног маркизы де Кастри или даже в ее постели. В Эксе он намерен и на славу потрудиться: исправить «Битву», перечитать «Луи Ламбера», заняться обещанными для «La Revue de Paris» статьями и рассказами. Согласно контракту обязан сдавать ежемесячно сорок страниц, получая пятьсот франков. Условия вполне приемлемые, новый груз нисколько не тяготит Оноре, который привык сочинять на заказ. Напротив, его это стимулирует. Любовь и литература прекрасно уживаются в жизни этого вечно спешащего человека.

Итак, 21 или 22 августа (точно неизвестно) он уезжает. Делает остановку в Лиможе, добросовестно осматривает город. Снова в путь. Когда после очередной остановки забирается на свое место на втором этаже дилижанса, держась за предназначенные для этого кожаные ремни, лошади вдруг трогаются, и он всем своим весом падает на верхнюю ступеньку, поранив ногу. Ему делают перевязку, остаток путешествия Оноре страдает от боли, что, впрочем, не мешает любоваться чудесными пейзажами. После случившегося Экс кажется ему раем – аристократическим, нежнейшим. Рана затянулась, но отек не спал. Измученный, прихрамывающий, он рассчитывает на заботу маркизы. Дорожное происшествие – недурной штрих к разработанной им любовной стратегии.

Глава третья

Зюльма Карро и маркиза де Кастри

Маркиза де Кастри сняла для Оноре в Эксе маленькую, но светлую, удобную комнату, которая обходилась ему в два франка в день. Из окна видно было озеро и равнина, за которой возвышалась Дан-дю-Ша. Бальзак вставал в пять утра и двенадцать часов кряду работал. Съедал на завтрак яйцо и выпивал стакан молока. В шесть вечера шел к маркизе обедать и оставался там до одиннадцати. Кроме нее, не виделся ни с кем. Ухаживал за своей ногой – делал ванны, чтобы снять нагноение, и вскоре уже не хромал. Такая размеренная жизнь позволяла вволю писать, не тратить лишних денег и каждый день в сумерках наслаждаться беседой с благородной дамой, в которую влюблен. Согласно плану он занимался «Битвой», правил «Покинутую женщину», вылизывал «Луи Ламбера».

Впрочем, Оноре не был полностью доволен своим пребыванием в Эксе – встречи с маркизой были настоящими муками Тантала. Она забавлялась тем, что завлекала его, а когда он слишком пристально смотрел на нее или пытался коснуться рукой – отступала. Невольно закрадывалось сожаление, что не послушался Зюльмы и не отказался от этой поездки. «Я отправлялся сюда за малым и за многим, – писал он ей. – За многим, потому что вижу перед собой женщину элегантную и любезную, за малым – потому что она никогда меня не полюбит. Зачем вы дали мне уехать в Экс?.. Это женщина утонченная… но есть ли душа за этими прекрасными манерами».

Критика, призванная задобрить гордую Зюльму, вывела ее из себя. В гневе она высказывает ему все начистоту, в частности, что не в состоянии видеть, до какой степени Оноре чувствителен к похвалам представителей единственного сословия, что источает запах английского крема и португальской туалетной воды. «Я слышала, вы теперь пишете только для двадцати снобов. И печатаете свои книги тиражом в двадцать экземпляров… Неужели вы думаете, что человек, считающий ограниченными тех, кто немодно одет, рабочего – механизмом… может обладать умом достаточно широким, чтобы понять, что *ангелы – белые*…[12] Оноре, я страдаю от того, что вы теряете свое величие». Она упрекает его за заигрывания с Амедеем Пишо, который когда-то выставил его в смешном свете в своей статье, а теперь, возглавив «La Revue de Paris», потирает руки, приговаривая: «За деньги его всегда можно поиметь». «Деньги! – продолжает Зюльма, негодуя все сильнее. – Да, деньги, и все потому, что в вашем бонтонном кругу не принято ходить пешком… Взглянули ли вы на свою шагреневую кожу, после того как обновили квартиру, когда еженощно возвращались в два часа с улицы Бак? Зачем я отправила вас в Экс, Оноре? Да потому, что только там есть то, к чему вы стремитесь… Я позволила вам ехать в Экс потому, что у нас с вами нет ни одной общей мысли, потому, что я презираю то, что вы обожествляете, потому, что я – народ, аристократизированный, но всегда симпатизирующий тем, кто страдает от притеснений, потому, что я ненавижу любую власть, поскольку никогда еще не встречала справедливой, потому, что никогда не могла понять и никогда не пойму, как человек, заслуживший славу, готов пожертвовать ею ради денег… Вы теперь в Эксе потому, что вас прибрала к рукам определенная группа людей и что самым ценным товаром у этих людей считается женщина. Я же некрасивая, маленькая и горбатая, и у меня никогда не будет мужчины, которого можно заполучить таким способом… Вы теперь в Эксе потому, что ваша душа подпорчена, потому, что вы готовы променять настоящую славу на мелкое тщеславие, потому, что никогда моя сущность не изменится под давлением человека, который наслаждается тем, что раскланивается с гуляющими в Булонском лесу или первым приезжает на площадь Людови-ка XV… Это значит предпочитать истинным удовольствиям самые пустые. Я вам наговорила много неприятных вещей, дорогой Оноре, но я говорю их с уверенностью, что, когда у вас ничего не выйдет с вашими герцогинями, я всегда буду на своем месте, готовая утешать вас с самой искренней к вам симпатией».

Так, «дружески» отказавшая Оноре Зюльма утешает его, когда тот получил от ворот поворот от другой. Быть может, втайне сожалеет, что не уступила его напору? А может, питая к нему нежность, искренне желает, чтобы с мадам де Кастри ему повезло больше? Так или иначе, устроив ему почти материнский нагоняй, пытается успокоить, предрекая, что его усилия увенчаются

успехом: «Говорю вам, вы будете счастливы в Эксе. Просто все и не должно было случиться в первый же день. Но вы обедаете вместе, вместе проводите время. Вас соединяют тщеславие и удовольствия. Вы получите то, к чему стремитесь. К тому же, поверьте мне, противная сторона слишком заинтересована в том, чтобы вас завоевать, а потому не допустит других, плебейских увлечений». Но в конце восклицает с болью в сердце: «О, Оноре! Почему вы не смогли остаться в стороне от этих политических интриг, которые по прошествии времени оказываются такими жалкими!.. А вы ждете, что это принесет вам влияние и богатство».

Несмотря на оптимистические прогнозы Зюльмы Карро, свидания Бальзака с маркизой ограничивались лишь светскими любезностями. Ей не было равных в умении взглядом ли, обещающей улыбкой разжечь пыл того, кто ухаживал за ней, а потом замкнуться, словно вызванные ею волнение и возбуждение неприятно поразили ее. Как будто поощряла ухаживание, чтобы ее последующий отказ казался больнее, рвалась в бой ради отступления. Эта игра в прятки сводила Оноре с ума: он задыхался от желания, заметив кусочек ее кожи под манжетой над локтем, наблюдая за движением корсажа ее чересчур декольтированного платья, слыша глубокие вздохи, которые она роняла, прикрывшись веером. Ему требовалось почти болезненное усилие воли, чтобы не броситься на эту недоступную женщину, не начать раздевать ее, заставить покориться. Оправдывая свою сдержанность, госпожа де Кастри весьма туманно говорила о привязанности к пятилетнему сыну Роже, который был тут же, в Эксе, и который был так похож на Виктора фон Меттерниха, страстно ею любимого когда-то. По ее словам, воспоминания о том восхитительном времени мешали с легким сердцем предаваться настоящему. К тому же после несчастного случая она стала такой слабой и, несмотря на то что молодо выглядит, не та, что раньше. Разбита, сломлена. Влечение к ней Бальзака забавляло ее, льстило ей, но у нее не было ни малейшего желания становиться его любовницей. Она восхищалась его творчеством, но не собиралась оказаться в объятиях человека столь тяжеловесного, обыкновенного, лишенного какой бы то ни было грации, вот только взгляд и речь чаровали. Любая его попытка нежности вызывала неприятие. Тем не менее маркиза согласилась, чтобы он дал ей другое имя, которое знали бы только они двое и которое стало бы их тайной. Госпожу де Кастри звали Элен, теперь она стала Мари. Этим же именем он нарек однажды и герцогиню д'Абрантес. Впрочем, это ничего не изменило в поведении Оноре.

Бальзак даже воспрял духом, полагая, что теперь, шаг за шагом, потихоньку доберется до спальни этой женщины. Приглашение сопровождать ее в путешествии по Швейцарии и Италии только укрепило эту уверенность. Они должны были ехать вместе с герцогом Фитц-Джеймсом, дядей маркизы, и его супругой. Оноре не сомневался, что ему представится возможность окончательно сблизиться с «Мари». Предстоящий вояж требовал значительных затрат, но писатель рассчитывал на «La Revue de Paris» и доходы от продажи своих «Озорных рассказов». К тому же в Эксе он свел знакомство с Джеймсом Ротшильдом, и тот пообещал написать рекомендательное письмо брату, жившему в Неаполе. Таким образом, можно было не опасаться, что окажешься в незнакомой стране без гроша в кармане. В страшной спешке руководил Бальзак матерью: пусть срочно вышлет ему тысячу двести франков, пару сапог из тонкой кожи, чтобы чувствовать себя комфортно в гостиных, и пару попроще, на каждый день, да не забудет положить в них помаду и туалетную воду, которых ему так не хватает. Сам отправляет ей два куска фланели, которые носил на животе. Их необходимо показать ясновидящей, работающей под присмотром доктора Шапелена: та должна сказать, что у него за болезнь. Умоляет брать фланель аккуратно, бумагой, чтобы ничего в ней не нарушилось. И, завершая письмо: «Дорогая матушка, не забудьте положить в пакет полдюжины желтых перчаток».

А желтые перчатки, сапоги из тонкой кожи и туалетная вода помогут ему окончательно сломить сопротивление маркизы. Перед отъездом она предлагает ему совершить паломничество в монастырь Гранд-Шартрез. Суровое величие горных вершин, пустынные, молчаливые кельи потрясли его. Что чувствует человек, сраженный безразличием любимой женщины, бегущий от общества в поисках одиночества, размышлений, созерцания природы? Не выход ли это и для него самого, ведь «Мари» все так же холодна? Впрочем, он находит иное решение, профессиональное: плох тот писатель, что не стремится подарить свои мечтания героям, не похожим на него внешне, носящим другие имена. Возвратившись, Бальзак сообщает матери, что работал три дня и три ночи над «Сельским доктором» и почти завершил его. На самом деле довольствовался тем, что набросал план будущей книги. Тем не менее победоносно заявляет о ней Луи Маму, рассуждая попутно о том, что всегда жаждал широкого признания, которое помогают приобрести томики небольшого формата, наподобие «Поля и Виргинии» или «Манон Леско», тысячи экземпляров которых расходятся, попадая в руки практически каждому – и ребенку, и молодой девушке, и старику, и священнику. «Моя книга задумана именно в таком духе. Книга, которую станет читать и привратница, и великосветская дама. За образец я взял Евангелие и катехизис, две книги, которые превосходно продаются, и создал собственную. Действие происходит в деревне».

Писатель, как всегда, стремится убить разом двух зайцев: заработать побольше легким для чтения романом, который тем не менее окажется шедевром. И не стоит краснеть и пренебрегать успехом, который приносит доход. Вполне естественно, что после безумных измышлений «Луи Ламбера» он предпочел скромную поэзию «Сельского доктора». С высот духовности опустился до психологии грустного одинокого человека, который пытается заглушить любовные страдания, утешая в горестях тихих обитателей горного кантона, воспитывая их. Поначалу Бальзак хотел сделать героя священником. Но оказалось, что не в состоянии представить себе нравственные искания духовного лица, а потому решился обратиться к занятию, которое казалось ближе и понятнее. Так главный герой – Бенаси – стал доктором, которого автор оживил воспоминаниями о собственных встречах с практикующими врачами, покорившими его умом и преданностью делу. Рассказчик, майор Женеста, родился из услышанных в доме Карро рассказов о старом солдате наполеоновской армии, который оказался не у дел и без конца вспоминал былые походы. Вокруг этих двух персонажей зажили своей жизнью крестьяне и рабочие, грубые, суровые, несчастные, вывести которых из состояния отупения пытается Бенаси. Оноре был по-настоящему увлечен новым романом и почти сожалел, что придется уехать в Италию, не закончив его.

К тому же ему не давало покоя письмо Зюльмы, хотелось непременно оправдать себя. Как смеет она осуждать его, ведь он сама честность и порядочность и вовсе не отказывается от своих политических взглядов ради того, чтобы быть принятым аристократами, изображающими восхищение, но презирающими на самом деле? «Вы были во многом не правы, – отвечает ей Бальзак. – Чтобы я пристал к какой-то партии из-за женщины?.. Вот уже год я не касался женщины!.. Вы не подумали об этом: моя душа не приемлет проституции! Я не приемлю удовольствий, которые не идут от души и не радуют ее! Вы должны будете извиниться… Плоды моего воображения зря вас пугают… Умоляю, постарайтесь лучше меня понять. Вы придаете слишком большое значение моему легкомысленному желанию гулять в Булонском лесу. Это просто фантазия художника, ребячество. Моя квартира – это удовольствие, необходимость, как обязательно чистое белье и ванна. Я заслужил право окружить себя шелками, потому что завтра, если потребуется, без сожаления, без единого вздоха вернусь в мансарду художника, в мансарду с голыми стенами, только чтобы не совершить ничего постыдного, никому не продаться. Прошу вас, не осуждайте человека, любящего вас, с гордостью вспоминающего вас в трудные моменты. Великая работа сопровождается великими излишествами, это так естественно, и в этом нет ничего плохого».

Бальзака не оставила равнодушным и критика его концепции власти. Зюльма напрасно считает ее реакционной, уверен он, в действительности его взгляды близки либеральным воззрениям, коих придерживается она сама. «Я только выбираю дорогу, которая вернее приведет к цели, – утверждает Оноре, уточняя свой взгляд на структуру власти. – Отмена привилегий дворянства… Отделение Церкви от Рима. Определение границ Франции по естественным пределам. Уравнение в правах среднего класса. Признание реальных преимуществ. Сокращение расходов. Увеличение доходов за счет улучшения сбора налогов. Всеобщее образование. Вот перечень моих политических воззрений, которым я остаюсь верен… Я сторонник сильной власти… И не продаюсь за деньги или за симпатию женщины, ни за какие погремушки, ни за власть, потому что мне нужно все».

В этом письме он просит Зюльму не афишировать раньше времени его взгляды, так как это может вызвать недовольство тех, на чью поддержку писатель рассчитывает, если вдруг решит баллотироваться в депутаты. Конечно, поступая так, обманывает доверие придерживающихся правых взглядов людей, которые ему сочувствуют, но убежден, что со временем сумеет решить эту проблему и его философия восторжествует, так как выражает саму природу вещей, присущую новому веку. А своим будущим романом, «Сельским доктором», заслужит уважение честных людей: «Это произведение завоюет мне новых друзей». В любом случае Зюльма обязана понять, что он свободен от каких бы то ни было любовных уз, что деньги и титул ничего для него не значат, равно как и чье-либо мнение. «Полагаю, что жизнь, подобная моей, не должна позволять цепляться за женскую юбку, я должен следовать своей судьбе, шагая широко, смотря поверх корсетов».

В тот же день Бальзак пишет письмо матери, в котором звучит отнюдь не презрение к заботам света, напротив, почти детская радость, довольство в предвкушении грядущего аристократического путешествия в Италию. Там он будет в окружении маркизы де Кастри, герцога и герцогини Фитц-Джеймс: вот это дело! «Моя поездка будет прекрасной, ведь герцог для меня – словно отец родной. Постоянно буду вращаться в высшем обществе. Я никогда и помыслить не мог ни о чем подобном. Он [герцог] уже бывал в Италии. Его имя откроет для меня все двери. Герцогиня и он очень хорошо ко мне относятся».

Оноре уточняет, что едет из Женевы в Рим в одной коляске с госпожой де Кастри, что, будучи четвертым в этом предприятии, должен заплатить лишь 250 франков из 1000 и что в эту сумму входит питание, гостиница, транспортные расходы.

Покинув Экс, путешественники сначала остановились в Женеве, в гостинице «Корона». Бальзак был по-прежнему предупредителен и исключительно любезен по отношению к маркизе, рассчитывая, что климат Швейцарии окажется благоприятнее для реализации его намерений. Но, как и в Эксе, его спутница была начеку, ограничиваясь лишь улыбками. У него вдруг забрезжила надежда, когда во время пешей прогулки на виллу Диодати, расположенную высоко в горах и овеянную воспоминаниями о Байроне, госпожа де Кастри позволила Оноре один поцелуй, украдкой. Увы! Она быстро взяла себя в руки и непреклонно заявила, что никогда не будет ему принадлежать. Бальзак вернулся в Женеву со слезами на глазах, раздосадованный тем, что эта женщина одним словом разорвала сети, в которые, казалось, с удовольствием стремилась попасть. Не признаваясь Зюльме Карро в смертельном разочаровании, он тем не менее сообщает, что его вновь одолевают неприятности и придется отказаться от поездки в Италию: «С момента получения вашего последнего письма я много страдал, невзгоды мои тем сильнее, что причина их кроется в моей исключительной чувствительности художника, готовой пробудиться от любого движения. Прощайте, думайте обо мне, как вы думаете о всех людях, согнувшихся под гнетом работы и многих печалей».

Итак, из-за отказа маркизы Италия потеряла для Оноре всю свою привлекательность, он решает возвратиться во Францию. Объявив женевской полиции, что направляется сразу в Париж, находит пристанище в Булоньере у госпожи де Берни, где надеется на утешение всепрощающей дружбы, рассчитывает забыть перенесенное унижение. И несмотря ни на что, расстался с маркизой де Кастри как хорошо воспитанный человек, продолжая переписку. Даже рассматривал возможность спустя несколько месяцев, несмотря ни на что, присоединиться к ней в Риме. Но настоящую свою горечь и грусть поверяет бумаге: исповедь доктора Бенаси должна стать частью «Сельского доктора». Герой признается, что покинул свет по вине женщины с камнем вместо сердца, лишившей его всяких надежд. «Зачем было называть меня несколько дней своим любимым, если она намеревалась отобрать у меня этот титул, единственный, к которому я стремился всей душой?.. Ведь она все скрепила своим поцелуем, этим сладостным и священным обетом… Воспоминания о поцелуе не стираются вовек… Когда же она лгала? Когда опьяняла меня своим взглядом, шепча имя, которое я дал ей, полюбив… или когда она односторонне порвала договор,

налагавший обязательства на наши сердца, договор, в силу которого наши помыслы сливались и мы становились как бы одним существом?.. Вы спросите, как же именно произошла эта страшная катастрофа?.. Да самым обычным образом. Еще накануне я был для нее всем, а наутро – ничем. Накануне голос ее был благозвучен и нежен, взор полон очарования; а наутро голос звучал сурово, взор стал холодным, манеры – сухими; в одну ночь умерла женщина, та, которую я любил».[13]

«Сельский доктор» обошелся без этой жалобы: Бальзак решил, что отношения с маркизой заслуживают лучшего (и более обширного) произведения. Укрывшись под крылышком своей Дилекты, он уже видит новый роман, историю отмщения: честный, благородный человек и кокетка, позабавившаяся его любовью, заставившая страдать. Под именем герцогини де Ланже он накажет презревшую его маркизу де Кастри. Нужно только время, чтобы пережить нанесенное оскорбление, и тогда переживания выльются в шедевр. Но честолюбие его оказалось задето слишком глубоко, рана никак не затягивалась, госпожа де Берни напрасно пыталась вернуть Оноре вкус к работе. «Сельский доктор» был далек от завершения, когда Луи Мам специально приехал за ним в Немур. Бальзак признался, что набросал только названия глав, уверяя тем не менее издателя, что напишет быстро и тот не должен терять веры в него. Мам отнесся к обещаниям скептически.

Госпожа Бальзак, вконец измученная противоречивыми распоряжениями сына, уведомила его, что отказывается далее выполнять порученные ей обязанности интенданта. Молодой художник Огюст Борже, приятель Зюльмы, предложил Оноре переселиться на улицу Кассини, где он мог бы вести домашние дела писателя в его отсутствие. По рукам. Чтобы успокоить мать, которая, как всегда, боялась оказаться однажды без гроша в кармане, Бальзак обещает ей 150 франков в месяц, так можно будет потихоньку разделаться с долгом в 36 000 франков: «Ты можешь рассчитывать на эту регулярную выплату… Отныне я не хочу причинять тебе никакого беспокойства, никаких забот». И опять это только брошенные на ветер обещания, продиктованные абсолютной искренностью намерений.

Зюльма Карро звала его в Ангулем, Эжен Сю – в Париж. Последний весьма цинично описывал свой образ жизни: «Мой дорогой Бальзак, по порядку отвечаю на ваши вопросы. Любовь? – Я содержу молодую особу и забавляюсь тем, что, как я вам уже говорил, заставляю ненавидеть себя и питать к себе отвращение. Она, должно быть, сильно нуждается, раз согласна меня выносить. Одновременно у меня есть женщина из света, о которой я мало забочусь и которая отвечает мне тем же… впрочем, в наши годы… не стоит видеть в любви цель, радость или веру».

Взгляд на любовь как на отношения исключительно физические как нельзя более устраивает Оноре, пребывающего в смятении после истории с маркизой. Видимо, не существует женщина, способная привязаться к нему и телом, и душой. Те, чьи душевные качества он высоко ценит, – госпожа де Берни и Зюльма Карро – вовсе не желанны, вызывающие желание – сейчас это маркиза де Кастри – не способны на большое чувство. Как ни старается бедная Дилекта, удваивая свою нежность, он видит только ее морщины, погасший взгляд и уныло опустившиеся плечи. Она прекрасно отдавала себе в этом отчет и страдала не меньше. Пыталась утешить его и развлечь, а Оноре места себе не находил у пепелища любви, пылавшей когда-то. В конце концов решает ехать в Париж, куда за ним полетят страстные письма госпожи де Берни: «Уж лучше смерть, чем мысли о будущем без любви… Да, дорогой мой, твои живительные лучи пробудили во мне многое, что отныне будет, вероятно, лишним». Она воображает, что в столице его осаждают женщины – красавицы и притом свободные, проклинает собственное бессилие, невозможность быть такой, как они. «Ты запрещаешь мне ревновать, но это равнозначно приказу любить тебя меньше… Знаю, что мне принадлежит твое сердце, знаю, но присутствие рядом с тобой женщин отравляет мне жизнь. Я вижу тебя окруженным ими, и если я говорю, что больше не страдаю, не верь, я лгу тебе, да и себе тоже… Да, я понимаю, что надо кончать с этим и попробовать любить тебя, словно нежный, прекрасный друг».

Сам же Бальзак вдруг понимает, что не в силах проявить интерес к какому-нибудь падшему созданию только ради физической стороны любви. «Я не могу сознательно искать себе утешение, к которому прибегают многие художники, – делится он с Карро. – Ни гризетка, ни содержанка мне не годятся. Утонченная женщина не пойдет навстречу моим желаниям, я же работаю восемнадцать часов в сутки, и странно было бы мне при этом растрачивать себя на глупости, увиваясь за какой-нибудь пустой бабенкой… Еще сильнее я страдаю оттого, что судьба подарила мне душевное счастье во всей его полноте, лишив внешней привлекательности. Она дала мне настоящую любовь, которая должна подойти к концу! Это ужасно… Женитьба дала бы мне возможность передохнуть. Но где найти жену?»

Идеальная спутница видится Бальзаку молодой, хорошенькой, из приличной семьи, занимающей положение в обществе, желательно титулованной, с обеспеченным будущим. Рассудительная, дальновидная Зюльма Карро замечает ему в ответ, что главное для жены такого человека, как он, – скромность, преданность и опыт. «Нужна настоящая любовь, чтобы согласиться на вторые роли. Молодость никогда не пойдет на это. Надо многое испытать из того, что выпадает на долю женщины, чтобы найти очарование в полном отречении от себя самой… Друг мой, жениться следует на человеке, не становиться рабом касты или воззрений. Неужели вы думаете, что добрая женщина, щедро одаренная от природы, способная все понять и требующая взамен лишь некоторых расходов на содержание, но для которой хватит и самой малости, не стоит той, что принесет вам состояние, но до такой степени осложнит вашу жизнь, что вы перестанете быть не только писателем, но и человеком?.. По-вашему, лучше всего было бы приобрести состояние. По-моему, нет ничего хуже».

Эти разумные соображения нисколько не задели Оноре, продолжавшего считать, что идеальная супруга будет любить его за его гений, он же ее – за изящество, ум, скромность и состояние. Многочисленные письма от почитательниц доказывали, что его искусство не оставляет женщин равнодушными. Но сам он? Ведь среди них, старых, некрасивых, бедных, сумасшедших,

искательниц приключений, словно иголка в стоге сена может оказаться восхитительная молодая особа. Некоторые из его корреспонденток – готовые героини рассказов. Увы! Они хороши для склонившегося над рукописью писателя, в реальной жизни общение с ними может обернуться кошмаром. Мир, полагает Бальзак, населен безликими созданиями, привлекающими и отталкивающими одновременно. Где та, что предназначена только ему? Кому отдать свое сердце? Вокруг только юбки, ни одной души. В который раз приходится пожалеть, что внешность его настолько не соответствует тому, что он чувствует. За последнее время растолстел, массивный живот выпирает над короткими ножками, кожа лоснится. Впрочем, Ламартин, видевший Оноре у Жирардена, был поражен его жизнерадостностью и легкостью, несмотря на внушительные габариты и вес, и написал о нем: «Он был крупным, толстым, почти квадратным, полнее даже Мирабо. Главным в выражении его лица был даже не ум, а доброжелательность и стремление к общению… Невозможно представить его себе без доброты».

Доброту признают за ним все, из-за нее он без конца попадает в ловушки. Открытость хороша, когда надо рассказать историю вымышленных персонажей, но, когда тебе противостоят люди из плоти и крови, она обезоруживает. Властелин мира на бумаге становится потерянным ребенком, отложив перо. Это прекрасно известно Зюльме, которой он говорит: «Следует мириться с последствиями собственного превосходства». Фраза, которая могла бы стать его девизом. Но иногда так хорошо сложить свое знамя гения и быть просто счастливым мужчиной, которому не надо заботиться о том, с чем достойно предстать перед вечностью. И он пишет, изнуряя себя, вовсе не для того, чтобы удовлетворить требования очередного издателя, просто надо выполнить соглашение, заключенное с Господом.

Глава четвертая

На сцену выходит Иностранка

Писем от восхищенных читательниц было так много, что, кажется, Бальзак не мог не пресытиться ими, и тем не менее он не уставал вдыхать их фимиам. Одно из них, подписанное «Иностранка» и отправленное из Одессы, выделялось даже на фоне привычных похвал. Корреспондентка восторженно отзывалась о «Сценах частной жизни», упрекая автора за буйные оргии «Шагреневой кожи», подрывающие уважение к женщине. Она не дала своего адреса, Оноре пришлось прибегнуть к объявлению в «La Gazette de France», опубликованному четвертого апреля: «Господин де Бальзак получил письмо, адресованное ему 28 февраля. Он весьма сожалеет о невозможности ответить и надеется, что его молчание будет истолковано верно, так как отвечать через газету ему не хотелось бы». Прошло несколько месяцев, Иностранка не появилась – сомневаться не приходилось, она не прочла объявление. И вдруг, седьмого ноября 1832 года, новое, потрясающее письмо от нее: «Вашей душе – века, ваша философская концепция может быть результатом лишь долгого, проверенного временем поиска. Между тем меня уверяют, что вы еще молоды. Я хотела бы познакомиться с вами и в то же время не вижу в этом необходимости: инстинктивно, душой предчувствую вас, воображаю вас на свой лад и скажу себе „вот он", едва увижу. Ваша внешность не должна иметь ничего общего с вашим пылким воображением. Вас надо оживить, пробудить священный огонь гениальности, который делает вас похожим на то, что вы есть, а вы есть то, что я чувствую: человек, не имеющий равных в знании людского сердца. Когда я читала ваши книги, сердце мое трепетало: вы возвышаете женщину, ее любовь – небесный дар, божественное воплощение. Меня восхищает в вас потрясающая чувствительность вашей души, позволившая все это угадать… Ваш удел – союз ангелов, чьи души знают неведомое другим блаженство. Иностранка любит вас обоих и хочет быть вашим другом: она тоже умеет любить, но это все. Вы поймете меня!.. Для вас я – Иностранка и останусь ею до конца моей жизни. Меня вы никогда не узнаете». Но тут же предлагает переписку, чтобы время от времени сообщать ему о температуре своей пылающей души: «Я восхищаюсь вашим талантом, отдаю должное вашей душе. Я хотела бы стать вам сестрой… С вами и ради вас одного быть вашей справедливостью, нравственностью, совестью». И в конце вполне практическое соображение: «Словечко от вас в „La Quotidienne"[14] даст мне уверенность в том, что вы получили мое письмо и что я без опасений могу писать вам. Подпишите: Э.Г. от О.Б.».

Стиль этого послания, почти мистический трепет отправительницы, тайна, которой она себя окружила, видение далекой России, где она живет, несомненно, в самой варварской роскоши, – всего этого с избытком хватило, чтобы привести Бальзака в волнение. Не раздумывая, следует он инструкциям Иностранки, обращаясь к ней девятого декабря: «Господин де Б. получил предназначенное ему письмо. Только сегодня он сумел воспользоваться услугами газеты и сожалеет, что не знает, куда адресовать ответ. – Э.Г. от О.Б.».

На этот раз связь не прервалась. «Я с радостью получила „La Quotidienne" с вашей запиской, – ответила Иностранка. – К моему большому огорчению, могу написать вам очень коротко, хотя мне есть что сказать вам… но я не свободна! К несчастью, почти все время я пребываю в рабстве… Я не хотела бы и впредь оставаться в неизвестности о том, что касается моих писем, и потому попробую придумать способ свободно переписываться с вами, полагаясь на ваше честное слово не искать встречи с той, что будет получать ваши письма. Если узнают, что пишу вам и получаю от вас письма, – для меня все пропало».

Некоторое время спустя завеса тайны приоткрылась – Иностранка рассказала, кто она. С любопытством, нежностью и уважением Бальзак узнал, что это урожденная Эвелина Ржевузская из польской дворянской семьи, связанной корнями с Россией. В 1819 году она вышла замуж за Венцеслава Ганского, предводителя волынского дворянства, старше ее на двадцать два года, владельца поместья Верховня на Украине. Ему принадлежат 21 000 гектаров земли и 3035 крепостных, его состояние оценивается в миллионы рублей, чету обслуживает сонм слуг. Французские состояния – мелочь в сравнении с этой восточной роскошью! Кажется, там все не знает границ – и души, и земли, и счета в банке, и страсти. Рядом с великолепной полькой

Ганской маркиза де Кастри становится едва различимой. Отвечая Иностранке, выражающей ему свое восхищение, Оноре отыгрывается за отказавшую ему француженку. Ему кажется, что госпожа Ганская состоит из одних достоинств: не скрывает, что ей двадцать семь, что весьма богата, что старый муж для нее скорее отец. Чтобы сохранить в тайне их переписку, предлагает Бальзаку запечатывать письма в два конверта, указывая на верхнем имя Анриетты Борель (Лиретты), швейцарской гувернантки ее дочери Анны. Девочке четыре с половиной года, это единственный ребенок, оставшийся в живых, из пяти, рожденных госпожой Ганской.

Набожная, чувствительная Иностранка живет в своем необъятном поместье среди мрамора, зеркал, картин, оранжерей и пытается развеять одиночество и скуку чтением французских романов. Бальзака она боготворит и отказывается от встречи главным образом из боязни разочароваться. Осыпанному ее похвалами писателю кажется, что, не покидая своего кресла, он отправился в путешествие. Уверяет корреспондентку, что их объединяет вера сердец, которая не знает границ, что оба они принадлежат к племени «изгнанников небес». «У всех этих несчастных изгнанников, – говорит он ей, – есть что-то общее в звуке голоса, в речах, мыслях, и это что-то отличает их от других, связывает их, несмотря на расстояния, язык… И если в вашей свече вдруг засияла звезда, если вы слышите незнакомый вам шепот, если в огне вам чудятся лица, если рядом с вами неожиданно что-то засверкало и вы слышите чей-то голос, верьте, это мой дух проник сквозь роскошные стены вашего жилища. Вам я обязан минутами покоя и счастья, которые были у меня, вопреки непрестанной борьбе, тяжелому труду, бесконечному учению в суетном Париже, где политика и литература ежедневно отнимают у меня, несчастного, шестнадцать-восемнадцать часов жизни».

Пусть только она не сердится на него за те места в его книгах, что оскорбляют ее чувства. «Мадам, отнесите шокирующие вас в моих произведениях пассажи на счет необходимости, вынуждающей нас больно бить пресыщенную публику. Отважившись своими трудами дать представление о литературе вообще, стремясь оставить после себя монумент исключительной прочности, коей он обязан не красотой своей, а весомостью и обилием пошедшего на него материала, я обязан теперь браться за все, иначе меня обвинят в бессилии и беспомощности».

Бальзак по-прежнему почти ничего не знает о своей корреспондентке, но рассказывает ей о своей работе и замыслах, словно старинному другу. В конце января 1833 года сообщает, что переделывает «Луи Ламбера» – «самую печальную свою неудачу». А вот «Сельский доктор», напротив, видится ему ни больше ни меньше как поэтическим «Подражанием Иисусу Христу». Что до «Битвы» – это будет вещь смелая и наделает много шума: «Здесь я пытаюсь показать читателю все ужасы и всю красоту поля битвы. Моя битва – это Эсслинг. Эсслинг, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я хочу, чтобы сидящий в своем кресле совершенно равнодушный человек увидел место сражения и все, что там происходило, множество людей, движение войск, Дунай, мосты, восхитился деталями и общей картиной борьбы, услышал артиллерийские залпы, заинтересовался перемещением фигур на этой шахматной доске, увидел все, и в малейшем движении этого огромного организма угадал Наполеона, которого я либо вовсе не стану показывать, либо покажу, как он вечером переправляется на лодке через Дунай. И ни одной женщины. Только пушки, лошади, две армии, военные формы. Пушка прогремит на первой странице и замолчит только на последней. При чтении вам будет мешать дым от выстрелов. Когда вы закроете книгу, вам покажется, что видели все своими глазами, и будете вспоминать сражение, будто принимали в нем участие».

Оноре признается госпоже Ганской, что не может без раздражения перечитывать собственные сочинения, увидевшие свет, так много там стилистических погрешностей: «Переиздана „Шагреневая кожа“, и снова я нахожу сотни ошибок. Это не может не огорчать поэта». Критики упрекают его в расхлябанности: «Со всех сторон мне говорят, что я не умею писать, и это тем более жестоко, что я сам признаю это за собой. Но если день я посвящаю работе над новыми произведениями, то ночами – совершенствую старые». Бальзак с упоением открывает душу этой незнакомой женщине, ему стоит большого труда заставить себя остановиться: «Что ж, надо прощаться! И как надолго. Письмо это будет в дороге, быть может, месяц, вы будете держать его в руках, а я, возможно, никогда вас не увижу, вас, которую я ласкаю, словно наваждение, которая надеждой живет в моих грезах и в которой воплотились все мои мечты. Вы не знаете, что это такое – заполнить одиночество поэта нежным ликом, черты которого столь притягательны своей нечеткостью».

От письма к письму усиливается их взаимное притяжение. Госпожа Ганская хочет знать все о том, кто завладел ее сердцем, она украдкой расспрашивает о нем поляков, которые могли встречать его в Париже или слышать там разговоры о нем. Что-то удивляет ее, что-то беспокоит, она ставит это ему в упрек. Бальзак защищается. Неужели кто-то действительно говорит о его пристрастии к алкоголю? «Этот господин решительно не прав, я пью только кофе. Единственный раз я был опьянен, да и то сигарой, которую Эжен Сю заставил меня выкурить помимо моей воли». Кстати, об Эжене Сю. Некто поведал госпоже Ганской о развлечениях Оноре в компании распутных мужчин, в число которых, безусловно, входит автор «Саламандры». «Эжен Сю, – отвечает он, – добрый, любезный молодой человек, который бахвалится своими пороками, в отчаянии от своей фамилии, обожающий роскошь, потому что ему кажется, будто это придает значительности, вот и все. И хотя немного потрепан жизнью, все же лучше своих произведений». Пусть она не верит тем, кто говорит, что Оноре растрачивает себя на светские развлечения. Так было когда-то, теперь все по-другому: «Года два назад мы собирались с двумя-тремя приятелями за полночь, и я рассказывал истории. Я отказался от этого из риска стать затейником, которого не принимают всерьез». Сплетни и вовсе выводят его из себя: «Я не могу сделать ни шагу, чтобы это не было истолковано в самом дурном свете. Что за наказание – быть знаменитым!» Что касается великого разочарования, о котором говорит весь Париж, – его неудаче с маркизой де Кастри, оно в итоге оказалось весьма благотворным, так как позволило вернуться к «тишине и одиночеству». «Обиняками я вам уже говорил об этом жестоком приключении и не имею права сказать больше. Я вынужден был из деликатности разлучиться с этой особой, не все еще решено окончательно. Я страдаю, но не осуждаю ее». Светское злословие хорошо ему известно, и если кто-

то во всеуслышание критикует его при ней, не стоит в открытую негодовать – этим она обнаружит свой интерес к нему. «Не надо пустой неосторожности. Молю вас, не произносите вслух мое имя, пусть его порочат, мне безразличны эти пересуды». Имеет значение только уважение Иностранки: «Меня зовут Оноре,[15] и я хочу быть достойным своего имени», – с гордостью заявляет он. Потом умоляет корреспондентку писать в мельчайших подробностях о том, как минута за минутой, за чтением, вышиванием, разговорами проходят ее дни… «Прощайте, – завершает он, – я доверил вам все тайны моей жизни, знайте – моя душа принадлежит вам».

И все же Бальзак настолько опасается пересудов, которые могли бы изменить отношение к нему Иностранки, что несколько недель спустя решает на убедительных примерах доказать ей – нет ни одной незапятнанной писательской репутации: писатель и журналист Жюль Жанен считается любовником актрисы мадемуазель Жорж, которая его бьет; Виктор Гюго, у которого есть жена и дочь, провозглашается безумно влюбленным в другую актрису, «отвратительную» Жюльетту (Друэ), которая потребовала, чтобы он заплатил 7000 франков ее прачке: «Вы представляете себе великого поэта, а он поэт, работающего ради того, чтобы оплачивать прачку мадемуазель Жюльетты?»; блистательный денди Скриб – «болен и совершенно исписался»; Жорж Санд «обесчестила себя», оставив Жюля Сандо ради некоего Гюстава Планша, презираемого всеми, но превозносившего ее в «La Revue des Deux Mondes». «Итак, пожалейте Сандо и забудьте о госпоже Дюдеван [Жорж Санд]». Рядом с этими несчастьями и мерзостью его, Бальзака, жизнь в его собственном изложении кажется воистину безгрешной, лучезарной, полной исключительно писательских забот, от которых его отвлекают лишь длинные послания к Иностранке, которые он сочиняет часами. Но это своего рода молитва божеству, издалека его хранящему.

Прилежание, с которым Оноре отдается переписке с госпожой Ганской, тем более замечательно, что в начале 1833 года он завален работой: заказы, новые проекты, корректура. Неуспех «Луи Ламбера» – читатели негодовали, критики ругали – заставил Бальзака отказаться от мистики и спуститься на землю. В «La Revue de Paris» от него требовали обещанных по контракту рассказов, он спешно сочинял «Феррагюса» – первый эпизод «Истории тринадцати». Полное тайн и заговоров повествование, по мнению автора, не могло не доставить удовольствия публике. Его отец был масоном, ритуалы этого общества всегда притягивали Оноре. Он пытался проникнуть в чувства людей, самых обыкновенных на первый взгляд, давших клятву верности братству, помогавших друг другу и в благих делах, и в преступлениях. Писатель с большим воодушевлением представлял себе приключения тринадцати заговорщиков, которых объединила «религия удовольствия и эгоизма». Возглавляет «неутолимых» наделенный невероятной энергией Феррагюс – бывший каторжник, благородный мститель и ниспровергатель законов, разбойник и защитник, в котором желание властвовать сочетается с нежной отцовской любовью. Он обожает дочь, скрывая от нее истинное свое лицо. Преданность и жестокость, чистота и насилие, свет и тьма будут держать читателя в напряжении с первой до последней страницы. Погрузившись в эту мелодраму, нельзя будет не поддаться ее обаянию. Герцогиня Беррийская, узница крепости Блэ, куда она попала за подготовку восстания в Вандее, просила своего доктора Меньера написать Бальзаку, чтобы еще до публикации последних глав узнать, что судьба уготовила несчастному Феррагюсу и его ангелоподобной дочери. Когда же наконец получила журнал с окончанием и с жадностью на него набросилась, то, по словам доктора, плакала и стенала. «Спасибо, волшебник, – продолжает Меньер, – вы – добрый гений, покровитель узников, и все страждущие, ведь скука и означает страдание, благодарны вам».

Польщенный Оноре отвечал: «Мой дорогой Меньер, нет ничего прекраснее на свете, чем быть добрым гением и покровителем узников. Но говорить с теми из этих ангелов, чье имя – женщина, все равно, за что они страдают, стоит любой славы… Так поймите же мою радость при мысли о том, что мне удалось помочь забыть о бедах в тиши печальных стен». Вскоре он объявляет о публикации второй части «Истории тринадцати», предварительно озаглавленной «Не прикасайтесь к секире», которая в конце концов станет «Герцогиней де Ланже». Анонс продолжения появился в «L'Écho de la Jeune France» – легитимистском журнале под патронажем герцога Фитц-Джеймса.

На создание этого романа автора вдохновил его собственный, вполне реальный, неудавшийся роман с маркизой де Кастри. В нем речь идет о наказании, которому Тринадцать подвергают прекрасную, надменную, распутную женщину, которая остается безразлична к любви генерала, маркиза де Монриво. Полгода удерживает она его подле себя, не позволяя выйти за рамки простого ухаживания. Измученный генерал организует похищение герцогини, мечтая заклеймить ее каленым железом, дабы спасти от этой отравы другие сердца. Она не дрогнула перед лицом столь варварской расправы, напротив, видит в ней свидетельство исключительной любви: «Обозначив таким образом, что женщина принадлежит тебе, приобретая в рабыни душу, носящую это красное клеймо, ты не сможешь больше расстаться с ней, ты навсегда будешь принадлежать мне». Происшедшее заставляет ее по-иному взглянуть на свою жизнь, признать суетность и тщету общества, к которому принадлежит, герцогиня решает уйти в монастырь, откуда ее пытается вызволить Монриво, полагаясь на помощь Тринадцати. Увы, он приезжает слишком поздно, возлюбленная умерла. Опасное приключение закончилось, на руках у генерала только мертвое тело. Один из его раздосадованных товарищей процедит сквозь зубы: «Это была женщина, теперь – ничто». – «Да, – ответит Монриво, – теперь это только стихотворение».

Бальзак писал это произведение, пылая жаждой мести, изобличая женское притворство и эгоизм аристократического общества. Ночами поддерживал себя и спасался ото сна крепким кофе: контракты, под которыми он так неосторожно направо и налево ставил свою подпись, вынуждали работать на пределе сил. Помощь и утешение приносила дружба, почти всегда с женщинами, с легкой дымкой любви. В его ближайшем окружении на деле не было мужчин, ни с кем не было по-настоящему братских отношений, никому не мог он довериться, ни на кого опереться. У автора «Тринадцати» не было ни одного товарища-мужчины. Помощь, привязанность, преданность шли от женщин: госпожа де Берни, бывшая больше чем любовницей, почти матерью, Зюльма Карро с ее порой грубой откровенностью, в чьей поддержке он мог быть уверен, сестра Лора, с детства понимавшая его

с полуслова, покинутая им и обиженная герцогиня д'Абрантес, Иностранка, с которой он теперь переписывался. Их милые лица и чудные голоса призывали собраться с силами, вдохнуть поглубже, отказаться от кофе. Зюльма Карро упрекала Оноре в неблагодарности – он должен быть счастлив в окружении стольких верных и тонких почитательниц: «Вы непрестанно жалуетесь на отсутствие женской привязанности, вы, чьи самые плодотворные годы были освещены присутствием самой благородной, самой бескорыстной женщины [госпожи де Берни]. Посмотрите вокруг, найдите хотя бы трех мужчин, которым так бы благоволила судьба». Раз уж ему так хочется жениться, советует поискать невесту за пределами мира богатых, где все выставляется напоказ. Если хочет преуспеть как литератор, упрочить свое имя, которое прозвучало, но не принесло пока настоящей славы, пусть откажется от услуг Эмиля Жирардена: «Он – спекулянт, а такого рода люди не пожалеют и собственного сына. Они жестоки, в этом мне самой пришлось убедиться… Можете обойтись без него – попробуйте, нет – будьте осторожны». И добавляет для ясности: «Если бы рядом с вами всегда были простые, добросердечные люди вроде нас, вы были бы счастливее, хотя краски ваших произведений, может быть, стали менее яркими». Она даже предлагает представить его «прекрасной кузине», которая, как ей кажется, стала бы решением проблемы. «Это статуя, которую нужно оживить, у нее вполне провинциальное воспитание, хорошее приданое и желание оставаться в провинции месяцев девять. Если вам нужны только деньги, она подходит. Достаточно ли этого для любовного пыла? Вопрос остается открытым».

Но никакая «прекрасная кузина» Бальзаку не нужна, он любит Иностранку, и у него полно дел. «Я завален работой, – отвечает он. – Живу как заведенный. Ложусь с курами, в шесть-семь часов вечера, в час ночи меня будят, работаю до восьми; после этого сплю еще полчаса-час; затем съедаю что-нибудь не слишком существенное, выпиваю чашку крепкого кофе и снова принимаюсь за работу, до четырех; принимаю посетителей, иду в ванную или, наоборот, выхожу из дома, а после ужина ложусь. Я не могу нарушить этот распорядок в течение нескольких месяцев, иначе не справлюсь с обязательствами. Доходы растут медленно, долги – огромны и никак не убывают. Но теперь у меня появилась уверенность в приобретении большого состояния, надо только подождать, работая не покладая рук года три. Надо многое переделать, исправить, привести в порядок. Работа неблагодарная, бесконечная, не приносящая сиюминутного дохода… Работа и мысли о жизни в денежном эквиваленте полностью меня поглощают. Я слишком много работаю и слишком измучен, чтобы позволить проснуться скрытым огорчениям, которые съедают мое сердце. Быть может, я откажусь от своих взглядов на брак и смогу отказаться от многого из того, что сейчас требую от женщины». Доктор Наккар продолжал настаивать на отдыхе, Оноре, уступив просьбам Зюльмы Карро, решает провести недели три в апреле – мае в Ангулеме.

Его возвращения ждут разъяренные издатели Гослен и Мам, обвиняя в том, что он нарушил обязательства, отдав в новый журнал «L'Europe littéraire» свою «Теорию походки», соединившую медицинские аспекты с философскими, и готовя для этого же издания новый роман «Евгения Гранде». Мам полагал, что подобный обман граничит с мошенничеством, а потому подал на Бальзака в суд, занимавшийся коммерческими тяжбами. Возмущенный писатель вихрем ворвался в типографию и разгромил набор «Сельского доктора». Этот необдуманный поступок заранее настроил против него судей. Возможные последствия приводят его в ужас, он просит вмешаться герцогиню д'Абрантес, чьи «Мемуары» издавал тот же Мам. Она соглашается взять на себя миссию дружеского посредника, уверяет Бальзака, что защищала его, как сестра любимого брата, и призывает прийти как можно скорее, возобновив традицию их длинных бесед на политико-литературные темы. Он отклоняет приглашение, даже упрекает, что расхваливала Маму «Сельского доктора», которого этот отвратительный эксплуататор должен на днях напечатать. «Вы оказали мне печальную услугу, заговорив о моем произведении с этим подлым мучителем, носящим имя Мам, чей вид сулит кровь и разорение и кто к слезам обиженных им мечтает добавить горести бедного трудящегося человека. Он не может разорить меня, так как у меня нет ничего, он пытался опорочить меня, причинить мне боль. Я не иду к вам из боязни встретить этого висельника. Каторжникам отменили клеймо, но перо навсегда отметит печатью бесчестья этого скорпиона, принявшего человеческое обличье». Тем не менее «скорпион» выигрывает дело. Назначенные судом посредники 27 августа 1833 года подтверждают, что Бальзак проявил недобросовестность, потратив восемь месяцев на «Сельского доктора», и дают ему четыре месяца, чтобы закончить новый роман «Три кардинала». В противном случае ему придется выплатить издателю три тысячи восемьсот франков. Но это же позволит ему впредь самостоятельно распоряжаться авторскими правами.

После такого несправедливого решения остается надеяться только на успех «Сельского доктора» в качестве успокаивающего средства. Роман поступает в продажу 3 сентября 1833 года. Автор вполне доволен своей работой и гордо заявляет Зюльме Карро: «Вы прочтете это восхитительное творение и поймете, что было со мной. Клянусь честью, теперь я могу мирно умереть, я сделал для своей страны великую вещь. На мой взгляд, эта книга стоит больше всех принятых законов и выигранных сражений. Это – Евангелие в действии».

К доктору Бенаси, человеку известному, мэру горной деревушки, приходит военный, майор Женеста́, и он показывает ему хижины, обитатели которых считают его спасителем. Некогда по не известным никому причинам он обосновался в этом затерянном в горах уголке и занялся не только лечением несчастных его жителей, но попытался привести в порядок дома, наладить орошение бесплодных земель, провести дороги, учить детей, привить культуру. Благодаря ему за десять лет число семей в деревушке увеличилось со ста тридцати семи до тысячи девятисот. Но Бенаси не занимается никакой политической деятельностью. Бальзак тем самым стремился показать, что можно улучшить уровень жизни простого люда, привить ему вкус к работе и в конечном счете сделать счастливым. Законы должны работать для таких людей, но нельзя допустить, чтобы эти люди составляли законы. Некие высшие силы должны править, думая о справедливости и любви к ближнему. Противник всеобщего избирательного права и усреднения, Бальзак не склонен защищать определенную касту. Он восхваляет отношения между просвещенной буржуазией и народом, пытающимся улучшить свое существование, в основе которых – ум, понимание, терпимость. Его герою удается пробудить городок от апатии, беседуя с каждым, будь то неграмотный крестьянин, больной туберкулезом подросток, отстающий в развитии сирота, старый служака с нескончаемыми воспоминаниями или нищенка.

Самое главное – привести их к осознанию собственного человеческого достоинства, научить взаимопомощи. И если бы таких, как Бенаси, было больше в этом мире, Франция была бы спасена. Вслед за врачующим тела и души доктором читатель проникает в дома и судьбы многих людей. Навещает больных, сидит у постели умирающего, слушает бывшего солдата, просто и смачно рассказывающего об Императоре. В конце концов Женеста становится понятно, почему Бенаси решил посвятить себя этой жизни. Поначалу, когда Оноре еще остро переживал разрыв с маркизой де Кастри, доктор оказывался в деревне, пытаясь забыть о бездушной женщине, во второй версии, которая и увидела свет отдельным изданием, одиночество и благотворительность – искупление за беспутную юность. В этом романе мало действия, рассказ о том, как проходит день сельского доктора, соседствует с описанием городка, который расцветает от присутствия этого человека, слышно наивное и чистое эхо наполеоновских походов, это гимн природе, семье, религии…

Несмотря на явные достоинства нового произведения Бальзака, реакция читателей оказалась сдержанной, критиков – резкой. Почти все упрекали автора в том, что это не роман, а какая-то мешанина из политической утопии, сельской экономики, коммунального управления, практической медицины и религии. Автор, воображавший, что подарил стране новое Евангелие, был сражен, что, впрочем, не помешало ему выдвинуть книгу во Французскую академию на премию Монтиона, которая присуждалась за сочинения, полезные для улучшения нравов. Увы! «Сельский доктор» не привлек внимания членов комиссии. Между тем премия могла принести Оноре совсем не лишние восемь тысяч франков. Он был в бешенстве, но старался казаться равнодушным к происходящему.

Такое унижение после стольких надежд! Единственный выход – бежать из Парижа, где его ненавидят. «Меня глубоко обидели», – пишет он госпоже Ганской, хотя, как всегда, не теряет веры в свою звезду: «То, что огорчало и приводило в ярость лорда Байрона, у меня вызывает лишь смех. Я хочу править интеллектуальным миром Европы. Еще два года терпения и труда, и я пройду по головам тех, кто хотел бы связать мне руки, остановить мой полет».

Как раз в это время госпоже Ганской удалось уговорить мужа отправить ее в Швейцарию, в Невшатель, родной город гувернантки их дочери. Она обосновалась там с домочадцами и приглашала Оноре тайком приехать и поселиться неподалеку. Они стали бы встречаться. Бальзак ликовал. Конечно же, едет! Под другим именем, чтобы не быть узнанным (это сделает приключение еще более пикантным). Он уже попросил Ганскую позволить называть ее не полным именем – Эвелина, а Евой: «Позвольте мне сделать ваше имя короче, так оно лучше скажет вам о том, что вы для меня – единственная в мире женщина, словно первая женщина для первого мужчины». Как залог любви посылает ей прядь своих волос: «Пока они черные… Я решил отпустить их, и все спрашивают – почему. Почему? Мне хотелось бы, чтобы их было так много, чтобы вы плели из них цепочки и браслеты… Милый ангел, сколько раз я говорил: „О, если бы меня полюбила женщина двадцати семи лет, как я был бы счастлив, я любил бы ее всю жизнь, не опасаясь разлук, неизбежных с годами“». И заключает: «Я уже вижу ваше озеро. Иногда моя интуиция бывает настолько сильной, что я уверен – увидев вас, скажу: это она. Она, моя любовь, это ты. Прощай. До скорой встречи».

Чтобы это неожиданное путешествие не вызвало подозрений, Бальзак рассказывает своему окружению об идее коммерческого предприятия, своего рода клуба любителей книг, где издания, весьма умеренные в цене, распространяются по подписке через специальные общества и кружки. Это потребует специальной бумаги – легкой, прочной и дешевой. Такую производят в Безансоне, ему необходимо самому побывать там. Дальше остается удрать незаметно в Швейцарию и встретиться, наконец, с Иностранкой.

Оноре уезжает из Парижа в воскресенье, двадцать второго сентября, в шесть часов вечера. Двадцать четвертого он уже в Безансоне у своего друга Шарля де Бернара, затем наносит несколько ни к чему не обязывающих визитов, связанных с выдуманным им делом, и в тот же вечер он отправляется в Невшатель. Прибывает туда двадцать пятого, останавливается в гостинице «Сокол» и немедленно начинает поиски пансиона Андрие, где живет Ганская. Спустя десять лет он будет вспоминать тот миг, когда впервые увидел Иностранку: «Вы не знаете, что произошло со мной в этом дворе, каждый камешек которого запечатлен в моей памяти, и длинные доски, и сарай, когда я увидел в окне ваше лицо! Я больше не чувствовал себя и, когда заговорил с вами, словно оцепенел. Это оцепенение, этот ураган, который в своем неудержимом натиске ослабевает на время, чтобы обрушиться с новой силой, бушевал два дня. „Что она подумает обо мне?“ – вот фраза, которую я, словно безумный, в ужасе без конца повторял про себя».

Между тем он отправил, как всегда в двойном конверте, записочку госпоже Ганской, сообщая, что с часу до четырех будет прогуливаться недалеко от ее дома: «Все это время я буду любоваться озером, которое совершенно не знаю. Я могу остаться здесь все время, что будете вы. Ответьте, могу ли писать вам здесь до востребования, будучи уверенным в полной безопасности, так как боюсь причинить вам малейшую неприятность… Будьте любезны, сообщите мне, как точно пишется ваше имя. Примите тысячу поцелуев».

Встреча состоялась. Госпожа Ганская увидела толстяка невысокого роста, с длинными волосами, ужасными зубами и огнем в глазах. Но ее разочарование длилось не дольше взгляда: едва он заговорил, она узнала того, чьи письма получала, и он вновь завоевал ее. Что до Бальзака, он таял от восхищения перед женщиной с восхитительными формами, чей рот был создан для поцелуев. Она прекрасно, лишь с легким акцентом, говорила по-французски. На ней было фиолетовое платье – любимый цвет Оноре. Простое совпадение или знак свыше? К несчастью, рядом стоял муж. Их представили друг другу, завязалась светская беседа, за которой обе стороны с трудом могли скрыть свою страсть. Иностранка показалась Бальзаку совершенно в его вкусе.

Он напишет сестре: «Я счастлив, очень счастлив мысленно, и намерения мои самые благие. Увы! Проклятый муж все пять дней не оставлял нас ни на минуту, переходя от юбки своей жены к моему жилету. Невшатель – маленький городок, и женщина, известная иностранка, не может сделать ни шагу, который остался бы незамеченным. Я был словно в огне. Сдержанность не идет мне. Но главное, что ей двадцать семь, что она хороша и вызывает обожание, что у нее самые прекрасные в мире черные волосы, нежная, изумительно тонкая смуглая кожа, маленькая ручка, созданная для любви, наивное сердце двадцатисемилетней женщины, словом, настоящая мадам де Линьоль,[16] неосмотрительная до такой степени, что готова была броситься мне на шею перед всем миром. Я не говорю тебе о невероятном богатстве, что оно значит рядом с этим шедевром красоты, сравнить ее могу лишь с княгиней Бельджозо,[17] впрочем, она неизмеримо лучше… Я опьянен любовью». Во время одной из прогулок они отправили мужа заказать завтрак. «Но мы были на виду, – продолжает Бальзак. – И, наконец, в тени большого дуба, она подарила мне первый тайный поцелуй любви. Ее мужу скоро шестьдесят, я поклялся ждать, она обещала мне свою руку и свое сердце».

Возраст и плохое здоровье Венцеслава Ганского позволяли Оноре мечтать о женитьбе на той, кто, быть может, на его счастье, скоро окажется вдовой. Тогда он смеет рассчитывать не только на семейное счастье, но и на украинское поместье, земли, слуг! Влюбленные шепотом обменялись клятвами, следуя по пути Жан-Жака Руссо на остров Сен-Пьер, расположенный посередине озера Биль. Было решено, что писатель присоединится к Ганским в Женеве, где они намеревались провести конец года. Видение скорой встречи смягчило грусть разлуки. А легкий поцелуй, который они позволили себе во время прогулки, прозвучал дивным обещанием грядущих наслаждений. В Женеве Оноре рассчитывал найти способ обладать этой женщиной, представшей воплощением всех его мечтаний о будущем. Она оказалась такой, какой он ее себе представлял, увидев, не был обманут. Просто чудо! Перед отъездом дал Анне, дочери Евы, медаль, на оборотной стороне которой было выгравировано: «Adoremus in aeternum». Чуть позже Ева подарила Бальзаку свой портрет в миниатюре, выполненный тоже в виде медальона.

Покинув Невшатель, Оноре снова остановился у Шарля де Бернара, который пригласил его позавтракать у городского библиотекаря Шарля Вейса. Тот отметил в своем дневнике: «Господину де Бальзаку тридцать четыре года, он среднего роста, полный, с широким, почти квадратным, белым лицом, черными волосами. В нем есть что-то кокетливое, но хорошего вкуса. Он прекрасно говорит, без претензий и без конца». И спустя два дня снова вернулся к их встрече: «В политике господин де Бальзак провозглашает себя легитимистом, но судит, как либерал. Из этого я заключил, что он не слишком хорошо знает, что думает».

Итак, Бальзак садится в дилижанс, на этот раз в сторону Парижа. Он путешествует на втором этаже «в компании пяти швейцарцев из кантона Во, которые отнеслись ко мне, словно к скотине, которую везут продавать». Едва придя в себя после дороги, вынужден обратиться к запутанным делам, что ожидали его в столице: «Все здесь оказалось сверх моих ожиданий в худшую сторону. Люди, которые мне должны и дали мне слово заплатить, не желают этого делать, но мать, которой, я знаю, пришлось туго, проявила беззаветную преданность. И вот, мой дорогой цветок любви, мне надо искупать мое безумное путешествие… Теперь надо работать день и ночь».

Рвение его оказалось скоро вознаграждено: госпожа Шарль Беше, дочь издателя Беше, вдова Пьера-Адама Шарло, скрывавшегося за именем Шарль Беше, став владелицей издательского дома, предложила Бальзаку купить у него за весьма значительную сумму – двадцать семь тысяч франков – все его «Этюды о нравах», включая «Сцены частной жизни», «Сцены провинциальной жизни» и «Сцены парижской жизни». Она планировала издать их в двенадцати томах.

«Я вот-вот должен заключить договор, который позволит мне удержаться на плаву в этом мире наживы, ревности, глупости и еще больше испортит кровь тем, кто хочет идти в моей тени, – пишет он Ганской. – Вот что заставит покраснеть всех лодырей, крикунов, пишущую братию. Я буду свободен от долгов (кроме тех, что должен матери) и волен идти, куда хочу. Если это дело выгорит, я буду богат и смогу сделать все, что хочу, для матери и быть уверенным, что на старости лет мне будет где приклонить голову, у меня будет кусок хлеба и белый носовой платок». Контракт был заключен в мгновение ока, Бальзак ликовал: «Они все лопнут от зависти».

Попутно он отказался от своих планов продажи книг по подписке: слишком обременительно и опасно. Сейчас надо предоставить госпоже Беше почти восемьдесят страниц текста, чтобы дополнить второй том «Сцен провинциальной жизни». За одну ночь Оноре пишет «Прославленного Годиссара». И хотя не придает большого значения истории парижского коммивояжера, наживающегося на провинциалах, персонаж оказался остроумным, с житейской сметкой, до некоторой степени собирательным образом представителей этой профессии. Годиссар начинает с продажи безделушек, но в итоге становится генератором идей и вкладывает акции в железные дороги. Забавно, что свою литературную шутку Бальзак посвятил госпоже де Кастри. Он также адресовал ей полное горечи письмо, в котором упрекал за то, что, обнадежив, выпроводила его. Эти попреки и жалобы задели ее за живое, и двадцать первого октября она, протестуя, отправила ему ответ: «Что за чудовищное письмо вы мне прислали! После такого нельзя больше встречаться с женщиной! И с мужчиной, который может так думать. Вы причинили мне боль, так стоит ли мне извиняться?.. Вы разбиваете сердце, уже разбитое однажды. Сердце, которое дарило вас своей нежностью, которая еще жива в нем, сердце, измученное страданиями, которое было вам благодарно… Прощайте, если я сделала вам больно, вы отомстили жестоко».

Слова эти не оставили Бальзака безучастным, он продолжал дружить с маркизой, но на расстоянии, и дружба эта знала немало бурь. Он рассуждает об этом с Ганской, ее польские подруги рассказывали ей обо всем. «Холодная, да, – соглашается Оноре, говоря о госпоже де Кастри. – Без сердца, да, по крайней мере я так думаю. Она всегда останется для меня святой, но в

болтовне твоих полячек есть доля истины… Обожаемая любовь моя, прочь сомнения, навсегда, слышишь? Я люблю только тебя и могу любить только тебя».

Возможно, сказано от чистого сердца, но когда он пишет это, у него тайная связь с очаровательной молодой женщиной – Марией-Луизой-Франсуазой Даминуа, «милым, самым наивным созданием, которое словно цветок, упавший с небес». Она украдкой приходит ко мне, не требуя ни переписки, ни забот. Она лишь говорит: «Люби меня хотя бы год! Я буду любить тебя всю жизнь!» «Наивному созданию» двадцать восемь лет, уже четыре года она замужем за Ги дю Фреснэ и ждет ребенка от Бальзака.[18] Он горд этим и решает посвятить ей роман, над которым работает, «Евгению Гранде». Писатель дарит героине некоторые черты своей любовницы: она высокого роста, сильная, но эта внешность скрывает ангельскую кротость. Главное действующее лицо, папаша Гранде, бывший бондарь, ставший в результате выгодных спекуляций богатейшим мэром Сомюра, выходит из-под пера автора персонажем необычным. Его жадности, страсти к деньгам и финансовым комбинациям, его политическому оппортунизму, стремлению властвовать противопоставлены святое самоотречение жены и благородство дочери, которую он, обожая, мучает. Она – наследница его состояния, за ее руку бьются многие претенденты. Отец одержим двумя привязанностями – Евгения, чьи личные переживания ему безразличны, и золото, которое он копит с ненасытным удовольствием. Богатство делает его скупым, любая трата кажется лишней, он ютится в бедном домишке, не хватает дров, каждый кусок сахара тщательно отмеривается, еда сведена к минимуму, сальная свеча освещает дом вечерами. Однако жизнь кажется монотонной и серой всем, кроме самого Гранде, который днем наслаждается своими сокровищами, а вечерами дрожит за них. Перед смертью просит Евгению вывалить на стол перед ним сотни сверкающих луидоров. «Они согревают меня», – говорит он. Дочь наследует семнадцать миллионов франков. «В тридцать лет ей неизвестны были никакие земные наслаждения», – пишет Бальзак. Состояние старой девы привлекает господина де Бонфона. Любовные терзания вынуждают ее согласиться на этот брак. Вскоре она остается вдовой с ежегодным доходом в восемьсот тысяч ливров, но живет по-прежнему бережливо, деньги не интересуют ее, кажется, что своей благотворительностью она пытается искупить жадность отца.

Многие, в том числе Зюльма Карро и Лора Сюрвиль, посчитали, что болезненная жадность Гранде преувеличена. Бальзак отвечал им, что жизнь дает множество примеров инстинкта обладания богатством еще более сильного. На самом деле новый роман – это история разрушения семьи человеком, снедаемым навязчивой идеей. Страсть к наживе превратила Гранде в счетную машину, которая сломила его близких.

С появлением каждой следующей книги Бальзак понимает, что, несмотря на всю их несхожесть, они составляют часть единого целого, которое он пока не может определить, но которое придает им еще одно измерение. Каждая из них самоценна, но если рассматривать их как часть архитектурного ансамбля, видятся в ином свете. Ему всегда сразу хочется точно определить, в каком окружении существуют его персонажи: показать города, кварталы, дома, их профессиональную деятельность. Это позволяет охватить взглядом все стороны поведения человека. Понемногу картинки собираются до размеров огромного полотна, дополняя друг друга. Оноре угадывает, что находится на пороге какого-то открытия, касающегося и его самого, и его творчества. «Вас не слишком тронула моя бедная „Евгения Гранде“, в которой так хорошо описана провинциальная жизнь, – делится он с Карро. – Но произведение, в котором собраны представители всех социальных слоев, нельзя, я думаю, понять, пока оно не закончено».

Большинство критиков относится к нему с долей презрения, считая, что Бальзак пишет слишком много и слишком быстро, бурным потокам они предпочитают ручейки. Для них он популярный, но не великий писатель, склонный к напыщенности, преувеличениям, неправдоподобию сюжета. Они говорят, что его литература похожа на него самого: жирная и вульгарная, не знающая меры, за пределами хорошего вкуса. Первым сделал кислую мину Сент-Бёв. Бальзак страдал, но оборонялся: он не мог изменить стиль, так же, как не мог сменить кожу. В «Луи Ламбере» его герой был мыслителем, углубившимся в тайны мироздания, на автора сердились, что он витает слишком высоко, в «Евгении Гранде» он нарисовал обыденную жизнь, взгляд его показался многим слишком приземленным. Как угодить и читателям, и узкому кругу журналистов, от которых зависит провал или слава, и издателям, которые распоряжаются деньгами, столь необходимыми художнику? Самое разумное – писать для себя. Но для этого нужна материальная независимость, а ее может дать только выгодная женитьба. Как ни крути, но мысленно все время приходится возвращаться к браку с госпожой Ганской, которая, на счастье французской литературы, стала бы, наконец, вдовой.

Глава пятая

Искушение плотью, искушение абсолютом

Работу, Деньги и Любовь Бальзак считал неразрывно связанными: без работы нет денег, без денег невозможна любовь. Он завидовал богатым людям, путешествовавшим в свое удовольствие без оглядки на траты. Ему же, чтобы увидеть в Женеве своего милого «ангела», необходимо было прежде уладить дела в Париже, экономить, иначе никак не оплатить дилижанс и отель, забыть о самых минимальных расходах. Даже если женщина не продажна, она дорого обходится страждущему мужчине. Несмотря на исключительно выгодный договор, заключенный с Беше, Оноре по-прежнему не имел ни гроша в кармане. «С детства у меня не было еще и двух су, которые я мог бы считать своими собственными, – пишет он Ганской. – До сих пор мне всегда везло. Но чтобы иметь столько, сколько мне нужно, я должен погрузиться в мир денег. Я впустую теряю время». Благородная Иностранка предлагает помощь, но сумма, присланная ею, – ничтожна: у нее нет собственных средств, состояние принадлежит мужу. Растроганный поклонник благодарит за эту милостыню, от которой решительно отказывается: «Милый

ангел, будь благословенна тысячи раз за твою каплю… Она для меня все и ничто. Ты знаешь, что такое тысяча франков, когда каждый месяц нужно десять… Я пролил над твоим письмом слезы радости, признательности, сладостной нежности, которые и для тебя, и для меня стоят всех богатств на свете… Забудем об этих печальных деньгах».

Несмотря на бесконечные жалобы Бальзака, что он прикован к перу, словно каторжный, Ганская полна подозрений: в Париже его удерживают женщины, во что бы то ни стало стремящиеся завладеть им. Ее ревность и забавляет Оноре, и приводит в негодование. Кого Ева опасается? Госпожи де Кастри? – она больше для него не существует. Госпожи де Берни? – эта пожилая больная женщина заслуживает уважения и сострадания. Зюльмы Карро? – стоит ли бояться столь уродливого создания с душой мужчины? Госпожи д'Абрантес? – он ее упорно избегает. Госпожи Рекамье? «С женщинами, занимающими определенное положение, следует быть учтивым, визит к госпоже Рекамье, я думаю, нельзя считать *отношениями*, тем более что визиты эти случаются раз в три месяца». С другой стороны, Бальзак уверяет, что никуда не выходит, никого не видит, что у него нет никого, кроме Ганской. И что страдает от долгого воздержания. Впрочем, когда пишет Иностранке, забывает о Мари-Луизе-Франсуазе Даминуа, в замужестве дю Фреснэ, этом «небесном цветке», которая приходит к нему на улицу Кассини и ждет от него ребенка. По правде говоря, он не считает, что обманывает Ганскую: милая парижская любовница – явление временное, апофеоз любви ожидает его в Женеве. Оноре заранее предчувствует наслаждение, не забывая и о работе, необходимой в перерывах между ласками той, которую мысленно уже нарек своей «женой». В его письмах намеки на телесные радости чередуются с планами новых романов.

В воскресенье семнадцатого ноября 1833 года он заходит к скульптору Теофилю Бра и замирает перед статуей Богоматери с младенцем, рядом – молящиеся ангелы. Композиции, случайно оказавшиеся рядом, кажутся ему единым целым, наполненным символическим смыслом. Словно в озарении стоит писатель посреди мастерской. «Я увидел, – поделится он с Ганской, – самое прекрасное творение из всех существующих… Это Мария, держащая Христа, которому поклоняются ангелы… Там я задумал замечательную книгу, небольшую, предисловием к которой станет „Луи Ламбер“, я назову ее „Серафита“. „Серафита“ будет рассказом о двух существах в одном, как „Фраголетта“,[19] с той разницей, что это ангельское создание придет к своему последнему превращению, разорвав оболочку, чтобы вознестись на небеса. Оно любимо мужчиной и женщиной, которым скажет, поднимаясь ввысь, что и тот, и другая любили любовь, связывавшую их, находя ее в нем, чистейшем ангеле. Он открывает им страсть, оставляет им любовь, а сам ускользает от наших земных страданий. Если получится, я напишу эту дивную книгу в Женеве, подле тебя. Но грозная „Серафита“ вдруг покинула меня, и уже два дня я вне себя… Вчера сломалось мое кресло, мой верный спутник. Это уже второе кресло, которое я прикончил с начала той битвы, что мне приходится вести».

Не только творение Теофиля Бра приводит в восхищение Бальзака, его поразил и сам художник. Он давно слышал о его необычном уме, о том, что он был дважды женат на ясновидящих, живет в мире, где сверхъестественное в порядке вещей, большой почитатель Сведенборга и верит в шелест крыльев ангелов над головами людей. Возвратившись к себе, Оноре ощутил такое родство с оккультными концепциями Бра, что начинает воображать роман, вспоминая его скульптуру. Пускаясь в новую мистическую авантюру, он, быть может, ищет отдохновения от пошлой реальности «Евгении Гранде».

Бальзак мечтает создать двух необыкновенных персонажей: Вильфрид – альтер эго самого писателя, Минна – воплощение Эвелины Ганской. Обоими руководит двуликий Серафит-Серафита, стоящий над смертными. Андрогин, завоевавший любовь и мужчины, и женщины, достиг высшей ступени своего духовного развития: он стоит на полпути между божественным и земным, устраняя все противоречия, предвосхищая единство материи и духа. Одним своим присутствием освобождает от телесных пут пары, поверившие в него. Его финальное восхождение на небеса – свидетельство способности человека к совершенствованию. Следуя его примеру, Вильфрид и Минна тоже в свой черед станут ангелами.

Размышляя над этим метафизическим сюжетом, Бальзак в который раз пытается проникнуть в тайну мироздания. Но чтобы превратить замысел в роман, его нужно окантовать. Что выбрать? Необходимы живописные места, чистота, холод, огромные пространства. Пожалуй, подойдет Норвегия. Он ничего не знает об этой стране, но есть книги. Итак, обрамление будет белым и стойким, словно души героев. Писатель уже видит, как в начале истории они скользят на лыжах по царству снегов. Остается заняться сверхъестественным. Здесь он чувствует себя как рыба в воде: вновь обратился к Сведенборгу, Сен-Мартену, Месмеру… и даже к ясновидящей. Топография небес известна ему не хуже, чем прилегающих к улице Кассини кварталов. Госпожа Ганская не сможет отговорить его от задуманного: как всякая женщина, да и в силу семейных традиций, она склонна к предчувствиям, подвержена страхам. Ее страсть к чтению питает стремление вырваться за рамки реальности. Итак, чем больше Бальзак занят будущим, тем сильнее его уверенность, что, взяв «Серафиту» с собой в Женеву, сумеет припасть к источнику истинного вдохновения. Он одержим новым романом и в нетерпении от ожидания встречи с той, кому мечтает его посвятить.

Тем временем приходится принять дополнительные меры безопасности их переписки с Ганской. Помимо тайных писем, которые он адресовал на имя Анриетты Борель, Оноре посылал «явные», призванные усыпить подозрения мужа и представить их отправителя в образе друга семьи. Уверения в любви, которыми полны были секретные послания, уступали в открытых место безобидным шуткам доброго парня. В одном из них он сообщает, что выслал скромное украшение с камешками, собранными Анной, несколько баночек айвового варенья для госпожи Ганской и автограф Россини для господина Ганского, его поклонника. Написано оно, как и следует в подобных случаях, вежливо, игриво. «Мадам, я думаю, что дом Ганских не откажется принять эти свидетельства воспоминаний о милом и радостном гостеприимстве, которые хранит дом Бальзака… Я рассчитываю 23-го числа этого месяца быть в Женеве, но для этого, увы, должен завершить четыре тома… Говоря о моих чувствах и воспоминаниях господину Ганскому, постарайтесь, мадам, найти выражения самые изысканные. Поцелуйте в лоб от

моего имени мадемуазель Анну и соблаговолите принять уверения в моем глубоком уважении». В письме, которое отправлено в тот же день на имя Анриетты Борель, он говорит своей «дорогой киске»: «Ты найдешь здесь тысячу поцелуев и жарких ласк. Я хотел бы прижать тебя к сердцу».

В Женеве госпожа Ганская читает «явное» письмо мужу, стараясь по возможности выглядеть сдержанной, оставшись в одиночестве, прижимает к груди тайное, словно согреваясь его теплом. Скрывать ото всех свои чувства оказалось невыносимо, и она обмолвилась о них своему старшему брату Генриху Ржевузскому, писателю, которого Бальзак окрестил «польским Вальтером Скоттом»: «Мы познакомились в Швейцарии и оба от этого в восторге. Он – это господин де Бальзак, автор „Шагреневой кожи“ и других прелестных книг. Знакомство переросло в настоящую дружбу, которая, я надеюсь, продлится всю жизнь. Бальзак очень напоминает вас, мой дорогой Генрих. Даже в его внешности есть что-то от вас, а вы оба похожи на Наполеона… Бальзак – настоящее дитя. Если он любит вас, скажет об этом с искренней прямотой, свойственной возрасту, когда еще кажется, что слова не должны скрывать мысли. Если не любит, быть может, не скажет вам об этом, но возьмет в руки книгу, не для того, чтобы читать, а чтобы не видеть того, кто ему не нравится. Наконец, увидев его, не можешь понять, как подобная ученость и превосходство могут сочетаться с такой свежестью, изяществом, детской непосредственностью мыслей и чувств».

Пока госпожа Ганская в Женеве изливает душу брату, Бальзак в Париже ускоряет темп, работая на пределе сил, превозмогая усталость, поспешно заключает договора, собирая по су себе на дорогу. Чтобы изгладить из памяти унижение, пережитое годом раньше в той же Швейцарии, мечтает снова обосноваться в сумрачной комнате гостиницы «Корона», где столько страдал по вине госпожи де Кастри. Но Ганская нанимает для него светлую комнату на окруженном деревьями постоялом дворе, стоящем на дороге, ведущей в О-Вив. Это совсем недалеко от дома, в котором остановились Ганские с дочерью, гувернанткой, двумя слугами – немцем и русским, горничной из Невшателя Сюзанной (Сюзеттой). В день приезда Бальзака девушка приносит ему пакетик от хозяйки с кольцом-печаткой и нежной записочкой, в которой та спрашивает, по-прежнему ли он ее любит. Ответ следует немедленно: «Через мгновение я взглядом скажу тебе больше, чем на тысяче страниц. Люблю ли я тебя? Но я рядом с тобой. Я бы хотел, чтобы это было в тысячу раз сложнее и чтобы я страдал еще больше. Но вот, наконец, я отвоевал месяц, может быть, два. Целую тебя не один раз, миллионы. Я так счастлив, что больше не могу писать. До встречи. Да, моя комната очень хороша. А кольцо похоже на тебя, любовь моя, восхитительное, изысканное».

С этой минуты между Оноре и Эвелиной устанавливаются по-настоящему сердечные отношения. Они видятся каждый день, Бальзак, ничуть не смущаясь, одурачивает мужа, который отнесся к нему вполне по-дружески: нового знакомого устраивает и забавляет легковерие этого польского дворянина. С его женой они обмениваются подарками и письмами, то тайными, полными желания, то явными, любезными, ничего не значащими, для успокоения супруга. Бальзак подшучивает над манерой «дорогой графини» произносить некоторые французские слова. Она не остается в долгу, называя его «маркизом» – намек на мнимый маркизат д’Антраг. В ответ он нарекает ее «предводительницей» – ее муж, предводитель волынского дворянства, или «величеством»: «Твой дорогой подданный, священное величество, королева Павловска и прилегающих территорий, властительница сердец, роза Запада, звезда Севера и т. п., и т. п… Склоняюсь пред Вашим величеством и умоляю поверить в порядочность смиренного мужика – Онорешки».

Влюбленные совершают «литературные» путешествия по местам, связанным со знаменитыми писателями. Муж не всегда сопровождает их. Оноре не перестает удивлять Еву и развлекать ее, она же находит столько очарования в его взгляде и речах, что ревнует ко всем женщинам в Женеве, особенно к графине Потоцкой, своей кузине, с которой имела неосторожность его познакомить: возлюбленный готов покрасоваться перед любой молодой особой, пусть даже не самой привлекательной, она обижается, он – смеется. На деле их платоническая любовь настолько обострила его чувства, что он почти на грани безумия. Ганская боится все испортить, уступив ему. Бальзак протестует: «Боже мой, как сказать тебе, что я пьянею от нежнейшего твоего благоухания, что я уже тысячи раз обладал тобою, и ты увидишь меня опьяненным еще сильнее, потому что появится надежда и воспоминания там, где пока нет никакой надежды… Я хотел бы, чтобы ты на мгновение сдалась мне и узнала, как ты любима».

Чета Ганских вела в Женеве жизнь вполне светскую: в своей просторной гостиной они принимали общество космополитичное, пестрое, где будущий Наполеон III соседствовал с молодым венгерским пианистом Ференцем Листом и его любовницей Мари д’Агу, бросившей, как говорили, ради него мужа и детей. Вот о чем мечтал Бальзак. Но хватит ли Эвелине решимости? Он не смел рассчитывать на это.

Погруженный в любовные переживания, Оноре не забывает о работе: пишет «Серафиту», расспрашивает женевского натуралиста Пирама де Кандоля о флоре Скандинавии, редактирует «Озорные рассказы». И бесконечно думает о том благословенном мгновении, когда Ева будет окончательно принадлежать ему. После последней встречи с ним Пирам де Кандоль поделится с госпожой де Сиркур: «Здесь у нас провел некоторое время романтический и забавный Бальзак. Он несколько раз был у меня и развлек нас своим живым и весьма необузданным воображением. Ему кажется, что он теперь работает над глубоко философским произведением, которое займет место где-то между Сведенборгом и Сен-Симоном, что не мешает ему быть до некоторой степени карлистом. Впрочем, в обществе это один из лучших людей».

Наконец, восемнадцатого января 1834 года сделан чрезвычайно важный шаг на пути завоевания госпожи Ганской: еще не полное обладание, но очевидно, что она вот-вот сдастся, каждый ее жест свидетельствует об этом. Вне себя от счастья Бальзак

пишет ей девятнадцатого января: «Ангел мой, любимая, рядом с тобой я по-настоящему теряю голову, я не могу связать двух мыслей – между ними всегда ты. Могу думать только о тебе. Ничего не могу с собой поделать, воображение постоянно удерживает меня подле тебя. Я сжимаю тебя в объятиях, целую тебя, ласкаю, и тысячи ласк, самых нежных, овладевают мной… Вижу тебя такой, какой ты была вчера – прекрасной, восхитительно прекрасной. Вчера весь вечер я говорил себе: „Она – моя!“ Вряд ли ангелы на небесах счастливее, чем я был вчера».

Но скоро его любовный порыв натолкнулся на неожиданное препятствие: госпожа Ганская устроила Оноре сцену ревности за то, что вечером двадцать третьего января он был чересчур любезен с ее кузиной, графиней Потоцкой, известной интриганкой. Ошеломленный Бальзак защищается, как может: «Что я сделал, чтобы вчерашний вечер так закончился? Моя дорогая, любимая Ева, поймешь ли ты когда-нибудь, что ты – последняя надежда в моей жизни?.. Прости меня, любовь моя, за то, что ты называешь моим кокетством. Прости парижанину простую парижскую болтовню. Но все будет так, как ты хочешь – я больше нигде не покажусь… Гори огнем женевский свет, я не желаю видеть тебя печальной из-за пятнадцатиминутной беседы. Окружающим показалось бы странным, что я занят только тобой. Я должен относиться к тебе уважительно, для этого нужна была эта пустая болтовня с госпожой Потоцкой».

Отправив с Сюзеттой эту записочку, тут же сочинил еще одну, более настойчивую: «О, ты не знаешь, что такое три года воздержания, как они ежесекундно отдаются в сердце, заставляя его биться, в голове, которая буквально раскалывается.[20] Если бы я не работал столько, просто сошел с ума от этого. Только я знаю, что переживаю рядом с любимой, это какое-то исступление, приводящее в оцепенение, когда сам я пылаю желанием… Но, ангел мой, я покоряюсь тебе, словно Богу. Возьми мою жизнь, попроси меня умереть, прикажи, что хочешь, только не отказаться от любви к тебе, желать тебя, обладать тобой».

Бальзак простудился, у него поднялась температура, да еще эта ссора с возлюбленной. Чтобы возобновить отношения, попросил Ганских прислать ему оршад, так как испытывает страшную жажду. Ева сжалилась и, позабыв все свои упреки, решила не посылать с поручением Сюзетту, а вместе с мужем сама пришла навестить несчастного. На следующий после этого дружеского визита день появилась одна. Нескольких часов отдыха хватило Оноре, чтобы прийти в себя и вновь начать наступление. Графиня была растрогана, раскаивалась в своем гневе. Наступало полное примирение. Понимая, что прощен, Бальзак активизировал действия, она больше не сопротивлялась. Единение душ подкрепил праздник тел. Двадцать шестое января стало для писателя «незабываемым днем», днем «золотой жатвы». Двадцать седьмого, окончательно оправившись от насморка, в восторге от разделенной страсти, он разразился новым, ликующим письмом: «Я спал, как сурок, хожу, словно околдованный, люблю вас, как безумный, надеюсь, что вы чувствуете себя хорошо, шлю вам тысячу поцелуев».

Он восхищен тем, что женщина, столь близкая ему по духу, разделяющая его вкусы, теперь близка и физически. Такое совпадение чистой любви и любви физической кажется ему каким-то чудом. Несомненно, они созданы друг для друга, а потому несправедливо, невозможно, что между ними стоит муж. Конечно, Венцеслав Ганский – лучший человек на свете, но на этом свете он теперь – лишний. Если бы ему исчезнуть, тогда их счастье станет, наконец, полным. Любовники предаются кощунственным расчетам: даже если господин Ганский проживет еще лет двенадцать, ей будет уже сорок; Еве кажется, что это слишком; Оноре возражает, что полюбил Дилекту, когда ей было сорок пять, а ему – двадцать два. «Что такое сорок лет! – восклицает он. – Неужели ты думаешь, что в шестьдесят четыре мужчина забудет о долгих годах привязанности? А для меня эти тридцать лет кажутся ничем по сравнению с моей любовью к тебе. Ты всегда будешь для меня красавицей». Обнимая друг друга, они уже видят себя мужем и женой. Главное теперь правильно использовать время, омраченное присутствием Венцеслава, который хотя и не слишком мешает, но все же определенное препятствие. Перед отъездом в Париж восьмого февраля 1834 года Бальзак обещает Ганским чуть позже присоединиться к ним в Италии или в Вене. Быть может, потом Ева устроит так, что его пригласят провести несколько месяцев в украинском поместье. Это вполне заслуженно увенчало бы их долгое терпение.

Обратное путешествие оказалось мучительным: полярная стужа, снег, из-за которого порой приходилось идти, спотыкаясь, пешком. По прибытии в столицу Бальзак подвел итог своего пребывания в Женеве: переделана «Герцогиня де Ланже», значительно продвинулась «Серафита», доведен до конца кусок «Музея древностей», на скорую руку доделаны «Озорные рассказы», благодаря Пираму де Кандолю получены необходимые сведения о Норвегии, но, самое главное, остались воспоминания о восхитительной любовнице. Он не устает перебирать мгновения обладания ею, видит ее платья, выражение лица в момент близости, слышит ее голос, шепчущий слова нежности. Ганская вновь вне себя от ревности, думая о парижанках, которые его окружают, он успокаивает: «Ева, дорогая, кошечка моя, жена, сестра, семья, день, все. Я с удовольствием живу в одиночестве. Я вполне искренне сказал „прощай“ свету, всему. Боже, прости мне то, что ты называешь моим кокетством, я обнимаю твои милые колени, полные, любимые, которые я целовал и ласкал, прижимаюсь к тебе головой. Я буду одинок, буду работать. Гулять буду только с госпожой де Берни… Дорогая, я обожаю тебя, поверь, у меня нет другой жизни, другого будущего». Похожие на это пылкие письма чередуются с «явными», адресованными чете Ганских, – необходимо поддерживать безупречную репутацию друга семьи. Он заботливо интересуется, как поживают господин Ганский, маленькая Анна, мадемуазель Анриетта Борель. Все они ему дороги, потому что рядом с избранницей его сердца, которой он советует, здоровья ради, соблюдать режим: отказаться от кофе и чая, есть только «черное» мясо и только жареным, умываться холодной водой, ходить по несколько километров в день…

Парижскую жизнь спокойной не назовешь, те, к кому он привязан, доставляют ему немало хлопот. У госпожи де Берни проблемы с сердцем, она сразу постарела лет на двадцать. Зюльма Карро огорчена смертью отца. В наследство ей достался

Фрапель, куда она приглашает Бальзака, – здесь он мог бы отдохнуть. Но она ждет второго ребенка и плохо переносит беременность. В семье самого Оноре царит уныние, вызванное некоторыми событиями. «У всех этих бедных людей что-то не ладится, – пишет он Ганской. – Мне необходима решительность, идеи, энергия, *экономия*, чтобы справиться с этими проблемами». И впрямь, госпожа Бальзак разорилась вследствие неосторожных финансовых спекуляций, Лора без конца ссорится со своим невероятно ревнивым мужем, который нахватал чересчур много важных заказов и теперь буквально сходит с ума, если не сумеет справиться, потребуется материальная помощь Оноре. А у того тоже нет денег, и взять неоткуда, нет готовых произведений. Положение почти безвыходное.

Несмотря на эти неприятности и нехватку денег, появляясь в обществе, надо выглядеть прекрасно. Графиня Потоцкая посоветовала ему засвидетельствовать свое почтение графине Аппоньи, жене австрийского посла. Это могло бы оказаться полезным, если он хочет увидеться с Ганскими в Вене. Аппоньи принимают у себя весь Париж, поддерживают отношения со всеми европейскими дворами. Восемнадцатого февраля Бальзак отправляется в посольство, но его не принимают: графиня занята своим туалетом. Ему назначают другую дату – двадцать третьего февраля. Он подчиняется, приходит во всем блеске своего обаяния и скоро становится постоянным гостем посла и его супруги. Но знакомства его весьма эклектичны, он не довольствуется обществом только европейской элиты. Обедает с бывшим преступником Видоком, который не раз бежал с каторги, став в конце концов полицейским, а также с палачами, отцом и сыном Сансонами. Подробности их мрачной жизни интересны ему ничуть не меньше, чем светские сплетни.

Он взял себе абонемент в Оперу, ходит туда три раза в неделю – музыка успокаивает нервы. Для приемов в посольстве и посещений Оперы заказывает у Бюиссона голубое платье с золотыми пуговицами, брюки из черного кашемира, черный атласный жилет. Хотя денег нет, в августе 1834 года решает обзавестись тростью с ручкой, украшенной бирюзой и выгравированным гербом Бальзаков д’Антраг. Трость вызвала град насмешек со стороны журналистов. Бальзак рассвирепел, кровь у него была горячая. После спора с Эмилем Жирарденом даже попытался вызвать того на дуэль, но присутствующие сумели замять дело. Польские подруги госпожи Ганской не преминули сообщить ей об эксцентричных выходках Бальзака. Графиня обеспокоена, что опять взыграло его «французское сердце». Неужели нельзя отрываться от рукописей только ради писем к ней? Зачем встречается с этой сплетницей Потоцкой? Следует объяснение: «Не ревнуй из-за письма госпожи Потоцкой, эта женщина нам нужна. Я обхаживал ее и хочу, чтобы она считала, будто отношусь к тебе с предубеждением». И поскольку возлюбленная продолжает упорствовать, что Оноре оставит ее, когда возраст будет брать свое, добавляет, думая об их будущем союзе: «Глупышка, через десять лет тебе будет тридцать семь, а мне – сорок пять, в этом возрасте можно любить, жениться и обожать друг друга всю оставшуюся жизнь. Итак, моя дорогая Ева, моя благородная спутница, прочь сомнения, вы мне это обещали. Любя, доверяйте, помните, „Серафита“ – это мы оба. Расправим наши крылья, как будто мы одно, и будем одинаково сильно любить друг друга». И хотя в ее письмах много упреков, что он слишком разбрасывается, никогда еще Бальзак не работал так много между двумя выходами из дома.

К началу апреля писатель совершенно измучен, и доктор Наккар, опасаясь воспаления мозга, приказывает ему отдыхать. Беспокоясь за здоровье и плоды своего труда, Оноре решает отправиться во Фрапель, где рассчитывает провести несколько дней подле Зюльмы Карро. Но оставить рукописи не в силах – ни «Цезаря Бирото», ни «Щеголя», ни «Серафиту», которая дается ему особенно нелегко. Мучительно сложно, находясь на земле, следить за ходом интриги, разворачивающейся на небесах. Быть может, силы небесные решили отомстить смертному, посмевшему открыть их тайну? Чтобы размять ноги и проветрить голову, он потихоньку прогуливается по саду с Зюльмой, которая из-за беременности почти потеряла способность двигаться. И непрестанно рассказывает ей о своей любви к Еве. Слушает забавные истории ее мужа о местных жителях, не упуская ни малейшей подробности, все пригодится для новых книг. Мир – лишь повод для литературы. И каковы бы ни были повороты его собственной судьбы, он ни на минуту не забывает о памятнике, который должен оставить потомкам.

Двадцатого апреля, по возвращении в Париж, Бальзак слушает в консерватории Пятую симфонию Бетховена. Обнаружив воистину магическую связь с немецким композитором, делится с Ганской в «явном» письме: «Как я сожалел, что рядом не было вас, что я был один! Один!.. Это невыразимая мука. Мне всегда необходимо излить свои чувства, и я заглушаю эту потребность работой… Я ревную лишь к умершим великим людям: Бетховену, Микеланджело, Рафаэлю, Пуссену, Мильтону, все, что было великого, благородного, одинокого, волнует меня. Не все еще сказано обо мне, я только на пороге большого творения. Кто бы знал, что я задумал! Позвольте мне довериться вашему сердцу, не надо опускаться до мелких и низких интрижек, чувства должны быть столь же великими, сколь и задуманные произведения. Но мои устремления гораздо выше в том, что касается чувств, не славы, которая, в конце концов, освещает только могилы».

Писатель воображает свою Еву в Милане, Флоренции, Риме и приходит в бешенство от того, что вынужден заниматься какими-то гнусными делами в Париже, вместо того чтобы ходить с нею по музеям, видеть памятники, улицы, тропинки, комнаты гостиниц. Теперь у него появилась еще одна забота, отвлекающая и от дел, и от мечты. Братец Анри, обожаемый матерью избалованный ребенок, неспособный совершить над собой хоть малейшее усилие, вернулся с острова Маврикия, где женился на вдове, обремененной сыном. Разорив супругу, он вместе с ней и ее отпрыском восьми лет двинулся домой без гроша в кармане и пятидесятитысячным долгом. Госпожа Бальзак, как всегда, жалела младшего сына, Оноре, узнав о случившемся, категорически отказался помогать (откуда у него деньги?) этому безвольному молодому человеку, умеющему только тратить, и его чудовищно глупой жене. «Неужели надо было отправляться за пять тысяч лье, чтобы найти подобную женщину?» – вопрошает он у Евы. Эжен Сюрвиль, напротив, проявил сочувствие и устроил шурина к себе на стройку. Впрочем, очень скоро выяснилось, что Анри абсолютно некомпетентен и не способен к работе, Сюрвиль вынужден был расстаться с ним. Жена Анри, Мари-Франсуаза, была беременна, умудрившись при этом подцепить холеру. Но она одолела болезнь и двадцатого февраля

1835 года произвела на свет маленького Оноре. Большой Оноре стал его крестным отцом, изо всех сил сопротивляясь просьбам оказать финансовую поддержку, – отделался роскошной колыбелью для малыша. Госпожа Бальзак-мать согласилась продать свой дом на улице Монторгей, чтобы помочь молодой семье. Ей самой осталась только рента, выделенная старшим сыном, которую она получала крайне нерегулярно.

Несмотря ни на что, Бальзак был уверен, что настанет день, когда благодаря его литературным удачам семья окажется на плаву. Недовольный контрактом на издание «Этюдов о нравах», заключенным с вдовой Беше, он стал прислушиваться к предложению некоего Эдмона Верде, бывшего «комми» Беше, который решил основать собственное дело, став единственным издателем Бальзака. Тот принял гостя во всем великолепии: на нем был просторный белый халат, подпоясанный золотой венецианской цепочкой с подвешенными на ней золотыми ножницами, шитые золотом красные сафьяновые домашние туфли. Энтузиазм болтливого, бестолкового субъекта не мог не вызывать подозрений, но уже после второго его визита Оноре поддался на уговоры и согласился на переиздание «Сельского доктора». Это было начало. Чтобы Верде мог заняться полным собранием сочинений *своего* писателя, тот должен был принять участие в процедуре переуступки авторских прав, проданных ранее Гослену и другим издателям. После споров и денежных вложений вопрос частично удалось решить. «С Госленом все улажено, – сообщает он Ганской. – Наконец, я освободился от этого глупейшего кошмара. Прославленный Верде, напоминающий отчасти прославленного Годиссара, покупает у меня право на первое издание „Философских этюдов“ (25 томов того же формата, что и „Сельский доктор“) в пяти выпусках по пять томов в каждом, которые будут появляться с интервалом в месяц – август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. Чтобы справиться с этим и разделаться с обязательствами перед госпожой Беше, которой я должен еще три выпуска, надо иметь в голове Везувий, тело должно забронзоветь, необходимы хорошие перья, вдоволь чернил и никакой хандры… Не стану говорить о такой безделице, как здоровье, и о другом пустяке, который именуют талантом… За этот огромный труд господин Верде предлагает пятнадцать тысяч франков, которые позволят мне удовлетворить мое мелкое тщеславие».

Когда Оноре пишет это письмо, он увлечен очередным «философским этюдом» – «Поиском абсолюта». В который раз ему хочется показать, как одержимость какой-то идеей разрушает семью. Уже несколько лет его занимает судьба жившего в XVI веке Бернара Палисси, эмальера и ученого, который ради успеха своих опытов дошел до того, что сжег всю мебель в доме. Герой романа Бальзака фламандец Валтасар Клаас владеет хорошим состоянием, но в пятьдесят лет решает посвятить себя химии и найти «абсолют» – элемент, который принимает в природе всевозможные обличья. Чтобы получить ключ к тайне, необходимо разложить азот, и Валтасар запирается в своей лаборатории, окруженный книгами, забыв жену, детей. Растратив состояние, продав имущество, картины, разорив семью, он уже готов отказаться от своей навязчивой идеи, но, опасаясь, что великое открытие совершат другие, вновь устремляется в погоню за химерой. Это химическое безумие невозможно без специальных знаний, и писатель обращается к трудам Берцелиуса, Ампера, Франсуа Араго, Сент-Илера. Он отдает себе отчет, что создание романов поглощает его так же, как Клааса поиск абсолютного элемента, он тоже становится монстром, преследуя не счастье – славу. К нему самому обращается умирающая Жозефина Клаас: «В результате ты обретешь только стыд за самого себя, за нищету, в которой живут твои дети. Насмехаясь над тобой, люди называют тебя Клаасом-алхимиком, скоро ты станешь сумасшедшим Клаасом… Мы нуждались в твоей защите, в течение семи лет ты отказывал нам в ней. Наука – твоя жизнь. У великого человека не должно быть ни жены, ни детей. Идите в одиночку путем невзгод и нужды! Ваши добродетели не похожи на добродетели обычных людей, вы принадлежите миру и не умеете принадлежать ни женщине, ни семье. Вы иссушаете землю вокруг себя, словно большое дерево». Почти лишившись рассудка в поисках невозможного, Валтасар готов лишить себя жизни. Над ним смеются мальчишки на улице, его собственный лакей. Он умирает от апоплексического удара. Предсмертный крик его: «Эврика! Я нашел!».

Роман потрясающей силы ставит проблему иллюзорного поиска истины, отречения ради него от простых радостей жизни. Сам Бальзак настолько поглощен работой, что не отказался бы, кажется, от пары голов и десятка рук, чтобы сделать больше. Иногда завидует литераторам вроде Александра Дюма, которые при написании своих книг пользуются услугами анонимных помощников. На ум приходят и знаменитые художники, доверявшие ученикам некоторые фрагменты своих полотен. Так могли бы появиться романы не только Бальзака, но и «школы Бальзака», и принести немалый доход. Впрочем, подобная мистификация в финансовых интересах ему не подходит: гордость не позволяет ставить свое имя на обложке книги, написанной не им одним. Тем не менее, приняв у себя на улице Кассини несчастного Жюля Сандо, цинично отвергнутого Жорж Санд и очень нуждающегося, он подумывает использовать его в качестве рабочей силы и писать в сотрудничестве с Этьеном Араго пьесы на потребу публике под коллективным псевдонимом Сан-Драго. Доходы соавторы поделили бы на троих. Этот план так и остается нереализованным.

Раздумывая над сомнительными комбинациями, подобными этой, Бальзак продолжает сражаться с «Поиском абсолюта». «Этот роман, – делится он с Ганской, – возвысит меня, но такая победа дорогого стоит. Еще одна, и я буду серьезно болен. „Серафита“ тоже стоит мне не одного волоса. Подобного рода экзальтация сокращает жизнь». И добавляет: «Моя жизнь – это пятнадцать часов работы, исправления, беспокойство автора, фразы, которые надо доводить до блеска, но вдали я вижу свет надежды. Франция, наконец, зашевелилась и начинает признавать меня. Но слава придет слишком поздно, я выбираю счастье. Величие необходимо мне только для того, чтобы порадовать любимую». Напряжение мысли столь сильно, что порой у него начинаются головокружения: «Из-за того, что я слишком много работаю, вчера у меня воспалился мозг. К счастью, я был у матери, у которой всегда есть флакончик успокоительного бальзама, и она протерла мне лоб. Я невыразимо страдал часов девять-десять… Мне осталось еще дней десять работы над „Поиском абсолюта“, которым я захвачен так же, как два года назад „Луи Ламбером“». Наконец двадцать шестого августа Оноре сообщает Ганской, что завершил роман: «Молю Небеса, чтобы книга оказалась хорошей… В ней сама чистота. Супружеская любовь – возвышенная страсть. Свежесть любви молодых

девушек…». Он признается, что «слишком утомлен работой, слишком изнурен трудным замыслом». Доктор Наккар не знал уже, что прописать пациенту, и предложил ему уехать из города. Бальзак отправился в Саше, где его всегда были счастливы видеть Маргонны.

«Поиск абсолюта», увидевший свет у Беше, разочаровал постоянных читателей Оноре: снова какой-то непонятный труд, когда все ждут историю любви! «Для меня „Абсолют“ в десять раз значимее „Евгении Гранде“», – с горечью замечает он Еве. Впрочем, теперь уже новая забота лишает его сна. Господин Ганский, несколько подозрительный по природе, перехватил, к несчастью, два письма, совсем не «явных», предназначенных его жене. Супруга сделала вид, что оскорблена тоном этих посланий. Бальзак, пытаясь оправдать себя в глазах мужа, сводит все к детской шалости и пишет ему, что вопреки очевидному ни сам он, ни госпожа Ганская ни в чем не виноваты: однажды графиня, смеясь, сказала, что хотела бы знать, как выглядит любовное послание; подчиняясь ее чистосердечному желанию, он, Оноре, накропал парочку, но это стилизация, «обманка», письма Монторана из «Шуанов» к его возлюбленной, Мари. Вне всяких сомнений, госпожа Ганская забыла о своей просьбе, а потому так возмутилась отсутствием должного уважения по отношению к ней. Так что речь идет о досадном недоразумении и всякие подозрения должны быть сняты: «Я до конца дней моих буду несчастнейшим из смертных, если эта детская выходка как-то повредит госпоже Ганской, – обращается он к ее мужу. – Пожалуйста, передайте ей от меня, что я бесконечно ругаю себя за причиненное ей огорчение… Она добра и ни в чем не повинна, а потому, быть может, простит мне то, что я сам себе никогда не прощу. Вот теперь-то я действительно настоящий мужик». Был ли Ганский обманут этими неловкими объяснениями и извинениями? Так или иначе предпочел ради личного спокойствия притвориться, что его убедили. Что бы ни делала его жена, он на все закроет глаза, при условии, что так же поступят окружающие. Ева ничем не запятнала себя в глазах света, честь семьи была спасена.

Теперь можно было быть уверенным в продолжении связи с Иностранкой, Бальзак с облегчением вновь принялся за работу. В Саше он начал новый роман – «Отец Горио», который писал невероятно быстро. Извинившись перед Ганским, сообщает матери: «Мне надо десять дней, включая сегодняшний воскресный, чтобы завершить „Отца Горио“ и „Серафиту“… Если смогу, подставлю плечо и „Цезарю Бирото“, чтобы продвинуться еще на треть… К четвергу (по-моему, это будет второе октября) я соберу для тебя посылку, в которой будет рукопись „Отца Горио“. Помни, это большая ценность, единственный экземпляр, и попроси госпожу Эвера[21] спрятать ее в своем комоде, чтобы не потерять… это произведение прекраснее „Евгении Гранде“, по крайней мере, я им доволен больше».

Глава шестая

Монументальный проект

Суматошная, бурная жизнь Бальзака, словно пружина, после мгновений немыслимого напряжения, требовала ослабления, чтобы вновь вернуться к работе. Иногда он не мог думать ни о чем, кроме своего творчества, потом, не задумываясь, тратил время на визиты, спектакли, ужины, светские рауты. Любовь к жизни, жизненная энергия мешали ему сосредоточиться на одной какой-то деятельности, женщине, книге. Он по-королевски принимал своих друзей, лишь из желания поразить их и потешить себя. Жюль Сандо вспоминал обед, который Бальзак устроил первого ноября 1834 года для пятерых «тигров» из «дьявольской ложи» Оперы. Пришел и Шарль Нодье, и Россини со своей любовницей. Еда была отменной: молодой лосось, курятина, мороженое, сухие вина. Золотых дел мастер Лекуэнт предоставил по этому случаю пять серебряных блюд, три дюжины столовых приборов, лопаточку для рыбы – настоящую жемчужину. Все эти чудесные вещи закончили свою жизнь в ломбарде. Вероятно, стремление к роскоши у писателя объяснялось необходимостью продемонстрировать свой успех. Он любил окружать себя драгоценными безделушками, дорогими тканями, редкостной мебелью, доказывая, что пишет не впустую, что его мечты обрели вещественное воплощение и что если критики не дают ему покоя, то уж публика всецело на его стороне.

Еще были в работе «Отец Горио» и «Серафита», а он уже начал новый роман – «Девушка с золотыми глазами», очередной эпизод «Истории тринадцати». На этот раз героем стал молодой человек поразительной красоты, граф Анри де Марсе, внебрачный сын лорда Дадли. Увидев его, женщины теряют голову, он же остается холоден и равнодушен. Пока не встречает создание еще более прекрасное, чем он сам, «девушку с золотыми глазами», Пахиту Вальдес. Он воспламеняется. Но Пахита под надежной защитой мулата, состоящего на службе у маркизы Сан-Реаль, сводной сестры Анри де Марсе. Эти две женщины состоят в противоестественной связи. Преодолев все препятствия, юноша попадает в будуар к Пахите, она становится его любовницей. Девушка вынуждена признаться, что влюблена одновременно и в Анри де Марсе, и в маркизу Сан-Реаль, которая фактически сажает ее под арест. Герой не в состоянии смириться с этим и решает отомстить, полагаясь на помощь Тринадцати. Но, достигнув в конце концов дверей будуара в сопровождении Феррагюса, понимает, что их опередили. Узнав о неверности девушки с золотыми глазами, обезумевшая от ревности маркиза нанесла ей несколько ударов кинжалом. Брат с сестрой встречаются у тела Пахиты, которая шепчет, умирая: «Слишком поздно, любимый!» Маркиза уйдет в монастырь Лос-Долорес в Испании, Анри де Марсе вернется к прежней жизни, сокрушаясь, что был обманут.

Эта невероятная история шокирует многих читательниц, в том числе госпожу Ганскую и Зюльму Карро. По правде говоря, потребовалась известная смелость, чтобы заговорить о лесбийской любви. Тема «противоестественных» отношений занимала его давно. Оноре охотно признавался, что его собственные желания вполне андрогинны: иногда ему казалось, что лучше других понимает женщин потому, что сделан с ними из одного теста. Но такая двойственность только на руку романисту, который создает персонажи обоих полов. Бальзак слышал о двусмысленных отношениях Жорж Санд и Мари Дорваль. В какой-

то момент эта пара воплощала для него тайные наслаждения гомосексуализма. Среди его литературных планов есть запись: «Женщина, любящая другую женщину, и все ее попытки не дать той завести любовника». Раз уж он решил изучить каждый уголок сердца человека, нельзя обойти молчанием и эту сторону жизни. Даже в «Отце Горио» он не сможет отказать себе в удовольствии подчеркнуть взаимное притяжение между страшным Вотреном и его «протеже», молодым Растиньяком.

При создании этого романа Бальзак внезапно обнаруживает смысл всего своего творчества, составленного из отдельных камней. «Поздравьте меня, я вот-вот стану гением!» – заявил он год назад Сюрвилям. Год вызревала идея, которую он может, наконец, сформулировать и изложит в письме Ганской проект колоссального монумента, возведением которого занят уже столько лет: «Полагаю, что в 1838 году три части этого гигантского творения будут если не окончательно готовы, то, по крайней мере, намечены, и можно будет судить о нем в целом. В „Этюдах о нравах“ будут представлены все социальные слои, не будет забыта ни одна жизненная ситуация, ни одна физиономия, ни один характер, мужской или женский, ни образ жизни, ни профессия, ни социальная общность, ни один из регионов Франции, ни детство, ни старость, ни зрелость, ни политика, ни правосудие, ни война. Это будет история человеческого сердца, пройденная шаг за шагом, история социальная, во всей своей полноте… Затем последуют „Философские этюды“, так как после рассказа о *следствиях* следует изучить *причины*… В „Философских этюдах“ я расскажу, как возникают те или иные чувства и что такое жизнь; вне каких условий не может больше существовать ни человек, ни общество; а после того, как опишу общество, приступлю к его осуждению… Затем, после *следствий* и *причин,* придет черед „Аналитических этюдов“, в состав которых войдет и „Физиология брака“, ведь за *следствиями* и *причинами* должно рассмотреть и *принципы. Нравы – представление, причины – кулисы* и *машинерия. Принципы*– это сам автор. Но по мере того как творение по спирали устремляется к высотам мысли, оно становится все более сжатым, уплотняется. И если на „Этюды нравов“ надо двадцать четыре тома, то на „Философские этюды“ их понадобится только пятнадцать, на „Аналитические этюды“ – всего девять. Так человек, общество, человечество будут описаны и проанализированы, им будет вынесен приговор в одном произведении, которое станет „Тысячью и одной ночью“ Запада. Когда строительство моей Мадлен[22] с ее скульптурным фронтоном будет завершено, когда снимут леса и я нанесу последние мазки, только тогда пойму, прав я или ошибался. Покончив же с поэзией, продемонстрировав систему в целом, я перейду к научным изысканиям в „Опыте о силах человеческих“. И на фундаменте этого дворца я, будучи все-таки ребенком и любителем посмеяться, набросаю гигантскую фреску „Ста озорных рассказов“. И после этого, мадам, вы считаете, что у меня есть время на увлечение какой-нибудь парижанкой? Нет, приходится выбирать. Итак, сегодня я открыл вам тайну моей единственной любовницы; показал вам ее лицо: творчество, бездна, кратер, дело, вот женщина, которой принадлежат мои ночи и мои дни, которая наполняет смыслом это письмо, результат многотрудной, но такой восхитительной работы».

Итак, в октябре 1834 года Бальзак приходит к пониманию грандиозности своего творения во всей его непосильной тяжести, намечает основные направления, уверенно распределяет по томам отдельные его составляющие. Как будто в одиночку хочет написать все романы мира, раз и навсегда сказать всем все о своем времени и о всех временах, не оставив ничего грядущим сочинителям. Навсегда остаться единственным романистом Франции – вот к чему он теперь стремится. Его гигантский архитектурный ансамбль не имеет пока названия. «Философские этюды» – слишком плоско для «Тысячи и одной ночи Запада». Но Оноре не сомневается – по мере продвижения вперед сумеет найти что-нибудь получше. Чтобы подготовить публику к предназначенному ей дару, просит молодого писателя Феликса Давена, с которым познакомился через Берту, составить два обширных предисловия к «Этюдам о нравах» и «Философским этюдам». В одном из них Давен пытается четко сформулировать поставленную Бальзаком задачу: «Наша цель – показать, как чрезвычайно объемная и разнообразная по сюжетам первая часть [„Этюды о нравах“] связана с двумя другими, для которых служит фундаментом». Но разъяснения профессионального строителя совершенно не интересуют читателей, равно как и общий облик еще не законченного здания, им нужны переживания, которые возникают при чтении отдельного романа. В этом смысле «Отец Горио» полностью оправдал их ожидания.

В записной книжке, где Бальзак в нескольких словах набрасывает план будущего произведения, читаем: «Славный старик – пансион – годовой доход 600 франков – отказывается ото всего ради дочерей, годовой доход которых 50 000 франков – умирает, как собака». Еще не закончив роман, он объявляет Ганской: «„Отец Горио“ – прекрасное произведение, но невероятно грустное. И все же, для полноты картины, надо было показать грязь парижской жизни. При этом человек испытывает чувства, похожие на те, что овладевают им, когда он видит отвратительную рану». Действительно, по числу персонажей, его населяющих, характеров и сюжетных линий роман превзошел все написанное им до сих пор. В центре – отец Горио, униженный, разоренный, отвергнутый дочерьми, Анастази де Ресто и Дельфиной де Нусинген. Обе благодаря удачному замужеству занимают блестящее положение в обществе. Отец любит их самозабвенно, это единственное, ради чего он живет, его страсть, его религия. Зятья презирают несчастного человека, который довольствуется тем, что издали любуется дочерьми, проезжающими в великолепных экипажах по Елисейским Полям. Те совершенно безразличны к нему, его же заботит их счастье, они могут положиться на него в любой ситуации. «Моя жизнь – это мои две дочери, – говорит он. – Если они веселы, счастливы, хорошо устроены, ходят по коврам, какая разница, во что одет я сам и где я сплю? Мне не холодно, если им тепло, я не грущу, если они смеются, и мои огорчения – это их горести».

Рядом с этим человечком высится фигура грозного Вотрена, который с тем же успехом мог бы именоваться Феррагюсом или Видоком. Бывший каторжник тоже живет в мирном пансионе Воке, постояльцы которого и их нравы описаны мастерски остроумно. Циничный, предприимчивый, обладающий почти сверхъестественным даром подчинять себе ближнего, он стоит вне закона, являя тем не менее пример того, как в коррумпированном обществе преуспевший преступник пользуется всеобщим уважением. Он берет под свое покровительство молодого Растиньяка, недавно приехавшего в столицу из Гаскони, потрясенного лицемерием и грязью парижской жизни. Прекрасные женщины оказываются двуличными эгоистками: одни

глумятся над родным отцом, другие обманывают мужей, третьи готовы на все ради пренебрегшего ими любовника. Повсюду царят жестокость, расчет, деньги. «Нет принципов, – уверяет Растиньяка Вотрен, – есть только события, нет законов, есть обстоятельства. Успех выпадает на долю того, кому удается обвенчать события с обстоятельствами, чтобы самому направлять их». И еще: «Принимая во внимание, что пятидесяти тысяч хороших мест все равно не найти, приходится пожирать друг друга, словно пауки в банке». Растиньяк по-детски наивен, но честолюбие его не знает границ. Это портрет самого Бальзака, его первые испытания чувств и шаги в свете. У героя, как у автора, две сестры, и старшую зовут Лора. Впрочем, у Оноре не было Вотрена, пришлось самостоятельно постигать жестокость окружающего мира. Теперь он надежно защищен от него и ему есть что сказать человечеству, погрязшему в пороках. Вот так соседствуют в «Отце Горио» возвышенная отеческая любовь, борьба не на жизнь, а на смерть новоявленных «выскочек» и город, словно специально созданный для тех, кто ищет удовольствий, жаждет денег и не гнушается ложью. Перипетии сюжета заставляют Растиньяка стать свидетелем смерти папаши Горио, присутствовать на его похоронах и, поклонившись свежей могиле, воскликнуть, как когда-то Бальзак, глядя с высоты Пер-Лашез на лежащий у его ног город: «А теперь кто победит: я или ты?» А потом он отправляется на обед к госпоже де Нусинген, дочери покойного, которая, как и ее сестра, и не подумала прийти на кладбище. Здесь Растиньяк может засвидетельствовать свою принадлежность к клану бесчувственных завоевателей, правящих этим проклятым городом.

Чтобы вдохнуть жизнь в своих персонажей, Бальзак, как всегда, полагается на воспоминания. Отец Горио похож на домовладельца, у которого автор снимал квартиру на улице Кассини; пансион Воке носит имя одного из жителей Тура, а само заведение – как многие подобного рода, где Оноре не раз останавливался на своем веку; отвратительная госпожа Воке, царящая в этом доме, получила свое произношение от госпожи Ганской; Вотрен – несомненно Видок; Растиньяк отчасти Бальзак в молодости; женщины, обитающие на страницах книги, наделены чертами тех, что когда-то многое значили для него. Но подлинные детали, переплавленные воображением писателя, породили ни на кого не похожих и вполне реальных персонажей. В этом романе впервые появляются действующие лица, заявившие о себе в других сочинениях. И то, что поначалу казалось совпадением, следствием небрежности автора, станет привычным, войдет в систему. Благодаря этому отдельные произведения и составят единое целое. Отныне будет существовать вымышленная вселенная с одними и теми же врачами, полицейскими, финансистами, ростовщиками, светскими львицами, законами. Читатель будет встречать их, словно старых знакомых, вступая в мир, не менее реальный, чем тот, в котором сам живет. Наряду с человечеством, созданным Богом, будет то, что сотворил Бальзак. И если у читателя есть хоть капля фантазии, он, безусловно, предпочтет второе первому. Самому Оноре ближе выдуманный им – а не тот, в котором копошатся его современники. Он не был бы удивлен, встретив на углу улицы Вотрена или Растиньяка. Круговорот героев потребует обращения к старым вещам, «переименования» персонажей, корректировки дат. В результате каждый новый роман будет становиться частью целого, не имеющего аналогов, усиливая ощущение истинности вымысла.

Теперь Бальзак точно знает, что «Отец Горио» – ключ к возведению собора во славу человеческого существования. Но сколько предстоит отредактировать, пересмотреть, переделать. Иногда ему кажется, что с пером в руках он сражается с семиглавой гидрой. «Вас должно удивлять только то, – пишет он герцогине д'Абрантес, – что я до сих пор жив».

Зюльма Карро, которая родила сына и надеется, что неуловимый Оноре приедет повидать ее, дождалась от него только жалобы: «Еще никогда не подхватывал меня столь сильный вихрь; никогда еще ум человеческий не был влеком столь ужасающим в своем великолепии произведением. Я рвусь к работе, словно игрок к карточному столу, сплю по пять часов, работаю восемнадцать и в конце концов убиваю себя этим. Но воспоминание о вас, освежая, придает мне сил». Его приглашала к себе (через дядю, герцога Фитц-Джеймса) госпожа де Кастри, решившая восстановить с ним нежные дружеские отношения. Бальзак ответил отказом, называя ее в письме церемонно «мадам». Та возмутилась: «Я не собираюсь просить у вас привязанности, когда-то обещанной. Если в сердце у вас ее больше нет, не стоит и говорить о ней… Милый мой, порывают с любовницей, но не с другом, другом, который хочет разделить с вами и радости, и горести, которого вы знаете уже три года, с которым вместе размышляли, который так грустен и болен! Боже, сколько мне еще осталось и почему мои дни должны быть омрачены невзгодами и горестями? Эта „мадам“ причинила мне боль!.. Я так страдаю! Я хорошо знаю вас, вы так суровы только со мной? Не могу поверить в это, ведь я осталась той же… Ваше молчание скажет мне, что все кончено. Так кончено или нет? Вы все еще любите меня, я ваш друг, ваша Мария. Прощайте. И не заставляйте ждать ответа, который заставит биться мое сердце».

С ответом он не спешит, хотя ему льстит, что женщина, когда-то отвергнувшая его ухаживания, унижается теперь, выпрашивая у него дружбу. В следующем письме она дает ему понять, что винит в их несложившихся отношениях его писательский успех. На этот раз он отвечает, не без участия, но и не без некоторой чванливости: «Да, вы слишком мало меня знаете, если думаете, что успех может до такой степени опьянить меня, что я забуду того, кого люблю. Для меня успех ничего не значит, так как он говорит о признании многих. Счастье – вот все для меня. Его может дать только один человек, и этот человек заменит для меня весь мир».

В начале 1835 года выбившийся из сил Оноре едет в Булоньер, к госпоже де Берни. Из-за болезни она стала совсем маленькой, ее немощь приводит его в отчаяние, словно, глядя на то, что осталось от Дилекты, окончательно расстается с молодостью. «У нее аневризма сердца, – пишет он Ганской. – Эта драгоценная жизнь потеряна, в любое мгновение смерть может забрать у меня ангела, который четырнадцать лет хранил меня, цветок одиночества, которого никогда не коснулся свет, мою звезду. Слезы не дают мне работать. Она требует внимания, я не располагаю своим временем, она же консультируется с врачом по поводу того, как лучше развлечь меня. Она пытается скрывать от меня свои страдания, хочет казаться здоровой… С ней я теряю значительную часть жизни, такой благородной, а вы так далеко, что остается только одно – броситься в Сену». Говоря с таким

волнением о госпоже де Берни, Бальзак уверен, что может себе это позволить: единственная женщина, к которой Ганская не станет его ревновать, это бедная, не представляющая никакой опасности Дилекта.

Он возвращается на улицу Кассини с тяжелым сердцем, но его ободряет популярность «Отца Горио», публикация которого началась в «La Revue de Paris» и завершится двадцать шестого января. Но читатели очарованы с первых страниц. «„Отец Горио“ имеет оглушительный успех, – сообщает Бальзак Ганской. – Самые ярые мои противники склонили головы. Я покорил всех: и друзей, и завистников». Две недели спустя продолжает: «Должен признаться вам, что написал это произведение за сорок дней и что за это время не спал и двадцати четырех часов. Но успех был необходим мне… К тому же „Отец Горио“ наделал столько шума, что книг не хватает на всех, и книготорговцы записывают желающих заранее. Действительно, все это просто грандиозно». Он посылает Еве переплетенную рукопись с посвящением: «*Госпоже Э. Г. Все, что делают мужики, принадлежит их господам. – О. де Бальзак.* Но умоляю вас не думать, что посвящаю книгу вам в силу законов, по которым живут ваши несчастные рабы, я положил бы ее к вашим ногам в силу самой искренней привязанности. 26 января 1835 года. Постоялец женевской гостиницы „Лук“». Под датой полустертые слова, которые тем не менее можно разобрать: «Незабываемый день!» И в самом деле, двадцать шестое января – годовщина любовной победы автора, год назад он завоевал Ганскую.

Первое издание «Отца Горио» в двух томах формата ин-октаво поступило в продажу второго марта 1835 года. Читатели были по-прежнему в восторге, но критика показала зубы: Бальзака обвиняли в том, что он создал безобразную карикатуру на парижское общество, что его интересы сводятся исключительно к женщинам без сердца и изменам. Задетый за живое, он ответил на эти обвинения не лишенным юмора предисловием: «Если некоторые из тех, кто обвиняет автора в пристрастии к грешницам, и заставили его совершить преступление, пустив в книжное обращение еще одну плохую женщину в лице госпожи де Нусинген, он умоляет прекрасных цензоров в юбке простить ему эту досадную ошибку. Взамен обещает, потратив некоторое время на поиски прототипа, представить им добродетельную женщину». И в качестве оправдания замечает, что в уже опубликованных им произведениях насчитывается тридцать восемь женщин с безупречной репутацией и только двадцать две «гнусные». Эти разъяснения ни в коей мере журналистов не удовлетворили, против Бальзака была создана некая коалиция, одних представителей которой раздражала его неуемная тяга к роскоши и бахвальство, других – темпы «производства». Тон новой кампании задала газета «La Mode» в декабре 1834 года: «Невозможно миновать господина Бальзака в книжном магазине. Вдумайтесь, именно в книжном магазине, так как книжный магазин и литература – вовсе не одно и то же… Господин Бальзак делит с господином Полем де Коком честь видеть свое имя, начертанное буквами величиной в четыре дюйма, на стеклах всех читальных залов Парижа, пригородов столицы, провинции… Судя по каталогам издателей, господин Бальзак обещает нам, что самые выносливые потребители современных творений ближайшие десять лет не останутся голодными. Да поможет нам Бог».

Тявканье вокруг его творчества и его самого не могло не раздражать Бальзака, сожалевшего, что нет рядом с ним какого-нибудь Феррагюса с его Тринадцатью. Уже давно мечтал он о создании тайного общества, члены которого могли бы подставить плечо, помочь как можно скорее достичь богатства и славы. Чуть позже вместе с Теофилем Готье и некоторыми другими писателями ему удастся основать своего рода клуб «Красный конь», цель которого – занять ключевые посты в издательской деятельности, в прессе, политике, театре. Впрочем, от этой попытки быстро пришлось отказаться – слишком по-разному смотрели на мир потенциальные участники предприятия. Оставалось довольствоваться более скромной задачей: поручить все еще жившему на улице Кассини безутешному Жюлю Сандо писать под руководством Бальзака драму, посвященную жизни двоюродной сестры Людовика XIV.

Но «малыш Жюль» оказался настолько ленив и невнимателен, что эту затею тоже пришлось бросить: он все еще переживал разрыв с Жорж Санд, не мог думать ни о чем другом, ни к чему другому прикипеть душой. К тому же Сандо был буквально измучен бившей через край энергией и упорством этого Сизифа, катившего перед собой глыбу своего творчества. Мартовским днем 1836 года он, ничего не сказав, переедет, оставив после себя долги и неоплаченный счет за квартиру. «Про него можно сказать, как говорят на корабле, на который посреди океана обрушилась буря, – человек за бортом», – напишет Бальзак Ганской.

Между тем сам он, скрыв ото всех, переезжает с улицы Кассини в Шайо, на улицу Батай, в «неприступную келью». Мотив этой неожиданной перемены? Прежде всего боязнь кредиторов, которые осаждали его, пытаясь вытянуть те несколько луидоров, что ему удавалось получить от издателей. Кроме того, дисциплинарный совет национальной гвардии приговорил его двадцать седьмого января, а потом и десятого марта к нескольким дням тюрьмы за то, что он никак не отреагировал на повестку, призывавшую его заступить в караул. Он от всего сердца посмеялся над тем, что военные ставят великого писателя современности в один ряд с простыми гражданами. И все же хотелось впредь избегать подобных неприятностей.

Чтобы замести следы, Оноре снял квартиру на улице Батай под именем вдовы Дюран, существовавшей только в его воображении. Жилье обошлось ему в сто семьдесят пять франков за три месяца. Место было довольно пустынным, проникнуть в особняк с обшарпанным фасадом можно было, только зная пароль: «Пришло время сбора яблок…» – «Я принес бельгийские кружева…» Гость проходил через необитаемый первый этаж, по темному коридору второго, открывал дверь и, ожидая увидеть грязную конуру, попадал в восточный дворец, из окон которого был виден Париж во всем его великолепии: площадь Звезды, Правый берег и Левый до Пантеона. Смена адреса не означала экономии: Бальзак не задумываясь тратил деньги на обустройство утопающего в коврах будуара-кабинета, напоминающего тот, что был у Пахиты, «девушки с золотыми глазами». Украшением этого роскошного уголка сладострастия был широкий диван, драпированный белым кашемиром с кистями из

черного и темно-красного шелка. Стены были завешены полупрозрачным муслином, матовая люстра из вермеля, позолоченные карнизы. Все струилось, сверкало, переливалось, туманилось… Кого ожидал он увидеть в этом райском уголке, где все было чрезмерно? Госпожа Ганская была недостижима. И он вновь начал подумывать о маркизе де Кастри: она раскаивалась и не возражала против того, чтобы возобновить нежную дружбу. «Бог мой, – пишет он ей, – и как вы могли думать, что я живу на улице Кассини? Я в двух шагах от вас. Мне не нравится, что вы грустите, и буду сильно бранить, если не перестанете. Я положу вас на огромный диван, где вы будете словно фея в своем дворце, и скажу вам, что для того, чтобы жить, надо любить. А вы не любите. Душа жива привязанностью». Он сообщает ей, что работает над новым романом «Лилия долины», и деликатно просит обратить внимание на то, что героиню тоже зовут Анриеттой. «Он заставит заливаться слезами, я и сам не могу сдержать слез… Однажды вечером я приду к вам с „Лилией“, и если вы заплачете, это не сможет не расположить вас ко мне». Некоторое время спустя призывы к примирению становятся еще настойчивее: «Час общения с женщиной может оказаться весьма благотворным для меня… Почему бы вам не прийти ко мне в тот час, когда я встаю, и на часок не устроиться у меня на диване, словно птичка? Кто в целом мире узнает об этом? Только мы двое. Между одиннадцатью и часом у вас будет мгновение жизни поэтической и тайной, но вы состарились для удовольствий, и я не могу поверить в эти чудные наслаждения молодости».

Бальзак ждет этого почти невероятного визита, к нему же приходит Альфред Шенбург, чрезвычайный посланник императора Австрии, прибывший в Париж уведомить Луи-Филиппа о вступлении на трон Фердинанда Первого. У него письмо от госпожи Ганской, ему пришлось расспрашивать всех подряд, прежде чем удалось получить новый адрес Оноре. Он нашел его одетым в монашескую рясу, подпоясанную веревкой, длинные волосы, жизнерадостная улыбка. Бальзак чрезвычайно любезно встретил этого необыкновенного гонца, передав ему по настоянию госпожи Ганской рукопись «Девушки с золотыми глазами».

Он подробно отчитался перед своей Евой об этой официальной встрече. Как всегда в их переписке, жаловался на свои обязанности писателя, которые съедали его заживо: одновременно сочинял что-то новое, редактировал уже увидевшее свет, пытался закончить «Серафиту», публикация которой началась в «La Revue de Paris». «Отца Горио» можно создавать хоть каждые три дня, но «„Серафиту“ – только раз в жизни», – уверяет Оноре, подбадривая самого себя. Позже продолжает: «Вот уже почти двадцать дней я по двенадцать часов работаю над „Серафитой“. Но никого это не волнует, впрочем, никто и не должен видеть процесс работы, только ее результат… „Серафита“ не отпустит от себя тех, кто верит… В эти последние дни очень много времени отнял у меня готовящийся к переизданию „Луи Ламбер“, я попытался довести его до совершенства, чтобы быть, наконец, спокойным относительно этого произведения…» В том же письме писатель с гордостью сообщает, что скульптор Жан-Пьер Дантан, известный своими карикатурными портретами знаменитостей, сделал две гипсовые, будто покрытые патиной, статуэтки Бальзака, они пользуются большой популярностью и он пришлет ей их, чтобы развлечь немного. «Главное в этом шарже, – уточняет он, – знаменитая, вызвавшая столько волнений трость с бирюзой, которая пользуется успехом большим, чем все мои произведения. Что до меня, он шаржировал мою полноту. Я похож на Людовика XVIII». По его словам, вернувшиеся из Италии путешественники уверяют, что от Неаполя до Рима все только и говорят о его трости. Да и парижские денди умирают от зависти: «Если во время своих поездок вы услышите, что у меня есть волшебная трость, с помощью которой можно пустить во весь опор лошадей, заставить рушиться дворцы и изрыгать бриллианты, не удивляйтесь и посмейтесь вместе со мной». Радуется как ребенок рождению легенды – из реального человека он превращается в вымышленный персонаж. Что еще может пожелать себе «популярный» писатель? И еще несколько слов в заключение: «Прощайте, прощайте. Два часа утра. Полтора часа украдено у „Серафиты“. Она сердится и призывает меня, надо ее заканчивать, так как „La Revue de Paris“ тоже сердится, ведь мне выдан аванс, 1900 франков, а я едва ли наработал на эту сумму. Прощайте и помните, что я думаю о вас, завершая посвященное вам произведение. Настало время ему увидеть свет: все думают, что никогда его не завершу, что это невозможно».

Бальзак тем более торопится завершить роман, что Ганская, которая все еще в Вене со своим семейством, вот-вот вернется в Россию. А он хочет непременно сам передать ей рукопись «Серафиты». Но нетерпение и желание увидеть Иностранку ничуть не мешают ему увлечься вновь прибывшей прекрасной графиней Гидобони-Висконти. Как только выдается свободная минута, устремляется туда, где можно встретить ее, – в Версаль, Медон. Эти эскапады веселят его, будоражат кровь, что он и пытается объяснить своей неизменной Зюльме Карро: «Во мне живут несколько человек: финансист, художник, сражающийся с газетами и публикой, художник, сражающийся со своими трудами и сюжетами. Наконец, страстный мужчина, готовый растянуться на ковре у ног прелестной женщины, наслаждаясь ее красками, вдыхая ее аромат. Здесь вы скажете: этот плут, Оноре! Нет и нет, я не заслуживаю подобного эпитета, вам бы хотелось, чтобы я отказался от всех радостей окружающего мира, заперся у себя и продолжал творить!» Кстати, писатель обещает скоро приехать навестить ее. Но на это нет времени, так увлечен «Серафитой» и графиней: «Вот уже несколько дней я под властью потрясающей женщины и не знаю, как освободиться, я, словно молоденькая девушка, не в силах устоять против того, что мне нравится».

В длительной перспективе Бальзак отдает предпочтение польке, а не итало-англичанке. К тому же чувствует, что обязательно должен увидеть Еву, прежде чем она опять удалится, и, быть может, надолго: «Я не хочу, чтобы вы уехали в ваши пустынные края без моего рукопожатия. Не хочу никому отдавать рукопись „Серафиты“. Я привезу ее сам». У него уже готов паспорт. И все-таки он не решается пока расстаться со своим рабочим столом. Что лучше – писать роман или любить женщину? Наконец выбирает женщину, которая ревнива, и говорит об этом в своих письмах. Надо увидеть ее и успокоить все подозрения. Итак, план ясен: в Вене автор положит к ногам Ганской рукопись «Серафиты», завершит «Лилию долины», съездит на места сражений в Ваграм и Эсслинг (это необходимо для новой редакции «Сцен военной жизни») и насладится страстью, которая накануне разлуки достигла своего апогея. Уверенный в скорой реализации этих эротических и литературных мечтаний, Оноре умоляет Ганских отложить их абсурдный отъезд на Украину. Если они внемлют несчастному, изнывающему вдали от них, ему

удастся провести в Вене четыре дня. «Я радуюсь, словно дитя, этой эскападе. Забыть о моей каторге и увидеть другие страны. Итак, до скорой встречи!» Бальзак объявляет, что вооружится своей знаменитой тростью, чтобы опробовать на них ее магическую силу.

Глава седьмая

«Лилия долины»

Бальзак всегда придавал огромное значение внешним проявлениям благополучия и потому, сидя на мели, старался выглядеть особенно роскошно. На путешествие в Вену пришлось попросить аванс у Верде. У того денег тоже не было, но он обратился к барону Джеймсу Ротшильду, который и дал необходимую сумму. Оноре воспрянул, а так как не любил себя ограничивать, тут же нанял за четыреста франков «карету-почтовую-фаэтон» у каретника Панара. Размах потребовал и сопровождения слуги, решено было, что поедет его камердинер Огюст.

После Страсбурга и Карлсруэ он остановился в замке Вайнхейм под Гейдельбергом, где его ждал князь Альфред Шенбург. Хозяин представил Оноре леди Эленборо, женщину потрясающей красоты и очень свободных нравов, которая, как поговаривали, была когда-то любовницей князя Феликса Шварценберга, потом баварского короля, выдавшего ее за дворянина Карла Гериберта фон Венингена. Теперь она состояла в связи с Шенбургом. Глядя на нее, слушая ее разговор, Бальзак думал о леди Дадли, Арабелле, персонаже «Лилии долины», наделенной всеми возможными достоинствами и самыми разнообразными недостатками, которую хотел написать настоящей англичанкой. Вечером, сидя на скамейке в парке, под галантную беседу князя и его дамы, он набрасывал «размышления» Луи Ламбера, хотел добавить их в новое издание романа. Его голова никогда не отдыхала, работа над начатой книгой шла бок о бок с заботами об уже готовых, которые ему тем не менее не терпелось переделать. Как будто все его творчество жило и развивалось вместе с ним. Покидая Вайнхейм, Бальзак был вдвойне удовлетворен: продвинулся замысел «Лилии долины», метафизические рассуждения (на самом деле совершенно бесполезные!) придали, как ему казалось, глубины «Луи Ламберу».

Семь дней пути через Штутгарт, Мюнхен, Линц, Шёнбрунн, и вот он, наконец, в Вене. Ганские сняли для него комнату в отеле «Золотая груша» на Ландштрассе, недалеко от Пратера. Сами жили по соседству. Сердце Бальзака переполняли надежды, но его ждало разочарование: полтора года разлуки не прошли бесследно, дорогая Ева охладела к нему. Достаточно было россказней польских подруг, живших или побывавших в Париже, чтобы облик гениального писателя, преданного и одинокого, померк в ее глазах. Кроме того, светская жизнь Вены не располагала к уединению, и два поцелуя украдкой никак не могли удовлетворить любовника, лишенного ласки. Он жаловался на безразличие, Ганская отвечала резко, упрекала в излишней оригинальности, которая заменяет ему элегантность, а это могло не понравиться в высшем обществе. Обиженный Бальзак послал ей записку: «Если я не грязен, то уж точно глуп, так как не понял ничего из того, что вы имели честь сказать мне». Другая записка была подписана: «Грязный человек, о котором никто не заботится».

Неожиданно презрительное отношение Ганской компенсировало признание венской публики: самые лестные приглашения сыпались со всех сторон, Оноре был в восхищении, но и несколько раздражен, дабы не прекращать работу, вынужден был ограничить число выходов в свет: «Ради моих двенадцати часов работы я должен ложиться в девять, иначе не встану в три. Этим, почти монашеским распорядком я не могу пренебречь. Для вас нарушил я этот суровый ритуал, дав себе еще три часа на развлечения – в Париже ложусь в шесть, – но это все, что я могу сделать», – сообщает он Еве. Затем добавляет: «Хотел пойти утром в одиночестве посмотреть Пратер. Если бы составили мне компанию, было бы очень мило с вашей стороны, так как за „Лилию долины“ я сяду только завтра, это означает четырнадцать часов работы в день, чтобы нагнать упущенное время. А я обещал себе или завершить этот роман в Вене, или броситься в Дунай».

Но и среди бесконечных приемов и визитов, от которых он под любым предлогом пытается уклониться, есть мгновения счастья. Двадцатого мая, вооружившись рекомендательным письмом госпожи де Кастри, он предстает перед дедушкой по отцовской линии ее сына. Князь Клемент фон Меттерних принял его любезно и просто. Его третья жена отметила в дневнике: «Этим утром Клемент встречался с Бальзаком. Он начал разговор такими словами: „Мсье, я не читал ни одного из ваших произведений, но я знаю вас и понимаю, что вы – безумец, развлекающийся за счет других безумцев, стремясь вылечить их безумие безумием еще большим“». Бальзак ответил, что Клемент все правильно угадал, что, действительно, такова его цель и он стремится к ее достижению. Клемент был очарован тем, как писатель смотрит на вещи и судит о них. Через пять дней появилась еще одна запись: «Бальзак показался мне человеком простым и добрым, что никак нельзя отнести к его фантастическому наряду. Он маленького роста, полный, но его глаза и лицо говорят о большом уме… Мы говорили о политике. Он провозглашает себя ярым роялистом».

Вместе с генералом, князем Фредериком фон Шварценбергом они едут в Ваграм посмотреть поле битвы. Оноре рассчитывает, что описания его со временем войдут в «Сцены военной жизни», вот только настанет ли этот день. Он также наносит визит барону Иосифу фон Хаммер-Пургшталю, ориенталисту, члену Государственного совета, который дарит ему текст, написанный по-арабски. В будущих изданиях «Шагреневой кожи» он должен заменить адпис, выполненный латиницей. Безусловно, лучше был бы санскрит, но барон не знает этого языка, и Бальзак довольствуется арабским. Хаммер-Пургшталь преподносит ему талисман – перстень-печатку с пророчеством сивиллы, «Бедук». «Однажды, – говорит ученый, – вы поймете важность этого

подарка». По его словам, и Оноре вполне верит этому, украшение это принадлежало когда-то Пророку, было похищено у Великого Могола каким-то англичанином, обладает магической силой, которая передается его владельцу. Писатель обожает амулеты, но ему кажется, их никогда не хватит, чтобы помочь ему в его сумасшедших начинаниях.

Все в Вене в безграничном восторге от него. Если бы так было и во Франции! Быть может, благодаря Бедуку ему улыбнется счастье литературное и счастье в любви? Астольф де Кюстин, который тоже проездом в Вене, поражен успехом Бальзака и сообщает Софи Гэ: «Я много раз видел его у Меттерниха. По-моему, он преуспевает. Князь как-то спросил меня: „Что вы о нем думаете?“ – „Я думаю, что у него хорошее воображение. Это не просто писатель, это настоящая литература“. – „Мне он кажется хорошим человеком“. Таков был его ответ». В том же письме де Кюстин расскажет, что Бальзак представил его госпоже Ганской, польке, «самой ученой женщине на берегах Дона». Она в то время позировала миниатюристу Дафингеру, который подошел к портрету очень деликатно, и все же на губах модели читается какая-то внутренняя жесткость. Оноре немедленно потребовал себе копию: изо всех сил сражался с разочарованием, которое принесла ему их встреча. Ганские стали собираться в свое поместье, Бальзак, несмотря на неблагодарность соотечественников, не мог жить без Парижа, Франции. Незадолго до расставания он пишет возлюбленной: «Моя обожаемая Ева, никогда я не был так счастлив и никогда так не страдал… Препятствия только разжигают мой пыл, и я рад, поверь мне, что скоро еду».

Осталось одолеть последнюю неприятность: он потратил все деньги, нечем оплатить гостиницу и дорогу домой. Но небольшая уловка, и все в порядке (не без помощи Бедука, наверное!). Он предъявляет венским Ротшильдам переводной вексель на имя Верде, и те любезно учитывают его. Верде же придется считать эти деньги авансом за «Лилию долины». Урегулировав щекотливое дело, Бальзак решает подвести итог своего пребывания в Вене: триумф у космополитичной публики – ему открыты все двери, самые красивые женщины с замиранием сердца расхваливают его книги, один студент поцеловал ему руку, когда выходили с концерта; разочарование, связанное с Ганской, – она хороша по-прежнему, но обидчива, подозрительна и держит дистанцию. Так что результат нельзя считать блестящим.

Итак, он едет. Но нанятая в Париже карета безнадежно испорчена – колдобины на дороге. Ее необходимо оставить для ремонта, Ганский обещает оплатить расходы. Не без сожалений забирается Бальзак на верх дилижанса. Что ж, отсюда хорошо любоваться пейзажем, а солнце и свежий воздух полезны для кожи. В воскресенье, седьмого июня 1835 года, пишет Ганской из Мюнхена, жалуясь на задержки в пути из-за трех ужасных форейторов, которых никакая сила не могла заставить начать движение. В Париже он одиннадцатого в два часа ночи, чудовищно усталый и «черный, как негр». На другой день улаживает с Верде историю с векселем и пятью тысячами франков, которые получил у Ротшильдов в Вене.

И вновь со всех сторон заботы: финансовые, литературные, семейные. Оноре перечисляет, по просьбе Ганской, огорчения, которые сыплются на его несчастную голову и от которых он если не полысеет, то уж точно поседеет. «Мой ни к чему не способный братец, будучи в положении весьма стесненном, грозится пустить себе пулю в лоб, вместо того чтобы попытаться найти работу. Состояние моей сестры ухудшилось, болезнь страшно прогрессирует. Все это убивает матушку… У меня на первом месте – финансовый кризис. Продолжаются нападки и клевета журналистов, заявивших, что я ударился в бега, в Сент-Пелажи, этим глупым слухам поверили, и теперь я нигде не могу получить кредит». От Евы нет пока известий, приходится обратиться к ясновидящей: «Она сказала мне, вы пишете в Париж… чтобы узнать обо мне. Но видела это смутно и ничего не стала уточнять. Ей кажется, что у вас увеличено сердце, и посоветовала мне попросить вас избегать сильных волнений, жить в покое, но уверила, что и опасности никакой нет. Просто ваше сердце, как и ваш лоб, очень развито. Меня тронуло сказанное с торжественным выражением всех ясновидящих: эти люди сильно привязаны к вам и по-настоящему вас любят». Сидя за этим письмом, он с грустью обнаруживает, что похож на воздыхателя, поклоняющегося божеству тем более дорогому, что оно недостижимо. Пытаясь развеять болезненную ревность Евы, уверяет, что дни и ночи его посвящены только работе: «В спорах человека со своими мыслями, чернилами и бумагой нет ничего поэтического. Тишина. Мрак. Усталость, усилия, напряжение, головные боли, огорчения, и все это в четырех стенах бело-розового будуара, описание которого известно вам по „Девушке с золотыми глазами“.

Укрывшись в своей бонбоньерке, он за одну ночь пишет рассказ „Обедня безбожника“, за три – „Дело об опеке“: „Сейчас я работаю по двадцать часов в сутки. Выдержу ли я? Не знаю… Одни бессонные ночи сменяют другие, дни размышлений следуют один за другим, я вновь и вновь пересматриваю свои замыслы. Денег слишком мало в сравнении с тем, сколько мне нужно… Если бы за каждую книгу мне платили, как Вальтеру Скотту, я бы выкрутился“. Попутно успокаивает Ганскую относительно госпожи де Кастри: „Мои отношения с госпожой де Кастри не выходят за рамки вежливости, лучшего вы сами не могли бы желать. Не сравнивайте привязанность, которую я питаю к вам, с выдуманной вами“. Ева уже не в Вене, а у себя на Украине. Расстояние, разделяющее их, увеличилось, усилилась и страсть Бальзака: любимая женщина отдалялась, воспоминания становились живее и неотвязнее. Заканчивая письмо, он выражает надежду увидеть Ганскую в ее удивительной стране: „Потребуется пересечь всю Европу, чтобы вы смогли увидеть мое постаревшее лицо, но неизменно молодое сердце, которое бьется по любому поводу: от дурно написанной строки, знакомого адреса или духов, как будто мне нет еще тридцати шести“.

Для Бальзака эта переписка – глоток воздуха между двумя погружениями в его изнурительные заботы: как всегда, правка гранок означает для него новую редакцию сочинения, на напечатанных страницах вязь его исправлений, зачеркивания, сомнения. Иногда, ради результата, который его удовлетворяет, требуется шесть, десять экземпляров с последовательно внесенными корректурами. Плюс дополнения и правка для каждого следующего издания. Параллельно – новый роман. Он дал

себе слово, что „Лилия долины“ будет неувядаемым шедевром. В конце июля 1835 года Оноре едет в Булоньер к госпоже де Берни, потом во Фрапель к чете Карро, где прерывает работу только ради коротких прогулок с Зюльмой, по-прежнему откровенной и непримиримой, и бесед с ее супругом, которого очень занимает траектория приближающейся к Земле кометы. Писатель не упускает случая поговорить и с неким майором Периоля, истинным знатоком всех сражений времен Империи. Но главное, чему посвящены его дни и ночи, – история его героев, Анриетты де Морсоф и Феликса де Ванденеса, невозможно будет не склониться перед этой романтической любовью. Величие души заставляет их отка-заться от телесных наслаждений. Ради сохранения целомудренного сокровища Феликс вступает в связь с прекрасной англичанкой леди Дадли (в ней есть черты госпожи Гидобони-Висконти, леди Эленборо и госпожи де Кастри), которая оставляет вполне равнодушным его сердце. На пороге смерти возвышенная госпожа де Морсоф сожалеет, что не уступила зову плоти, лишив себя счастья, вполне земного, но такого необходимого, следуя своей благородной и стерильной страсти. Она старше Феликса и становится для него второй матерью, рассудительной, дальновидной, нежной к своему предупредительному и уважительному сыну. Их чувства были слишком сильны, но они прошли мимо реальной жизни, предпочтя иллюзию.

Исторический фон любовных переживаний – Франция, переходящая от надежды к отчаянию, от поражения Наполеона, через Реставрацию и Сто дней, пейзаж – любимая Бальзаком Турень. В честь своих друзей Карро он дает название Фрапель поместью одного из персонажей. Волшебная природа оттеняет изысканность чувств героини. И все-таки роман в конце концов скорее осуждает „высокие отношения“. Практический ум госпожи де Морсоф со всей очевидностью заявляет о себе в письме Феликсу, где она учит, какие ловушки подстерегают его на пути завоевания мира. Это своего рода путеводитель молодого карьериста. „Прямота, честь, верность и учтивость – вот самое надежное и верное средство достижения успеха… Угождайте женщинам влиятельным. Влиянием пользуются женщины пожилые, они откроют вам секреты многих семей и связей, научат обходным путям, которые скорее приведут к цели. Они будут преданы вам всем сердцем. Покровительство – проявление их последней любви… Избегайте женщин молодых… Женщина пятидесяти лет сделает для вас все, двадцатилетняя – ничего… Я хотела бы видеть, как вы растете, но чтобы ни один ваш успех не заставил меня наморщить лоб, чтобы успехи ваши были достойны вашего имени, а я могла сказать себе, что сделала все возможное помимо одного только желания видеть вас знаменитым. И это тайное сотрудничество – единственное удовольствие, которое я могу себе позволить“.

Кажется, читаешь письмо госпожи де Берни к молодому Бальзаку, пытающемуся пробиться в столичное общество. Единственная, но очень существенная деталь: госпожа де Морсоф отказывается уступить Феликсу, госпожа де Берни сделала это без малейших угрызений совести. Героиня романа вобрала в себя только материнскую жилку Дилекты, обладающей чистотой ее души, но чувственностью леди Дадли. Дилекта набросилась на роман и прочитала его запоем. Она очень любила произведения, в которых великие события – тайное рукопожатие, взгляды украдкой, где драматическое напряжение сродни глухому ритму слабеющего сердца.

Как всегда, Бальзак был горд своим последним произведением. Как всегда, ему казалось, что это лучшее: „Я думаю, мне еще никогда не удавалось ничего прекраснее в том, что касается описания внутреннего мира героев, – делится он с Ганской. – Если „Лилия долины“ не станет для женщин настольной книгой, я ничего собой не представляю. Добродетель здесь возвышенна и нисколько не скучна. Выжать из добродетели трагическое, поддерживать накал страстей, взяв за основу язык и стиль Массильона, вот задача, которая, будучи решенной уже в первой главе, стоит трех сотен часов правки, четырех сотен франков для „La Revue“ и тяжести в печени – для меня“. И с гордостью добавляет: „Осталось сорок дней работы. Сент-Бёв четыре года трудился над своим „Сладострастием“. Сравните“. Между двумя этими романами действительно есть определенное сходство, оба прославляют чистоту любви, но у Сент-Бёва нет ни размаха, ни силы Бальзака. Конечно, они не терпят друг друга: Сент-Бёв держит Бальзака за бумагомарателя, Оноре считает его лицемером, пользующимся собственной известностью, чтобы не дать дороги молодым дарованиям.

Критики в который раз с презрением воротят нос от очередного творения этого слишком плодовитого сочинителя: для одних он низкопробный поставщик литературы для читален, другие считают, что единственная его цель – написать как можно больше, третьи не могут смириться, что, умирая, госпожа де Морсоф сожалеет, что не уступила любовнику своего сердца. „Да, все газеты враждебно отнеслись к моей „Лилии“, – поделится Бальзак с Ганской. – Говорят о ней плохо, оплевали… „La Gazette de France“ ругает за то, *что я не хожу в церковь*, „La Quotidienne“ – из личной мести редактора, каждый находит какую-то причину. Я надеялся, что Верде удастся продать две тысячи экземпляров, реализовали только тысячу триста, поэтому материальная сторона, увы… К тому же есть невежи, которым непонятна красота смерти госпожи де Морсоф, они не видят в ней борьбу плоти и духа, что, собственно, и есть основа христианства. Они слышат только проклятия обманутой плоти, физическое страдание, хрупкое спокойствие души причастившейся графини не трогает их, они не понимают, что она умирает святой“. Эта сцена смутила и госпожу де Берни, она написала Оноре: „Теперь я могу спокойно умереть, я уверена, у вас на голове – венец… „Лилия“ – возвышенное произведение, без единой неточности. Вот только смерть госпожи де Морсоф не нуждается в этих страшных сожалениях, они вредят ее прекрасному письму“. Бальзак не мог оставить без внимания замечания той, что навеяла некоторые размышления героини, и во втором издании уже не было строк, которые привели ее в замешательство. „Ни об одной я не пожалел, – скажет он Ганской, – и никогда еще человеческое сердце не билось так, как у меня, когда я вычеркивал какую-то из них“.

Жизнь госпожи де Берни подходила к концу, он горевал, думал о ней с отчаянием и благодарностью. Во время последнего пребывания в Булоньере мучился, что изнуренная болезнью Дилекта оказалась перед лицом несчастий, обрушившихся на ее близких: она потеряла четверых детей, видела, как погибала дочь, страдавшая истерией, готовилась к смерти от туберкулеза сына. Когда после месяцев пытки тот скончался, окончательно отгородилась от мира, умоляла Бальзака не приезжать и не

писать больше. „Я словно пьян от боли. Госпожа де Берни угасает, в этом нет сомнений. О степени моего отчаяния известно только мне самому и Богу. Надо работать, плакать, но работать“, – доверится он матери.

А тут еще не дают покоя кредиторы, издатели, газетчики, требовательные, злые! Пальму первенства удалось захватить столь любезной когда-то вдове Беше: под предлогом, что Оноре так и не передал ей романы, за которые она столь легкомысленно выплатила ему аванс, заважничала вдруг и стала угрожать судебным разбирательством, если не получит рукописи. Ему пришлось повторить обещания, посулив „Музей древностей“ и „Утраченные иллюзии“. Смилостивившись, издательница согласилась выплатить ему еще пять тысяч франков, таким образом, он уже почти полностью получил деньги, которые вдова обязалась выплатить ему за „Этюды нравов“, и теперь за пятьсот франков надо было написать еще два романа, чтобы выполнить все свои обязательства.

Подвел итоги и Верде. Бальзаку пришлось срочно занимать деньги: он обратился к доктору Наккару, Огюсту Борже, всегда готовой оказать ему услугу госпоже Делануа, к папаше Даблену. Жатва оказалась не слишком обильной. Тем временем требовал денег и хозяин квартиры на улице Кассини, которому Оноре задолжал уже две выплаты (обосновавшись на улице Батай, он не стал отказываться и от прежнего своего пристанища). Итак, приперли к стенке, но тут Бальзака осенило – надо срочно переиздать романы, которые он публиковал в юности под псевдонимом Орас де Сент-Обен. Хроникеры, конечно, не замедлят раструбить, что эти жалкие измышления вышли из-под пера автора „Отца Горио“. Пусть. Десять тысяч франков стоят того, а газетчиков он презирает. Можно переиздать за свой счет „Озорные рассказы“ и потом продать подороже Верде, который будет счастлив пополнить свой каталог еще одной книгой. А когда вдова Беше исчерпает, наконец, принадлежащие ей „Этюды о нравах“, он вновь вступит в авторские права и предложит эти сочинения другому издателю.

Проекты выглядели ободряюще, но на декабрь 1835 года его пассив составил сто пять тысяч франков. Сумма огромная. И очередная неудача: негодяй Бюлоз, начав публикацию „Серафиты“ в „La Revue de Paris“, отказывался продолжать, поскольку многие читатели жаловались, что ничего не понимают в этой абракадабре. К счастью, на помощь пришел Верде, выпустив под одной обложкой „Серафиту“ и „Луи Ламбера“. „Мистическая книга“ встречена была прохладно. „Она многим здесь пришлась не по вкусу, второе издание не расходится совсем“, – признается Бальзак Ганской. Но тут же спохватывается: „За границей все наоборот, ею увлечены. Я только что получил очень милое письмо от княгини Ангелины Радзивилл, которая завидует посвящению вам и говорит, что стоит жить ради того, чтобы вдохновить на такую книгу. Я был очень рад за вас“.

Что до госпожи де Берни, она не посчитала нужным скрывать свое критическое отношение к „Серафите“. Бальзаку нравилась ее откровенность, доказательство безукоризненной дружбы: „У нее одной хватило смелости сказать мне, что ангел говорит, как гризетка, то, что кажется красивым, пока неизвестен конец, выглядит мелким, и я понимаю, что надо создавать собирательный образ женщины, как я всегда и поступал. К несчастью, на переделку последней части мне потребуется полгода, и все это время благородные души станут упрекать меня за ошибку, которая будет бросаться им в глаза“. Оноре попытался выяснить, что думает о „Серафите“ Ганская, получившая рукопись в сером, цвета платья, которое она носила в Женеве, переплете. Ева хранила молчание, которое не могло не удивлять его. В конце концов призналась, что разделяет мнение „тетушки“, Розалии Ржевузской,[23] несколько шокированной, что книга так мало соотносится с христианскими догматами. Бальзак почувствовал себя оскорбленным: „Серафита“ – *сама вера*, странно, что этого не заметили. Это проявление веры, ради нее это написано… Ни одному автору священных текстов не удалось с такой силой доказать существование *Бога*». А Розалия Ржевузская – просто ведьма, не знает, что придумать, лишь бы навредить ему и выставить в невыгодном свете. «Ваша тетушка напоминает мне бедного христианина, который, увидев нагое тело в росписи Микеланджело Сикстинской капеллы, поинтересовался, как папы допускают изображение подобных ужасов в соборе Святого Петра. Она судит о литературном произведении, не удосужившись отойти на некоторое расстояние, не дожидаясь его завершения. Она судит художника, не зная его, прислушиваясь к глупцам. Это не столько моя беда, сколько ее, тем более что вы ее любите. Но меня огорчает и беспокоит, что вы попадаете под влияние столь ошибочных взглядов, а ведь для меня нет ничего важнее дружбы… Серафита – цветок земли, все, питавшее его, скорбит о нем. Поиск дороги к Богу… это вера Святой Терезы, Фенелона, Сведенборга, Якова Бёме и Сен-Мартена».

Бальзак защищает здесь свое творение, которое считает превосходным, и свою, весьма вольную, концепцию религии. Традиционной католической вере он противопоставляет ту, что развивается вне всякой Церкви, мощью небесных сил, превосходством духа над телом. Он сотни раз говорил об этом Ганской и не понимает, как с ее возвышенной душой она может прислушиваться к глупостям «тетушки Розалии», обвиняющей «ветреного француза» в том, что он не вылезает из игорных домов, ухаживает за женщинами, пускается в разгул. И эта гнусная сплетница осмеливается утверждать, что у нее есть «доказательства»! Ах, как ему хотелось встретиться с возлюбленной там, на Украине, и оправдаться перед ней! Хотя финансы его были по-прежнему расстроены, он не сомневался, что их свидание в стране, которую он заранее любил просто потому, что там живет она, состоится: «Итак, прощайте. Будьте здоровы, берегите себя, я не хочу видеть вас больной, когда приеду в Верховню, а если дела мои наладятся, я буду у вас, быть может, в сентябре – октябре». Не исключено, что письмо прочитает муж, и Бальзак избегает говорить о своих тайных желаниях. «Примите тысячи любезностей. Этому клочку бумаги я доверил все свои мысли. К несчастью, он не слишком разговорчив».

Глава восьмая

Терзания издателя журнала

Бальзак никогда не страдал от недостатка идей, шла ли речь об очередном романе или новом коммерческом предприятии. Проявлял одинаковую находчивость, сплетая нити повествования и изобретая головокружительные финансовые операции. Ганская упрекала его, что, будучи тонким психологом, когда дело касается вымышленных персонажей, он демонстрирует редкую неосмотрительность, защищая собственные денежные интересы. Оноре отвечал: «Чтобы не ошибаться в жизни, в дружбе, в делах, во взаимоотношениях любого рода, дорогая моя графиня, затворница и отшельница, надо заниматься чем-то одним, быть исключительно финансистом, светским человеком, деловым человеком. Я, безусловно, вижу, что меня обманывают и будут обманывать, что такой-то предает меня или предаст, или сбежит, предварительно урвав у меня что-то. Но в тот момент, когда я предчувствую, предвижу или точно знаю это, надо идти сражаться на другом фронте. Я вижу это как раз тогда, когда мне срочно надо заняться какой-то книгой или непременно закончить работу. Я часто завершаю строительство хижины при свете горящего дома, одного из принадлежащих мне». Он признает, что воображение, свидетельством которому его сочинения, в жизни не раз обернулось ему во вред. Некоторые из его героев великолепно управляются с деньгами, сам он совершает промах за промахом. И тем не менее не отказывается от мысли совмещать карьеру писателя с карьерой промышленника или коммерсанта-авантюриста.

Двенадцатого декабря 1835 года сгорел склад, где хранились принадлежавшие лично ему экземпляры «Озорных рассказов», которые он рассчитывал со временем выгодно продать. Еще одна надежда развеялась вместе с дымом. В довершение ко всем неприятностям выяснилось, что его личный враг Франсуа Бюлоз передал неправленые гранки «Лилии долины» издательскому дому Белизар в Санкт-Петербурге, и тот начал ее печатать без разрешения автора в журнале «La Revue étrangere». Бальзак был в ярости и в отместку запретил дальнейшую публикацию романа в «La Revue de Paris», одним из совладельцев которого был Бюлоз, а официально возглавлял Бриндо. Но «товар» был оплачен, и писатель в очередной раз оказался виноватым. Не прав был и Бюлоз, так как отправил в Санкт-Петербург текст, не получив предварительно «добро» автора. Последовали процессы «Бальзак против Бюлоза» и «Бюлоз против Бальзака». Справедливость была восстановлена, но всецело зависящие от всемогущего Бюлоза критики обрушили на его противника ядовитые нападки. Надо было воздать им по заслугам, а для этого необходима трибуна. Неожиданно Оноре узнал о продаже убыточного легитимистского журнала «La Chronique de Paris», весьма посредственного, подписчиков которого можно было пересчитать по пальцам одной руки. Издание принадлежало журналисту Уильяму Даккету, печатали его Максимилиан де Бетюн и Анри Плон. Бальзак не колебался ни секунды: иметь собственный журнал, самому выбирать темы статей, окружить себя знаменитостями – вот о чем он всегда мечтал!

И двадцать четвертого декабря 1835 года основывает товарищество по изданию «La Chronique de Paris». Решено, что журнал будет выходить дважды в неделю – в воскресенье и четверг. Восьмая часть акций принадлежит Даккету, еще одна – Бетюну, остальные шесть – Бальзаку. Преимущество этой сделки в том, что новому владельцу требуется лишь сто двадцать франков, чтобы вступить в товарищество – он вытаскивает «La Chronique de Paris» из грязи. Однако, помимо этого, предусмотрен оборотный капитал в сорок пять тысяч франков, обеспечить который будет непросто, но Оноре рассчитывает на успех первых номеров журнала. Ничто не в силах пошатнуть его оптимизм, он уже готов на страницах нового издания дать слово Гюго, Готье, Альфонсу Карру, критику Гюставу Планшу, короче говоря, всем писателям, составляющим славу Франции. Предупрежденный об этом ударе по собственному превосходству, Бюлоз вне себя от гнева пишет Жорж Санд: «Я поссорился с Бальзаком, который собирается сотрудничать с плохонькой газетенкой, которая не раз скверно о вас отзывалась. Это „La Chronique de Paris“. Уверяю вас, что не собираюсь извиняться, я никогда не мог его понять и мало ценю его манеру письма, столь востребованную читателями». Потом добавляет: «Забыл сказать вам волшебную, удивительную, поразительную новость: это альянс Планша, Гюго и Бальзака, которые собрались делать газету, о которой я вам рассказал. Планш должен нам две тысячи шестьсот франков, он не желает работать, я отказался дать провести себя, и он уцепился за Бальзака, которого любит, вы знаете как, впрочем, он целует даже задницу Гюго, которому просто поклоняется. Великолепный союз! Что за люди, как они понимают и любят друг друга! Вам смешно? И эта коалиция угрожает мне! Через три месяца Планш признает себя побежденным, Бальзак посчитает выполненной свою миссию, а Гюго сделает ребенка Жюльетте Друэ! Бойтесь за меня!»

Его конюшня нуждается в хороших лошадках, и Бальзак поручает Жюлю Сандо привести молодого Теофиля Готье, который только что опубликовал свою «Мадемуазель Мопен». Оноре вполне оценил его талант. С уважением неофита отправляется Готье на улицу Кассини, где тот вновь временно обосновался. Недалеко от дома автора «В поисках абсолюта» он замечает на ограде сада объявление: «Абсолют, торговец кирпичом». Не эта ли странная вывеска дала название книге? Когда он переступил порог дома, ноги стали ватными, в горле пересохло. Полный, радушный хозяин встретил его в белой кашемировой рясе с капюшоном, подпоясанной шнуром. «Его съехавшая на спину ряса открывала шею атлета или быка, круглую, словно обломок колонны, без видимых мышц, атласную, белую, контрастировавшую с более ярким цветом его лица», – расскажет Готье. Он отметит также «сочные, изогнутые, готовые к смеху губы», нос, «квадратный на кончике, разделенный на две дольки», «густые, длинные, тяжелые черные» волосы, «прекрасный, широкий, благородный, гораздо белее, чем остальное лицо», лоб, черные с золотыми отблесками глаза, которые могли «читать сквозь стены и грудную клетку, сразить наповал бешеного дикого зверя, глаза суверена, ясновидца, укротителя».

Расположив к себе посетителя парой добрых слов, Оноре взял с него обещание написать несколько статей и пригласил к завтраку. Угощение было восхитительным, они ели обильно и весело, болтали о литературе. Бальзака, казалось, тревожил собственный стиль, он сожалел, что никто не обращает на него внимания. «Действительно, – замечает Готье, – ему решительно отказывали в этом достоинстве… Несмотря на известность и популярность у читателей, Бальзак не был признан корифеями

романтизма и знал об этом. Все поглощали его книги, но никто не принимал всерьез, и даже для самых преданных своих почитателей он долго оставался лишь самым плодовитым нашим писателем и ничем больше». Уходя, Готье был покорен простотой, мягкостью и остроумием этого экстравагантного персонажа, вырядившегося в рясу, у которого был одинаково хороший аппетит и к жизни, и к сочинительству. Бальзак, в свою очередь, был очарован новобранцем, который сдержит слово и напишет статьи. Так же поступят Альфонс Карр и Шарль де Бернар. А Гюго не захочет скомпрометировать себя сотрудничеством с неопределенного назначения журнальчиком. Оноре тем временем уверен, что у его издания будет признание и оно принесет прибыль. Не сомневается, что, опираясь на него, пустится, наконец, в политику, займется однажды управлением страной. Мечтает о королевских почестях сотрудникам «La Chronique de Paris» и себе самому, о том, что станет его полновластным хозяином и навсегда расстанется с нуждой.

В ожидании этих чудес необходимо найти средства для начала деятельности. Пятнадцать тысяч франков он занимает у щедрой госпожи Делануа, настойчиво просит у Сюрвиля, который одержим грандиозным проектом канала, что сулит немалый доход. «Скажи моему доброму Сюрвилю, что это первый шаг к власти», – умоляет сестру, после чего нанимает в качестве секретарей двух молодых людей, без гроша в кармане, но с хорошей родословной: «Двое моих секретарей – молодые люди, которым не чужды мои политические упования». Ганская удивлена, что он не упоминает Сандо. Бальзак объясняет: «Сандо исключен. Сандо, в отличие от этих господ, не придерживается легитимистских убеждений, он не разделяет мои воззрения. Между нами все сказано. Я сделал все, что мог, дабы убедить его в необходимости абсолютной власти. Он глуп… Итак, вы видите, что открылся новый неисчерпаемый источник, и над ним придется потрудиться. Бедук проявляет свое могущество. Только надо еще больше денег и таланта. Не знаю, где брать деньги». Отсутствие средств, впрочем, не мешает ему приглашать по субботам на изысканный обед редакторов своего журнала. Попутно они обсуждают следующий номер, обмениваются окололитературными сплетнями, покусывают принадлежащих враждебному лагерю собратьев, поздравляют добившихся успеха друзей, перебрасываются сальными шутками. Бальзак охоч до игры слов, каламбуров, анекдотов, заразительно смеется. Покинув его, гости отправляются спать, сам он – принимается за работу. Ночь напролет сидит за столом в своем монашеском одеянии, пишет, правит. Это схватка не на жизнь, а на смерть с мыслями, словами. На заре Оноре выходит из нее победителем, но совершенно разбитым. «Когда камин гас и в комнате становилось прохладно, его голова дымилась, а от тела исходил видимый пар, как от лошадей зимой», – будет рассказывать Теофиль Готье.

Плоды труда писателя в этот период поражают количеством и разнообразием: рассказы для «La Chronique de Paris», множество политических статей, в которых он высмеивает Тьера и Гизо, называя «флюгерами». В том, что касается политики внешней, его решительные соображения оказываются пророческими: он предрекает войну между Россией и Англией за господство на Средиземном море (которая разразится в 1854–1855 годах в Крыму); будучи сторонником франко-русского альянса, критикует «чудовищный» союз Франции с Британской империей; заявляет, что объединенной Германией будет править Пруссия (что и случится в 1868 и 1871 годах); сожалеет об отсутствии внятной концепции французской внешней политики, которую без особых усилий могли бы набросать Мазарини и Ришелье. И, наконец, в собственном журнале публикует «Историю разбирательства, причиной которого стала „Лилия долины“».

Процесс против Бюлоза Бальзак после многочисленных отсрочек выиграл, судьи встали на сторону художника, а не предпринимателя. Писатель ликовал, теперь он был одержим признанием прав литературной собственности. Разве допустимо, что в соседней Бельгии, например, издатели без зазрения совести грабят французских литераторов, не уведомляя о публикации их книг и ничего им не выплачивая? Для него продукция, вышедшая из-под пера, ничем не отличается от той, что выращена руками фермера. Он продает плоды своей умственной деятельности, как земледелец плоды своих полей. И так же имеет право на защиту, в какой бы стране его товар ни продавался. В то время подобные суждения были в новинку, хотя, опираясь именно на них, его собратья по перу создадут позже Общество литераторов.

Блестящее содержание не спасало «La Chronique de Paris», читатели колебались, подписчиков было мало – триста за полгода вместо ожидаемых двух тысяч. Среди сотрудников лишь один Бальзак продолжал верить в успех. Двадцать седьмого марта 1836 года он посылает Ганской очередную победную реляцию: «Мы – в оппозиции, проповедуя абсолютную власть… Согласитесь, есть в этом нечто величественное. К тому же за три месяца моего руководства журнал с каждым днем приобретает все большее уважение и авторитет».

На следующий день Оноре пытается обаять одного из вкладчиков товарищества, угощая обильным обедом, приготовленным знаменитыми кулинарами Шеве и Вефуром, которые привели с собой и метрдотеля. В меню филе осетра, копченый окорок, запеченная птица, спаржа, ананасы. Эту роскошь он так объясняет Ганской: «Вы знаете, что дают взаймы и доверяют только богатым. У меня все дышит изобилием, достатком, богатством успешного художника. Если на столе у меня будет взятое напрокат серебро, ничего не выйдет… Дело с „La Chronique de Paris“ выгорело благодаря полученному мною кредиту… Вчера один из моих друзей справедливо заметил: „Когда будут делать ваш скульптурный портрет, надо будет выполнить его в бронзе, так лучше будет видно, что вы за человек“».

Не будучи бронзовым, писатель старается устоять при каждом новом ударе. Великолепный обед, с которым он связывал столько надежд, не дал результата. Руководство журналом и редактирование статей мешало ему удовлетворять требования издателей, в частности госпожи Беше. Красавица вдова собиралась выйти замуж за некоего землевладельца и оставить издательское дело, но прежде, чем воспарить к семейному счастью, прояснить отношения с Бальзаком, которому любезно заплатила вперед. Теперь она требовала произведений согласно выплаченной сумме, которые составили бы два тома, и

угрожала автору судом. Отчаявшийся Даккет решил продать свои акции «La Chronique de Paris», но покупателей не было – только Бальзак и Верде, заплатившие ему векселями. Сотрудники отказывались работать, опасаясь, что не получат вознаграждения, уволились и секретари. Словом, все пустились наутек. Оставшись в одиночестве, отрезвленный, главный редактор изнурял себя отчаянными просьбами, пытаясь занять денег у друзей. На первом месте оказался бравый доктор Наккар, давший несколько су и выразивший беспокойство по поводу его здоровья. Он волновался, что пациент не справится с одолевавшими заботами.

Не так давно Бальзак оставил квартиру на улице Батай, в которой теперь останавливался, приезжая в Париж, один из сыновей его друзей Шенбургов. Сам он вновь воцарился в своей обители на улице Кассини, которую так предусмотрительно оставил за собой. Он полагал, что статус журналиста гарантирует ему защиту от посягательств национальной гвардии. Не тут-то было: утром двадцать седьмого апреля комиссар полиции с двумя сопровождающими пришли взять его под арест. По словам хозяина, это был «невежественный дантист», совмещавший свою «чудовищную профессию» с функциями главного сержанта, пообещавший запереть его на восемь дней в тюрьму национальной гвардии в особняке Базанкур. Сначала Бальзак попал в общую камеру, переполненную громко говорившими, бранившимися рабочими, не обращавшими на него никакого внимания. Потом Верде дал немного денег, удалось перебраться в одиночную, где была кровать, стол, стул и довольно удобное кресло. Можно было даже заказывать еду, которую приносили извне. Он вновь остановил свой выбор на Шеве и Вефуре. Писатель проводил время за гранками «Лилии долины». Сотрудники журнала навещали его, снабжали свежими столичными сплетнями. На обед, который давал заключенный, собрались Жюль Сандо, Эмиль Реньо, Гюстав Планш, Альфонс Карр. Камера сотрясалась от смеха и звяканья посуды. Неизвестная почитательница, подписавшаяся «Луиза», прислала ему розы. «Ваши цветы благоухают в моей темнице, – ответил он. – Не могу передать, какое удовольствие они мне доставили». Четвертого мая Бальзака освободили. Роскошное заточение обошлось ему в пятьсот семьдесят пять франков.

Немедленно стало известно об окончательном банкротстве «La Chronique de Paris». И тут Оноре в первый раз стало страшно. Не оттого, что теряет журнал, это он предвидел давно, – разум вдруг отказывался ему повиноваться, стало неинтересно придумывать, рассказывать, витать в облаках. Быть может, пора подумать об ином призвании, ином образе жизни? «Три дня назад во мне что-то изменилось, – делится он с Ганской. – Все прежние устремления растаяли. Не хочется ни политики, ни журналистики. Попытаюсь избавиться от „La Chronique de Paris“. К такому решению я пришел, побывав на двух заседаниях Палаты депутатов. Глупость выступавших, нелепость дебатов, невозможность победить эту жалкую посредственность заставили меня отказаться от моих планов вмешаться в политическую жизнь, разве что только в ранге министра. В ближайшие два года я попытаюсь прорваться в Академию, так как академики могут становиться пэрами, и попробую сколотить состояние, которое позволит мне стать членом Верхней палаты и стать у власти благодаря самой власти… Я настолько загружен запущенными делами и заботами, что голова моя кружится и я не могу связно писать вам».

Итак, Бальзак устремился в погоню за новым миражом. Его ободряет шумиха вокруг выигранного им дела против Бюлоза. За несколько дней Верде продал тысячу восемьсот экземпляров «Лилии», тогда как весь тираж составил две тысячи. Увы! Двенадцатого июня новая неприятность: госпожа Беше отказывается ждать. Судебный исполнитель уведомил писателя, что в течение суток он должен передать два тома, которых согласно контракту недостает для полного собрания «Этюдов о нравах». Каждый день задержки обойдется ему в пятьдесят франков. Чудовищно! Хотя, утешает он себя, это послужит необходимым для продолжения работы стимулом. Но Париж для этой гонки не годится, необхо-димо спокойствие, воздух, дружеское участие. Скорее к Маргоннам! С каким облегчением расстанется он с журналом, который камнем висит у него на шее! И Бальзак предупреждает Ганскую: «Некоторое время вы не будете получать от меня известий, я попытаюсь сбежать в долину Индры и написать там дней за двадцать два тома для этой женщины [госпожи Беше], чтобы избавиться от нее, а для этого меня ничто не должно отвлекать, и думать я должен только о том, что пишу. Пусть я околею, но обязательства выполню… Вновь я вступаю в нелегкую схватку, в которой интересам противостоят ненаписанные книги. На то, чтобы ликвидировать последний мой договор, удовлетворив госпожу Беше и написав хорошую книгу, у меня двадцать дней. И я сделаю это. „Наследники Буаруж“ и „Утраченные иллюзии“ будут написаны за двадцать дней».

«Наследники Буаруж» так и останутся на стадии предварительных набросков, но первая часть «Утраченных иллюзий» завершена за три недели в невероятном порыве творческого воображения. Она составит два тома, которые требует от него вдова Беше. Это цена освобождения. Что до второй части, то в предисловии Бальзак обещает в свое время закончить и ее, иначе полотно будет неполным. Первая часть озаглавлена «Два поэта». В ней он возвращается к своим излюбленным темам: тихая, упорядоченная провинциальная жизнь и гипнотическая сила столицы, притягивающей к себе некоторых обитателей этого тесного мирка; любовь юного ангулемского поэта Люсьена Шардона, который именует себя Люсьеном де Рюбампре, и госпожи Анаис де Баржетон, аристократки, старше его на пятнадцать лет, которая считает его писателем с большим будущим, а потом увозит в Париж, рассчитывая сделать известным; наконец, слепая преданность сестры Люсьена Евы будущему мужу, Давиду Сешару. Уже на этом этапе автор понял, что напишет продолжение, и оно будет трагическим – «Провинциальная знаменитость в Париже». Он расскажет об ожесточенной борьбе, несбывшихся надеждах, крушении героя. Герой, прекрасный Люсьен де Рюбампре, – это и он сам, только в более соблазнительном обличье, и Жюль Сандо с его слабым, переменчивым характером. Чувства, что испытывает к своему поэту госпожа де Баржетон, напоминают те, что госпожа де Берни питала к Бальзаку, но и чувства Жорж Санд к Жюлю Сандо тоже; собственный опыт владельца типографии помог создать образ Давида Сешара; а в описании взаимоотношений разных слоев общества Ангулема, заносчивых дворян и торговой буржуазии слышны отзвуки рассказов Зюльмы Карро. Его, Бальзака, поражения придали истории привкус разочарования. «Я рад, что книга, над которой сейчас работаю, именно с таким оттенком, – поверяет он Ганской, – горькая грусть придаст ей очарования. Эта история из тех, что встречают понимание, она трогает сердце. Сейчас я в маленькой комнате в Саше, в которой столько сделано! Снова смотрю

на прекрасные деревья, в которые столько вглядывался, пытаясь нащупать мысль. В 1836 году я не дальше, чем был 1829-м, я всем должен и все время тружусь. Во мне кипит все та же молодая жизнь, и сердце мое – как у ребенка». Ему легко пишется, и эта легкость позволяет забыть на время, что сочиняет он эту историю, чтобы вернуть долг госпоже Беше, – безумное желание творить не дает проснуться безумному желанию жить. Муки и радости теперь не его, его персонажей. Чужая суета занимает его. Выходя из комнаты, он похож на сомнамбулу.

День двадцать шестого июня выдался знойным. Бальзак прогуливался по парку с Маргоннами. Вдруг у него закружилась голова, он упал. Апоплексический удар. Мысли мешались, Оноре не мог говорить. Неужели рассудок отказывает? Сможет ли писать, закончить «Утраченные иллюзии»? Его охватила паника. По счастью, на следующий день ему стало лучше, остался лишь небольшой шум в ушах. Роман пошел своим чередом. О передышке и думать нечего, госпожа Беше, ставшая теперь госпожой Жакийа, не отставала. Герцогиня д'Абрантес жаловалась на молчание Оноре, тот отвечал: «Вы знаете, что вышедшие на поле боя не вправе разговаривать или дать знать друзьям, живы они или мертвы. Я умираю от работы». Решив сделать главного героя поэтом, Бальзак намеревался вставить в роман стихотворения собственного сочинения. Но оказывается не в силах написать хоть одно. В порыве вдохновения обращается за помощью к Эмилю Ренье из «La Chronique de Paris»: «Скажите душке Бернару, что для „Утраченных иллюзий" мне нужна напыщенная поэма в стиле лорда Байрона, она задумана как лучшее произведение провинциального поэта, пусть это будут стансы или александрийский стих, смешанные строфы, как ему нравится. Было бы очень мило с его стороны сделать это, так как я сам не успеваю. Мне нужно нечто вроде „Беппо", „Намуны" или „Мардоша" Мюссе, кусок строк в сто». Шарль де Бернар выполнит порученное, но Бальзак останется недоволен результатом, предпочтет свою поэму, которую в 1824 году посвятил внебрачной дочери госпожи де Берни Жюли Кампи. Она называлась «Цветок Бенгалии».

Писатель просит, чтобы Зюльма Карро срочно выслала ему топографию Ангулема. Ее ответ быстр и точен: «Ворота, через которые мы попадаем в Ангулем, расположенные практически напротив собора, называются воротами Святого Петра. Улочка, которая берет начало на площади Мюрье, – это улица Больё, другим концом она выходит на прекрасное место для прогулок, которое называется точно так же». Бальзаку достаточно этих нескольких строк и собственных разрозненных воспоминаний, чтобы воскресить город с его домами, небом над ним, его запахами, лицами. Ему не обязательно быть где-то, чтобы жить там: он вездесущ, он ясновидец.

Четвертого июля Бальзак возвращается в столицу и оказывается у изголовья агонизирующего журнала: мало читателей, ни одного подписчика, нет больше и надежды. Во что бы то ни стало надо прекращать выпуск. Ликвидация дела означала для него восемнадцать тысяч двести семнадцать франков в пассиве, без учета долга госпоже Делануа – двадцать четыре тысячи, и папаше Даблену – пять тысяч. Цифры внушительные, Оноре не знал, огорчаться от того, что в его распоряжении больше нет печатного издания, или радоваться, что привез из Саше новый роман. Да, конечно, ему уже заплатили. Но для писателя дороже, и это ни с чем не сравнимое счастье, знать, что доплыл, что книга завершена. Выручка со временем забывается, сознание хорошо выполненной работы – никогда. И в этом смысле Бальзак уверен, что партию выиграл. «Утраченные иллюзии» его героя станут для автора прекрасной, прочной реальностью.

Глава девятая

La Contessa

Из письма в письмо старался Бальзак убедить Ганскую в своей неизменной преданности. Судя по ним, нет в его жизни ничего, кроме работы: любые развлечения отвергает, редкие женщины, с которыми встречается, – старые друзья, не представляющие никакой опасности. Ложь во спасение, призванная успокоить ревность корреспондентки, была настолько убедительна на бумаге, что он сам начинал во все это верить. Но только пока писал. Конверт запечатан, и Оноре вновь во власти привычных соблазнов, уверенный, что в его обманах нет ничего дурного – он же продолжает любить свою Еву. Главное – целомудрие души, а не тела!

Некоторое время назад на приеме в австрийском посольстве писатель встретил прекрасную, блестящую женщину и не смог не поддаться ее очарованию. Графиня Гидобони-Висконти, урожденная Фрэнсис Сара Лоуэл, англичанка, вышедшая замуж за итальянца. Ей тридцать лет, у нее молочно-белая кожа, светло-пепельные волосы, изящная походка, дерзкий, обещающий взгляд. Все в ней говорило о готовности к приключениям, о том, что ей известна «наука страсти нежной». Поговаривали, будто у нее множество любовников, последний в их череде – граф Лионель де Бонваль, и муж давно привык к ее похождениям: его занимают исключительно музыка и фармацевтика, а жена не должна мешать разбирать очередную партитуру или смешивать в пробирке какие-то ингредиенты. В этой странной семейной паре супруг-итальянец знаменитого миланского рода олицетворял кротость и терпимость, супруга-англичанка, дочь англиканского священника, – смелость и чувственность. Бальзак находил, что «Contessa» чертовски соблазнительна и умна. Когда его представили графине, он был одет столь нелепо, что та оторопела: белый жилет с коралловыми пуговицами, зеленый фрак – с золотыми, на пальцах – увесистые перстни. Она восхищалась писателем, мужчина показался ей смешным ничтожеством, фанфароном.

После нескольких встреч его эксцентричный вкус был забыт, Оноре говорил увлекательно и страстно. Он получил приглашение в особняк четы Висконти на улице Нейи, между ним и графиней завязались задушевные отношения. Бальзак

нанял вместе с супругами Гидобони-Висконти ложу у Итальянцев, навещал их в Версале, куда они уезжали на лето. «Contessa» не скрывала больше своих чувств к страстно желавшему ее известному писателю. Заметив это, их общие друзья не были удивлены: подумаешь, у Сары еще один воздыхатель, ничего удивительного! Близкая к семье Висконти молодая девушка, дочь русского дипломата Софья Козловская писала отцу: «Ты спрашиваешь меня об этом увлечении господина Бальзака госпожой Висконти. Госпожа Висконти умна, у нее хорошее воображение, свежие, интересные мысли, и господин Бальзак, человек в высшей степени необыкновенный, не может не получать удовольствия от беседы с ней, а поскольку он много написал и пишет до сих пор, то часто заимствует у нее ее оригинальные мысли, так что их разговор всегда невероятно занимателен и забавен. Вот и все увлечение. Господина Бальзака красавцем не назовешь, он маленького роста, тучный, коренастый. У него широкие квадратные плечи, большая голова, нос, словно резиновый, квадратный на конце, очень красивый рот, правда, почти без зубов, черные, как смоль, с проседью жесткие волосы. Но в его карих глазах – огонь, они столь выразительны, и вы, сами того не желая, приходите к выводу, что редко встретишь столь красивую голову. Он добр, добр к тем, кого любит, грозен в отношении тех, кто ему не нравится, безжалостен к смешным чертам сильных мира сего… У него железная воля и отвага. Ради друзей он готов забыть себя самого… Львиное величие и благородство сочетаются в нем с ласковостью ребенка».

Не правда ли, похоже на письмо влюбленной? Все перечисленное могла бы сказать и графиня, после того как лучше узнала Оноре. Она вполне оценила его жизненную энергию, остроумие, с ним ей никогда не скучно, она нежно называет его «Балли» и подумывает об окончательной благосклонности. Писатель поздравляет себя с тем, что завоевал уважение женщины, занимающей прекрасное положение в обществе, наслаждается чувственной дружбой, надеется, что рано или поздно она не устоит, и в ожидании этого довольствуется тем, что внимательно наблюдает за ней, дабы наделить некоторыми ее чертами леди Арабеллу Дадли из «Лилии долины». Отголоски этого «флирта» могут долететь и до ревнивой госпожи Ганской, а потому Бальзак спешит уверить возлюбленную, что она по-прежнему «единственная», госпожа Висконти, о которой она, вне всяких сомнений, слышала, всего лишь светская знакомая, видятся они редко, сам он кто угодно, но только не «Дон Жуан». Ганскую это нисколько не успокаивает, она не устает шпионить за ним, полагаясь на своих польских знакомых в Париже.

Госпожа Гидобони-Висконти, с удовольствием принимая знаки внимания, действительно еще не решила, отдаться Оноре или нет. Злые языки предостерегали от его сумасбродств. Да и сама она считала, что одевается Бальзак плохо, смеется – чересчур громко. Но зато как хороши его глаза! Порой, когда он смотрел на нее, ей казалось, что это власть гипнотизера. Устав, наконец, говорить «нет», графиня уступила. Ни тот, ни другая разочарованы не были. Он ликовал, что обладает здоровой, веселой, все понимающей женщиной, столь не похожей на беспокойную, терзаемую сомнениями Еву. Графиня не против, что у ее любовника другие приключения, – писатель должен знать многих женщин, чтобы в своих книгах говорить о них со знанием дела. Добавив еще некоторую сумму к долгам, Оноре заказывает себе коляску, в которой сопровождает новую пассию до Булони, откуда та отплывает в Англию. Когда после недолгого пребывания на родине она возвращается, ждет ее на пристани. Бальзак верен своему пристрастию давать возлюбленным тайные имена: ее называет Сарой, хотя ей привычнее «Фанни», уменьшительное от первого имени Фрэнсис. Теперь он «штатный» любовник, принятый мужем, позволенный и в гостиных, и в спальне, и боится только одного – ревности Ганской. Ему не хотелось бы потерять из-за одной женщины другую.

Связь с госпожой Гидобони-Висконти и неизменная любовь к Еве не мешают ему завести эпистолярный роман с неизвестной, которая подписывается «Луиза», ее он никогда не увидит. Свои письма неистовая почитательница посылает на адрес его издателя. Бальзак исправно и весьма пылко отвечает: ему всегда нравилась такая игра в жмурки между мужчиной и женщиной, и он вовсе не желает, чтобы корреспондентка раскрыла себя, – сколько раз в подобных случаях ждало разочарование. Да и горькие воспоминания, связанные с госпожой де Кастри, заставляют быть осмотрительным: «Пусть мое недоверие к вам и несправедливо, но я не хочу, чтобы вы хоть как-то приподняли завесу тайны и развеяли ее: много раз моя детская доверчивость подвергалась испытаниям, вы должны были заметить, что недоверие, например у животных, напрямую связано со слабостью… Знайте, все, что вам кажется хорошим во мне, на деле еще лучше, что поэзия написанного не идет ни в какое сравнение с поэзией мысли, что преданность моя безгранична, чувственность моя сродни женской и я полон энергии. Но все хорошее, что есть во мне, скрывает облик вечно занятого человека».

Письма становятся все теплее, они посылают друг другу маленькие подарки, но не встречаются – он готов исповедоваться ей только на бумаге. Потом, у него есть «Contessa», Ганская. У каждой своя роль: одна необходима для мечты, вторая – в постели. Луиза – уже излишек, так, упражнение в стиле «проба пера».

В 1836 году графиня Гидобони-Висконти произвела на свет сына. От Оноре? Какое это имеет значение! Одно из имен, данное ребенку, Лионель, имя ее предыдущего любовника графа де Бонваля. Есть над чем поразмыслить. Едва оправившись после родов, она возобновила свои страстные отношения с Бальзаком, на которые безразлично и отчасти заговорщически взирал законный отец, Эмилио Гидобони-Висконти. Некоторое время спустя пришла весть о кончине его матери. Вступление в права наследования обещало оказаться делом непростым, надо было ехать в Турин, отстаивать свои права перед лицом других членов семьи. Ему же вовсе не хотелось трогаться с места – здесь была музыка, химические эксперименты, в Италии ожидали крючкотворы-юристы. Графине пришла смелая мысль: ее теперешний любовник служил когда-то у стряпчего, почему не отправить его в Италию, где он мог бы представлять интересы ее мужа? Некоторая комиссия ему никак не повредит. Столь разумное решение привело графа в восторг, Бальзак не замедлил согласиться. Его привлекало не столько вознаграждение, сколько само путешествие в Италию. Шестнадцатого июля чета Гидобони-Висконти в присутствии нотариуса подписала бумагу, согласно которой писатель был уполномочен вести дело о спорном наследстве в Турине.

Юридическая сторона его миссии улажена, но пускаться в путь одному – перспектива не слишком радужная. Кого выбрать в компаньоны? Несколько месяцев назад Жюль Сандо познакомил его с молодой женщиной, развязной и, кажется, несколько не в себе, которая бросила мужа, секретаря суда в Лиможе, и прибыла в Париж, рассчитывая на литературный успех. Каролина Марбути, тридцати трех лет, с приятной наружностью, опубликовала под псевдонимом К. Марсель невнятный автобиографический роман. Друзья называли ее «лиможской музой», она ненавидела город, презирала его обитателей, всячески давая понять окружающим, что заслуживает большего, чем это прозябание. Не раз обманув мужа, в том числе со знаменитым доктором Дюпюитреном, который был в Лиможе проездом, решила с согласия семьи обосноваться в столице, чтобы дать хорошее образование дочерям. Истинная же цель переселения состояла в том, чтобы найти выдающегося человека, желательно художника, который влюбится в нее и поспособствует писательской карьере.

Поначалу наметила себе Сент-Бёва, но этот тщедушный мужчина не показался ей привлекательным, она сосредоточилась на Бальзаке, чьим талантом восхищалась и чье влияние на прессу сильно переоценивала. Она была приглашена на улицу Кассини. Хозяина немало позабавил ее апломб, бойкая речь и провинциальная наивность. Как раз в это время он искал, с кем бы поехать в Турин. Почему бы не с ней? Предложил, та немедленно согласилась. К тому же у нее было пятьсот франков. Дабы избежать скандала, Оноре предложил Каролине переодеться в мужское платье и выдавать себя за его секретаря. Получено согласие, маскарады всегда нравились ей, а почитаемая ею как борец за права женщин Жорж Санд привила вкус к свободе поведения и необычным костюмам. Бальзак заказал у Бюиссона, всегда готового шить для него в кредит, наряд для своей попутчицы. Двадцать шестого июля, в день отъезда, к нему на улицу Кассини пришла женщина, а спустился вниз молодой человек в приталенном рединготе, высокой шляпе, с хлыстиком, которым постукивал себя по ноге с видом беспечного подростка, своего рода пажа. Писатель похвалил ее внешний вид. Коляска, нанятая за двести франков в месяц, ждала во дворе. Пришедший проститься Жюль Сандо меланхолично проводил взглядом пару, которая, казалось, отправлялась в свадебное путешествие.

Через пять дней пути, утром тридцать первого июля, они были в Турине. Остановились в отеле «Европа». Андрогин Марсель расположился в чересчур роскошной для секретаря комнате с кроватью на возвышении, тогда как «хозяин», «signor Balzac», довольствовался более скромной, по соседству. Между комнатами была дверь, но они не стали открывать ее, соблюдая приличия. Каролина-«Марсель» так объяснила ситуацию матери: «Я оставила за собой право на свободу выбора. Я согласилась, что нас будет связывать просто чистая дружба. Я горда, что внушаю любовь, столь редкую в наше время. Такое может понять только художник, всем остальным это недоступно… Бальзак очень добрый, честный и не делает различий между людьми, как и любой большой человек. Но будущее и собственные амбиции занимают его сильнее, чем любовь и женщины. Для него любовь необходима в качестве физической игры. А так вся жизнь его принадлежит работе. Всегда ли мне это будет нравиться? Достаточно ли этого для моих любовных устремлений? Боюсь, что нет». Попутно она жалуется на недомогание: «Мои печальные хвори одолевают меня, как никогда. Я по возможности скрываю их, но из-за них очень устала в дороге. Они начались еще в Париже, где я страдала от них месяц, и только присущая мне отвага позволила пренебречь этой недостойной болезнью, которая могла разыграться всерьез от усталости». Не эта ли «недостойная болезнь» удержала ее на расстоянии от соседа? И все ли время их пребывания в Турине их отношения не выходили за рамки любезной дружбы?

Рекомендательные письма австрийского посла в Париже Аппоньи и маркиза де Бриньоль-Сале сделали свое дело – Бальзак был принят светом в высшей степени благожелательно. Маскарадный костюм секретаря писателя интриговал туринцев, но обмануть не мог – истинный пол Марселя был очевиден всем. Некоторые даже принимали «его» за Жорж Санд. Занятную пару осыпали всяческими почестями. Оноре познакомился с графом Склопи де Салерано, будущим министром юстиции, молодым маркизом Феликсом Карроном де Сен-Тома, наследником древнего савойского рода, выдающимся археологом аббатом Констанцо Гадзера, маркизой Джульеттой Фаллетти ди Бароло, которая встречала когда-то выходившего из заточения Сильвио Пеллико и назначила его своим библиотекарем, графиней Фанни Сансеверино-Вимеркати, урожденной Порчиа, и ее мужем, графом Фаустино, потомком салернских князей. Словом, весь цвет Италии был к его услугам.

Впрочем, светские развлечения не могли отвлечь Бальзака от его миссии. Граф Склопи свел его с адвокатом Луиджи Колла, которому поручил разобраться в деле о наследстве. Писатель сразу понял, что рекомендованный ему глава коллегии адвокатов выиграет дело, каковы бы ни были подводные камни. Итак, можно вздохнуть свободно – он предстанет перед графиней и ее супругом с высоко поднятой головой. Поездка в итоге оказалась весьма занимательной. Но Луиджи Колла был не только хорошим юристом, он страстно увлекался ботаникой и пригласил Бальзака и его очаровательного «пажа» (в принадлежности коего к слабому полу не сомневался) в свою оранжерею, где выращивал редкие растения. Перед тем как покинуть Турин, Оноре передал ему записку: «Пора Марселю вновь стать женщиной и сбросить студенческий мундир». А граф Склопи просил Бальзака не забывать о нем, несмотря на прелестного сопровождающего.

Двенадцатого августа они пустились в обратный путь, который пролегал через Женеву, где Оноре отправился по священным для него местам любовных свиданий с Ганской. Опасаясь, что здесь пойдут пересуды о его секретаре с широкими бедрами и представительной грудью, он решил положить конец этой невинной эскападе. Через шесть лет ей будет посвящен рассказ «Гренадьера»: «Каролине, с благодарностью за поэтическое путешествие – признательный путешественник».

Вернувшись двадцать второго августа в Париж и еще не распаковав багаж, Бальзак срочно сел за отчет к Ганской, которая, безусловно, была в курсе его путешествия. Предложенная им версия звучала так: «Я воспользовался поводом побывать в Турине, чтобы помочь человеку, с которым у нас одна ложа у Итальянцев. Это некий господин Висконти, который не мог поехать и заняться своими делами. За двадцать дней я добрался туда через Мон-Сени и вернулся через Симплон, компанию мне

составила знакомая госпожи Карро и Жюля Сандо… Вы, наверное, догадались, что в Женеве я еще раз посмотрел на Пре-Левек и дом Мирабо. Увы! Тем, кто страдает, воспрещено вдыхать благоуханный воздух. Вы одна и воспоминания о вас могли воскресить печальное сердце… И вот я дома, с кровоточащей раной, след от которой никогда не исчезнет, но которую только вы, сами того не зная, умеете перевязать». Письмо закончено, запечатано, он чувствует себя как ребенок, пойманный с поличным, но нашедший, в конце концов, весомое оправдание, чтобы не быть наказанным.

Свои чувства к Каролине Марбути он проанализирует позже, обращаясь к маркизу де Сен-Тома: «После возвращения я видел Марселя только один раз. Шутки в сторону, caro, Марсель – несчастное хорошенькое создание, вынужденное прозябать в холодном заточении супружества, честная, добродетельная женщина, которую вы больше никогда не увидите, она воспользовалась единственной возможностью на месяц вырваться из клетки. У нее живой, веселый ум, а так как на женщину, покидающую путь добродетели, смотрят неодобрительно, она решила позабавиться и стать на время школяром. Это вовсе не Жорж Санд, которой я вас когда-нибудь представлю, ей было приятно, что ее принимали за нее, это помогало сохранить инкогнито. Она могла довериться мне в этом приключении, потому что знает – я пылаю страстью к другой и больше ни одна женщина в мире для меня не существует, только моя cara… Наверное, когда-нибудь я увижу ее еще раз. О ее путешествии никто не знает, бестактность может ее погубить».

Кто был большим безумцем, соглашаясь на эту проделку, – Бальзак или Каролина? Оноре никак не мог согласиться с тем, что ему уже тридцать семь и что поведение зрелого человека никоим образом не должно напоминать похождения литературного персонажа.

Глава десятая

Горе

Разбирая почту, которая накопилась за время его пребывания в Италии, Бальзак обнаружил письмо, отправленное из Немура двадцать седьмого июля (за день до этого они с «Марселем» удрали из Парижа) и, следовательно, прождавшее его три недели. Александр де Берни сообщал: «Это печальное письмо, дорогой Оноре. После десяти дней тяжелых страданий, невралгических болей, удушья и водянки наша мать умерла этим утром в девять часов. Наша добрая матушка достойно прожила свою жизнь, и теперь ей должно быть покойно. Завтра в десять утра она будет похоронена на кладбище Грез рядом с ее дорогим Арманом». Писатель с ужасом осознал, что, когда так любившая его женщина умирала, он весело катил по дороге с другой, переодетой мужчиной. Бальзак не знал, куда деться от отчаяния, и напрасно повторял себе в оправдание, что после кончины сына Армана в ноябре 1835 года госпожа де Берни пожелала оставаться в одиночестве, что давно была больна, врачи считали ее положение безнадежным, что, оставив Дилекту в покое, лишь выполнял ее просьбу. Он проклинал тот час, когда ему пришла в голову мысль отправиться в путь: задержись, мог бы скрасить ей последние мгновения. Позже ему станет известно, что «Лилия долины» была ее настольной книгой, она без конца перечитывала страницы с описанием смерти госпожи де Морсоф, как раз те, которыми автор так гордился, хотела позвать его, чтобы утешал ее в уходе в другой мир, просила Александра разыскать Оноре в Париже, причесывалась перед ручным зеркальцем, чтобы достойно встретить, когда же ожидание затянулось, пригласила священника и причастилась. Перед тем как навеки закрылись ее глаза, госпожа де Берни попросила сына сжечь письма Бальзака. На следующий день пятнадцать лет их любви обратились в пепел.

Ничего не осталось, между тем Бальзак помнил каждое мгновение, рана оказалась слишком глубока. Он сообщает Ганской: «Умерла госпожа де Берни. Не станем говорить об этом. Боль моя не пройдет за один день, она – на всю жизнь. Я не видел ее год, не видел в ее последние мгновения». Гораздо искреннее о своей боли расскажет он таинственной Луизе: «Женщина, которую я потерял, больше, чем мать, больше, чем друг, больше, чем один человек может значить для другого. Она была божеством. Она поддерживала меня словом, делом, преданностью в самые трудные времена. Я жив благодаря ей, она была для меня всем. И хотя последние два года, пока она болела, мы были разлучены, мы не теряли друг друга из виду. Она влияла на меня, была моим нравственным солнцем. Госпожа де Морсоф из „Лилии“ обладает лишь бледным отблеском достоинств этой женщины. Я не склонен делать свои чувства достоянием публики, а потому никто никогда ничего не узнает. Вот так, среди новых ударов пришла весть о смерти этой женщины».

Он был в смятении, а семейные дела требовали его вмешательства. Ни к чему, кроме траты денег, не способный брат Анри в конце концов разорил мать, та призывала Оноре на помощь. В отчаянном положении были и Сюрвили, боялись, что грандиозный проект канала будет отвергнут. Как никогда нуждался Бальзак в женщине, которой можно было бы излить свои беды, которая бы посочувствовала. Он примеряет роль, с которой так умело справлялась нежная Дилекта, на Эвелину Ганскую: «Я назначу вас ее наследницей, вы так же благородны и могли бы написать письмо госпожи де Морсоф, которая – только легкое дуновение ее сильного, ровного дыхания… Умоляю, *cara*, не приумножайте мои страдания недостойными подозрениями, верьте, что в такой ситуации человека нетрудно оболгать, меня же не заботит, что станут говорить обо мне. То, о чем вы говорите в последних своих письмах, не может иметь ко мне никакого отношения. Ваша склонность верить абсурдным сплетням для меня необъяснима». И чтобы яснее дать понять своей корреспондентке, что хотел бы видеть в ней Дилекту, осмеливается добавить: «Не думаю, что совершаю святотатство, запечатывая этот конверт печаткой, которой пользовался, переписываясь с госпожой де Берни… Я дал обет носить ее». Недоверчивая Ганская вряд ли по достоинству оценила уподобление себя умершей, слишком сильно любимой женщине. Тем не менее сделала вид, что проявляет интерес к

его неприятностям. Он рассыпался в благодарностях: «О, *cara*, продолжайте давать свои мудрые, чистые, бескорыстные советы. Если бы вы знали, с каким благоговением я отношусь к тому, что продиктовано истинной дружбой».

В глубине души Оноре сожалел о замечаниях, слишком резких порой, которые госпожа де Берни оставляла на полях его рукописей, гранок: без колебаний указывала она на коряво написанную фразу, ненужное отступление. Кто теперь возьмет на себя это? Зюльма Карро упорно осуждает его за любовь к роскоши, за расточительность и трату времени на пустяки, сердится, что ведет жизнь, недостойную его таланта. Но ее замечания резки и больно ранят: «Клубы фимиама, которыми вас окутали, дабы вы окончательно ослепли и погубили себя, определенно привели вас в состояние душевного расстройства… Писать во что бы то ни стало. Да разве можно написать что-то достойное, когда у вас почти нет времени на это. Вы говорите, что разорены. Но когда вы начинали, что у вас было? Долги. Сегодня тоже долги. Но как изменились цифры! А сколько вы заработали за эти восемь лет? Уж не думаете ли вы, что подобные суммы необходимы для жизни мыслящему человеку? Неужели его наслаждения должны быть столь материальны? Оноре, какую жизнь вы испортили, какой талант остановили на взлете!».

Дилекта говорила то же самое, но умела смягчить удары. Ганская живет слишком далеко, чтобы рассчитывать на ее помощь в трудные минуты: пока письмо дойдет от нее, обстоятельства сто раз изменятся. Да и потом, она все видит в свете своей ревности, постоянные подозрения искажают ее суждения. Ей незнакомы снисходительность и терпимость, в которых он более всего нуждается. Тем не менее Бальзак продолжает держать ее в курсе своих трудов и забот: «Чтобы осознали пределы моей отваги, должен сказать вам, что „Тайна Руджиери“ написана за одну ночь. Вспомните об этом, когда будете ее читать. „Старая дева“ – за три. „Разбитая жемчужина“, заключительная часть „Проклятого дитяти“ – за одну. Это мой Бриенн, мой Шампобер, мой Монмиреле, это – моя Французская кампания». Спустя три недели еще: «Я работал тридцать ночей напролет и сделал „Разбитую жемчужину“ (для „La Chronique“, и она уже напечатана), „Старую деву“ (для „La Presse“, она должна появиться завтра). И я сделал для Верде „Тайну Руджиери“. В заключение он цитирует свой ответ Россини, изумленному его плодовитостью: „В перспективе у меня для отдыха только гроб. Но работа – прекрасный саван“».

По возвращении из Турина Оноре проанализировал ситуацию в журналистском мире: два журнала, принадлежащие Бюлозу («La Revue de Deux Mondes» и «La Revue de Paris»), закрыты для него после судебного разбирательства, которое он выиграл, «La Chronique», куда он продолжал давать статьи, в состоянии плачевном. Срочно надо было искать другой рынок сбыта своей продукции. В это время появились два новых издания, между которыми разгорелось соперничество: «La Presse» Эмиля де Жирардена и «Le Siècle» Армана Дютака. Зная, что произведения Бальзака могут привлечь читателей, Жирарден постарался забыть об их ссоре и попросил о сотрудничестве: «Вы знаете, мой дорогой Бальзак, что наш разрыв ни на минуту не нарушил во мне чувство нашей когда-то взаимной привязанности… Я действительно расположен к вам и думаю, что сумел вам это доказать, если я заблуждался относительно вас, мне остается только признаться в этом. Тем не менее я к вашим услугам».

Бальзак с готовностью пожал протянутую руку. Он предложил «La Presse» едва намеченную «Старую деву», это стало событием в мире печати – первый французский роман, который по кусочку выходил день за днем. Напряжение читателей не ослабевало, рекламодатели, почуяв выгоду, увеличили поток объявлений. Потребовалось двенадцать выпусков, с двадцать третьего октября по четвертое ноября, чтобы закончить публикацию. После чего произведение вышло отдельным изданием, публика, уже насладившаяся им фрагментарно, в свое удовольствие могла перечитать сразу в полном объеме. Новый метод, опробованный Бальзаком, придется по душе и Александру Дюма, и Эжену Сю. Оноре больше всего понравилось, что при такой форме выхода в свет, когда сроки строго определены, он, невзирая ни на какие обстоятельства, должен был предоставить очередной кусок к следующему номеру. Отныне большая часть его романов будет сначала печататься в ежедневном издании.

Бальзак с невероятным подъемом писал историю старой девы, мадемуазель Розы Кормон, богатой жительницы Алансона, которая в свои сорок два года страдает от затянувшейся девственности, мечтает о детях, беспокойно ворочается по ночам в постели, грустно смотрит в зеркало на свое некрасивое лицо, крупное тело и роскошную грудь. Ее состояние привлекает нескольких претендентов: это шевалье де Валуа, распутный богатый вельможа, и некто дю Букье, бывший армейский интендант, с широкими плечами, импозантный, несмотря на паричок. Мадемуазель Кормон уверена, что этот обеспечит ей потомство, о котором она так мечтает. Но, выйдя за него, обнаруживает, что он импотент. А ведь ею был отвергнут еще один претендент, молодой человек двадцати трех лет, который искренне ее любил, несмотря на то что Роза годилась ему в матери, и находил красоту в ее тучной фигуре. Здесь снова возникает мотив увлечения юного Бальзака зрелой, все понимающей Дилектой. Разочарованный юноша лишает себя жизни, мадемуазель Кормон, став мадам дю Букье, так и остается старой девой и довольствуется тем, что влачит рядом с довольным супругом серую, ничтожную, «животную» жизнь.

«Старая дева» была написана экспромтом, параллельно с другими рассказами и статьями, набросками будущих произведений. Эмиль де Жирарден, который все время опасался каких-то сбоев, не давал Бальзаку покоя. Оноре делился с Ганской: «Я как тот старый австрийский полковник, который говорил Марии-Антуанетте о своих серой и черной лошадях, сижу то на одной, то на другой, шесть часов на „Руджиери“, шесть часов на „Проклятом дитяти“, шесть часов – на „Старой деве“. Время от времени встаю, созерцаю океан домов, простирающихся от Эколь милитер до Королевской заставы, от Пантеона до площади Звезды, и, понюхав свежий воздух, возвращаюсь к работе». Сам он был чрезвычайно доволен «Старой девой», но ее резкость, горечь, ирония оттолкнули некоторых читателей «La Presse». Подписчики взывали к руководству, протестуя против слишком откровенных подробностей. Лора Сюрвиль была смущена смелостью брата, Ганская хранила мудрую сдержанность, вне всяких сомнений, в отличие от госпожи де Берни у нее не было критического чутья. Журналисты, как обычно, насмехались над философскими претензиями автора, его политическими взглядами и длиннющими описаниями. Так как Оноре планировал

передать в «La Presse» еще два «женских этюда», семнадцатого ноября руководство обратилось к нему со следующим заявлением: «Нам предъявляют столько претензий в связи с выбранным вами сюжетом и некоторыми описаниями, что руководство „La Presse" просит автора „Старой девы" изменить фабулу предложенного им для „La Presse" рассказа (речь шла о выкупе проститутки, внушившей любовь) на более приемлемую, которая будет уравновешивать сюжет предыдущего рассказа».

Писатель пообещал разбавить вино водой. Он готов на любые соглашения, по крайней мере на словах, чтобы одолеть финансовые затруднения. Оноре снова переселился с улицы Кассини на улицу Батай, обустроил в мансарде рабочий кабинет на свой лад. Еще одно убежище, «белое и кокетливое, как шестнадцатилетняя гризетка», украшало черное с красным бюро и полукруглый диван с двенадцатью белыми подушками. Он рассчитывал, что это ложе, достойное богов Олимпа, дождется визита «дамы высокого полета», в чем признался писателю Антуану Фонтанэ, встретившему его в мастерской художника Луи Буланже, которому тот позировал для портрета – в любимой белой рясе, не скрывавшей выступающего живота, руки скрещены на груди. Фонтанэ отметил в дневнике: «Он и слышать не желает о другом наряде, с тех пор как побывал у монахов картезианского ордена. – Он редко стирает платье. – Он никогда не пачкает его чернилами. – Он работает очень чисто».

«Дама высокого полета», для которой был заказан диван с двенадцатью подушками, не замедлила на нем воцариться. Ею оказалась Сара Гидобони-Висконти. Она не устояла перед напором хозяина и стала приходить часто. Лишь бы Ганская ничего об этом не узнала! Ее чудовищная тетка Розалия была начеку, подстерегала каждый его неосторожный шаг. Чтобы заранее защитить себя, Оноре заказывает за счет господина Ганского копию своего портрета работы Буланже, на котором представлен писателем-монахом: он уверен, что, имея перед глазами этот образ, Ева не сможет заподозрить его в изменах. «Я подавлен, но не сломлен, – пишет ей Бальзак, посылая картину. – Буланже удалось ухватить, и меня это особенно радует, настойчивость и твердость, которые присущи были и Колиньи, и Петру Великому и которые составляют основу моего характера – я неустрашимо верю в будущее». И, наконец, надо же как-то противостоять обрушившемуся на него горю, долгам, бесконечным напоминаниям Жирардена о необходимости сдать в срок работу, – Бальзак покупает себе за шестьсот франков трость, которая ему совершенно не нужна.

Его финансовое и правовое положение в начале 1837 года усугубилось. Со свойственной ему легкостью он дал Даккету поручительство по векселю Верде на выкуп части акций «La Chronique». Когда Верде обанкротился, Даккет выступил с обвинениями против писателя, утверждая, что тот воспользовался услугами типографии и шрифтолитейни, не уплатив за это, угрожая арестом и долговой тюрьмой. Подобная перспектива Бальзака не прельщала. К тому же у него разыгрался грипп, но, несмотря на температуру и головные боли, он вынужден был править первую часть «Утраченных иллюзий». Надо было срочно бежать. Куда? По просьбе Дакетта у Оноре отобрали экипаж, предмет его особой гордости. На улицу Батай заявился судебный исполнитель, но консьерж, должным образом проинструктированный, заявил, что не знает никакого господина Бальзака, что есть только госпожа Дюран, да и та отсутствует. Тот попытался ворваться силой. Консьерж сказал, что подаст жалобу на вторжение в частное жилище. Исполнитель удалился, обещая продолжать свое расследование.

Испробовав все возможные средства, Оноре решился просить паспорт с разрешением на въезд в Россию и укрыться у Ганских. Но Гидобони-Висконти предложили более простое решение: дело об итальянском наследстве все еще тянулось, но теперь судебные заседания переместились в Милан, супруги вновь предложили Бальзаку отправиться за их счет на место разбирательства в качестве их доверенного лица. В случае успешного исхода дела он получал достаточное вознаграждение. Писатель был счастлив отсрочить встречу с французской юстицией и немедленно согласился. На этот раз он путешествовал в одиночестве.

Формальности соблюдены, четырнадцатого февраля Оноре садится в дилижанс, пересекает Францию и девятнадцатого прибывает в Милан, где останавливается в гостинице «Прекрасная Венеция», на площади Сан-Феделе недалеко от театра Ла Скала. Комната стоит два франка в сутки, в гостинице можно пообедать за три франка, что не так дешево.

Знакомые вновь снабдили его рекомендательными письмами, а потому здесь, как и в Турине, ему был обеспечен блестящий прием со стороны и миланского общества, и австрийских оккупационных властей. В Милане Бальзаку не докучали ни кредиторы, ни судебные исполнители, ни зубоскалы-журналисты, зато в изобилии были хорошенькие женщины, обожавшие французского писателя. Дабы не отставать от парижан, в гостиных обсуждали его знаменитую трость, белое домашнее платье, романы, которые пишет по ночам, когда остальные смертные спят. Среди новых знакомых, так хорошо к нему расположенных, он выделил очень молодую и весьма соблазнительную графиню Клару Маффеи, которая принимала у себя знаменитых политиков, художников, писателей. Узнав о приезде Бальзака, она встала на колени и прошептала: «Я обожаю гениальных людей!» Оноре это суждение не показалось чрезмерным. Вместе с миниатюрной и до того элегантной, что у него слюнки текли, *cara contessina* они без устали ходили по дворцам, церквям, музеям. Он также сошелся с князем Альфонсо Серафино ди Порчиа и его любовницей, графиней Евгенией Болоньини, которые держались с достоинством законных супругов. Князь дал в полное его распоряжение экипаж и пригласил в свою ложу в театре Ла Скала. После такой любезности Бальзаку оставалось только пожалеть, что он не родился в Италии. Самые знатные женщины просили оставить автограф в альбоме. Кларе Маффеи он написал: «В двадцать три года все еще впереди!» Местная пресса расхваливала его простоту и остроумие. Когда карманник украл у него золотые часы в суматохе площади Сан-Феделе, полиция незамедлительно пришла в движение, вечером часы были возвращены владельцу. Слава миланским carabinieri! В довершение он был представлен литературной знаменитости Италии Алессандро Мандзони. Впрочем, встреча вышла прохладной, Бальзак не читал «Обрученных» и не смог ничего сказать автору о его шедевре. Журналист Чезаре Канту, присутствовавший при этом, так описывал «француза»: «большое тело, большой нос,

широкий лоб, бычья шея с лентой, заменяющей галстук, глаз укротителя диких зверей, густая шевелюра, увенчанная большой мягкой шляпой, мощная голова, полная самых невероятных идей, жаден до денег, полно долгов, доволен собой, ему хотелось казаться эксцентричным, чтобы заставить говорить о себе».

К несчастью, в Милане надо было заниматься делом Гидобони-Висконти. Скромное наследство в семьдесят три тысячи семьсот шестьдесят лир оспаривали трое. Но дело нельзя было бросить. Бальзак защищал интересы друзей и в конце концов договорился о небольшой сумме, из которой должны были быть удержаны расходы на путешествие и комиссионные. Чтобы соглашение вступило в силу, необходимо было заручиться согласием зятя покойной, отца несовершеннолетнего наследника, барона Гальваньи, жившего в Венеции. Вместо того чтобы уладить вопрос путем переписки, Бальзак пускается в путь.

Тринадцатого марта под проливным дождем въезжает в старинный город дожей. Останавливается в поистине королевском номере, но находит Венецию мрачной и тревожной. «Позвольте мне быть откровенным, – делится он с Кларой Маффеи, – и, если хотите, никому не показывайте это письмо. Должен признаться, безо всякого чванства и пренебрежения, что Венеция не произвела на меня того впечатления, что я ожидал… Дождь набросил на Венецию серый плащ, который, может быть, и должен был казаться поэтичным для этого города, что буквально трещит по швам и с каждым часом все глубже погружается в могилу, но для парижанина, который большую часть года наслаждается туманами и дождями, все это показалось малопривлекательным». И галантно добавляет: «Я отдал бы Венецию за хороший вечер, час наслаждения, четверть часа, проведенные рядом с вами, ведь воображению под силу создать хоть тысячу Венеций, но ни одну хорошенькую женщину, ни наслаждение, ни страсть». Его разочаровали даже гондолы, впрочем, исключительно потому, что он был один: «Признаюсь, я был в отчаянии, что со мной нет дамы, занимающей все мои мысли, ведь, должно быть, огромное удовольствие скользить в гондоле, болтать, смеяться, покачиваясь на волнах». Дамой, занимающей все его мысли, была в данном случае не Ганская, не Гидобони-Висконти, не Луиза. Только Клара Маффеи интересовала его теперь, хотя рассчитывать было не на что, в лучшем случае на кокетство и слова. Но ему нравится любить. Красивое лицо, нежный взгляд, грациозный жест – и он уже увлечен. Вышло солнце, Венеция заблистала: «Я полностью переменил свое мнение о прекрасной Венеции, которую считаю достойной своего имени», – заявляет Бальзак.

Воспрянув духом, он добивается от барона Гальваньи согласия на предполагаемую сделку. Дело сделано, Оноре снова в Милане. Через неделю решает вернуться во Францию через Геную, он давно мечтал увидеть Итальянскую Ривьеру. В городе опасаются эпидемии холеры, и по приезде писатель на карантине проводит восемь дней в больнице, «недостойной служить и тюрьмой для разбойников». Там он знакомится с генуэзским негоциантом Джузеппе Пецци, который рассказывает ему о заброшенных серебряных рудниках Сардинии. По мнению Пецци, возобновление работы шахт сулит немалую прибыль. Бальзак встрепенулся. Разве это не решение всех его финансовых проблем? Загребать серебро лопатой! Вот что ему нужно! Обещает по возвращении во Францию поговорить с Карро, который окончил Политехническую школу и должен знать, насколько справедлива эта информация. Конечно, разумно было бы отправиться прямо на Сардинию и поговорить с местными жителями. Но, пережив карантин, Оноре предпочитает увидеть Ливорно, потом Флоренцию, где, как прилежный турист, обходит все достопримечательности, замирает от восхищения перед гробницей Лоренцо Медичи работы Микеланджело, восторгается картинами Рафаэля и сожалеет, что Уффици удалось осмотреть лишь на бегу. «Во Флоренции надо провести несколько месяцев, у меня же было только два часа», – пишет он Ганской, пытаясь уверить ее, что поехал в Италию исключительно ради того, чтобы увидеть страну, которую графиня так любит. Из Флоренции путь лежит в Болонью, где его ждет встреча с Россини, обосновавшимся здесь со своей любовницей Олимпией Пелисье. Потом снова Милан и прощание с многочисленными друзьями, обворожительной Кларой Маффеи. Генеральный консул, барон Этьен Денуа выдает паспорт «господину де Бальзаку, Оноре, домовладельцу. Приметы: „Рост 1 м 68, волосы черные, глаза черные, лоб высокий, нос приплюснутый, лицо широкое“. Его ожидает засыпанный снегом перевал Сен-Готард, температура – минус двадцать пять: „Не были видны ни мосты над горными реками, ни сами реки. Несмотря на одиннадцать сопровождающих, я много раз мог погибнуть“».

Третьего мая, после двух с половиной месяцев отсутствия, он вновь в Париже: рукописи, долги, новые планы, в том числе проект двух пьес. Впрочем, от театрального эксперимента Бальзак благоразумно отказывается, здраво рассудив, что романы ему даются легче. Главное, любым путем рассчитаться с кредиторами. Он получил комиссионные от Гидобони-Висконти, но это такая малость в сравнении с тем, что должен. Мать непрестанно жалуется, что забыта им, хотя только и слышит вокруг разговоры о щедрости самого любимого писателя французов. В сентябре 1834 года сын неосторожно дал обязательство выдавать ей раз в три месяца, начиная с первого апреля 1835 года, двести франков на жилье и слуг. К апрелю 1837 года исполнилось ровно два года, как он ни разу не выполнил его. «Оноре, – пишет ему мать, – два года моя жизнь была нескончаемым кошмаром, расходы мои были огромны… Теперь настал момент, когда я должна тебе сказать: хлеба, сын мой! Уже много недель я ем хлеб моего доброго зятя [Сюрвиля], но, Оноре, так не может больше продолжаться, учитывая, что ты находишь средства совершать (ради двух иностранцев) долгие и дорогостоящие путешествия, затратные как денежно, так и для твоей репутации… Сын мой, ты находишь средства давать деньги друзьям, вроде Сандо, любовницам, покупать оправы для ручки твоей трости, кольца, столовое серебро, мебель, и потому твоя мать имеет право, безо всяких угрызений совести, попросить тебя выполнить обещанное. Она ждала до последнего момента, теперь он наступил… Если бы ты знал, как я страдаю оттого, что мой сын ни разу не навестил меня в Шантильи! О, Господи! Почему у меня нет состояния!»

Тем временем Сюрвили жили ожиданием и надеждой, с каждым днем становившейся все призрачней, что один из предложенных Эженом проектов грандиозных работ по обустройству канала будет одобрен. Лора жаловалась, что у нее две дочери на выданье, мать, которую необходимо поддерживать, гениальный, но расточительный брат Оноре, другой брат, Анри,

жалкое ничтожество, и никакого просвета. Наконец родным удалось уговорить Анри вернуться на Маврикий, где, по их мнению, у него было больше шансов найти себе занятие. Уже перед самым отплытием выяснилось, что ему нечем заплатить за гостиницу. Сюрвили срочно отправили ему подъемные, и он благополучно скрылся за горизонтом. Лора тайком зашла повидать старшего брата, тот написал Ганской: «Дела ее мужа идут не слишком шустро, ее жизнь протекает во мраке, силы истощила не ведомая никому, бесславная борьба. Что за бриллиант лежит в грязи! Лучший бриллиант, что я знаю во Франции. На радость ей, мы оба всплакнули! Бедная малышка все время смотрела на часы – у нее было только двадцать минут: муж ревнует ее ко мне. Тайком прийти повидать брата!»

Все вокруг несчастны, да сам он тоже: если бы не творчество, он бы давно бросился в Сену. Но рабочий стол, чернила, перо, бумага призывают к порядку. Они символизируют дисциплину, гарантируют жизнь и бессмертие. На материнские упреки Бальзак ответил коротко: «Матушка, я словно на поле боя, и схватка идет яростная. Не могу отвечать пространно на ваше письмо. Но я хорошенько подумал, перебрал все возможные пути разрешения этой ситуации. Полагаю, для начала ты должна приехать в Париж и поговорить со мной хотя бы часок, чтобы мы поняли друг друга. Мне легче говорить, чем писать, я уверен, мы сумеем все согласовать. Приезжай и останавливайся, где хочешь: и на улице Батай, и на улице Кассини твой сын, у которого от твоих слов все переворачивается внутри, будет рад выделить тебе комнату. Приезжай как можно скорее. Прижимаю тебя к груди и хотел бы быть еще на год старше, так как верю в свое будущее и не хочу, чтобы ты беспокоилась». Итак, в который раз вместо денег Оноре сулит матери лишь обещания. Пусть она потерпит еще годик, умоляет он. Потом разделит с ней все свое богатство, которое принесут ему романы или что-то другое. Теперь же у него долгов на шестьдесят тысяч франков и главная задача – ускользнуть от судебных исполнителей. Им известны оба его адреса, он нуждается в неприкосновенном убежище. Гидобони-Висконти предлагают ему обосноваться инкогнито в их доме на Елисейских Полях.

Бальзак безмерно признателен и переезжает к любовнице, где немедленно садится за работу. Он должен завершить «Выдающуюся женщину», обещанную для «La Presse», и предоставить «Figaro» в лице Альфонса Карра «Цезаря Бирото». Кроме того, на его столе рукопись «Гамбары», утраченной во время пожара в типографии и восстановленной за время его отсутствия Огюстом де Беллуа. В таком виде рассказ его не устраивает, надо коренным образом переделать его. Одновременно его занимает парный рассказ к «Массимилле Дони». Действие разворачивается в Венеции, в атмосфере музыки и любви. Сам Оноре был абсолютным профаном во всем, что касается музыки, пришлось обратиться за советом к немецкому композитору Якову Штрунцу. Герой балансирует между двумя женщинами: одну любит, но оказывается рядом с ней ни на что не способным, другую не любит, но страстно желает. Одержимый искусством, он теряет свою мужскую силу, воображение оказывается губительным для плоти. Чтобы избежать полного краха, гордая, чистая Массимилла Дони соглашается подменить собой куртизанку и этим обманом спасти любимого. Малопристойный сюжет давал возможность изучить скрытые пружины сексуальной привлекательности, описать хрупкое великолепие Италии с ее разорившимися аристократами, усталыми дворцами, людьми, страдающими от австрийской оккупации, и, параллельно, неизменную власть музыки.

За четыре дня готова «Выдающаяся женщина», которую он потом переименует в «Чиновников». Это история амбициозной Селестины Рабурден, стремящейся, чтобы ее муж, обыкновенный чиновник, непременно достиг каких-то высот. В конце концов тот начинает думать, что знает, как управлять страной. Его идеи схожи с идеями самого Бальзака: сокращение числа министерств и служащих в них, отмена пошлины, изменение системы налогообложения, упразднение налогов, душащих торговлю. Рассказ, который поначалу задумывался как семейная драма, оказался приговором бюрократической системе. Бесчисленные административные механизмы мешали правительству привести к исполнению свои решения в том виде, в котором они были приняты. Во времена Наполеона дело соответствовало слову. Теперь Франция погрязла в горах бумаг, руководители государства оказались связаны по рукам и ногам армией ни за что не отвечающих людей. Ум, власть – все подмяла под себя сила инерции подчиненных. Об этом громогласно заявляет он, Бальзак, которому грозит долговая тюрьма и который скрывается в доме Гидобони-Висконти! Его обличительная речь была неодобрительно встречена изданиями, стоящими на позициях легитимизма. В «La Quotidienne» были скандализированы: «Очень часто произведения господина де Бальзака – это изложение его убеждений, попытка судить о социальных явлениях, его предложения, войди они в свод наших законов, выглядели бы довольно странно». Подписчики протестовали. Одним не нравилось, что писатель открыто упрекает правительство, другие находили его политические проповеди скучными. Он же продолжал отстаивать свои убеждения и выверять счета. Каждое утро, перед тем как отправиться спать, пересчитывал написанные за ночь страницы.

Бальзак всеми силами старался выполнить взятые обязательства, а Уильям Даккет не думал складывать оружие. Судебным исполнителям, в чьи обязанности входило найти и посадить за решетку злостных должников, удалось обнаружить его новое местопребывание. Гидобони-Висконти строго-настрого наказали слугам отвечать, что господин де Бальзак у них не живет. Но в начале июля судебный исполнитель, переодевшись почтовым служащим, предстал перед одним из слуг и сказал, что у него посылка для господина де Бальзака на сумму в десять тысяч франков, он должен вручить ее адресату лично, чтобы тот расписался в получении. Что делать? Слуга пошел проконсультироваться с заинтересованным лицом, которое было настолько заинтриговано, что само предстало перед посыльным в качестве «друга Бальзака». Но, запутавшись в объяснениях и сгорая от нетерпения узнать, что же в пакете, Оноре вынужден был признать, что он и есть Бальзак. Исполнитель немедленно схватил его за полу халата и сообщил, что у него вовсе не посылка, а судебное постановление, согласно которому писатель должен немедленно заплатить три тысячи франков, в противном случае будет арестован. О спасении нечего было и думать – дом окружили полицейские. Бальзак уже видел себя за решеткой. Но вмешалась милосердная Сара и, хотя супруги Гидобони-Висконти сами испытывали определенные финансовые затруднения, внесла нужную сумму, после чего довольный исполнитель удалился. Оноре переживал, что его обманули, как ребенка, и восьмого июля писал Ганской: «Банкротство Верде сразило и меня: я неосторожно дал ему гарантии, теперь он меня преследует. Мне пришлось скрываться и вступить в схватку. Люди,

призванные находить и сажать в тюрьму должников, обнаружили меня благодаря чьему-то предательству, и, к несчастью, я скомпрометировал тех, кто благородно предоставил мне убежище. Чтобы не оказаться в тюрьме, пришлось немедленно найти деньги и уплатить долг Верде, теперь я должен тем, кто дал мне взаймы».

Госпожа Ганская, вне всяких сомнений, была огорчена этой новой неприятностью и обвиняла Бальзака в непоследовательности. Тот хорохорился: как она смеет упрекать его за долги, любовь к роскоши, путешествия, когда все только и делают, что мешают ему честно зарабатывать на жизнь писательским трудом? «Почему я должен в пятый или шестой раз объяснять вам причину моей нищеты и отчего мое положение становится все тяжелее?» И по ее просьбе перечисляет все просчеты в договорах с издателями, редакторами журналов, ростовщиками. Напоминает об ударе, который нанес Верде, непредвиденной неудаче с «La Chronique de Paris», призывает восхищаться человеком, который, будучи обременен таким количеством долгов, продолжает одной рукой писать, другой – сражаться, не совершив при этом ни одного бесчестного поступка.

«В этом аду корысти, голодных дней, когда друзья предают, а завистники стараются навредить, надо беспрерывно писать, думать, работать, придумывать что-то смешное, когда хочется плакать, размышлять о любви, когда сердце исходит кровью от глубокой раны и надежда почти скрылась за горизонтом, да к тому же оказалась ворчливой и выспрашивает у доблестного рыцаря, вернувшегося с поля битвы, где и почему он ранен… Не осуждайте, cara, бедного воина, который средь бури ищет уголок, где можно присесть и передохнуть… не браните за то, что потратил какие-то несчастные несколько тысяч франков ради того, чтобы съездить в Невшатель, Женеву, Вену и два раза в Италию (вы не понимаете, зачем я ездил в Италию, и говорите глупости, позже я объясню вам, почему). Не браните за то, что мечтаю провести месяц-два подле вас, ведь если у меня не будет этого причала, я умру».

Бальзак не только впал в уныние, но заболел. Его сотрясали приступы кашля, доктор Наккар констатировал хрипы в легких. Он отправил пациента в Саше к Маргоннам отдохнуть и поправиться. Вместо того чтобы последовать совету доктора и временно ничего не делать, писатель засучив рукава заканчивал «Цезаря Бирото» и писал «Банкирский дом Нусингена», мысль о котором не давала ему покоя.

Насладившись сельской тишиной, рвался в Париж, где его ожидали глупейшие требования национальной гвардии, свора кредиторов и не менее жестокая – журналистов. Оноре ненавидел этот огромный, многолюдный, грязный город, но жить не мог без его бульваров, переулков, театров, клоак, надушенных женщин и запаха пота, асфальта, лошадиного помета. В идеале надо было бы жить в деревне, время от времени наведываясь в столицу, чтобы развлечься. Почему бы не купить в окрестностях Парижа скромный, но комфортабельный дом и работать там в тишине, вдали от надоедливой толпы? Но на это нужны деньги, а где их взять? При необходимости можно продать полное собрание сочинений предприимчивому издателю или набросать за ночь несколько комедий. Да, есть еще сардинские сокровища, надо только подумать о том, как эксплуатировать эти рудники. Итак, ситуация не столь безвыходна, как кажется на первый взгляд. Имея столько возможностей, он не только имеет право, просто должен реализовать свою мечту о загородном доме.

Произведя разведку окрестностей Парижа, Бальзак нашел, что искал: городок Виль-д'Авре утопал в зелени и был всего в получасе езды от столицы на «кукушке». Для начала снимает квартиру на имя Сюрвиля (к этому обязывает осторожность!), а шестнадцатого сентября за четыре с половиной тысячи франков приобретает у ткача по фамилии Варле землю и домик, на следующий день – прилегающий участок, потом еще несколько. В результате за шесть тысяч девятьсот пятьдесят франков он станет обладателем почти двух тысяч квадратных метров земли. Мысленно Оноре представляет, что Сюрвиль будет руководить строительством особняка, а домик ткача, надлежащим образом перестроенный, станет виллой для Гидобони-Висконти, согласившихся финансировать это предприятие. Он обещал все вернуть им, это дружеское обязательство должно было стать новым стимулом к работе.

Дабы официально оформить свой отъезд из Парижа, писатель заявляет, что сменил место жительства (коих у него три: на улице Кассини, улице Батай и еще одно, временное, на улице Прованс) на Виль-д'Авре, недалеко от Версаля. Десятого октября пишет Ганской: «Я купил здесь небольшой участок земли – около сорока першей, на котором мой свояк построит мне дом, в котором я стану жить, пока не сколочу состояние, или останусь навеки, если так и не выберусь из нищеты. Когда он будет завершен и я там обоснуюсь… я извещу вас и вы сможете писать, указывая на конверте мое имя и имя моего бедного жилища „Жарди“, так называется клочок земли, на котором я сижу, словно червяк на листе салата». Итак, скрывшись в деревне от национальной гвардии, судебных исполнителей, журналистов, Бальзак не решил пока, поселится там навсегда или для передышки между двумя набегами в Париж. Ссылка или короткие каникулы? Это решат его романы и их читатели. Он же уверен: многочисленные сюжеты, роящиеся у него в голове, в конце концов принесут ему не только домишко в Виль-д'Авре, но дворец где-нибудь в Венеции, Вене, Версале…

Глава одиннадцатая

Серебряные рудники Сардинии

Накануне своего банкротства Верде за шестьдесят три тысячи франков уступил права на публикацию последующих произведений Бальзака группе книгоиздателей. В 1836 году газета «Le Figaro» перекупила у них «Историю величия и падения Цезаря Бирото», чтобы премировать своих подписчиков, подарив каждому этот роман в двух томах ин-октаво. Автор получал двадцать тысяч франков, если успевал предоставить рукопись к твердо установленному сроку. Неожиданная прибыль не могла не радовать, объем предстоящей работы ужасал.

Четырнадцатого ноября 1837 года Оноре делился с Ганской: «За „Цезаря Бирото“ дают двадцать тысяч франков, если он будет готов к 10 декабря. Мне надо сделать еще полтора тома, но нужда заставила согласиться. Я должен работать двадцать пять ночей и двадцать пять дней… Нельзя терять ни минуты. Прощайте, двадцать пять дней я не смогу писать вам».

Двадцатого декабря он вздохнул с облегчением: «Как обещал и как сообщал вам в конце последнего письма, я завершил „Цезаря Бирото“ за двадцать два дня. Одновременно сделал „Банкирский дом Нусингена“ для „La Presse“. Вы понимаете, что я без сил, совершенно подавлен». Последовала изнурительная корректура гранок. Он пересматривал и исправлял их семь раз, приводя в отчаяние печатников, которые вынуждены были до бесконечности ходить из типографии к писателю и обратно. Бальзак отделывал каждую фразу, каждое слово, опустив ноги в таз с горячей водой и горчицей, чтобы избежать прилива крови к мозгу.

Получилась правдивая история развития парижской торговли, предупреждающая об опасных спекуляциях. Цезарь Бирото, маленький торговец парфюмерными товарами, создатель «черепного масла», благодаря которому снова начинают расти волосы, пускается в крупную коммерцию и, опьяненный успехом, ввязывается в большие аферы, голова идет кругом от легких денег, он подписывает поддельные векселя, доверяется кассиру, который его обворовывает, нотариусу, что наживается на нем, банкиру, каковой отворачивается от него в трудную минуту. Главный недостаток Цезаря Бирото и его брата, кюре в Туре, – доверчивость и обезоруживающая наивность. Он думает, что нашел союзника в лице Адольфа Келлера, но тот – настоящая акула, готовая в любое мгновение его проглотить. От лица своего бесславно разорившегося героя Бальзак обвиняет банкиров, ростовщиков, всех этих хищников, которых заботит только одно – набить карманы за счет честных людей. В первой части книги показано восхождение Бирото к богатству и славе, во второй – отчаяние загнанного должника, его падение и искупление.

В «Банкирском доме Нусингена» затронута та же тема. Писатель анализирует циничные маневры банкира, который, пользуясь легковерием и неопытностью своих клиентов, преследует должников, скупая по дешевке их обязательства, строит свое благополучие на обломках благополучия других. С одной стороны – простота, глупость, одураченная добрая воля, с другой – жестокость, хитрость. Бальзак понимает и любит таких, как Цезарь Бирото, разоблачает несущих несчастья Нусингенов. Так почему, прекрасно представляя себе все опасности мира дельцов, сам с такой беспечностью подвергает себя им? Интуиция, без сбоев работающая при написании романов, покидает его, едва он ступает в реальную жизнь. С пером в руке он – финансовый король, отложив его в сторону – барашек, готовый подставить спину под ножницы стригаля.

Пресса встретила «Цезаря» скорее недоброжелательно. Статья в «Le Charivari» была озаглавлена «Величие и падение Оноре де Бальзака». В газетах твердили о «пустословии», перегруженности «деталями», отмечали, что история была бы хороша, будь она короче. В сердцах Бальзак пишет Зюльме Карро первого января 1838 года: «Привет, 1838-й, что бы ты ни принес! Пусть в складках платья ты и приберег огорчения, ничего страшного. Есть лекарство, которое лечит все, это лекарство – смерть, и я ее не боюсь». Отдохнуть от забот и насмешек журналистов он решает во Фрапеле. Оноре уверен, что над ним тяготеет какое-то проклятие, критики никогда не простят ему ни обилия произведений, ни неисчерпаемого воображения. Что бы он ни написал, его никогда не поставят в один ряд с Шатобрианом или Гюго. Некоторые даже предпочитают ему Эжена Сю. Так ради чего тогда, спрашивается, надрываться? Он сочиняет истории, чтобы заработать на жизнь. И тут ему подвернулась возможность обогатиться, ничего не делая: сереброносные рудники Сардинии. Достаточно только получить концессию на их разработку. Карро, с которым он консультируется по этому поводу, идею абсурдной не считает. Необходимо путешествие. Осуществить экспедицию в Италию Бальзак рассчитывает за счет мелких кредиторов – доктора Наккара, портного Бюиссона, кузины…

Уже готовый к отъезду, Оноре решает, раз уж он во Фрапеле, навестить Жорж Санд, которая живет неподалеку, в Ноане. Осудившему ее когда-то за жестокость, с которой писательница дала отставку Жюлю Сандо, но со временем понявшему ее чувства к этому ничтожному любовнику, теперь ему захотелось восстановить добрые отношения. Бальзак известил ее о своем желании, в порыве братской симпатии она ответила немедленным согласием.

Двадцать четвертого февраля, в половине восьмого вечера, Оноре был у ее ног. «Дружище Жорж Санд встретила меня в домашнем платье, с послеобеденной сигарой в руке, сидя в уголке у камина в огромной пустынной комнате, – поделится он с Ганской. – На ней были красивые желтые домашние туфли, украшенные бахромой, ажурные чулки и красные шаровары. Внутренне она все та же. Но подбородок увеличился вдвое и стал словно у каноника. Несмотря на страшные несчастья, у нее нет ни одного седого волоса, смуглый цвет лица остался неизменным, ее прекрасные глаза все так же сверкают, у нее довольно глупый вид, когда она задумывается, потому что, как я ей сказал, внимательно изучив, выражение ее лица заключено в глазах. Она уже год в Ноане, очень грустна и много работает. Ее жизнь в чем-то похожа на мою. Ложится в шесть часов утра, встает в полдень, я ложусь в шесть вечера и встаю в полночь. Естественно, я приспособился к ее распорядку, и в продолжение трех дней мы разговаривали с пяти часов вечера, после обеда, до пяти утра, за три эти беседы я смог лучше узнать ее, и она меня тоже, чем за предыдущие четыре года, когда она любила Жюля [Сандо] и приходила ко мне или когда у нее была связь с Мюссе, тогда мы встречались или изредка я приходил к ней».

В эти вечера они с Жорж Санд говорили бесконечно, говорили о свободной любви, браке, необходимости для женщины сбросить рабство, уготованное ей законом и традициями, позволяющее мужчине подчинять ее себе. Своей агрессивно-мужской манерой держаться собеседница и завораживала, и раздражала: «Это мужчина, мужчина тем более, что она хочет быть им, она вышла из роли женщины и больше – не женщина. Женщина притягивает, она – отталкивает. Так как я очень даже мужчина и она кажется мне такой, то такой она должна казаться всем похожим на меня мужчинам. Она всегда будет несчастна».

В любом случае он благодарен ей за то, что научила курить своего рода кальян, состоящий из резервуара с водой и чаши, в которой сжигают табак, смешанный с ароматическими веществами. Дым проходит сквозь воду, вдыхать его надо через длинную, мягкой меди трубочку. «Это вдруг стало для меня необходимым, – признается Бальзак. – Такой переход позволит мне отказаться от кофе и менять возбуждающие средства, необходимые мне для работы». И с видом простака спрашивает, не может ли Ева раздобыть для него в Москве такую трубку – говорят, они там очень хороши. «Вы ведь знаете, я как ребенок. Я получу тем большее удовольствие, если она будет украшена бирюзой, тогда сумею приспособить к кончику трубки набалдашник моей трости, с которой не могу выходить из-за приобретенной ею известности». Итак, еще один предмет роскоши! Но он так полезен для мечтаний! Цена Бальзака не беспокоит. Заплатит, сколько потребуется. Как? Видно будет. Взамен обещает Ганской, которая коллекционирует автографы и хотела бы получить два от знаменитой писательницы, несколько строк, подписанные «Жорж Санд», и несколько строк за подписью Авроры Дюдеван.

Шесть дней разговоров и курения пролетели быстро, Оноре поспешил покинуть свою хозяйку – торопился к сокровищам Сардинии. Он был настолько уверен в успехе, что посчитал чрезмерным попросить выслать ему образцы руды на экспертизу. Ему даже не было точно известно, где находятся заброшенные рудники, которые он намеревался возвратить к жизни. Не знал, в какое ведомство следует обратиться, чтобы получить разрешение на эксплуатацию. В довершение едва мог вымолвить три слова по-итальянски и ничего не смыслил в геологии. Все это казалось ему второстепенным. Великие замыслы сдвинут горы. Без воли нет победы: не верь в свою звезду, Наполеон никогда ничего не завоевал бы.

Пятнадцатого марта 1838 года Бальзак садится в дилижанс и едет в Марсель, откуда сообщает Зюльме Карро: «Завтра я отправляюсь в Тулон, в пятницу буду в Аяччо. Из Аяччо двинусь на Сардинию… Если мое предприятие провалится, очертя голову займусь театром… Я был в дороге пять ночей и четыре дня, сидя на втором этаже, выпивая каждый день лишь молока на десять су. Пишу вам из гостиницы в Марселе, где комната стоит пятнадцать су, обед – тридцать… Я не боюсь ехать туда, но возвращение, если ничего не выйдет! Не одна ночь пройдет, прежде чем обрету равновесие…» И в тот же день – матери: «По дороге истратил только десять франков, сейчас я в гостинице, которая вызывает дрожь. Но я одолею неприятности».

В Аяччо Бальзак на пять дней попадает в карантин – в Марселе зафиксировано много случаев холеры. Он утешает себя тем, что находится на земле Наполеона, и, пользуясь случаем, посещает родной дом императора. Дикость корсиканцев поразила Оноре, ему показалось, что он за тысячи лье от Франции и даже в другом времени: «Цивилизация здесь, как где-нибудь на Гренландии… Нет ни читален, ни девочек, ни театров, ни обществ, ни газет, никакой грязи, присущей цивилизации. Женщины не любят иностранцев, мужчины целыми днями прогуливаются, покуривая. Лень царит невероятная. Здесь восемь тысяч душ, нищета, полное неведение о происходящем в мире. Я наслаждаюсь абсолютным инкогнито. Здесь понятия не имеют ни о том, что такое литература, ни о том, что такое жизнь».

Наконец, охотники за кораллами, направлявшиеся в Африку, подбросили его до Сардинии на своем допотопном суденышке. Путешествие продолжалось пять дней, в течение которых Бальзак довольствовался «отвратительным супом», сваренным из выловленной по пути рыбы. Спал на палубе, философски не обращая внимания на пожиравших его блох. Сардиния поразила еще больше, чем Корсика: «Пустынное королевство, дикие люди, никакой культуры, равнины, поросшие дикими пальмами… Куда ни посмотри, всюду козы, объедающие все почки, а потому все растения не выше пояса». Ни дорог, ни средств передвижения, ни постоялых дворов. Ничего не поделаешь, пришлось сесть верхом, а он уже четыре года не взбирался на лошадь, и пуститься в дорогу по каменистым тропам через горные потоки. «Мужчины и женщины ходят голые, с куском лохмотьев вокруг бедер… Ни в одном жилище нет камина, огонь разводят прямо посреди комнаты, усыпанной сажей. Женщины проводят время за молотьбой или месят тесто, мужчины охраняют коз и стада. Плодороднейшая страна остается совершенно не возделанной».

Но чего не вынесешь ради того, чтобы завладеть серебряными сокровищами. Тем сильнее было разочарование: оказывается, генуэзец Джузеппе Пецци, рассказавший Бальзаку о существовании рудников, уже произвел анализ породы, выяснил, что серебро есть, договорился с одним из торговых домов Марселя о создании предприятия и даже успел получить от властей официальное разрешение на разработку. Итак, Оноре рассудил правильно, но опоздал с приездом. И виноват в этом «Цезарь Бирото», он задержал его во Франции. Стоит ли сожалеть об этом? Разве хорошая книга не стоит всех богатств мира? Расстроенный, одураченный, усталый, пишет Ганской: «Не надо меня ругать в ответ на это письмо с отчетом о моем путешествии. Побежденные нуждаются в утешении. Я часто думал о вас во все время этого беспокойного странствия и воображал, как вы спросите: „Какого черта он собирается там делать?“»

Бальзак возвращается в Италию через Геную, без гроша в кармане оказывается в Милане, где его в очередной раз выручает банкир семейства Гидобони-Висконти. Князь Прочиа отдает ему в полное распоряжение комнату – на постоялых дворах чересчур тесно и шумно. Необходимо наверстать потерянное напрасно время, писатель садится за «Торпиль», которая станет частью «Блеска и нищеты куртизанок». Это история девушки из публичного дома, Эстер Гобсек, прозванной «Торпиль» (или

электрический скат) за то, что своими ласками заставляет мужчин забыть обо всем на свете. Встретив Люсьена де Рюбампре из «Утраченных иллюзий», она неосторожно влюбляется и решает порвать со своим занятием. Они наслаждаются любовью, пока кто-то из бывших клиентов Эстер не узнает ее. Репутация потеряна навсегда. Она пытается покончить с жизнью, но на помощь приходит священник, к которому женщина пришла исповедаться, – утешает, пристраивает в приют при церкви, где можно собраться с мыслями и восстановить силы.

Писатель увлечен переживаниями своей героини, в Милане тем временем готовятся к коронации Фердинанда I, короля Ломбардии. В городе царит суматоха, Бальзак остается глух к веселью: к постигшему на Сардинии разочарованию добавилась ностальгия по парижским дождям и туманам. «При воспоминании о Франции и ее почти всегда сером небе под прекрасными небесами Милана у меня сжимается сердце, – признается он Ганской. – Собор с его кружевами оставляет меня безразличным, Альпы ничего не говорят моему сердцу, прозрачный нежный воздух вреден для меня, здесь у меня нет души, нет жизни, я не могу выразить себя, и если задержусь еще недели на две, умру. Объяснить это невозможно. Хлеб, который я ем здесь, кажется мне пресным, мясом не наедаешься, водой не напьешься, воздух губителен для меня, я смотрю на самую хорошенькую женщину как на чудовище, не испытывая при этом даже того пошлого чувства, что испытываешь, глядя на цветок». Как хорошо было бы убежать из Италии! «Мне необходим этот обидчик Париж, его типографии, двенадцать часов в день изнурительной работы, долги…» В довершение двадцатого мая ему исполняется сорок. Цифра ошеломила: жизнь его за эти годы была так насыщена, что впору чувствовать себя стариком, но сердце-то – молодое!

Шестого июня 1838 года Оноре расстается с Миланом и едет во Францию. По возвращении из предыдущего путешествия по Италии его ожидало известие о смерти госпожи де Берни, теперь новый траур: седьмого июня в нищете скончалась госпожа д’Абрантес. В этот день он пересекал Альпы. Бальзак давно не встречался с гордячкой герцогиней: когда-то был ее любовником, потом правил ее воспоминания и с тех пор относился с умеренной нежностью. За два или три месяца до своей смерти она жаловалась Оноре на его безразличие: «Я хотела бы, наконец, знать, друзья мы или люди, которые вот-вот станут врагами. Середины не бывает». Теперь он чувствовал за собой некоторую вину: не был на ее похоронах, тогда как Шатобриан, Гюго, Дюма, госпожа Рекамье проводили ее в последний путь.

Бальзак напишет Ганской: «Из газет вы узнаете о печальном конце бедной герцогини д’Абрантес. Она закончила свои дни так же, как закончила свои Империя». Он не склонен сравнивать преданность Лоры де Берни, подарившей ему исключительную любовь, и основанное на интересе чувство Лоры д’Абрантес, видевшей в нем прежде всего известного литератора, чьи советы могли оказаться полезными. Ушла его любовница, чьи объятия были горячи и чьи руки отныне – только прах.

Оноре был подавлен, размышлял над тем, что еще одной жизнью вокруг него стало меньше, что его собственные дни тоже, наверное, сочтены. Он так нуждался в женском внимании! Но Зюльма Карро – только друг, а госпожа Ганская – скорее миф, предмет мечтаний. Если бы эта полька согласилась оставить мужа и последовать за ним, не обращая внимания на пересуды! «Я постарел, – поделится он с ней, – понимаю, что нуждаюсь в спутнице, и каждый день сожалею об обожаемом создании, что спит на деревенском кладбище недалеко от Фонтенбло [госпожа де Берни]. Я не могу поехать к сестре, которая так меня любит, – страшная ревность ее мужа все портит. Мы с матерью не подходим друг другу. Остается искать поддержки в работе, тем более что у меня нет дружеской поддержки семьи, а это именно то, к чему я хотел бы прийти. Удачная, счастливая женитьба, увы! Я почти потерял на это надежду, хотя, кажется, лучше, чем кто-нибудь другой, скроен для жизни у домашнего очага… Жизнь моя будет прожита напрасно, я с горечью думаю об этом. Нет должной славы, и с этим приходится смириться… Природа создала меня исключительно для любви. Только она одна понятна мне. Я – неизвестный Дон Кихот».

И по привычке уже вновь яростно обрушивается на упреки, коими полны ее письма: «*Cara*, хотел бы, чтобы вы объяснили мне, чем я заслужил обращенную ко мне в вашем последнем письме такую характеристику: природное легкомыслие вашего характера? В чем это легкомыслие? В том, что двенадцать лет я без передышки работаю над огромным литературным творением? В том, что шесть лет знаю только одну привязанность? В том, что я двенадцать лет тружусь день и ночь, чтобы расплатиться с неимоверными долгами, коими я обязан своей матери – она навязала мне их своими неумеренными расчетами? Или в том, что, несмотря на нужду, я еще дышу, пишу, а не бросился в воду? В том, что беспрерывно работаю, безуспешно пытаясь тратить меньше времени на этот каторжный труд? Объясните! В том, что я бегу любого общества, любых торговых предприятий ради того, чтобы предаться моей страсти, моей работе, чтобы сладить с долгами? В том, что вместо десяти книг пишу двенадцать? Или в том, что они выходят нерегулярно? Или в том, что я пишу вам неизменно настойчиво, с невероятной легкостью добывая вам очередной автограф? Или в том, что я не остаюсь в Париже, а еду в деревню, чтобы у меня было больше времени на работу и я бы тратил меньше на жизнь?.. А может, в том, что, несмотря на несчастья, я сохранил веселость и совершаю вылазки в Китай и на Сардинию?.. Легкомыслие характера! Вы похожи на того буржуа, который, увидев, как Наполеон вертится туда-сюда, обозревая поле сражения, сказал: этот человек ни минуты не может оставаться на месте, он не знает, что ему делать… Сделайте одолжение, пойдите посмотрите на портрет бедного мужика, взгляните на широкие плечи, грудь, лоб и скажите: вот самый постоянный, самый надежный человек, в чьем характере нет никакого легкомыслия! Это будет вам наказание!»

Это письмо отправлено из Севра: едва вернувшись во Францию, Оноре уехал пожить на приобретенной им земле. Во время его отсутствия здесь хорошо и быстро потрудились каменщики. Теперь на холме возвышался дом с зелеными ставнями и тремя комнатами, одна над другой, на каждом этаже. Мебели почти не было. На стенах Бальзак написал углем: «Здесь – обшивка из паросского мрамора. – Здесь, на потолке, роспись Делакруа. – Здесь ковер от Обюссона. – Здесь – двери как в Трианоне».

Магия слов. Этот дом – часть его мечтаний. Из окон открывался великолепный вид на стоящий ниже Париж и окутанные дымкой холмы Медона. Обещают, что через год железная дорога соединит Версаль со столицей, и, заплатив десять су, за десять минут можно будет перенестись из буколического Виль-д' Авре в гущу городской суеты. Земля оказалась глинистой, из-за того, что дом расположен на холме, она сползала вниз, и ни одно дерево не могло удержаться. Пришлось укреплять ее камнями. Когда Оноре шел проведать свой сад, у него в руках всегда были камешки, которые он бросал под ноги, чтобы не скользить. Но он был очень доволен своим владением и подумывал начать разводить экзотические растения. Почему бы не построить парник и не засадить его ананасами? Тысяч сто, например. В Париже они продаются по двадцать франков за штуку, он готов отдавать свои по пять, прибыль и так окажется немаленькой, даже если принять в расчет расходы на постройку, обогрев, содержание парника. Есть чем загладить неприятные воспоминания о неудаче с сардинскими рудниками! «Самое замечательное, – будет вспоминать Теофиль Готье, – что мы вместе искали на бульваре Монмартр лавочку, где будут продаваться эти ананасы, которые были только в проекте. Она должна была быть выкрашена в черный цвет с золотой сеточкой, на вывеске огромными буквами написано: АНАНАСЫ ИЗ ЖАРДИ». И добавит: «Бальзак уже видел эти сто тысяч ананасов, ощетинившихся хохолками зубчатых листьев над большими золотыми клетчатыми шишками под огромными хрустальными сводами. Он видел их, сам рос в этом теплом парнике, страстно распахнутыми ноздрями вдыхал тропический запах. Когда же опускался на землю и, облокотившись о подоконник, смотрел, как на пустынные склоны тихо падает снег, едва находил в себе сил расстаться с этой иллюзией».

Сногсшибательная «ананасная» затея пополнила череду других, столь же многообещающих и столь же бесплодных мечтаний. По странной прихоти судьбы, как только Бальзак пробовал заработать деньги иначе, чем пером, его начинание проваливалось. Но на этот раз мог бы совмещать новую деятельность с писательской. Впрочем, романы по-прежнему приносили немного, и он попытался переключиться на пьесы. Конечно, диалоги удавались ему хуже, чем анализ чувств или описания, но пьесы, пользующиеся успехом у публики, оплачиваются хорошо, а такое сочинение – дело нескольких часов. Ради экономии времени придется нанять «негров». За ним будет канва, за ними – все остальное. У него уже есть около двадцати набросков, лучший сюжет одобрен Жорж Санд. Это «Старшая продавщица». Поразмыслив, он решает переименовать ее в «Школу семейной жизни», превратить из комедии в мелодраму. К совместной работе привлекает молодого писателя Шарля Лассайи, которого Людовик Алеви охарактеризовал так: «Большое туловище, увенчанное огромным носом! Вперед! Нос идет, дурак за ним».

Принимая у себя Лассайи, Бальзак предупредил: «Не ждите здесь обычной жизни, в Жарди живут только ночью, днем все спят, кроме меня, так как у меня много дел и сплю я мало». В час ночи вновь прибывший был неожиданно разбужен слугой в ливрее, который сообщил, что хозяин просит его просыпаться. В столовой на столе стояли котлеты и шпинат. Когда новичок уже наслаждался крепким кофе, появился Бальзак, торжественно ступавший в своем любимом монашеском одеянии. «Начнем!» – приказал он. Проводив коллегу в другую комнату, добавил: «Пишите, „Школа семейной жизни“. До семи часов утра Оноре мерил комнату шагами, диктуя ошеломленному юноше наброски сцен, обрывки диалогов. Наконец остановился и удалился. Вошел слуга и возвестил: „Господин просит вас ложиться спать“. В полдень его вновь подняли. Опять котлеты, шпинат, кофе, работа. Через несколько дней Лассайи был без сил, ничего не соображал и в ужасе бежал. Извиняясь, он писал Бальзаку: „Вынужден отказаться от работы, которую вы мне столь милостиво доверили. Я провел ночь, пытаясь придумать что-нибудь достойное вашего плана. Не осмелился сказать это вам лично, но не могу больше попусту есть ваш хлеб“».

Оноре так прокомментировал Ганской случившееся: «Я нанял бедного писателя по фамилии Лассайи, чтобы он записывал мои соображения и развивал их для меня. Не дождался от него и двух путных строчек. Никогда не встречал такого неспособ-ного человека. Но он оказался полезен, так как положил начало моей будущей работе. Тем не менее мне нужен кто-то более разумный и остроумный».

Двадцать пятого февраля 1839 года Бальзак читал «Школу семейной жизни» директору театра «Ренессанс». Безоговорочный отказ. Уязвленный автор попробовал еще раз перед актерами других театров и в гостиных: у госпожи де Сен-Клер в присутствии трех посланников, у маркиза Кюстина в числе прочих были Теофиль Готье и Стендаль. Его поздравляли, но восторженные отклики отдавали лестью. Он решил на этом остановиться и убрал пьесу в ящик. Но в уныние не впал, театр продолжал привлекать его в качестве средства легкой наживы: минимум затрат, максимум прибыли. Роман, полагал писатель, предприятие серьезное, требует абсолютного погружения, театральное искусство предназначено исключительно для развлечения, это выгодная затея, где свое найдет и деловой человек, и шут. Но прежде чем вновь начать штурм парижской сцены, возвращается к привычному аду – написанию романов.

Чтобы развеять столь показанное для работы одиночество Жарди, Бальзак приглашает порой знакомых. Чаще других у него бывает забавный субъект Лоран-Жан. Его настоящее имя Жан Лоран, он рисовальщик и писатель, язвительный, не без причуд, вспыльчивый, преданный, подверженный перепадам настроения. Морис Регар так вспоминал его: «Асимметричное лицо. Кривоногий к тому же. Ходил, подпрыгивая, опираясь на палку. Его худоба заставляла краснеть, нос был похож на клюв хищной птицы». Этот человек обожал Бальзака, был с ним на «ты», шутя называл его «дитя мое» и «любимый», выполнял по его просьбе самые деликатные поручения. Другим посетителем был льстивый Леон Гозлан, будущий автор книги «Бальзак в тапочках», прикрывавшийся скромностью. Когда они приезжали, Оноре позволял себе расслабиться, от души смеялся, забывал о своих долгах и герцогинях. Но работать не переставал. В Жарди он завершил «Музей древностей», своего рода оправу для «Старой девы». И здесь речь о том, насколько парижский климат бывает губителен для провинциала. Молодой граф Виктюрньен д'Эсприньон пытается приступом взять столицу, занять там хорошее положение, но попадает в среду распутников и гуляк, руководимый любовницей, Дианой де Мофриньез, совершает подлог, рискует попасть на каторгу. Несчастный граф, по замыслу Бальзака, антипод Растиньяка, другого провинциала, но дерзкого, хитрого, ничем не брезгующего. Диана де

Мофриньез, одетая в мужское платье, с хлыстиком в руке, напоминает Каролину Марбути, которая сопровождала писателя в Турин. Каролина восхищалась оранжереями адвоката Луиджи Коллы, Диана – редкими цветами, которые выращивает один старый судья. Вот так, ни одно событие из жизни Бальзака не оказывается бесполезным для его творчества. Писать для него означает не только придумывать, но и выуживать что-то из собственных воспоминаний.

«Музей древностей» готов, но Оноре, не дав себе ни минуты отдыха, принимается за вторую часть «Утраченных иллюзий»: «Провинциальная знаменитость в Париже». Это боевое крещение провинциала, решившего непременно завоевать высший свет столицы. Здесь – вся молодость Бальзака: его одержимость, его развеянные иллюзии, соперничество плохо оплачиваемых журналистов, злоба, самоуверенность, эгоизм сильных мира сего. Но в этой книге не только мрачный портрет города, но и нежность автора к своим героям – Люсьену де Рюбампре и Корали. Он восхищается Корали, когда та ухаживает за мертвецки пьяным Люсьеном – поддерживает его голову, умывает, укладывает спать, бодрствует у его постели, словно это больной ребенок. Когда умирает Корали, отчаявшийся Люсьен не отходит от нее, не зная, чем помочь. У него заказ – веселые песенки для кабаре, который надо непременно выполнить, и он сочиняет при свете свечей, выставленных вокруг умершей. Игривые куплеты заменят ей траурный марш. В этом противопоставлении горя и смеха, тщеты человеческой комедии и порыва духа – весь Бальзак. Каждая его книга – о любви, деньгах, амбициях и поиске абсолюта.

И вот уже новые истории занимают его: «Сельский священник», «Дочь Евы», «Беатриса». Последняя – рассказ о нескольких парах, которые решили пренебречь общественными нормами и жить, ни на кого не обращая внимания. Это не могло не спровоцировать скандал, преданные позору, они вынуждены признать несостоятельность любви вне общепризнанных рамок. Когда-то Жорж Санд рассказала Оноре о перипетиях связи Ференца Листа с Мари д’Агу, из этих зерен выросла «Беатриса». Он признается Ганской, что был счастлив, работая над ней. «Да, госпожа де Висконти – это Сара, мадемуазель де Туш – Жорж Санд, а сама Беатриса – во многом госпожа д’Агу… За некоторыми исключениями – история подлинная».

Необходимость работать сразу над несколькими произведениями Бальзак оправдывает необходимостью угодить людям, чьи вкусы сильно разнятся, – редакторам журналов, издателям, короче говоря, тем, кому он рассчитывает сбыть свою продукцию. У него всегда должны быть в запасе короткий роман и длинный, сентиментальный и с лихо закрученным сюжетом. Чем шире ассортимент, тем легче найти покупателя, склады никогда не должны пустовать. Удивительно, что столь меркантильные побуждения не мешают ему создавать действительно прекрасные вещи. Как будто это лишь подстегивает воображение писателя. Кажется, он забавляется, перескакивая с одной книги на другую, ворча при этом, что задача слишком сложная. Будто жонглер, подбрасывает и ловит шарики, не упустив ни одного, а они летают над его головой, пересекаясь, сталкиваясь, отскакивая.

Покой Жарди благоприятствовал всплеску творческой активности, но Оноре угадывал, что сохранить это прибежище ему не удастся. К 1839 году у него накопилось слишком много долгов: хозяину дома, друзьям, привратнице в доме на улице Батай, садовнику Бруэту, которого призвал к себе из Вильпаризи, и даже полевому сторожу из Виль-д’Авре, у которого занял шестьсот франков. Как-то раз Леон Гозлан застал Бальзака спрятавшимся в саду. Тот отказывался идти на прогулку из боязни встретить того самого полевого сторожа. Это было свидетельством полного краха. Оноре решил вновь обратиться к театру – вот панацея от всех его финансовых бед. Для начала думает воспользоваться одним из романов: сгодится, например, «Вотрен». Делится своими планами с директором театра «Порт Сен-Мартен» Шарлем-Жаном Арелем. Тот в восторге и даже знает, кому доверить главную роль – в то время был очень популярен Фредерик Леметр. Пьесы пока нет, но готова будет быстро, обещает автор, мысленно все уже придумано. У него есть еще одно пристанище в Париже, на улице Ришелье, у портного Бюиссона. Уютная мансарда, стены обиты светло-коричневым перкалем, на полу – бело-голубой ковер. Бальзак приглашает туда Теофиля Готье, Беллуа, Урлиака, Лассайи, Лоран-Жана и излагает им свой план: ввиду того, что на следующий день пьеса в пяти актах должна лежать на столе у Ареля, рассчитывает на друзей – каждый напишет за ночь один акт по своему усмотрению, Оноре соединит их, и дело в шляпе! «Акт к завтрашнему дню, это невозможно!» – пробормотал смущенный Готье. «В одном акте не более 400–500 строк, – возразил хозяин, – за день и еще ночь в придачу написать 500 строк диалогов – задача вполне посильная». – «Расскажите мне сюжет, – попросил Готье, – изложите план, обрисуйте в нескольких словах персонажей, и я сяду за работу». – «Боже, – воскликнул Оноре, раздраженный неуверенностью товарищей, – да если я стану рассказывать сюжет, мы никогда не закончим».

Тем не менее вдвоем с Лоран-Жаном они мигом состряпали пьесу. Шестнадцатого сентября 1840 года она была передана цензору, двадцать третьего получен отказ: комиссия сочла, что главный герой, Вотрен, слишком похож на разбойника Робера Макера, и перед зрителями предстанет персонаж, готовый на любые преступления. Второй вариант был отвергнут по тем же соображениям. Вмешался директор выставок и театров Огюст Каве, цензоры смягчились, запрет был снят, хотя вновь назначенный министр внутренних дел Шарль де Ремюза проявил некоторую настороженность.

Первое представление состоялось четырнадцатого марта. Публика собралась самая блестящая, немало было и враждебно настроенных журналистов. Три первых акта разочаровали присутствовавших: слишком много слов, почти нет действия. Некоторые подумывали уйти. В четвертом появился Фредерик Леметр, одетый мексиканским генералом, с прической а-ля Луи-Филипп. Его игра смахивала на фарс, в зале засмеялись. Но было это действительно веселье или насмешка над королем? Раздались и возгласы протеста. Герцог Орлеанский покинул свою ложу. Говорили, что по возвращении домой он разбудил отца и сказал: «Вас шаржируют при полном зале. Вы допустите это?» В его отсутствие патетический пятый акт не имел успеха. Было ясно, «Вотрен» провалился. В конце спектакля Леметр отказался выходить на поклоны, он был раздосадован, зол. На

другой день пьесу запретили. Бальзак чувствовал себя опозоренным. У него поднялась температура. Напрасно пытался Арель добиться отмены запрета. Восемнадцатого марта Гюго отправился со своим незадачливым собратом по перу в Министерство внутренних дел, попробовал заступиться за него перед Шарлем де Ремюза. Тот был любезен, но по-прежнему не знал, на что решиться, напоминая о необходимости поддерживать общественный порядок, который представления этой пьесы могут нарушить. «В целом Гюго вел себя как истинный друг, отважный, преданный, – напишет Оноре Ганской. – Фредерик был прекрасен. Но история о сходстве с Луи-Филиппом скорее всего направлена против Ареля, директора театра „Порт Сен-Мартен“: он [Леметр] был заинтересован в провале, чтобы занять его место. Для меня все это пока остается загадкой. Как бы то ни было, несчастье случилось. Мое положение тяжело, как никогда».

Поход в Министерство внутренних дел окончился ничем, совершенно больной Бальзак нашел приют у Сюрвилей, на улице Фобур-Пуасоньер. Семью раздирали бесконечные ссоры. Лора постарела, выглядела уставшей, с трудом сносила попреки мужа, у которого нервы тоже были на пределе: труды его не давали результата, а надо содержать супругу, дочерей. Нищета Сюрвилей, помноженная на его собственную. Сумеет ли они выплыть? Пока медленно, но верно шел ко дну, непомерный груз его произведений, казалось, способствовал этому. Они не принесли ему благодарности соотечественников, только долги и заботы. Писем нескольких почитательниц недостаточно, чтобы уравновесить просроченные векселя и пылающие ненавистью статьи. В крайнем смятении Оноре делится с Ганской: «Я почти смирился. Думаю, что покину Францию и повлачу свои кости куда-нибудь в Бразилию – чем безумнее будет предприятие, тем лучше. Я больше не в силах жить, как живу. Хватит бесполезных трудов. Сожгу все письма, бумаги, оставлю только мебель, Жарди и уеду, доверив сестре вещички, к которым привязан. Она будет охранять эти сокровища не хуже дракона. Оставлю кому-нибудь доверенность, чтобы мои произведения продолжали работать, и отправлюсь на поиски удачи: либо, разбогатев, вернусь, либо никто обо мне больше не услышит». И уточняет: «План этот принят окончательно. Я приведу его в исполнение зимой. Буду стойким и не отступлю».

Пока Бальзак размышляет о том, чтобы покинуть Францию, его избирают президентом совсем юного Общества литераторов. Слабое утешение на фоне одолевающих его бед. Год назад, узнав, что есть вакантное место во Французской академии, он решил немедленно претендовать на него, ни на мгновение не задумавшись, что академикам может не понравиться его репутация экстравагантного писателя, к тому же злостного должника. Когда стало известно, что на кресло академика одновременно с ним предъявляет права Гюго, от своих притязаний отказался. «Я только что узнал, что господин Виктор Гюго выдвинул свою кандидатуру в качестве блестящего преемника господина Мишо. Имею честь просить вас считать отныне недействительным мое письмо, в котором я предлагал свою персону: я отказываюсь составлять ему конкуренцию», – пишет Бальзак временному исполняющему обязанности постоянного секретаря Пьеру-Антуану Лебрену. На памятном заседании двадцатого февраля 1840 года Гюго не был избран академиком, ему предпочли физиолога Пьера Флуранса. Оноре был уверен, что рано или поздно придет и его черед. Не может он быть всегда на вторых ролях. В остракизме, которому его подвергает элита, виноват не талант, а он сам: его благородство, эксцентричность, жизнелюбие, жизнерадостность, хвастовство – все через край, и плодовитость, конечно, которой постоянно попрекают разные зануды. Бальзак слишком на виду, пишет сочно, душа нараспашку. Людям чопорным, напыщенным, лицемерным это не нравится. Многие посмеиваются над ним, одновременно восхищаясь и завидуя. Это задевает его самолюбие, но становиться почитаемым писателем в рамках литературной благопристойности он не собирается.

Глава двенадцатая

Улица Басс

Ум Бальзака, поглощенный созданием мира воображаемого, кажется, должен был отсеивать события реального, если, конечно, они не касались самого писателя. На деле Оноре живо интересовался теми, кто его окружал, о ком говорили. Быть может, не без тайной надежды превратить их однажды в героев своих романов. Еще в 1838 году он обратил внимание на сообщение о двойном убийстве, которое произошло в ночь на второе ноября на мосту Андер рядом с Белеем. Нотариус Себастьян Пейтель, бывший театральный критик, сотрудничавший с газетой «Le Voleur», убил выстрелом из пистолета свою жену. Пейтель все отрицал, сваливая вину на слугу Луи Рея, который, по его словам, и стрелял. Бессмысленное преступление привело нотариуса в такую ярость, что он, опять же по его словам, бросился за несчастным и раскроил ему череп молотком. Считалось, что слуга был любовником госпожи Пейтель, молодой, красивой креолки весьма легкого нрава. Муж, подкараулив их на мосту, лишил жизни обоих. Но сомнения оставались. Что, если Пейтель говорит правду? И единственная его ошибка в том, что он покарал убийцу? Бальзака история взволновала. Он не раз встречался с подозреваемым в редакциях газет и журналов и помнил его как человека разумного, хотя и скорого на суждения. Рисовальщик Гаварни, приятель Оноре, тоже был уверен в невиновности нотариуса. Вдвоем они решили спасти его. Отправились в Бург-ан-Бресс, посетили Пейтеля в его камере смертника. Тот продолжал уверять, что покарал истинного виновного. Бальзак написал длинную речь в его защиту, которую озаглавил «Письмо о процессе над Пейтелем, белейским нотариусом». В нем попытался опровергнуть абсурдное, с его точки зрения, положение, будто Пейтель убил жену, чтобы унаследовать ее состояние. Это вызвало раздражение судей, общественность негодовала. Некоторые даже осмеливались утверждать, что, выступая защитником «мученика», как Вольтер в деле Каласа, писатель пытается набить себе цену. Журналист Роже де Бовуар сочинил комический плач, который читал на каждом углу:

Увы! Следует избегать

Ищущего своего Каласа Бальзака.

На присутствовавших в зале суда Оноре произвел не лучшее впечатление: нелепый костюм, высокопарная речь. Дело осложняло то, что в заботе о чести семьи Пейтель отказывался признать связь жены и слуги. Между тем это признание перевернуло бы дело: убийство корысти ради стало бы убийством из ревности, что давало надежду на смягчение вердикта. Но смертный приговор был приведен в исполнение двадцать восьмого октября 1839 года. Потрясенный Бальзак делился с Ганской: «Вы верно угадали исход дела этого бедного малого. В жизни так многого невозможно избежать. Да, обстоятельства были более чем смягчающие, но невозможно было доказать. Есть благородные натуры, в существование которых нам трудно поверить. Итак, все кончено. Когда-нибудь я покажу вам, что он написал мне перед тем, как взойти на эшафот. Я смело могу предстать с этим перед Господом, и многое мне будет прощено. Он стал мучеником собственной чести. То, чему аплодируют у Кальдерона, Шекспира и Лопе де Вега, гильотинировали в Бурге».

Дело это потребовало от Бальзака не только времени, но и денег: обращения в разные инстанции, переезды, публикация «Письма» обошлись ему по меньшей мере в десять тысяч франков, не считая материального ущерба, вызванного тем, что он вынужден был отложить в сторону свою работу. Хотя был весь в долгах: больших и маленьких, с некоторыми надо было расплатиться немедленно, другие могли подождать, что-то он занимал у друзей, что-то – скорее у недругов. Самым угрожающим выглядел долг Пьеру-Анри Фуллону, который дал ему взаймы под авторские права на «Вотрена» пять тысяч франков, да еще и под огромные проценты. Зная, что писателю нечем расплатиться, угрожал тюрьмой. Бальзак скрывался, садовник Бруэт уверял тем временем судебного исполнителя, что в помещениях, предназначенных для четы Гидобони-Висконти, все принадлежит им, а в домах, которыми владеет его хозяин, нет ничего стоящего. Разгневанный Фуллон продолжал твердо стоять на своем и добился наложения ареста на недвижимость. На этот раз мышеловка захлопнулась. Надо было переезжать. Куда? Надежность улицы Батай вызывала сомнения, вся мебель из мансарды у Бюиссона была продана по требованию Фуллона, оставшееся Оноре перевез в дом номер девятнадцать по улице Басс в Пасси, которым владел мясник Этьен-Дезире Грандемен. Писатель снял его за шестьсот пятьдесят франков на имя Филиберты-Луизы Брюньо или Брюньоль. Но, несмотря ни на что, продолжал цепляться за Жарди. Тучи над его головой продолжали сгущаться. Мать бесконечно жаловалась, что брошена неблагодарным сыном: «Я перестала видеться с тобой из боязни помешать и я бы даже сказала – нарушить твой покой… Уже полгода я живу у своего зятя Сюрвиля, который мне ничего не должен. Для него я – лишний груз, а ему и так достается. Дальше так продолжаться не может. Скажи, сумеешь ли ты выплатить мне часть долга и в чем это будет выражаться… Мне не к кому больше обратиться. Ты должен сказать мне, что делать и на что я могу рассчитывать». При мысли о том, что мать будет жить вместе с ним, Бальзак пришел в ужас: прощай покой, привычки, работа – ураган в лице его матушки сметет и бумаги, и мечты. К тому же у него нет постоянного места жительства. «Я скитаюсь, словно пес, у которого нет хозяина, – отвечает он ей. – Меня одолевают несчастья, и их будет все больше».

Если бы только новая любовь осветила его жизнь! Отношения с Гидобони-Висконти стали прохладными, виделись они все реже. Графиню несколько утомлял ритм жизни ее любовника – он слишком много работал, говорил только о работе, деньгах и семье, все судебные исполнители Франции шли по его следу. Бальзак тоже не находил прежнего удовольствия в присутствии этой молодой женщины. Уж не потерял ли он вкус к любви? Оноре стал реже писать Ганской, обращения к ней не казались теперь столь необходимыми. Он поймал себя на том, что поддерживает эту эпистолярную связь из чувства долга, в силу привычки, а ведь еще недавно каждое послание было проявлением его страсти. К счастью, обнаружилась новая поклонница, представившаяся читательницей, попавшей под обаяние недоступного великого человека. Она прислала ему свою вышивку, он горячо благодарил: «Я могу лишь безгранично восхищаться вами, и для этого мне совсем не обязательно быть предметом заботы вашего „романтического склада ума“… Примите мою благодарность и признательность за эти изысканные подарки». Началась тайная переписка, как когда-то с Ганской и Луизой. Комплименты, признания, уловки, недоговоренности. Незнакомка в конце концов назвала свое имя – Элен-Мари-Фелисите де Валет. Бальзак стал называть ее «Мари» – этим именем он уже нарек когда-то двух избранниц своего сердца – герцогиню д’Абрантес и маркизу де Кастри. Элен де Валет, дочь капитан-лейтенанта из Рошфора, в семнадцать лет вышла замуж за нотариуса из Ванна, в девятнадцать овдовела, жила то в любимой Бретани, то в Париже. У нее были «покровители», о которых она благоразумно умалчивала в своих письмах.

В конце 1839 года Бальзак разрешил новой корреспондентке навестить его в Жарди. Сгорая от любопытства, она оказалась перед закрытыми дверьми – хозяин отсутствовал. «Мари» довольствовалась тем, что осмотрела окрестности, насладилась царившей вокруг «интеллектуальной атмосферой», взяла на память в саду какую-то мелочь. В письме, полном смущения и нежного уважения, гостья приносила извинения: «Вы были добры лишь наполовину. Вы позволили мне подойти к порогу вашего прибежища, но двери были закрыты. Тем не менее я благодарна, что вы выполнили половину моей просьбы, и прошу простить меня: сознаю все неприличие воровства, которое я позволила себе совершить у вас. Но я была не в себе, не в себе до того, что плакала от радости, счастья находиться там, где вы творите, к чему вы привязаны. Простите меня, как прощают умалишенных. Чтобы успокоить мою совесть, позвольте взамен преподнести вам письменный прибор, принадлежавший когда-то госпоже де Ламуаньон и доставшийся мне в наследство от этой вдовы, рядом с которой я провела детство, моей благодетельницы». Она также добавляет, что вот-вот расстанется со своей дорогой Бретанью.

Простота и восторги, вот чего ему так не хватало! Бальзак чувствует, как возвращается молодость. Теперь ему недостаточно писем, нужно лицо, взгляд, звук голоса. В начале 1840 года они встречаются. Писатель очарован своей новой «Мари» и немедленно рассказывает ей о своих невзгодах. Она все понимает, утешает и, без особых церемоний, становится его любовницей. Новая возлюбленная предлагает помощь и в его затруднительном финансовом положении – дает взаймы десять тысяч франков. В ответ он дарит гранки «Беатрисы» с собственной правкой (когда-то он сможет вернуть долг!): «Вот гранки, моя работа над „Беатрисой“ – вы заставили меня полюбить эту книгу, как никакую другую, она связала нас дружбой. Я дарю такого рода вещи только тем, кто любит меня, ведь это свидетельства моих долгих трудов и терпения, о которых говорил вам.

За этими чудовищными бумагами проходят мои ночи. Среди тех, кому я преподнес нечто подобное, нет сердца чище и благороднее вашего… *Addio cara*». Его любовнице тридцать пять лет, Оноре не хочется, чтобы между ними стояли деньги. Он спешит уверить ее в полной своей платежеспособности. У него в работе новая пьеса, «Меркаде», не чета «Вотрену», которая, вне всяких сомнений, обречена на успех: «В октябре я верну деньги, которые занял под театр. Я вновь обрел решимость. Больше не отступлюсь… Пишу наспех, чтобы успокоить вас, сокровище мое. Спасибо за письмо, дорогуша».

Бальзак не успевает завершить пьесу, как его чувства оказываются перед серьезным испытанием. Он уверен, что его любовница – идеальная женщина, с пылким сердцем и незапятнанным прошлым. Некий Эдмон Кадор, на самом деле журналист Роже де Бовуар, раскрывает ему истинное положение дел: Элен де Валет – вдова Гужон, у нее внебрачный сын, она богатая содержанка, жизнь ее – череда приключений, в списке тех, кто пользовался ее благосклонностью, последним числится автор этих разоблачений. Итак, ангельская Элен – нимфоманка, зарабатывающая своим телом, готовая к любым компромиссам. Теперь она проводит лето в Бретани, быть может, одна, быть может, с другим мужчиной. Оноре отказывается верить, что так обманут, требует от «Мари» объяснений. Та перепугана, отвергает все обвинения (на что потребовалось не одно послание): «После вашего письма жизнь моя – сплошной кошмар, когда я отвечала вам, не владела собой. Думала только об одном, как заставить вас поверить, что никогда не любила господина Кадора. Теперь вам нужны детали и правда по каждому его обвинению. Попробую рассказать вам все, но, Боже мой, вы должны верить моим словам, ведь я буду говорить с вами, как с Господом». Дальше она намекает на некие предложения, которые делал ей Кадор, на письмо, которое ему отправила, на его наглый визит и на сопротивление, которое ему оказала, будучи женщиной порядочной: «Я никогда не принадлежала этому человеку… Он забавлял меня, я терпела его из страха и кокетства… Но повторяю, сама дала ему в руки оружие против себя. Он может сказать, что я ему принадлежала. Ложь, но вы можете этому поверить… Господин Кадор очень тщеславен. Он был бы счастлив, если бы его имя упоминалось в связи с именем человека вроде вас… Мне придется расплачиваться за преступное легкомыслие, но вы, любимый мой, должны оставаться в стороне… Если ему удастся скомпрометировать мое будущее, вернусь к своему одиночеству, которое оставила только ради вас. Здесь, на полуострове Рюк, есть монастырь… и моя подруга, отправлюсь к ней. Об этом с радостью думаю уже шесть лет. Мне не хватало лишь нового несчастья, чтобы решиться».

Бальзаку кажется, что теперь он сам стал персонажем романа: предательство, поруганная невинная женщина, испорченная репутация, монастырь. Он готов все понять, все простить. Ее очередное письмо – еще одна выдумка, впрочем, не без лирики: «Я должна была лучше понять вас и больше доверять вам. Мы обсудим это, раз вы были так добры и приняли участие во мне… Десять месяцев в году я свободна и живу одна. Я бы предпочла свободу и скромную мансарду художника на улице Кастильон роскошной квартире, где я – узница… Я имею дело с самым порядочным в мире человеком, ради меня он пожертвовал богатством и положением… И я ни за что на свете не причинила бы ему никакого горя. Поэтому я так боялась этого отвратительного Эдмона Кадора, который мог меня скомпрометировать… Я хотела бы, чтобы ничего этого не было, я оставалась для вас дикой девчонкой из дикой Бретани… Но господин Кадор сказал вам мое имя, рассказал о моем ребенке, и вы захотели откровений. Теперь вы знаете обо мне все – и хорошее, и плохое… Буду в Париже 15 августа… Адресуйте свои письма на почту, так будет безопаснее. Меня беспокоит, что вы так много работаете. Это должно быть вредно для вашего здоровья… Норе, что бы ни случилось в вашей жизни или в моей, если вы будете нуждаться в слепой преданности женщины, можете рассчитывать на меня. *Addio*».

Этих жалобных оправданий оказалось достаточно, чтобы Бальзак успокоился. Пусть у «Мари» есть богатый покровитель, какое ему дело. У госпожи Ганской тоже есть муж, который не дает ей любить, но обеспечивает положение в обществе и комфорт. И у госпожи Гидобони-Висконти тоже. Что до неточностей и преувеличений, коими изобилует исповедь Элен де Валет, так это свойственно всем молоденьким женщинам, которые в результате сами начинают верить своим выдумкам. И разве он сам не скрывает порой истину от Иностранки? Хотя всем сердцем любит ее. Надо быть снисходительным к слабостям того, кого любишь, глядишь, и союз окажется более поэтичным. Уверенный в этом, предает забвению ложь своей неверной любовницы и отправляется с ней в путешествие по Бретани. По возвращении чувствует вдруг невероятную усталость: то ли прогулка оказалась чересчур длинной, то ли Элен слишком долго была рядом. Как бы то ни было, он неожиданно потерял к этой женщине всякий интерес. Расставание было неминуемым и оказалось безболезненным.

За это время писатель несколько отдалился от своих друзей. Зюльма Карро жаловалась, что от него нет никаких известий. Бальзак отвечал, что он в отчаянии и хотел бы наконец покончить со своим горестным положением одинокого мужчины: «Я больше не хочу иметь сердца. Я очень серьезно подумываю о женитьбе. Если вы вдруг встретите девушку лет двадцати двух, у которой есть тысяч двести франков, ну хотя бы сто, при условии, что я смогу воспользоваться этим приданым, вспомните обо мне. Я хотел бы, чтобы моя жена была тем, кем заставят ее быть обстоятельства моей жизни: женой посла или хозяйкой в Жарди. Только не говорите об этом, это – секрет. Девушка должна быть с амбициями, умненькая».

Зюльма Карро не замедлила откликнуться: «Я не знаю ни одной девушки, отвечающей вашим требованиям. И потом мне кажется, я уже слышала это: „Я больше не хочу иметь сердца, я подумываю о женитьбе“. Если это не так, остановите меня… Позвольте мне не вмешиваться в то, что может стать величайшим мучением в вашей жизни».

В ожидании идеальной невесты Бальзак трудится над «Сельским священником». Чистая, нежная Вероника выходит замуж за самого крупного банкира Лиможа, человека уродливого и деспотичного. Втайне она влюблена в рабочего фарфоровой фабрики Жана-Франсуа Ташерона. Эта любовь заставляет Ташерона совершить непредумышленное убийство. Под страхом смертной казни он не признает своей вины и притворяется сумасшедшим, чтобы не скомпрометировать Веронику. Но доверяет свою

тайну на исповеди аббату Бонне и идет на эшафот, как истинный христианин, как нотариус Пейтель, которого автор не так давно пытался защитить. Став вдовой в двадцать два года, Вероника удаляется в свое поместье, где, преследуемая угрызениями совести, посвящает себя скудной земле и людям, живущим вокруг. Спасать души ей помогает аббат Бонне, землю – молодой инженер, напоминающий Сюрвиля. Так, раскаявшись, грешница, рука об руку с верой и наукой, способствует спасению человечества. Мораль та же, что и в «Сельском докторе».

Бальзак – романист в полном смысле этого слова, обычная жизнь ему плохо удается. Опыта с «La Chronique de Paris» оказалось недостаточно. Он снова возвращается к мысли об издании журнала, который донесет до читателей истину. Теперь это «La Revue parisienne». Арман Дютак, который уже владеет пятью или шестью изданиями, согласен присоединиться к новому начинанию. Журнал будет выходить раз в месяц. Объем – сто двадцать пять страниц, цена – один франк. Бальзак вызывается делать его в одиночку и бесплатно. Взамен – поделит с Дютаком прибыль. Тот будет отвечать за печать и распространение. Чтобы обозначить свою связь с «La Revue parisienne», писатель дает в первый номер свой рассказ «З. Маркас». Он увидел это имя на вывеске в квартале Марэ и был зачарован его странным звучанием. Немедленно возник облик героя. Зефирин Маркас – «двойник» автора. И хотя он не легитимист, а ярый республиканец, так же любит Францию и презирает тех, кто предал завоевания Июльской революции. Эти люди принадлежат прошлому, держатся за свои предрассудки и привилегии, мешая стране двигаться вперед. «При вашем дворе – одни совы, которые боятся света, – бросает Маркас в лицо бывшему министру, – старики, трепещущие перед юностью, либо такие, которых вообще ничто не волнует… Молодежь восстанет как в 1790 году. А тогда она совершала много славных дел».

Бальзак должен обеспечить журналу раздел литературной критики. Он пользуется этим, чтобы обрушиться на Эжена Сю и Анри де Латуша, но особенно на ненавистного Сент-Бёва. Потешаясь над «Пор-Руаялем», он осмеливается написать: «Когда вы читаете Сент-Бёва, на вас наваливается скука, похожая на моросящий дождь, который пробирает до костей». Это был его ответ на саркастический отзыв Сент-Бёва о его «Отце Горио». «Пармской обители» Стендаля он, напротив, посвящает восторженную статью, утверждая, что господин Бейль написал книгу, в которой великолепна каждая глава. Это тем более заслуживает уважения, что никто вокруг Стендаля не заметил. Оноре прославляет и Гюго, «величайшего поэта XIX века», и Фурье, чьи идеи отвечают его собственным.

К несчастью, у «La Revue» оказалось немного читателей, он быстро выдохся и после публикации трех номеров в сентябре 1840 года закончил свое существование. Дютак и Бальзак потеряли тысячу восемьсот франков. Очередная неудача на поприще журналистики окончательно выбила писателя из седла. Ему кажется, весь мир объединился против него. Оноре даже не осмеливается пожаловаться Ганской: как-то Ева воспримет его бесконечное невезение. За 1840 год он отправил ей всего шесть писем. В качестве извинения говорит, что у него не всегда есть деньги оплатить почтовые расходы: «тяжелое» письмо в Россию стоит десять франков. А для него теперь каждый су на вес золота. Жить в Жарди стало невозможно из-за постоянных визитов кредиторов. Пришлось выставить его на торги и продать за семнадцать тысяч пятьсот пятьдесят франков. Строительство, обустройство земли, содержание обошлись почти в сто тысяч. Но по совету своего поверенного, господина Гаво, Бальзак продал все подставному лицу, некоему Жану-Мари Кларе, архитектору. В результате этого маневра кредиторам пришлось довольствоваться более чем скромной суммой, не идущей ни в какое сравнение с реальными долгами писателя, который, таким образом, сохранил за собой Жарди.

Через подставное лицо, теперь это была госпожа Брюньоль, был снят домик в Пасси. Главный вход его был со стороны улицы Басс, черная лестница выходила на крошечную улицу Рок, и посторонние о ней не догадывались, что давало определенные преимущества на случай визита судебного исполнителя: оставалось только добраться до станции, а оттуда дилижансом до Пале-Руаяль. В Пасси Бальзак чувствовал себя, как в деревне: это был небольшой городок у стен Парижа, известный своими термальными источниками и садами, очень тихий, без особых затей. Чтобы сохранить в тайне место своего пребывания, Оноре придумал для посетителей специальный код: они звонили в дверь на улице Басс, произносили консьержке пароль, говорили, что хотят повидать госпожу Брюньоль, и только после этого попадали в святая святых.

Филиберта-Луиза Брюньоль родилась в 1804 году в Ньевре. Когда-то она была любовницей Латуша. Марселина Деборд-Вальмор познакомила с ней Бальзака, и тот, всегда трепетавший перед частичкой «де», переименовал ее в госпожу де Брюньоль. Она оказалась незаменима: экономка, сиделка, ее можно было послать с мелкими поручениями и доверить ей великие мысли. В ее присутствии заботы повседневной жизни отступали. Она выпроваживала назойливых посетителей, ходила за покупками, если надо, разговаривала с издателями, редакторами, совала свой нос в договоры, успевая при этом следить за чистотой и за тем, что творится на кухне. Порой Бальзак не без удовольствия смотрел на эту дородную, несколько рыхлую, с грубоватыми манерами, но энергичную и умную женщину. Конечно, соперничать с госпожой де Берни, герцогиней д’Абрантес, графиней Гидобони-Висконти или госпожой Ганской она не могла. Но формы ее были внушительны, а преданность выходила далеко за рамки простой доброжелательности. Каждая женщина способна дать счастье. Главное – не сравнивать. Госпожа де Брюньоль не какая-нибудь льстивая кокетка, но надежная спутница. И Бальзак обращается к ней за услугами, которые не входят в перечень ее работ по дому. Став его любовницей, она продолжает вести себя так, словно ее не повысили в звании. Он поздравляет себя с тем, что разом убил двух зайцев.

И все было бы хорошо, если бы не матушка: произведя подсчеты, Оноре пришел к выводу, что дешевле всего обойдется, если она обоснуется у него на улице Басс. К тому же, быть может, с годами нрав ее изменился. Итак, сын решает попробовать и пишет сестре: «Дней через десять комната матушки будет готова… Скажи ей, чтобы она взяла у тебя свою перину, часы,

подсвечники, две пары простынь, белье. Я заберу все это 3 или 4 декабря. Если она захочет, будет счастлива, но напомни ей, что надо быть готовой к счастью и стараться его не вспугнуть. Помимо ежемесячных ста франков, у нее будет компаньонка и служанка. О ней будут заботиться, как сама матушка того пожелает. Я попробовал устроить ей элегантную спальню, с персидским ковром, который был у меня на улице Кассини. Попроси ее не сопротивляться в том, что касается ее внешнего вида – мне было бы мучительно видеть ее плохо одетой… она должна выглядеть так, как должно, иначе причинит мне невыразимые страдания».

Увы! После нескольких недель совместной жизни Бальзаку пришлось признать, что его мать способна посеять бурю в самом спокойном уголке: атмосфера была наэлектризована ее стычками с госпожой де Брюньоль и сыном. Очень скоро ему стали невыносимы беспочвенные ссоры, сотни раз повторяемые упреки, крики, вздохи, глаза, возведенные к небу. Если так будет продолжаться и впредь, о работе придется забыть. Но через полгода госпожа Бальзак сама поспешила уехать из дома, где ее сын компрометирует себя связью с женщиной низкого происхождения. «Когда я соглашалась жить у тебя, мой дорогой Оноре, думала, что смогу быть счастливой. Но быстро поняла, что не в силах выносить мучения и бури твоей жизни. Я терпела, пока считала это нужным тебе. Когда же осознала по твоей холодности, что мое присутствие терпят по необходимости и что я не только не в радость, но, напротив, раздражаю тебя, мое положение стало невыносимым. И это заставило меня найти слова, которые так огорчили тебя. В мгновение я приняла решение покинуть твой дом. Пожилым людям, уверена, нечего делать рядом с молодежью! Пишу тебе, чтобы поставить в известность, что 25-го числа сего месяца я высказалась в том смысле, что мое содержание можно свести к ста франкам в месяц. Прошу тебя выдать мне эту сумму в качестве задатка, а также в счет не выданных мне тобою ранее денег, из которых мною получено только шестьсот. Я сказала о своем решении госпоже де Брюньоль, которая ответила, что этих денег мне не видать. Я ни на минуту не сомневаюсь, что она несправедлива по отношению к тебе, раз у нее подобные мысли… Не буду говорить об огорчениях, коих причина в твоем равнодушии, ты, должно быть, отказываешь мне в этой грустной привилегии, которая называется чувствительностью… Твоя мать, вдова, госпожа де Бальзак». С Лорой она поделилась, что не осуждает госпожу де Брюньоль: та, безусловно, женщина порядочная, любезная, деятельная, бдительно следит за расходами Оноре, но у нее есть определенные «недостатки», скрыть которые невозможно. Помимо всего прочего, мать отказывалась признать порабощенность сына его творчеством. Почему, опубликовав так много книг, он все еще зависит от милости кредиторов? Будь он экономнее, лучше бы помогал семье. Вот и братец Анри, вновь обосновавшийся на острове Бурбон и вновь оказавшийся в бедственном положении, пишет о том же: «У нас нет ни одежды, ни куска хлеба, ни надежды, что в скором времени они появятся, если только не подоспеет помощь из метрополии. Или я ошибся, обращаясь к тебе?» Один из его приятелей, отправляющийся во Францию, согласен дать взаймы тысячу франков: «Могу я рассчитывать, что ты отдашь эту сумму в течение трех месяцев? У нашей матери, быть может, нет средств, и это убьет ее, так что лучше не просить. А для тебя, думаю, подобная сумма не составит труда, и потому настоятельно прошу тебя об этом». Бальзак еле сдерживается: со всех сторон к нему тянут руки, одни – за помощью, другие – за долгами. У него же – только его книги. И он должен разобраться со всеми: с близкими и их нуждами, с озлобленными кредиторами, собственными роскошествами.

К счастью, голова у него пока работает. И если Банк Франции пускает в таких случаях печатный станок, у него тоже есть свой. Заготовок – масса, он перескакивает с одной рукописи к другой с ловкостью акробата.

«Баламутка» – история отставного полковника Филиппа Бридо, служившего при Империи. Он решает изменить уклад жизни своего дяди-холостяка Жан-Жака Руже, который целиком и полностью зависит от своей любовницы Флоры Бразье, обманывающей его с бездельником Максом Жиле. Бридо убивает его на дуэли, вынуждает Флору выйти замуж за Руже, который вскоре умирает, сам женится на вдове, доводит до смерти и ее, завладевает состоянием дяди, достигает почестей, пока не оказывается разоренным более сильным – Нусингеном. Действие происходит в Иссудене во времена Реставрации. Фон – нравы провинции того времени, злобные усмешки отставных военных, грубые выходки молодых людей, смущающие покой добропорядочных людей. Бальзак опасался, что жестокость, цинизм, чувственность отпугнут публику, но книга была встречена хорошо. Читателям только подавай кражи, дуэли, женщин…

Сам автор предпочитает «Урсулу Мируэ», полную оккультизма. Доктор Дени Миноре является после смерти чистой, невинной Урсуле, опекуном которой был, и признается, что обманным путем ее лишили наследства. Виновник – начальник почты Миноре-Левро чувствует, что о его преступлении вот-вот станет известно, и дрожит при мысли о наказании. Карающая рука Бога опускается ему на плечо: умирает единственный сын, жена сходит с ума от горя. Все заканчивается возвращением денег Урсуле и счастливым замужеством. История вышла не слишком правдоподобная, но Бальзак хотел воздать должное теоретикам магнетизма и ясновидящим, к чьей помощи не раз прибегал.

В «Темном деле» интонация меняется: автор превращается в полицейского и историка. Братья-близнецы Поль-Мари и Мари-Поль считают, что ограблены при попустительстве властей неким Маленом де Гондервилем, который перевел в свою собственность их владения. Братья решают мстить и похищают его. Нечто подобное Бальзак слышал когда-то от герцогини д’Абрантес.

Еще одна его забота – «Воспоминания двух новобрачных». Здесь он вновь развивает свои взгляды на супружество. Две подруги, которые вместе воспитывались в монастыре, Луиза де Шолье и Рене де л’Эсторад, доверяют письмам свой опыт замужних женщин. Рене ведет размеренную семейную жизнь, пытаясь по достоинству оценить положительные качества своего супруга, который ничем особенным не выделяется, с удовольствием растит ребенка, ведет хозяйство, довольствуется этим,

боясь потерять то, что имеет. Луиза, напротив, выходит замуж по любви. Но пламя быстро погасло, она вновь вышла замуж, покоя не обрела, раздираемая безумными желаниями, ревностью, покончила счеты с жизнью. Бальзак вновь попытался доказать, что счастливое супружество основано на взаимопонимании, терпимости, выполнении взятых на себя обязательств. Но столь пресная жизнь не по нему, его судьбой и его творчеством правят страсти. Жорж Санд, прочитав роман, осталась довольна, но не без оговорок: «Это одна из самых прекрасных книг, вами написанных. Но я не согласна с вами, мне кажется, вы доказываете обратное тому, что хотели доказать». Он немедленно отвечает: «Будьте покойны, мы придерживаемся одних и тех же взглядов. И я предпочел бы быть убитым Луизой, чем с жить с Рене».

Как и следовало ожидать, «Воспоминания» вызвали огромный интерес у читательниц. Книга продавалась хорошо. Казалось, можно быть довольным. Но Оноре продолжал трудиться, не поднимая головы, отказываясь от всех соблазнов света ради своих рукописей: впереди еще столько работы! Главное – не потерять ритм! Впрочем, есть события, которые нельзя пропустить. Пятнадцатого декабря 1840 года в соборе Инвалидов проходила церемония перезахоронения останков Наполеона. Бальзак с восторгом относился к нему со времен своей ранней молодости. Человек этот подкупал его властностью, изобретательностью, храбростью. Он хотел быть его образом и подобием в литературе. Посмертные почести Императору, самому знаменитому полководцу современности, показались ему в тот день моментом собственного триумфа. Писатель восхищался убранством собора Инвалидов, фасад которого был затянут лиловым бархатом, усыпанным золотыми пчелами. «Вчера на Елисейских Полях было около 150 тысяч человек, – напишет он Ганской. – Случилось то, что заставляет верить во вмешательство самой природы. Когда тело Наполеона внесли в собор, над Инвалидами показалась радуга (15 декабря!). Виктор Гюго написал возвышенную поэму, оду на возвращение Императора».

Третьего июня 1841 года, после четырех неудачных попыток, Гюго был, наконец, избран членом Французской академии. Он был очень хорош в парадном одеянии, но речь его Бальзаку не понравилась – чересчур обращена к властям предержащим: «Ему захотелось угодить всем. Но то, что хорошо, когда никто не видит, не проходит на публике. Великий поэт, творец оказался выпорот, и кем, Сальванди!» Бывший министр просвещения доставил себе радость, осыпав колкостями знаменитого писателя. Подобная мелочность возмутила Оноре. Если его когда-нибудь изберут членом Академии, наведет здесь порядок. Сейчас же у него другие заботы – Общество литераторов, чьим почетным председателем он состоит, никак не соглашается передать на рассмотрение законодателям выработанные им предложения по защите авторских прав. А раз не удается объединить собратьев по перу, надо уходить в отставку. Сумеют ли обойтись без него? У него много врагов. Двенадцатого июня он обедал у Мари д’Агу вместе с Энгром, Ламартином, историком Огюстом Минье. Сент-Бёв тоже был в числе приглашенных, но отказался сидеть с ним за одним столом. Противник не слабый, с ним нельзя не считаться, если Бальзак хочет завоевать публику и прессу. Наверное, было крайне неосмотрительно напасть на его «Пор-Руаяль» в «La Revue parisienne». Ну и пусть! Гений всегда одержит верх.

Второго октября 1841 года Оноре подписывает с издателями Фюрном, Этцелем, Поленом и Дюбоше договор на публикацию полного собрания его сочинений под общим заголовком «Человеческая комедия». Он давно обдумывал это название, своеобразную реплику на «Божественную комедию» Данте. Но официально оно зафиксировано впервые. Ему кажется, что теперь выдуманные им события и герои обретут целостность, невиданную раньше в литературе. Материальная сторона дела выглядит неплохо. Договор заключен на восемь лет, тираж – три тысячи экземпляров, авторские права – пятьдесят сантимов за том, аванс – пятнадцать тысяч франков векселями. Но сейчас его занимают не столько деньги, сколько колоссальный труд, который он собирается предложить современникам и потомкам. Приняв решение, Бальзак вновь почувствовал силы мазок к мазку продолжать свою социальную фреску, начатую десять лет назад и конца которой не видно. С гордостью сообщает Ганской: «Дорогая моя, чтобы рассказать о моей жизни, надо рассказать о моих трудах, и каких! Издание „Человеческой комедии“ (так будет называться полное собрание, фрагменты которого я писал до сих пор) займет два года. В нем будет 500 листов, напечатанных мелким шрифтом. Каждый я должен прочитать трижды. И это все равно, что 1500 листов, а ведь не должна страдать и текущая работа. Генеральная ревизия моих произведений, их классификация, завершение отдельных частей здания составят непомерный труд, объем которого знаю я один». И с грустью добавляет: «Я жил только в чернилах, гранках, литературных задачах. Я очень мало спал, и в конце концов у меня выработалась невосприимчивость к кофе». Он рассчитывает, что корреспондентка поздравит его и посочувствует. Но госпожа Ганская пишет нечасто, тон ее все более холоден. Наверное, его жалобы и несчастья надоели ей. Но не может же он признаться, что у него бывают передышки, а рядом – госпожа де Брюньоль, которая ведет дом и готова удовлетворить все его желания.

Глава тринадцатая

«Человеческая комедия»

Для полного собрания сочинений Бальзака, озаглавленного «Человеческая комедия», Этцель потребовал ранее не публиковавшегося предисловия. Решили обратиться к Шарлю Нодье, тот отказался, сославшись на усталость. Не дала прямого ответа и Жорж Санд. Оноре предложил воспользоваться текстами Феликса Давена, которыми открывались «Философские этюды» и «Этюды нравов». Но издатель настаивал теперь на авторском предисловии, из которого стало бы ясно, что вдохновило Бальзака на этот титанический труд: «Ни в коем случае нельзя воспроизвести предисловия Давена… Это будет отвратительно во главе столь фундаментального творения, как наше собрание сочинений… Невозможно, чтобы полное собрание ваших сочинений, самое дерзновенное из ваших творений, было представлено читателям без нескольких страниц во главе, написанных вами. Создастся впечатление, что вы, отец, бросили свое детище… Итак, за работу, папаша… Так как ваши

сочинения впервые появятся под общим заголовком „Человеческая комедия“, не начать ли так: „Я назвал так („Человеческая комедия“) полное собрание своих сочинений, потому что…“? Впрягайтесь. Мы – колеса, вы – пар».

Аргументы Этцеля убедили Бальзака, он подчинился. На двадцати шести страницах он изложил свои взгляды так, чтобы его книги не попали в список тех, что запрещены католической церковью, и одновременно чтобы смягчить нападки легитимистских изданий. Писал о том, что единственно возможной религией считает христианство, сформировавшее современные народы и служащее надежной защитой от будущего; что его освещают две истины – религия и монархия, что каждый здравомыслящий писатель на благо своей родины должен стремиться своим творчеством призывать к ним; что всеобщие выборы приведут к власти правительство, отвечающее интересам большинства и потому ни за что не отвечающее, а отсюда недалеко и до тирании.

В «Человеческой комедии» он прежде всего стремился сравнить «человеческое» и «животное», так как уверен, что наряду с зоологическими видами существуют и человеческие. Менталитет и поведение рабочего и банкира, денди и священника делают их более несхожими, чем слон и ворона. Но человеческий мир гораздо сложнее мира животного. В этом последнем самка и самец всегда принадлежат одному виду, и лев ищет себе пару только среди львиц. У людей подобное – редкость. Да, женщина и мужчина, оба принадлежат роду человеческому, но противостоят друг другу порой, словно волк и ягненок. И не только вследствие половых различий, немалую роль играет образование, воспитание, темперамент, прошлое. А потому жена торговца иногда достойна быть герцогиней, тогда как герцогиня не стоит ногтя подруги художника.

В среде этой цивилизованной с виду фауны правят самые дикие инстинкты, противоречащие всяким законам и традициям. Завороженный этим миром, автор решил запечатлеть его, став летописцем целого народа и целой эпохи. Возникли сотни персонажей с разными характерами, устремлениями, занятиями, заботами. Бальзак с одинаковым удовольствием всматривается в бедных студентов и бездеятельных герцогинь, сладострастных куртизанок и хитрых финансистов, милосердных врачевателей и бывших каторжников. Париж с его салонами, конторами, магазинами, трущобами, провинциальные закоулки с их нравами изображены с такой точностью, будто автор пожил во всех городах и городках Франции, перепробовал все профессии, постоял, подслушивая, под каждой дверью.

И тем не менее любопытство свое насытить никак не может – новые замыслы переполняют его. Он откладывает в сторону работу, только чтобы написать Ганской, чьи ответы все реже, все рассеяннее. Бальзак в отчаянии – неужели это конец их любви? А причина – расстояния и неудовлетворенная страсть? Готов этому поверить, когда пятого января 1842 года получает письмо, запечатанное черным сургучом: Венцеслав Ганский скончался десятого ноября 1841 года. Понимая, что это кощунство, Оноре тем не менее обрадовался давно желанной смерти. Как бережнее сказать вдове, что огорчен за нее и рад за них двоих? Сколько лет он мечтал о том, как исчезнет с лица земли этот замечательный человек, бывший препятствием их соединению! Путь свободен! Теперь Ева – его, почти его! Но в таких случаях следует соблюдать такт. Бальзак несколько раз начинает ответ, прежде чем приходит к окончательному варианту: «Обожаемая моя, хотя событие это позволяет мне рассчитывать добиться того, чего я страстно желал последние десять лет, перед вами и перед Богом не могу не воздать себе должное: никогда в моем сердце не было ничего, кроме полной покорности, и даже в самые жестокие минуты моей жизни я не запятнал свою душу дурными желаниями. Да, были невольные порывы, и я часто говорил себе: „Как легко мне жилось бы с ней!“ Но без надежды не сохранишь веру, сердце, все свое существо… Я был рад узнать, что теперь могу писать, не скрываясь, и говорить о том, о чем раньше приходилось молчать».

Действительно, пока жив был господин Ганский, Оноре приходилось сдерживаться из опасения, что письма попадут к нему. Теперь – и это первое преимущество – перо его свободно! Этот шаг может стать решающим в завоевании Иностранки. Но оказалось, что та опечалена кончиной супруга больше, чем он предполагал. Да, ее муж был значительно старше, но прекрасно воспитан, во всем разбирался, умело управлял поместьем. Теперь ее окружает враждебно настроенная его семья и тысячи неприятностей: супруг оставил ей все состояние, но его дядя, старый сварливый оригинал, прозванный Бальзаком «Тамерлан», против ее вступления в права наследования, а русская бюрократия всегда недолюбливала польское дворянство Украины. Один неверный шаг со стороны Ганской – и для нее все потеряно. Поэтому Бальзаку вовсе не следует приезжать в Россию, пока не будут улажены все эти неприятные вопросы: вместо того чтобы поддержать ее в несчастье, он скомпрометирует свою Еву в глазах и света, и самого царя. Опасаясь пересудов, Ганская настойчиво спрашивает его о своих письмах: если они вдруг исчезнут, ими смогут воспользоваться против нее самой и против дочери, опеку над которой мать должна сохранить во что бы то ни стало. «О ваших письмах, обожаемая моя, – отвечает ей Бальзак, – беспокоиться не стоит. Не опасайтесь моей внезапной смерти. Они хранятся в коробке, похожей на ту, что у вас, и моя сестра, не заглядывая в нее, должна ее уничтожить, в моей сестре я уверен».

Размышления о положении, в котором оказалась его Ева, – бедная женщина должна противостоять бессовестным наследникам и недоброжелательным судьям, – настолько измучили его, что он почти забросил работу. В каждом письме ждет ее приглашения приехать в Россию, сам тем временем пытается накопить денег, чтобы провести несколько месяцев в этой стране. В который раз обращается к театру. Виктор Гюго ободряет его, говорит, что это золотая жила и надо только написать «верную» пьесу, которая заденет публику. Бальзак предлагает театру «Одеон» комедию в испанском духе «Надежды Киньолы» об изобретателе Альфонсо Фонтанаресе и его слуге Киньоле, не уступающем Фигаро. Есть роль и для Мари Дорваль. Автор читает актерам четыре первых акта, преображаясь в каждого персонажа, вкратце пересказывает содержание пятого, пока не готового. Все это ему плохо удается, он не слишком уверен в себе, что-то мямлит. Чтение заканчивается вежливыми

похвалами. Мари Дорваль уклоняется от участия в спектакле под предлогом голландского турне, договор о котором подписан. На деле ее совсем не устраивает роль. Несмотря на это, пьеса принята к постановке. Мари Дорваль заменит бесцветная Элена Грассен. Начинаются репетиции. Бальзак настолько уверен в успехе, что сам берется за «практическую» сторону дела: у него не будет платной клаки, в этом нет необходимости, когда пьеса хороша; билеты на первые три представления он продаст сам, цена будет довольно высокой; в этом великолепном зале будут кавалеры ордена Святого Людовика, пэры Франции, послы, банкиры, дамы из высшего общества. Он обойдется без журналистов, тем более что они стремятся охаять пьесу, даже не видя ее. Узнав об экстравагантных распоряжениях автора, газеты разразились статьями, озаглавленными: «Бальзак – продавец контрамарок» или «Драматические и романтические спекуляции»…

В день премьеры, девятнадцатого марта, зал был наполовину пуст. Завсегдатаи «Одеона», возмущенные неучтивостью Бальзака, решили не приходить. Зато редкие настоящие зрители затерялись в толпе тех, кто купил непроданные билеты, к тому же уцененные. Голоса актеров терялись в шиканье и свисте. Оноре был без сил от стыда и ярости – его публично высекли. Этого он не мог перенести, к тому же катастрофа литературная сопровождалась финансовой. Критика была беспощадной, пьесу сняли после девятнадцати представлений. Хотя она не так плоха и будь подписана другим именем, имела бы успех. «Что до меня, я – на пределе сил, и душевных, и физических, – делится Бальзак с Ганской. – Если сойду с ума, причиной этому будет истощение. „Киньола“ стала предметом жестокой схватки, наподобие той, что развернулась вокруг „Эрнани“. Она была освистана от начала до конца, публика не захотела ее слушать… „Киньола“ не принесет мне и пяти тысяч франков. Все мои враги, а их немало, набросились на меня из-за „Киньолы“. Все газеты, за двумя исключениями, пустились во все тяжкие, ругали меня и клеветали на пьесу».

Русская мечта отдалялась, надо было срочно снова приниматься за романы. Писать, писать и писать, чтобы заработать себе право наслаждаться: попав в Россию, он останется там до тех пор, пока Ева не согласится выйти за него замуж. Но почему Иностранка молчит? Наконец, столь ожидаемое послание приходит. Увы! Вместо страстного призыва – отказ: с ледяным спокойствием она сообщает, что Оноре свободен. Ни слова о предстоящем путешествии, разделенной любви и торжестве супружества, только о своих запутанных делах, четырнадцатилетней дочери, которой хочет посвятить всю себя, об омерзительной «тетушке Розалии» (на самом деле ее кузине), которая советует держаться подальше от французов. Эту «тетушку» Бальзак объявляет своим «заклятым врагом». Она невзлюбила Париж после того, как ее мать, княгиня Любомирская, была обезглавлена санкюлотами во время революции. «Париж – никогда!» – эти ее слова Ева не замедлила передать Бальзаку. Тот ошеломлен. Его «небесный цветок» отказывается ехать к нему во Францию и не желает, чтобы он ехал в Россию. Что это? Неужели окончательный разрыв? Невозможно! Оноре уверяет себя, что, как только уладятся дела с грозным дядюшкой Тамерланом, Иностранка подаст ему знак. «После вашего жестокого письма я должен выждать некоторое время, – заключает он. – Вы нанесли мне слишком глубокие, страшные раны. Они перечеркнули те семь лет, в течение которых вы были для меня возведенной на трон святой, на которую бедный человек смотрит каждый раз, когда ему выпадает его крошечное счастье или очередная беда».

Переписка продолжилась, сдержанная и осторожная со стороны Ганской, полная восторженного нетерпения – Бальзака, который никак не хотел понять, что, живя в России, она не может сбрасывать со счетов мнение окружающих, для которых союз с погрязшим в долгах писателем – определенно мезальянс. Брак с человеком без состояния, не слишком надежным, может лишить ее обожаемой дочери. Да и уступи настойчивости Бальзака, вдруг он найдет ее после семи лет разлуки постаревшей, поблекшей, тогда как столько молоденьких и хорошеньких окружают его в парижских гостиных? И не проиграет ли графиня свое дело, вступив в связь с писателем, чьи политические убеждения тем более подозрительны, что сам он – из Франции? Поляки на Украине находятся под постоянным наблюдением властей. Их терпят, но не любят. Киевский генерал-губернатор всевластен здесь и в любой момент может приказать наложить арест на имущество. Гражданский суд отказался признать законность завещания, слишком выгодного для вдовы. Ганская обратилась в Сенат, лично к Государю, благо у нее есть некоторые связи при дворе: ее брат, Адам Ржевузский, адъютант царя. Плохо ли, хорошо ли, но теперь ей надо самой ехать в Петербург защищать свои интересы. Бальзак одобряет этот шаг: «Дорогая, во всем, что касается вас, вы абсолютно правы: поезжайте в Санкт-Петербург и приложите весь ваш ум, все ваши силы, чтобы выиграть дело. Используйте все средства: встречу с царем, доверие, которым пользуются у него ваш брат и его жена. Все, что вы писали мне по этому поводу, все имеет смысл. Теперь вас преследуют так же, как меня, у нас появилось сходство». Его распирает желание посвятить себя любимой женщине, он подумывает о том, чтобы, покинув Францию, броситься ей на помощь и – почему бы нет – даже сменить гражданство: «Я стану русским, если вы не видите к тому препятствий, и попрошу у царя разрешение, необходимое для нашей свадьбы. Это не так уж глупо! За первые две недели моего визита будущей зимой, воспользовавшись всеобщим увлечением, я сумею многого добиться».

Желание удалиться куда-нибудь подальше связано с провалом «Киньолы»: он больше не верит ни публике, ни литературным критикам. Да и что, собственно, такое – национальность? Условность, как и многое другое. И разве привязанность к земле, языку сильнее, чем зов души и сердца? И надо ли предпочесть страну, где родился, но которая отталкивает тебя, той, что раскрывает свои объятия? Не лучше ли быть оцененным в России, чем презираемым во Франции? Не лучше ли быть писателем вне национальности, чем французским писателем? «Уже два года я раздумываю над тем, чтобы заниматься литературой и театром в Санкт-Петербурге и оттуда взирать на европейскую литературу. Последние дни я снова вернулся к этой мысли. Скажите, что вы об этом думаете. Я хотел бы во время первого своего путешествия осмотреться, поглядеть на людей. Останавливает меня, главным образом, незнание языка». Возвращаясь к своему поражению на поприще драматургии, добавляет: «Вы не можете представить себе, до чего актрисы глупы и некрасивы. Из-за двух актрис, игравших в „Киньоле“, пришлось опускать занавес, так они были чудовищно плохи, я испытываю ко всем, кто поднимается на подмостки,

глубочайшее отвращение, которое не знаю как выразить. Мой брат и его индианка живут в страшной нищете. Мой шурин воюет со своими мостами и собирается построить обводной канал в нижнем течении Луары. „Урсула Мируэ“ посвящена моей племяннице Софи, которая через некоторое время должна выйти замуж. Вот вам и все ответы! Но все это должно быть вам безразлично, и только слова „Я вас люблю, как никогда раньше“ должны наполнять ваше сердце, как мое наполняют ваши горести и радости».

Кто знает, вдруг «Киньола» завоюет Петербург и Москву, несмотря на полный провал в Париже? Но долой нездоровые мечтания! С остервенением возвращается он к своим рукописям – только благодаря им сможет отправиться в путь: «Не думаю, что проживу следующий год благополучно, без финансовых неприятностей и неполадок со здоровьем. После пятнадцати лет непрерывной работы одному мне не выдержать этой борьбы. Творить, все время творить! Бог творил только шесть дней. И больше, чем мысль о величии, в чем вы меня упрекаете, меня занимает другая: расплатиться с долгами, жить в тихом уголке России или Франции, не обращая внимания на досужие разговоры, рядом с любовью, наподобие вашей. Согласитесь, что, хотя душа моя утомлена, ум устал, сердце осталось по-детски чистым». В том же письме Бальзак сообщает, что почти закончил «Путешествие на кукушке» (окончательное название «Первые шаги в жизни»), к созданию которого его подтолкнула коротенькая история, записанная сестрой Лорой по рассказам ее дочерей; что виден конец «Альбера Саварюса», что от него требуют «Крестьян», что остались последние несколько страниц «Двух братьев»: «Есть от чего потерять голову! О, когда же настанете вы и покой? Никто еще не был так, как я, приготовлен к счастью своими страданиями!»

«Первые шаги в жизни» повествуют о юноше, наивном хвастуне, который ломает свое будущее, неосторожно дав обещания своему попутчику по дилижансу, человеку могущественному и страшному. Фабула обрастает описаниями Июльской революции 1830 года и перипетий той эпохи, войны в Алжире, где герой потеряет руку, но храбростью искупит свою ложь. В «Альбере Саварюсе» речь идет о блестящем честолюбивом адвокате, который, обосновавшись в Безансоне, влюбляется в прекрасную вдову-итальянку, герцогиню. В него, в свою очередь, влюблена девушка, которая, узнав, что отвергнута, с помощью подложных писем добивается разрыва адвоката и герцогини, та в конце концов выходит замуж за другого. Лишившись последней надежды, адвокат поступает послушником в монастырь. Во время работы над этим романом, посвященным тому, как раненный в своей любви мужчина удаляется от мира, Бальзак пытается понять, что будет с ним самим, откажи ему Ганская. Он ощущает такую близость к своему герою, что наделяет его собственной внешностью: та же тяжелая голова с высоким лбом, тот же пламенный взгляд, та же сильная, круглая, белая шея. Он не может отказать себе в удовольствии устроить встречу героев в Швейцарии. А их злого гения зовут Розали, как ненавистную «тетку Ржевузскую». Ева должна понять, читая эту грустную историю, что и автор уже устал сопротивляться. Оноре кажется порой, что он никогда не завершит начатое, его никогда не коснется счастье, о котором он столько думал: «Каждый день стоит мне года жизни, боюсь, что не дотяну до счастливейшего дня, о котором тысячи раз мечтал за эти десять лет». Сумела ли она извлечь урок из его романа? Ее отзыв о книге удивил: Ганской она показалась чересчур «мужской». Бальзак протестует: «Я огорчен, что вам не понравился „Альбер Саварюс“. И еще: „Вы недостаточно знаете современное французское общество, чтобы оценить „Альбера Саварюса“… Я удивлен, что единственная в своем роде, пламенная любовь и разрушенная жизнь Альбера не потрясли вас“».

Некоторое время спустя решает смягчить свой суровый приговор и уточняет: «Я очень устаю, у меня дергается веко, в этом я вижу предвестие нервной болезни, что не может меня не расстраивать. Мне нужен полный отдых, я должен отвлечься, но не могу себе этого позволить, так как должен работать».

Вызванный для консультации доктор Наккар констатировал, что крупные сосуды сердца несколько пережаты, и в этом, по его мнению, причина головокружений его пациента. Обеспокоенный Бальзак согласился провести в постели две недели. Надо продержаться хотя бы до первого поцелуя в России!

Часть III

Чистый лист

Глава первая

Санкт-Петербург

Едва почувствовав себя лучше, раздраженный потерей времени, Бальзак вновь вернулся на свою галеру. Но действительно ли это было каторгой? Оказавшись ночью один на один с белым листом бумаги в выдуманном им мире, Оноре наслаждался радостным опьянением, виновником которого был вовсе не крепкий кофе. Им владело ощущение счастья – он творил, и там, где только что была пустота, вдруг возникала вселенная ничуть не менее реальная той, что существовала вокруг. В эти мгновения тишины и восторженного возбуждения писатель становился демиургом, которого занимало не столько будущее его творения, сколько сам процесс созидания. Перо летело, едва поспевая за полетом мысли. Скорее, скорее, чтобы на бумаге остались картины, рожденные его воображением, преследующие его слова. За две-три ночи появились на свет персонажи «Онорины»: молодая женщина обманывает скучного, но достойного уважения мужа, Октава де Бована, с бессовестным любовником, который бросает ее, едва соблазнив. Брак разрушен, она решает жить самостоятельно и достойно, торговать цветами. Хотя супруга презирает его, Октав готов принять ее обратно, внимательно следит за ее жизнью, незаметно для нее

приходит на помощь в трудные времена. Он обожает ее, словно изгнанный из рая и стоящий у его порога, и это сам Бальзак, мечтающий о неприступной Ганской. Читатели живо откликнулись на перипетии жизни героини, автор, воспрянув, делился с Евой: «„Онорина“ имеет успех и, по словам некоторых моих друзей, напоминает о лучших моих днях. Говорят (те, кто ничего не читает), что я дремал, а теперь проснулся. Все это свидетельствует о том, что женское сочинение скорее принесет славу, чем мужское».

Вскоре по главам начинает печататься «Провинциальная муза», на которую публика тоже набрасывается с жадностью. В центре повествования – провинциальный «синий чулок» Диана Пьедефер, вышедшая замуж за уродца, чарует поэмами собственного сочинения благородное общество Сансера. Она напоминает Каролину Марбути, которая несколькими годами раньше бросилась в объятия Бальзака. Однажды в городке проездом оказывается столичный журналист – ленивый, пустой фразер. Диана влюбляется, едет за ним в Париж, беременная, терпит всевозможные унижения. После столь горького опыта свободного союза с любимым мужчиной возвращается к супругу, который берет на себя заботу о ее детях. Рана оказывается слишком глубока, оправиться ей не удастся никогда. Каролина Марбути не замедлила узнать себя в главном действующем лице нового романа Бальзака. Она отомстит автору, опубликовав под псевдонимом Клер Брюнн свой. Но Оноре до этого нет дела: он доволен, что у него получилась хорошая книга. По словам, обращенным к Ганской, «Онорина» имеет настоящий успех, но «Провинциальная муза» несомненно лучше.

Двойная победа дает ему новые силы. Да, ему не сравниться ни с Эженом Сю, чьи «Парижские тайны» произвели настоящий фурор, ни с Александром Дюма – его книги расхватывают как горячие пирожки. Но хотя некоторые критики и упрекают его за тяжеловесный стиль и слишком запутанные сюжеты, он все-таки поднялся на несколько ступеней в иерархии современных писателей. Коли так, не пора ли вновь попробовать взять приступом Французскую академию? Став «бессмертным», Оноре сможет во всем блеске появиться в России перед Евой, ее друзьями и недругами. И никто вокруг не осмелится заговорить о мезальянсе! Бальзак встречается с Шарлем Нодье, рассказывает о своем намерении и с гордостью передает Ганской его ответ: «Дорогой мой Бальзак, в Академии большинство безоговорочно за вас. Но академики согласны видеть в своих рядах преступного политикана, чье имя со временем будет покрыто позором, или жулика, который не предстал перед судом только потому, что состояние его слишком велико, но бумага о неуплате долгов, за которую можно попасть в [тюрьму] Клиши, приводит их в ужас. Они немилосердны к гению, который беден, чьи дела идут плохо… Поэтому вам прежде надо улучшить свое положение – женитесь или докажите им, что вы никому не должны, либо обзаведитесь собственным домом. Тогда вас несомненно выберут».

Подобная перспектива прельщала писателя, он, не без назидания, уточняет, что это принесло бы ему восемь тысяч франков в год и место постоянного секретаря. И продолжает подсчеты, как если бы кресло для него уже приготовили: помимо всего прочего, у него будет четырнадцать тысяч франков в год за несменяемые должности, которые ни от кого не зависят и не подпадают под действие закона о накоплении. Надо только одно: чтобы Ева выиграла свое дело! Тогда он выиграет свое. Иными словами: «Упрочьте свое состояние, выходите за меня замуж, став вашим избранником, я, несомненно, пройду и в Академию».

Но дело Ганской затягивалось, она одна противостояла весьма решительно настроенным противникам, а Бальзак все не мог позволить себе отправиться в Россию. Чтобы развеяться, отвлечься от своих бессонных ночей, принимает несколько приглашений. У ставшей герцогиней госпожи де Кастри, с которой они в конце концов примирились, Оноре обедает в компании с Виктором Гюго и Леоном Гозланом, красноречивый и остроумный как никогда. К этому времени относится знакомство с Генрихом Гейне, сеансы у скульптора Давида д’Анже, встреча с немецкой писательницей баронессой Луизой фон Борнштедт, которая предлагает свои услуги в переводе на немецкий «Человеческой комедии». Ее сопровождает подруга, бельгийская графиня Ида Визар де Бокарме. Впервые увидев Бальзака, баронесса так описала его внешность: «Он кажется скорее маленьким, чем большим. Полный, на тонких ножках, с очень красивыми, прекрасной формы стопами. Голова его кажется неправдоподобно большой, ее обрамляют длинные блестящие темные волосы с проседью. У него низкий лоб, полные, почти висящие щеки, а над тяжелым, толстым носом – глаза, невероятно мягкие и умные, столь контрастирующие со всем остальным его обликом, что ваше представление об известном писателе оказывается в мгновение ока совершенно иным». Беседы с Бальзаком привели баронессу и графиню в восторг, они пользовались любой возможностью, чтобы встретиться с ним. Тот опасался реакции своей подозрительной Евы, а потому не поминал об этом в своих письмах. Напротив, узнав, что в Петербург собирается Ференц Лист, неосмотрительно дал ему рекомендательное письмо к Ганской: «Мой дорогой Франц, если вы не против оказать мне лично услугу, проведите вечер у одной особы, которой передадите мое письмецо, и сыграйте что-нибудь для маленького ангела, которого, без сомнения, очаруете, мадемуазель Анны Ганской». Не может быть, чтобы он ничего не знал о славе Листа-соблазнителя. Но, так или иначе, через два дня после его приезда в Петербург Ганская приглашает музыканта к себе. Она в восторге от его игры, глаз, не против, чтобы он оказывал знаки внимания, чересчур пристального, впрочем. Лист выступил с концертами в Москве, вернулся. Вновь любезности. Восхищенная Ганская вынуждена была дать понять, что ей не хотелось бы выходить за рамки вежливого ухаживания. Подозревал ли Бальзак, каким опасностям подвергается его возлюбленная? В своих письмах он весьма сдержанно говорит о Листе, порой отзывается о нем и вовсе недоброжелательно: «Я узнал, что вы вновь виделись с Листом – он смешон, хотя и чрезвычайно талантлив. Это Паганини фортепьяно. Но Шопен, вне всяких сомнений, гораздо лучше». И еще, касаясь карьеры виртуоза: «Вот сломанная судьба… Как любой другой погремушки, которой Париж обзаводится себе на забаву. О Листе говорят, как о гении, но он никогда не станет композитором!» Получив известие, что Ева отправила музыканту письмо, предостерегает: «Будь осмотрительна в своем письме к Листу, если ты действительно ему пишешь, ты даже не подозреваешь, насколько ему нельзя доверять». Впрочем, несмотря на все эти мелкие препятствия, Бальзак уверен, что ни Лист, ни кто-либо другой не помешает ему соединиться с Ганской, помочь

ей в ее деле (у него есть какие-никакие юридические познания) и жениться на ней, назло всем их врагам и во Франции, и в России.

Чтобы ускорить публикацию последних своих произведений, Бальзак устраивается в Ланьи, рядом с типографией, и проводит там четыре недели: пишет, корректирует гранки, спит на складной кровати и поддерживает себя крепким черным кофе. «Из последних сил» пытается выполнить свои обязательства, чтобы хоть как-то наполнить карманы и двинуться в Петербург. В июне он завершает третью часть «Утраченных иллюзий», поначалу дает ей название «Давид Сешар», потом – «Страдания изобретателя». Давид Сешар, придумавший новую разновидность бумажной массы, вынужден вести борьбу с богатым, ограниченным владельцем типографии. Заинтересуют ли читателей судебные разбирательства, составляющие суть этой истории? Бальзак не сомневается: «„Давид Сешар" – прекрасная вещь. Ева Шардон возвышенна, а вот Эстер – страшна, но не написать о ней было нельзя». «Эстер» рассказывает историю падения грозного Нусингена, влюбившегося в героиню и пытающегося любыми средствами вернуть себе молодость. Раз двадцать правит Оноре гранки, испытывая терпение сотрудников типографии. Но верно найденное слово стоит того. Сам он падает от усталости, глаза горят, начались желудочные колики. В июле работа завершена, а вместе с ней и весь этот кошмар. Но издания, которые публикуют по главам «Сешара» и «Эстер», на грани банкротства. Есть опасность, что он ничего не получит, и значит, вновь без гроша. «Ангел мой, – жалуется Бальзак Ганской, – сегодня – первое июля, двадцать второго я собираюсь ехать [в Петербург], а мне надо написать еще сорок листов, иначе потеряю пять тысяч четыреста франков, которые так нужны мне для путешествия… Я смогу подняться на паром, только если мне заплатят, мои книги выйдут из печати, деньги будут у меня в кармане, а я предвижу всевозможные задержки. У меня тяжело на сердце, и не уверен, что смогу сделать нужное для завершения моего труда количество страниц – осталось еще сорок с половиной тысяч строчек… Франция мне наскучила, я охвачен чудной страстью к России, влюблен в абсолютную власть и должен увидеть, так ли это хорошо, как мне кажется».

На помощь приходит обязательный поверенный Гаво: берется уладить дела с газетами, дает денег на путешествие. Бальзак хочет во что бы то ни стало предстать перед Ганской и ее знакомыми в самом выгодном свете, заказывает у верного Бюиссона, которому никогда не платит, полный гардероб стоимостью восемьсот франков, покупает у ювелира Жаниссе еще на восемьсот украшений, в том числе три обручальных кольца. Четырнадцатого июля 1843 года приходит в посольство России за визой. Его принимает секретарь Виктор Билибин, который оставил в своем дневнике такую запись об этой встрече: «„Пусть войдет", – сказал я служителю. Немедленно передо мной предстал полный, тучный даже человек маленького роста, с лицом пекаря, движениями сапожника, здоровый, словно бочар, с манерами приказчика, вот так! У него нет ни су, значит, поэтому он едет Россию, он едет в Россию, значит, у него нет ни су». Граф Николай Киселев, российский поверенный в делах, руководивший посольством после отзыва графа Палена, сообщал министру иностранных дел графу Нессельроде: «Поскольку этот писатель всегда в отчаянном положении в том, что касается денег, а теперь – особенно, вполне может быть, что цель его путешествия, как уверяют некоторые газеты, в том числе и литературная. В этом случае следует прийти на помощь господину Бальзаку, испытывающему затруднения с деньгами, и извлечь выгоду из пера этого, все еще популярного и здесь, и в Европе автора, и вынудить его написать нечто противоположное враждебной, клеветнической книге господина де Кюстина». Этот дипломатический совет не получит продолжения. Российские власти не соизволили снизойти до покупки пера Бальзака ради того, чтобы ответить на книгу Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» с суровой критикой самодержавия и варварских обычаев: путешественники сами должны были убедиться, что недоброжелательно настроенный маркиз сильно все преувеличил.

С трудом разделавшись со своими литературными и финансовыми обязательствами, девятнадцатого июля Бальзак выехал в Дюнкерк, двадцать первого сел на английский паром «Девоншир», который курсировал по недавно открытому морскому пути, соединившему Англию и Санкт-Петербург.

Из-за плохой погоды прибыл лишь двадцать девятого. Госпожа Ганская жила в доме Кутайсова на Миллионной и вовсе не хотела приютить в его стенах иностранца. Она сняла для него неподалеку меблированную комнату в доме Петрова – малокомфортабельную, с постелью, густо заселенной клопами. Но что это по сравнению с радостью увидеть, наконец, свою Еву! Со времени их последней встречи в Вене прошло семь лет. «Я нашел ее такой же молодой и красивой, как раньше», – отметит Бальзак второго сентября в тетради. Вне всяких сомнений, восхищение женщиной, которой не коснулось время, несколько преувеличено. Безусловно одно: не связанная никакими обязательствами вдова может спокойно принимать его у себя. Ежедневные визиты только разожгли пыл француза. Когда ее нет рядом, он посылает ей записочки, называет «солнышком», «обожаемой кошечкой», шлет тысячи поцелуев «кошечке» от «котика», осмеливается напомнить о любовных утехах. И хотя Ганская не стремится появляться в сопровождении Бальзака, все-таки приходится представить писателя нескольким друзьям. Женщины горят от нетерпения увидеть автора «Воспоминаний двух новобрачных» и других книг, где так верно рассказано об их доле. Он побывал в Царском Селе, в Петергофе, в посольстве Франции его встретил второй секретарь барон д'Андре, заменявший ушедшего в отпуск посла. Оноре наперебой расхваливали в лучших гостиных – он был самим Парижем, навестившим Санкт-Петербург.

Генерал Лев Нарышкин, чье семейство дружило с Ганской, попросил у шефа полиции Бенкендорфа приглашение для Бальзака на ежегодный парад войск в Красном Селе. Польщенный гость любовался выправкой солдат, их умением маршировать, перестраиваться, но само действо показалось ему чересчур затянутым, что усугубила угроза солнечного удара. Он невероятно гордился тем, что стоял в пяти шагах от императора, но втайне был разочарован, что его не представили. Могучая фигура Николая, властный взгляд заворожили Бальзака, он показался ему несравненным воплощением самодержавия, отцом народа волею Божьей. Царь все еще отказывался писать «королю французов» Луи-Филиппу, виновному, по его мнению, в том, что был

избран народом. Достоинство не позволяло русскому государю обращаться к нему, называя «своим братом». Оноре не мог не признать его правоты в этом чисто протокольном вопросе взаимоотношений двух правителей. Двадцать второго января, накануне своего отъезда из Парижа, он писал Ганской: «Я никогда раньше не видел русского императора, но он мне нравится, так как: 1. это единственный суверен в полном смысле этого слова, то есть он сам хозяин и правитель, это лучшее воплощение моих политических воззрений, суть которых можно выразить так – сильная власть в руках одного человека; 2. он правит так, как должно; 3. на самом деле он необычайно любезен с французами, которые приезжают посмотреть на его город. И если бы император прожил еще лет пятьдесят, чего я ему искренне желаю, я бы не прочь был стать русским. Я предпочел бы быть именно русским: ненавижу англичан, не выношу австрийцев, итальянцы ничего собой не представляют… Поэтому, если бы я не был французом… хотел бы быть русским и еду в Санкт-Петербург, чтобы увидеть императора, которого так мало интересует бумагомарака вроде меня». После парада он отметит: «Все, что говорят и пишут о красоте императора, – правда, в Европе нет ни одного человека, которого можно было бы сравнить с ним. Лицо его беспристрастно и холодно, но против его улыбки устоять невозможно, этим он похож на Наполеона».

Тем не менее ему вовсе не хочется писать опровержение на книгу де Кюстина. Его пребывание в России не имеет ничего общего с политикой, Оноре привели сюда чувства. Ему понравились дворцы Петербурга, памятники, каналы, магазины, прямые проспекты, дисциплина, множество людей в военной форме, умение образованных русских говорить по-французски, невидимое присутствие государя, сурово взирающего на каждый уголок столицы. Но по-настоящему счастлив он только рядом с Евой в гостеприимном доме Кутайсова. После полудня устремляется к ней. Ожидая, пока графиня выйдет из своей комнаты, осматривался: сундуки, самовар, ширма эпохи Людовика XIV, козетка, канапе… Наконец, появлялась она, шелест платья заставлял его трепетать – эта женщина должна принадлежать ему немедленно! Но надо соблюдать приличия, к тому же при их свиданиях нередко присутствует Анна. Иногда Бальзак читает им написанное за последнее время. Ганская дает ему переписку Гете и Беттины Брентано, впоследствии вышедшей замуж за фон Арнима. Молодая, романтически настроенная девушка, которая пишет незнакомому ей знаменитому человеку, напоминает Еве о ее собственном приключении: замужней дамы и Оноре. Бальзак воспринял историю скептически – ему кажется, что Беттина не любит Гете, он для нее – только повод для красивой переписки, она выдумала себе роман, но не прожила его. Из чего следует, что они с Евой существа иного, высшего порядка. Ганская признается, что недавно попыталась набросать рассказ об их страсти на расстоянии, но сожгла его. Он сожалеет, но обещает использовать сюжет в своем новом романе «Модеста Миньон» – последней истории «Сцен частной жизни» о борьбе мира иллюзий и реальности. Кто, как не он, лучше других знает об этом?

Общаясь с Оноре, Ева стала более мягкой; его наивность, воодушевление, доброта не могли не изменить ее, ум и культура – поражали. Он был то ученым, то ребенком, с ним никогда не было скучно. Теперь она почти уверилась, что Бальзак – гений. Но какая ответственность быть его подругой! Впервые подумалось, что выйти замуж за подобного человека – не такое уж безумие. А ее дело движется к благополучному разрешению, осталось немного потерпеть.

К несчастью, время шло, деньги были на исходе, следовало возвращаться. Поначалу писатель решил пуститься в обратный путь на пароходе, но морская болезнь, от которой он так настрадался по дороге в Россию, заставила предпочесть сухопутный маршрут. Двадцать пятого сентября, в слезах простившись с Евой, Оноре выехал. Три с половиной дня провел в вонючей почтовой карете, которую невообразимо трясло. Чтобы согреться, закутался в шубу, надел сапоги на меху, спрятал руки в женскую муфту. Ганская снабдила его провизией, дала несколько бутылок бордо. С русско-прусской границы он адресует Еве письмо, благодаря за шубу, сапоги и провизию. Оставшись одна, все еще взволнованная расставанием, графиня перечитывала свой дневник, строки, что написал перед отъездом Оноре, горевала: «Он написал это второго сентября! Увы! Как далек этот день! Но он все еще здесь, он всегда со мной, словно звезда, которую постоянно видишь, но дотронуться до которой невозможно. Она правит моей судьбой».

В субботу четырнадцатого октября 1843 года Бальзак прибыл в Берлин. Остановившись в отеле, впервые, по его словам, с тех пор как покинул Дюнкерк, спал на кровати, похожей на кровать. С одним из попутчиков, скульптором Николаем Рамазановым, поговорили немного по-французски, быстро осмотрели памятники старого города, прошлись по его улицам, поглядели на его жителей и пришли к выводу, что магазины, поведение и выражение лиц прохожих свидетельствуют о свободных нравах или, скорее, о свободе в нравах. Довольно скоро Бальзак заявляет, что Берлин для него – город скуки. Пользуясь пребыванием здесь, знакомится с Гумбольдтом, обедает у жены французского поверенного в делах, встречается с племянницей Талейрана, – когда-то он был представлен ей, его манера одеваться и вести себя смутили ее. Теперь она занесла в дневник: «Здесь у нас Бальзак, который возвращается из России… Он тучен и вполне зауряден. Я уже видела его во Франции, он оставил неважное впечатление, которое только усилилось».

Семнадцатого октября Оноре выезжает в Лейпциг, оттуда в Дрезден, восхищается мадонной Рафаэля. «Но, – пишет Ганской, – мне милее моя душенька… Улыбка моей душеньки лучше любой картины». Из Дрездена спешит в Майнц, затем по Рейну в Кельн, потом в Бельгию. Писатель совершенно измучен, голова «пуста, как тыква». Будут ли силы работать по возвращении в Париж? Он признается Еве, что самочувствие беспокоит его: «С тех пор как мы расстались, я ни разу не улыбнулся. Это можно обозначить словом spleen, но это spleen душевный, что гораздо серьезнее, – это двойной spleen… Должен сказать, что больше всего люблю вас за то, что вы даете мне отдохновение. После этих августа и сентября я почувствовал, что могу жить только рядом с вами».

Бальзак в отчаянии и не знает, что лучше: проявить беспечность и вернуться в Санкт-Петербург к несравненному своему «небесному цветку» или добраться скорее до ненавистного Парижа с его издателями, журналистами, кредиторами. Но этот ненавистный город так манит его! Восхитительный и неблагодарный, он имеет над ним магическую власть: «Такого воздуха, как в Париже, нет больше нигде, в этом воздухе витают мысли, он наполнен весельем, остроумием, удовольствиями, чудачествами, в нем есть возвышающие душу величие и независимость. Он готов к этому, он соткан из великих вещей». К этим «великим вещам» Оноре причисляет и свою «Человеческую комедию». Она одна влечет его к рабочему столу, привязывает к нему. Что вызывает протест, но такое рабство необходимо, дабы чувствовать себя счастливым.

Глава вторая

Женитьба возможна?

Бальзак собирался сразу по возвращении снова сесть за работу, но почувствовал себя настолько плохо – мучили страшные головные боли, – что доктор Наккар прописал ему отдых и диету: вареные овощи, пиявки, кровопускания, клизмы, горчичные ванны для ног. Едва придя в себя, Оноре поспешил в Гавр, где его ждал багаж, который он отправил из Петербурга морем. Потом несколько дней вновь посвятил заботам о здоровье. В этом ему помогала преданная Луиза де Брюньоль: в его отсутствие она продолжала следить за порядком в доме. Чтобы время шло быстрее, занималась вышивкой, которую подарила Бальзаку в залог своей верности. Тот понимал, что дело зашло слишком далеко и по-прежнему скрывать ее существование от госпожи Ганской вряд ли удастся, а значит, из трусости он обрекает себя на новые вспышки ревности со стороны Евы. Пока хозяин был в России, служанка-любовница вполне сроднилась с «небесным» семейством Бальзаков: перемывала косточки то одним, то другим, вмешивалась во все ссоры, осложняя, не без некоторого удовольствия, и так невероятно напряженные взаимоотношения. Как без шума избавиться от нее? Если Оноре хотел, чтобы парижское общество приняло его будущий брак с Ганской, следовало избегать любого скандала. А французские газетчики народ в высшей степени недоброжелательный! В редакциях и в салонах обсуждали, будто он отправился за границу в поисках богатой невесты, вдобавок к этому согласился, за значительное вознаграждение, написать опровержение на книгу Кюстина о России. «О моем путешествии здесь говорят много занятного, сплетничают и болтают глупости, словом, всего этого никак не меньше, чем было в Санкт-Петербурге, – делится Бальзак с Ганской. – Предполагают даже, и это не может не льстить, что мое перо понадобилось русскому императору и за эту услугу я получил настоящие сокровища. Первому, кто сказал мне об этом, я ответил, что он не знает ни вашего великого царя, ни меня». В том же письме осмеливается обмолвиться о госпоже де Брюньоль, которая в восторге от муфты, которую, вернувшись, подарил ей: таким образом Бальзак делал первый шаг, пытаясь приучить Еву к мысли о служанке с улицы Басс.

Ему пришлось проявить участие к бывшей гувернантке Анны Ганской Анриетте Борель, которая приняла католичество и хотела удалиться в один из французских монастырей. Она со дня на день должна была оказаться в Париже со своими мечтами о святости. Устроить ее в монастырь оказалось делом не из легких, но «Лиретта» была надежной их с Евой наперсницей, а потому Оноре приложил максимум усилий, чтобы ее принял один из орденов. Попутно следовало избавиться от Жарди – покупателя все не было, – расплатиться с Гаво, который вел его дела, когда он был в Петербурге, наконец, нанести визиты нескольким академикам, на чьи голоса рассчитывал, несмотря на их нерешительность. «Поверьте, это будет чудесно, когда меня станут продвигать в академики и некоторые из них заявят во всеуслышание, что если я не был до сих пор в их рядах, так это исключительно из-за моего финансового положения… Они примут меня, когда я разбогатею! Этим утром я встречался с двумя академиками, но делаю эти телодвижения, только чтобы поставить в известность о своем намерении, этот праздник я приберегаю для своей Евы, своего заиньки. Пока я вне стен Академии, символизирую исключенную оттуда литературу, и предпочитаю эту роль Цезаря месту сорокового бессмертного. И потом, эти почести нужны мне не раньше 1845 года».

К несчастью, Шарль Нодье, один из академиков, который, как писатель рассчитывает, мог бы поддержать его кандидатуру, очень плох. «Друг мой! Вам нужен мой голос, освобождаю вам свое место – я на пороге смерти», – говорит он Оноре, мучительно улыбаясь. Тем не менее обещает, если добредет до Академии, проголосовать за Бальзака, который спустя три дня вновь пишет Ганской о своих надеждах: «Мне будет отказано четырежды, но к концу 1844 года меня примут. Богу угодно, чтобы при этом присутствовала моя жена». Известие, что многие академики продолжают возражать против претендента по причине его позорных долгов, приводит того в ярость и заставляет думать о мести. Теперь-то он точно покажет спину этим старикам с набережной Конти. Надо только убедить Еву в справедливости своего решения: «Подумывал еще написать четверым академикам, с которыми встречался, так как глупо было бы с моей стороны заниматься прочими тридцатью шестью трупами. В конце концов, я должен завершить мой монументальный труд, а не гоняться за голосами. И вчера сказал Минье: „Предпочту написать книгу, чем провалиться на выборах! У меня твердая позиция: не хочу становиться академиком благодаря состоянию, мне кажется в высшей степени оскорбительным мнение, что бытует на этот счет в самой Академии… Разбогатев своими силами, все равно не стану больше выдвигать свою кандидатуру“». На другой день продолжает: «Написал эти четыре письма – честных, гордых, достойных. Слово „академик“ вычеркнуто отныне из моей памяти. Вижу, что могу рассчитывать только на одно: непрестанное творчество, источник которого – моя чернильница… Гюго назвал меня отважным архитектором, сказав при этом, что я не должен заниматься ничем другим, только „Человеческой комедией“, камень за камнем достраивая ее галереи».

Шарль Нодье умер двадцать седьмого января 1844 года. Бальзак присутствовал на похоронах, после которых делился с Ганской: «Бедный Нодье, он был всегда на вторых ролях, хотя иногда заслуживал и первых… Я посетил кладбище. Он погребен в фате дочери – по его воле… У меня были слезы на глазах, хотя давно считаю, что все они принадлежат вам».

Вернувшись с кладбища, Оноре нанес визит госпоже Делануа и в компании испанского консула Эммануэля Марлтана и его супруги отправился обедать к Жорж Санд. За столом разгорелась политическая дискуссия: Бальзак нахваливал русское самодержавие и мудрость народа, который беспрекословно ему подчиняется. Зашла речь о Николае I, он заявил хозяйке: «Если бы вы его увидели, потеряли бы голову и разом отказались от своих демократических взглядов в пользу самодержавия!» Та бросила на него гневный взгляд. Когда в 1853 году Жорж Санд писала краткое предисловие к «Человеческой комедии», так вспоминала об этом эпизоде: «На одном обеде по его возвращении из России он сидел рядом со мной и без умолку восхищался абсолютной властью. Тогда это был его идеал. Рассказал о чудовищном случае, коего был свидетелем, и засмеялся, хотя было в его смехе что-то надрывное. Я сказала ему на ухо: „Вам ведь хочется плакать?“. Он ничего не ответил, перестал смеяться, как если бы внутри сломалась какая-то пружина, посерьезнел и до конца вечера не произнес больше ни слова о России».

Восьмого февраля 1844 года в Академию приняли Сен-Марка Жирардена. Бальзак только пожал плечами – его уже занимали другие игрушки: ничто так не отвлекает, как погоня за редкими вещицами. Страсть Оноре к сокровищам, скрытым в недрах лавок антикваров и старьевщиков, заставляла совершать приобретения, которые явно выходили за пределы его финансовых возможностей: например, ларь черного дерева с инкрустацией медью и перламутром, который, уверяет, украшал спальню Марии Медичи. Ева была поражена – подобная трата показалась ей столь же чрезмерной, сколь бесполезной купленная вещь, но Бальзак ловко нашел оправдание – это его рождественский подарок. В знак благодарности она посылает ему свой портрет – миниатюру работы Даффингера – и кусочек ткани, отрезанный от одного из ее платьев, – чтобы чистил перья. Таким образом и Ганская будет принимать участие в его работе. Бальзак уверяет, что невероятно взволнован – тряпица эта согрета теплом любимой: «Вы – мое отмщение за страдания, что причинило мне презрение, моя единственная любовь и та неизъяснимая страсть, которую некоторые мужчины питают к женщине, которую любят… Вы – та несравненная душой и телом женщина, святое, благородное, преданное создание, которому без колебаний можно доверить свою жизнь, счастье… Вы – маяк, счастливая звезда».

Отныне все его помыслы и силы направлены к одному – женитьбе. Но для этого нужно постоянно выдавать на-гора огромное количество страниц, ни разу не обманув ожидания публики. Именно эти ожидания и вызывают у него наибольшие сомнения: сюжет должен развиваться резво, без длинных описаний, психологического анализа, не следует пренебрегать неожиданными поворотами, они придают… повествованию остроту. Его, Бальзака, как раз занимают размышления, атмосфера, влечения души, он отказывается пожертвовать этим ради необходимости писать быстро, верно угадывая настроения читателей. Здесь его давно потеснили Александр Дюма и Эжен Сю, специалисты в области романов, публикующихся по частям, умеющие подогревать их нетерпение. Все чаще ему кажется, что уже никогда не угнаться за этими авторами. Тем временем главный редактор «Journal des Débats» Арман Бертен, который произвел фурор, опубликовав «Парижские тайны», подписывает с Бальзаком договор на два романа: «Модеста Миньон» и «Маленькие буржуа». Четвертого апреля появляется начало «Миньон», которую автор еще не завершил. Посвящение гласит: «Иностранке, родившейся там, где процветает рабство, ангелу в своей любви, демону в своих фантазиях, ребенку в своей вере, старухе по своему жизненному опыту, мужчине по своему уму, женщине по своему сердцу, титану в своих ожиданиях, матери по своему горю, поэту по своим мечтам…» Этот высокопарный слог возмутил Сент-Бёва: «Что за чудовищная галиматья? Неужели нет никого, кто мог бы высмеять подобных писателей, из каких соображений уважающее себя издание предоставляет им свои страницы, да еще сопровождая все это невероятной шумихой?»

Подписчиков смутило не только посвящение, разочаровал и показался скучным сам сюжет – лишенный лихо закрученной интриги, обремененный наивной болтовней. Их недовольство заставило «Journal des Débats» объявить о скорой публикации «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма – так, по крайней мере, публика не останется внакладе. Бальзак был повержен, страдал, хотя и уверял Ганскую, что в литературных кругах, а также в свете его произведение уже сейчас считают «маленьким шедевром», когда же появится третья часть, им придется признать, что шедевр этот – «большой». Как всегда, самодовольство, необходимость выпячивать грудь! Он работал над «Модестой Миньон» трудно и без особого желания. Отсутствие вдохновения заставило бросить на полпути «Крестьян». Теперь первоочередной задачей его «серийного производства» виделось завершение «Блеска и нищеты куртизанок».

Здесь разрабатывается тема, намеченная в третьей части «Утраченных иллюзий», когда лишившийся всяких надежд Люсьен де Рюбампре продается душой и телом некоему испанскому священнику Карлосу Эррере, который в действительности не кто иной, как каторжник Вотрен. Люсьен испытывает в отношении своего «спасителя» весьма двусмысленные чувства, но соглашается заключить договор, согласно которому в обмен на власть, обещанную ему Вотреном, станет его инструментом в завоевании общества. Тот заставляет Люсьена отказаться от любимой женщины – куртизанки Эстер Гобсек, которая попадает в объятия финансиста Нусингена, и жениться на аристократке Клотильде де Гранлье. Эстер умирает, приняв яд. Люсьен и Вотрен арестованы. Люсьен покончил с собой, повесившись в тюрьме, Вотрен, после долгих переговоров, становится начальником сыскной полиции. Роман состоит из нескольких взаимосвязанных частей: «Как любят эти девушки» (сюда войдет и «Торпиль»), «Во что старикам обходится любовь», «Куда приводят дурные пути» (поначалу «Преступное обучение») и «Последнее воплощение Вотрена». От разнообразия сюжетных линий и героев захватывает дух: резко очерченные характеры, бьющие через край, порой весьма двусмысленные (как взаимное влечение Люсьена и Карлоса) чувства, неожиданные развязки, описания, предвосхищающие реалистическую школу, и горы неправдоподобий. Это плод ума, опьяненного собственной изобильностью, готового дерзать. Но титанический труд свалил Бальзака с ног: опять головные боли, кишечные колики. Иногда ему кажется, что завершить «Человеческую комедию» не хватит сил. А тут еще родные с их уже ставшими привычными притязаниями. Оноре с грустью вспоминает времена, когда сестра Лора была его союзницей, человеком, которому можно полностью доверять и доверяться. Теперь она стала желчной, подозрительной и все больше походит на мать, вечно озлобленную на весь белый свет. «Не буду говорить вам о тех каплях желчи, что переполнили чашу моих взаимоотношений с

моей семьей, – пишет он Ганской. – 1. Манеры синего чулка моей сестры навсегда отбили у меня охоту говорить с ней о литературе. 2. Я не могу обсуждать свои дела, особенно литературные, с матерью. 3. Она причиняет мне жестокие страдания отсутствием такта, что проявляется у нее обычно в присутствии третьих лиц. 4. Она хочет, чтобы ее муж стал человеком более великим, чем я. Я ничего не значу для моей семьи, которой не хватает как раз духа семьи. Все связи, одна за другой, порваны. Я собираюсь вновь засесть за работу… и встречаться с сестрой как можно реже. Так, мне кажется, будет меньше обид. Давно наблюдаю я за странным превращением моей сестры в мою мать, что предсказывала госпожа де Берни… Теперь у нее бывают только приступы доброты… У меня же будет новая семья, и все благодаря женщине, что произвела на свет Анну».

Четырнадцатого июня 1844 года в Париж прибыла бывшая гувернантка Анны Анриетта Борель, которая не раз обращалась с просьбой пристроить ее в монастырь, пользуясь связями писателя, к Бальзаку. Волей-неволей пришлось выступить посредником и добиться, что ее примут в качестве послушницы в незатворнический монастырь визитандинок. Снова украденное у работы время! Но чего не сделаешь, чтобы понравиться близкому Ганской человеку! Он даже позволяет «Лиретте» пожить у него в ожидании монашеского одеяния.

Тем временем Ева выигрывает дело. К несчастью, пока она сражалась в Петербурге, управляющий перестал должным образом следить за крепостными, с убытком продал урожай, запустил земли. Ущерб оказался значительным. Ганская была в растерянности, Бальзак стал призывать ее покинуть имение и отправиться во Францию. Она оставалась глуха к этим предложениям. Быть может, появился претендент на ее руку? Анриетта уверяла, что это не так, но заметила, что графиня тоже отмечена милостью Божьей и подумывает удалиться в монастырь. От подобной перспективы Бальзак слег с желтухой.

Едва поправившись, вернулся к трудам, налегая на черный кофе, который готовил сам: мокко, кофе с Мартиники и бурбон. Иногда выпивал литр в день. Не хотелось верить, будто Ева охладела к нему настолько, что готова посвятить себя только Богу. В письмах он умоляет и увещевает ее. В результате та соглашается на путешествие, а так как польке трудно получить от властей паспорт, позволяющий въезд во Францию, страну, подрывающую основу авторитарной власти, Ева выбирает Дрезден, где живут многие ее соотечественники. Бальзак немедленно просит снять для него комнату. Но «La Presse» начинает печатать «Крестьян», которые еще не доведены до конца, надо спешно поставлять недостающие фрагменты. Да разве можно создать шедевр, когда счет идет на часы? Перо летит по бумаге, сам он мечтает об одном: прохладная рука Евы у него на лбу.

Критика «Крестьян» была убийственной, автора обвиняли в том, что он порочит жизнь деревни, представляя ее тружеников отбросами общества. А Бальзак важничал перед Ганской, заявляя, что обрел весь свой блеск, способности, воображение, что «Крестьяне» будут шедевром, сравнимым с «Цезарем Бирото» и «Блеском и нищетой куртизанок», которыми все восхищаются, и не без оснований. Эти победные реляции должны пробудить у Евы желание как можно скорее видеть его подле себя в Дрездене. Но она медлит. Оноре начинает подозревать, что ее окружают враждебно настроенные по отношению к нему люди, между тем сплетни и пересуды ей противопоказаны. Пусть тогда вместе с Анной едет к нему: всегда можно найти способ пересечь границу без паспорта. Если будет такая необходимость, он впишет их в свой как сестру и племянницу, которые будут жить в Париже инкогнито. Вместе они обойдут город и выберут себе уголок для будущего семейного счастья. Чтобы не тратить время попусту, писатель сам отправляется на поиск дома, достойного их любви. Ничего подходящего. Как всегда, он не желает мелочиться, покидая свои романы, вступает в их продолжение. Но мечта непременно осуществится, надо только продать Жарди, как можно выгоднее пристроить «Крестьян» и «Человеческую комедию», привлечь здравый смысл Ганской. Ему не сидится на месте, работать становится невозможно, Бальзак почти на грани безумия.

Практичный ум Ганской тем временем занят совсем иной женитьбой: подвернулась подходящая партия для Анны. Поляк благородного происхождения, граф Георг Мнишек, эстет, блондин, нежный любитель насекомых, достаточно богатый, проникнутый внушающим доверие мистицизмом. Ева и думать не хочет о том, чтобы изменить свою жизнь, пока не устроена ее единственная дочь. Кто знает, как отреагирует потенциальный жених на известие, что будущая свекровь вот-вот станет супругой французского писателя. Его отказ станет ударом для Анны. Оноре живо принимает участие в происходящем и ведет себя, словно отец, который должен доверить свою дочь неизвестному. Он предостерегает Еву от столь необдуманного шага: абсурдно выбрать зятя-поляка, когда к представителям этой нации в России относятся столь враждебно! Тем более что намечался жених из Силезии. Эта партия гораздо более подходящая! Но бедная маленькая дурочка Анна и слышать не хочет об «иностранце», она настоящая польская патриотка. Бальзак настаивает, что в сложившейся ситуации выходец из Силезии во всех отношениях лучше поляка, это означает свободу, ну или почти свободу, можно будет хотя бы беспрепятственно передвигаться. По его словам, муж-поляк – худшее из того, что можно пожелать Анне. И далее развивает свои политические воззрения, уверяя, что при существующей системе Польше уготованы одни несчастья – она будет уничтожена любой ценой. Выйти за поляка, обремененного средствами, патриотизмом и отвагой, означает приобрести славное несчастье, призвать на свою голову громы и молнии, короче говоря, настоящая беда. Заключение: при активном участии Востока через десять лет карта Европы станет иной, Польша попадет под власть Пруссии, женитьба на представителе этой страны гарантирует блестящее будущее.

Он сыплет пророчествами, любуясь своим мраморным бюстом работы Давида д'Анже. Ему кажется, что будущие поколения уже склоняются перед ним, вечность признала его своим. Оноре пишет Ганской: «Восхитительно, производит потрясающее впечатление. Хорошо, что я заказал постамент. Иначе на что я поставил бы этого колосса и как бы чувствовал себя?» Но произведение это не может быть выставлено в Салоне, на нем выбито посвящение другу Бальзаку, а это категорически запрещено правилами Салона. Оноре сожалеет, но сейчас его особенно беспокоит, что трудно стало работать: «Я не могу

выжать ни строчки из моего мозга, у меня нет ни смелости, ни сил, ни воли. Я редактирую „Человеческую комедию“ просто потому, что страницы попадаются мне под руку». В чем причина такого состояния? Дрезден. Его держат поодаль от происходящего. Письма от Евы редки и уклончивы, никакой нежности. Говорит, что, выдав замуж дочь, уйдет в монастырь. Вот еще новый способ мучить его. Он в ярости, словно дикий зверь, вновь попрекает Анну за глупый выбор жениха-поляка: «Богатая полька твоя дочь окажется в исключительно опасном положении. Император Николай стремится любой ценой добиться единения своей империи, и в этом ему мешают католицизм и национальное самосознание поляков, с которым необходимо покончить… Его мишенью будет все, что выделяется из общего ряда, величие, богатство, любовь к Польше, сила… Желание Анны выйти за поляка губительно для ее будущего… К тому же, ставя свое счастье в зависимость от внешности, Анна не принимает в расчет, что самый прекрасный в мире юноша может стать чудовищем, она ничего не знает о физическом отторжении, следствии собственно замужества». Эти грубые упреки и мольбы задевали Еву за живое, она сердилась, дулась, но сообщала Оноре, что прощает убийственную прозу его писем. Тот был тронут, рассыпался в благодарностях (теперь он называл любимую Линетт): «Ах, Линетт! Теперь мой черед повторять слова, которые я расцеловал в твоем письме: Я прощаю тебя! Я целовал их со слезами на глазах, так как в них прочел всю твою любовь… О, спасибо за боль, по которой можно судить о всей глубине чувства. Зайчишка мой, прости меня, будь собой, делай, как считаешь нужным, все, что пожелаешь, и, если случайно причинишь боль, я буду счастлив чинить порванную сеть… На любовь, подобную твоей, можно ответить только такой же любовью. Пиши мне много или мало, вовсе не пиши, все равно я знаю, что ты любишь меня. С Анной поступай, как знаешь».

После жаркой полемики по поводу замужества Анны он капитулирует по всему фронту и очень скоро вознагражден за это. «Я хочу видеть тебя», – пишет Ганская. Победа! Бальзак решает немедленно прервать все свои работы, отменить все встречи и пуститься в путь: «Я спровадил и „Человеческую комедию“, и „Крестьян“, и „La Presse“, и читателей… и задуманный мною томик „Мыслей и максим господина де Бальзака“ (этого господина ты знаешь), и мои дела с „Le Siècle“, которые должны завершиться на этой неделе. Все! Я так счастлив уехать, что не в состоянии спокойно писать. Не знаю, сумеешь ли ты прочитать письмо, но по моим каракулям поймешь, как я рад. Во всем, что не поддастся расшифровке, – счастье и любовь».

Бальзак покидает Париж двадцать пятого апреля 1845 года и прибывает в Дрезден первого мая. Останавливается в гостинице «Город Рим», где госпожа Ганская заказала для него комнату. Сама с Анной жила в другой гостинице. Оноре обнаружил, что Еву гораздо больше собственного занимает счастье дочери. Возлюбленная показалась ему в высшей степени беспокойной и властной, такой он не знал ее раньше. Не огрубела ли за время вдовства? Надо убедить ее, что он занимает во Франции достойное положение, а для этого может похвастаться единственным знаком отличия – недавно стал кавалером ордена Почетного легиона. Ему самому это кажется сущим пустяком по сравнению с уважением, коего заслуживает. Карикатуристы не могли упустить случая съязвить по поводу получения им этой награды: рисовали, как писатель подвешивает крест на свою легендарную трость.

Бальзак был настроен против жениха Анны, но с первой же встречи нашел его общество превосходным, хотя самого юношу несколько наивным: он был богат, говорил по-французски, хорошо рисовал, увлекался насекомыми и ископаемыми, казался по-настоящему влюбленным. Предки его оказались и вовсе замечательны: в их числе – Марина Мнишек, которая в 1605 году вышла замуж за Лжедмитрия и год, до убийства супруга, царствовала в России, пережила период потрясений, приход нового самозванца, в коем вынуждена была признать своего супруга, казнена в 1613-м, когда на власть призван был Михаил Федорович, основатель династии Романовых. Бурная, кровавая история не могла не заинтересовать Бальзака. Что в ней правда, а что – плод воображения? Он мог бы воссоздать похождения этой далекой предшественницы Георга…

Через несколько дней Оноре уже негодовал по поводу пересудов, которые его окружали, да и Ганская торопилась избавиться от назойливого любопытства дрезденских поляков. Одиннадцатого мая все четверо – Бальзак, Ганская, молодые люди – выехали в Бад-Хомбург и Канштадт, где Ева хотела полечиться термальными водами. Анна и Георг, казалось, искренне привязались к их спутнику, он с удовольствием называл себя «толстым карапузом». Всем было беззаботно и весело. Путешествие походило на двойное свадебное – родителей и детей, соперничавших в своих идиллических отношениях. Главным представлялась учтивость признания. Молодые брали у старших уроки нежности. В Кельне побывали на представлении Дюмерсана и Варена, которые тогда входили в моду. Анна забавлялась тем, что узнавала в зазывале Бильбоке Бальзака, Еву – в Атале, себя – в Земфире, Георга – в Грингале. Теперь все называли друг друга только этими именами, казалось, все они – одного возраста и только-только открывают для себя любовь.

Двадцать второго июня две пары влюбленных оказались в Страсбурге. Здесь Бальзак начал готовить тайный переезд женщин в Париж. На седьмое июля заказал три места в почтовой карете, Георгу надлежало присоединиться к ним позже. Госпожу де Брюньоль обо всем предупредили заранее: она должна была под своим именем нанять для дам небольшую квартиру – у Ганской и ее дочери, прибывавших во Францию инкогнито, в качестве сестры и племянницы Бальзака, не было паспортов. Скромная обитель путешественниц располагалась на улице Ля Тур в Пасси, неподалеку от улицы Басс. Казалось, все решается лучшим образом. Но, встретившись в Париже с госпожой де Брюньоль, Ева с первого взгляда поняла, что у этой «служанки» роль более важная и более интимная, чем уверял Оноре. Она потребовала немедленно отказаться от ее услуг. Чтобы успокоить Ганскую, Бальзак сделал вид, что присутствие этой крупной и сильной женщины ему самому надоело, что за ее спиной он называет ее «потаскухой», «мегерой», «старой каргой» и «мерзким созданием». Но смелости сказать несчастной, что она больше не нужна, недоставало. Только в конце августа хозяин решился объявить ей тоном не чересчур сухим, но и не ласковым, а так, умеренным, что у нее есть полгода, чтобы найти себе новое место. Та была готова к подобному исходу, но тем не менее неблагодарность Бальзака возмутила, и госпожа де Брюньоль потребовала взамен табачную лавку. Доктор Наккар был

знаком с нужным человеком и предложил свою помощь. Когда дело почти уладилось, бывшая служанка-любовница заявила, что передумала, теперь ее интересовала продажа марок. Вновь переговоры, сделки. Дабы сдержать слово касательно полугода, данное им госпоже де Брюньоль, Бальзак вынужден был смириться с ее пребыванием в доме до февраля 1846 года. Хватит ли у него терпения? Он спрашивал себя, как мог так долго и счастливо сожительствовать с ней. Решительно настало время кардинально поменять все в своей жизни: людей, советчиков, привычки. Поверенный Гаво тоже получил отставку за его, как считал Бальзак, «чудовищную апатию». Он предпочел ему Огюста Фессара, доку по части финансовых комбинаций, который оказался настолько ловок, что сумел договориться с большинством кредиторов. Узел, затянутый было вокруг шеи писателя, слегка ослаб. Надо немедленно воспользоваться выпавшей передышкой!

Во второй половине июля Ева, Оноре и Анна выехали в Фонтенбло, затем в Руан, начав, таким образом, свое путешествие по Франции. Сменяли друг друга города, деревни, памятники, пейзажи, небеса. Вернулись в Париж, откуда направились в Страсбург, потом в Голландию – Гаага, Амстердам, Роттердам, после Анвера и Брюсселя расстались: Ганскую ждали Кельн и Карлсруэ, Бальзака – Париж. Но оставаться там не мог. К черту рукописи, издателей, редакторов! Главное, не писать – жить! Двадцать четвертого сентября он вновь в почтовой карете, в Баден-Бадене его ждет Ганская. Проведя шесть дней в этом чересчур светском, на его вкус, городе, возвращается домой, голова идет кругом, почки не в порядке после дороги.

Еве на месте не сидится. Теперь ей хочется провести зиму в Италии вместе с Георгом и Анной. Бальзак не в силах устоять перед соблазном сопровождать их: он последует за ними на край света, даже если обратно придется ползти на коленях. Двадцать второго октября Оноре снова в дороге: в Шалон-сюр-Саон уже прибыли Ганская, Анна и Георг. Через Лион они едут в Марсель, оттуда по морю в Неаполь. Из всех городов, увиденных им во время этого броска по Франции, наибольшее впечатление на писателя произвел Лион, где по счастливой случайности он и Ева оказались без спутников.

Кто же из двух мужчин был влюблен сильнее: Георг, которому исполнился двадцать один год, или Бальзак, сорока шести лет? Едва ли Оноре жалеет, что на время покинул свою «Человеческую комедию». И вообще не понимает, бежал из Парижа за счастьем или от хлопот. Порвал с госпожой де Брюньоль, которая то плачет, то обвиняет его, с судебными исполнителями, которые грозят тюрьмой, с журналистами, упорно предпочитающими ему Эжена Сю и Александра Дюма. До конца своих дней ему не хотелось бы видеть никого, кроме Ганской. Она для него – «Человеческая комедия» в ее развитии.

Морской префект Тулона адмирал Шарль Боден разрешил путешественникам выйти на рейд в своей личной шлюпке. В его альбоме Бальзак написал: «Рассеянная женщина – это на самом деле рысь, которая уже увидела все, что надо. Женщины, которые обыкновенно молчат, проявляют величие души в трудные моменты жизни… Любить – значит отдаваться каждому мгновению». Конечно, при этом он думал вовсе не о жене адмирала. Просто пользовался любой возможностью воспеть свою Еву.

Первого ноября 1845 года четверо влюбленных отплыли в Неаполь.

Глава третья

Обустройство гнезда

Они прибыли в Неаполь пятого ноября, сделав по дороге остановку в порту Чивитавеккья. Как ни хотелось Бальзаку продолжить путешествие по Италии со своими милыми спутниками, вынужден был думать о скором возвращении – парижские дела и заботы не оставляли его: несмотря на усилия Фессара, не все дела с долгами были урегулированы, новый издатель, Хландовский, оказался неплатежеспособным, «Человеческая комедия» топталась на месте, журналисты трезвонили, что автору больше нечего сказать. Будучи рабом собственного творения, Оноре не имел права на отпуск, как простые смертные. Три дня безумного счастья подле любимой в Неаполе – вот все, что он мог себе позволить. Восьмого ноября – отправление в Марсель. Море волновалось, шел дождь. Морской болезнью страдали все, кроме членов экипажа и Бальзака, который пытался залить горечь расставания шампанским в компании капитана и интенданта: шесть бутылок на троих. Можно ли лучше отметить грядущее супружество?

Его очень заботило их будущее с Евой гнездо, а потому он воспользовался своим пребыванием в Марселе, чтобы обежать местных антикваров. Поэт Жозеф Мери, знавший город как свои пять пальцев, помог ему в этом. В коллекционном угаре были куплены девяносто четыре тарелки, супницы, соусники, блюда, все – за пять тысяч сто франков. Но разве можно скупиться, когда стол любимой должно украшать все самое лучшее. Нельзя было устоять и перед индийским комплектом из кораллов, Бальзак тут же решил преподнести его Ганской: «Это нечто единственное в своем роде. Увидев эти украшения у вас в волосах, на руках, пальцах, шее… самые известные светские львицы готовы будут отдать тысячи франков за что-либо подобное и никогда не получат… Вы будете невероятно счастливы, а я счастлив заранее, зная, что они у вас есть. Подобную возможность нельзя было упустить. Красные кораллы в ваших волосах, у вас на воротничке. Есть брошь, вообще полный комплект». На другой день тон письма становится интимнее: «Киска моя, целую твои хорошенькие глазки, наслаждаюсь твоей шейкой, особенно тем уголком, словно специально созданным для поцелуев, держу твои мягкие лапки в своих руках, вдыхаю аромат, от которого теряю голову, и радуюсь при мысли об этой тысяче сокровищ, даже одного из которых было бы достаточно, чтобы удовлетворить тщеславие глупой бабенки, говорю тебе: котеночек, Евонька, душа моя любит твою душу, и я сожалею, что не

могу ее, эту душу, ласкать, владеть, обладать ею, как я ласкал твой лоб, ведь так, проникнув в самую суть твою, возвышенную и совершенную, я и сам стал бы лучше».

Желая внести свой вклад в обустройство их будущего жилища в Париже, Ганская выдала Оноре весьма значительную сумму – сто тысяч франков золотом. Это было священным сокровищем, «сокровищем котеночка». Бальзак поклялся, что не станет касаться этих денег, не согласовав предварительно с Евой. Но ему казалось преступлением, что они будут лежать без движения в банке, и, уверенный, как всегда, что финансовое чутье его не подведет, купил акции Северной железной дороги (специалисты предсказывали их быстрый рост на бирже). Фессар не возражал против такого размещения капитала, методично продолжая разгребать долги своего клиента. Особенное нетерпение проявляла госпожа мать, требуя пятьдесят семь тысяч франков, включая проценты. Сын пытался опротестовать эту сумму. Как матушка не может понять, что непредвиденные расходы вовсе не предусматривают предварительной выплаты всех долгов. Да, ему трудно совладать с собой, покупает картины, резные панели черного дерева, шесть старинных, поистине королевских, стульев, письменный, очень женский, стол, два шкафа с инкрустацией растительным орнаментом. Исключительно выгодные приобретения! Он никогда не ошибается. И всегда оставляет торговцев в дураках. Так, по крайней мере, ему кажется. Ганская в курсе его успехов на этом поприще, но не всегда разделяет уверенность Оноре.

Кроме того, графиня с возмущением узнала, что госпожа де Брюньоль все еще рядом с ним. Но Бальзак никак не мог решиться на этот столь необходимый, требующий деликатности разрыв. Принести в жертву госпожу де Брюньоль – жестокость, которой не может быть оправдания, вызвать недовольство Евы – выше его сил. К счастью, сама госпожа де Брюньоль стала подумывать о замужестве. Ее выбор пал на довольно известного скульптора Карла Эльшота. Теперь она требовала приданого. Увы! Когда невеста навела справки, оказалось, что жених погряз в долгах и к тому же неравнодушен к совсем молоденьким девушкам. Этот проект реализовать не удалось, госпожа де Брюньоль вновь вернулась к мысли о продаже марок. Бальзак хотя и устал от происходящего, но сочувствовал ей, а потому решил обратиться за помощью к барону Ротшильду. Тот уклонился, сославшись на то, что любые дела для него губительны. Положение было весьма затруднительным. Что предпринять, дабы избавиться от «старой карги». И в ожидании, пока та добровольно либо силой покинет его дом, Бальзак радуется, что она заботится о хозяйстве, выполняет мелкие поручения. В общем, раз Евы нет в Париже, госпожа де Брюньоль сохраняет все свои прерогативы служанки, а то и любовницы. Тем более что «небесное семейство» с госпожой матерью во главе явно предпочитает ее польке, которой Оноре так неосторожно увлекся. Близкие считают, что он хорош, только когда пишет. Оставив перо, тут же «сходит с рельсов».

Второго декабря Бальзак присутствует на церемонии пострижения в монахини ордена визитандинок Анриетты Борель. «Плутовки-монахини полагают, что мир существует только ради них, а потому послушница, у которой я спросил, сколько продлится церемония, ответила, что час… Это продолжалось почти четыре», – сетует он в письме Ганской, сожалея о страницах, что, не пойди туда, мог написать. Но надо было представлять свою «дорогую жену» и Анну на «похоронах Анриетты»: «Лиретта и другие новопостриженные выслушали проповедь-наставление, стоя на коленях. Она ни разу не подняла глаза. Белое, чистое лицо, восторженное возбуждение святой. Я никогда раньше не присутствовал при пострижении, смотрел по сторонам, наблюдал, изучал с вниманием абсолютно набожного человека… Был сильно взволнован, когда три новообращенные пали ниц, их покрыли саваном и прочитали над живыми существами поминальные молитвы, и когда потом они появились невестами в венках из белых роз, дав обет стать невестами Христовыми… Я видел Лиретту после обряда, она была весела, как зяблик. Вот вы и невеста, сказал я ей, смеясь».

Несколько дней спустя Оноре посещает Консьержери – это необходимо ему для третьей части «Блеска и нищеты куртизанок». Внимательно осматривает камеры, присутствует на заседании суда присяжных, с увлечением следит за процессом, перипетии которого рассчитывает использовать в своей «Кузине Бетте». В погоне за необычными ощущениями двадцать второго декабря вместе с другими писателями и художниками участвует в коллективном сеансе курения гашиша. Среди приглашенных – Готье и Бодлер, который вспоминал, что Бальзак от гашиша отказался. Сам Оноре утверждал, что попробовал, но это не возымело никакого эффекта. «Я устоял перед гашишем, – поделится он с Ганской, – и не испытал всех положенных „радостей“. Мой мозг настолько силен, что нужна была большая доза. Тем не менее я слышал небесные голоса и видел божественные картины… Встав этим утром, все еще сплю и не способен ничего делать». Первого января 1846 года он наносит матери новогодний визит. Перед ним воплощенное осуждение. Никакая нежность невозможна больше между ними, всему виной его долг. Он возвращается домой с ощущением, что его изгнали, словно парию. Свою горечь поверяет единственной способной понять его женщине, Еве: «У меня никогда не было матери, сегодня она провозгласила себя врагом. Я никогда не говорил тебе о своей ране, слишком мучительной для меня, надо видеть это, чтобы поверить… Но ты должна знать, почему я не хочу никаких родственных сношений между тобой и моими близкими».

В январе 1846 года работа не шла – радости и тревоги были в другом. «Крестьяне» топтались на месте, «Последнее воплощение Вотрена» никак не хотело обрести форму. Бальзак впал в какое-то оцепенение, из которого надеялся выйти после женитьбы. Но Ева все еще не могла решиться. Неужели опасалась его, человека, преданного ей душой и телом? Теперь вдруг заговорила о том, что слишком стара для него. Кокетство или искренняя неуверенность? Он пылко уверял, что истинные страсти не обращают внимания на годы. Для него возлюбленная всегда будет юной и желанной.

И вновь проблеск надежды: Ева приглашает его в Рим. Оттуда они отправятся во Флоренцию, Швейцарию, Баден… «Оставьте нас в Бадене, – пишет она ему, – и возвращайтесь в Париж заканчивать свои дела…» Восхитительное предложение! Отложив

все, Бальзак устремляется к портному – именитый Бюиссон должен обновить его гардероб соблазнителя. Выходя, чувствует необычайную бодрость и решает перепрыгнуть через сточную канавку. Разрыв связки, чудовищная боль. Доктор Наккар укладывает его в постель, прописывает лекарства и объявляет, что ехать можно не раньше чем через две недели. Что за невезение! Бальзак вне себя. Впрочем, есть и хорошие новости: благодаря барону Ротшильду и еще нескольким влиятельным людям госпожа де Брюньоль получила, что хотела. Наконец старательный Бюиссон присылает новое платье. Оноре начинает ходить. Ничто больше не мешает, и вот он уже в дороге.

Первый этап его путешествия – Марсель. Отсюда двадцать первого марта морем до порта Чивитавеккья. Двадцать пятого Оноре в Риме, где его ждет Ева. После первых поцелуев и приветствий отчитывается, как удачно вложил «сокровища котеночка». Ганская нисколько не укоряет его за чрезмерные траты. Быть может, прочувствовала, сколько наслаждений доставляет расточительность? Так или иначе вместе они рыщут по антикварным лавкам, навещают торговцев любопытными вещицами. Бывают и в музеях. Часто к ним присоединяются Анна и Георг. Четверка в полном составе, все бодры, как никогда. Во дворце Скьярра Оноре очарован скопищем шедевров, решает, что у него тоже будет своя галерея живописи, в его особняке в Париже, где они поселятся с Евой, когда поженятся. Начало коллекции решено положить покупкой старой поблекшей картины, скорее «останков картины» – «Рыцарь Мальтийского ордена за молитвой», которую приписывают Себастьяно дель Пьомбо, а также «Женского портрета» Бронзино и «Портрета девушки» Мирвеле. Их отреставрирует ученик Давида и Жироде. После трех недель, беспечно проведенных в Риме, все четверо погружаются на корабль, который направляется в Геную, где Бальзак приобретает кровать с балдахином.

Затем неугомонные туристы добрались до Женевы, оттуда переехали в Берн, где стали гостями русского посла, барона Павла де Крюденера. Его дочь Жюльетта, двадцати одного года, не сводила глаз с Бальзака и оставила об этом визите такую запись в дневнике: «Кто мог подумать хоть раз встретить в Берне Бальзака? Он путешествует с некоей госпожой Ганской, прелестной, грациозной полькой, сердечной и довольно соблазнительной, несмотря на славянскую дородность. Эту даму сопровождает ее дочь и будущий зять, и четверка перебирается из страны в страну, приятно проводя время». Сидя рядом с Жюльеттой, Бальзак с упоением рассказывал о своих впечатлениях. «Его лицо, оживляясь, кажется не столь неприятным, – признает девушка, – так как первое впечатление – скорее отталкивающее. Он ниже среднего роста, весьма упитан (что особенно заметно по двум совершенно разным частям его тела: лицу и животу) и выглядел бы несколько нелепо, если бы на его мрачной, задумчивой физиономии не отражалась работа ума. Лоб его не показался мне очень высоким, но между бровями – глубокая черта, которую я замечала почти у всех, чья мысль трудится. У него неопределенного цвета волосы, так же своеобразно подстриженные: они спадают на лоб и ворот его одежды длинными сероватыми прядями, очень неправильными, концы которых острижены прямо, как у женщины. Довольно густые ресницы обрамляют глубоко посаженные, но очень выразительные глаза: впрочем, взгляд его скорее задумчив, это не взгляд наблюдателя, невозможно представить, что этот, кажущийся таким спокойным, тихим, безразличным к окружающему миру человек вдруг окажется восхитительным художником, который не упускает мельчайших деталей. У него резко очерченный нос, рот, несколько утративший форму из-за отсутствия многих зубов, окружен весьма живописными усами. Костюм его, как и сам писатель, был застегнут на все пуговицы, он весь вечер просидел в белых перчатках, которые так контрастировали со всем остальным, скорее оригинальным, чем элегантным».

Из Берна – в Базель, Солер, Гейдельберг. С каждым новым переездом Бальзак убеждается, что Ева готова согласиться выйти за него. Вместе они мечтают о том, где и каким будет их дом, какую светскую жизнь будут вести во Франции: замок в Турени, чтобы проводить там пригожие летние деньки, пристанище в пригороде Сен-Жермен, чтобы не упустить зимних увеселений. Но пока Бальзак должен возвращаться в Париж, где литературные и прочие дела требуют его присутствия. Любовники нежно прощаются в Гейдельберге.

Из столицы Оноре в нетерпении пишет Ганской: «Боже, закончим, наконец! Обвенчай своих детей и приезжай. Не будем больше расставаться…» Он начинает готовить переезд Евы во Францию. Защитив сокровища своего котеночка, вложив их в акции Северной железной дороги, Бальзак в компании Жана де Маргонна направляется в Вувре, намереваясь приобрести там недвижимость. Выставленный на продажу замок Монконтур кажется созданным для него: благородная архитектура XV века, две башенки, террасы, с которых видна Луара. Рядом – двадцать гектаров виноградников. По железной дороге Тур – Париж за шесть часов четырнадцать минут можно добраться до столицы и насладиться прелестями светской жизни. Билет первого класса стоит всего одиннадцать франков восемьдесят пять сантимов, второго – восемь франков девяносто пять сантимов. Но нужна и подобающая квартира в Париже, в хорошем квартале, так, чтобы фасад дома смотрел на юг и было как минимум три комнаты для прислуги. В этом жилище можно будет выставить предметы искусства, приобретенные во время путешествий. Все должно быть отмечено печатью хорошего вкуса. Он сам позаботится об уюте замка и квартиры, госпоже Ганской останется только появиться и оживить их своим присутствием.

Пока все это только планы. Неожиданно приходит известие о смерти отца Георга Мнишека – еще один довод в пользу скорейшего замужества Анны. Тогда у Евы не останется причин откладывать свое. К тому же в июне Ева сообщает Бальзаку, что труды его были не напрасны – она беременна. Это случилось в Солере, где-то между двадцатым и тридцатым мая, во время памятной ночи, несмотря на все меры предосторожности, предпринятые Оноре, за которые котеночек так упрекал его. Бальзак дважды перечитывает письмо, он вне себя от счастья, грудь распирает признательность и самодовольство. И ни с кем нельзя поделиться! Отцовское чувство сродни гордости писателя: с одной стороны – рожденная его разумом «Человеческая комедия», с другой – сын. Да, это будет сын, никаких сомнений, который продолжит его род. И он воспитает его согласно принципам, столь дорогим ему. Назовет – Виктор-Оноре. «Я ощущаю, что в моем сердце, венах, голове достаточно жизни, смелости и счастья на троих, – пишет Бальзак Ганской. – Положись на своего котика… Дети любви не вызывают тошноты, их носят легко.

Но береги себя. Бедный маленький Виктор-Оноре!» И еще: «Тысячу раз целую два сердца, которые бьются в тебе. Мне кажется, ты должна быть счастлива, имея этого малыша. Итак, береги себя! Ешь морковку и сообщай мне обо всех твоих желаниях, чтобы я мог удовлетворить их».

Но там, за границами, беременность видится Еве совсем в ином свете. Бальзак торопит ее с замужеством, чтобы Виктор-Оноре был законорожденным ребенком, а не бастардом, появившимся на свет вне официально признанных уз. На исходе июля писатель вдруг заболевает холериной. Доктор Наккар прописывает постельный режим, диету, обтирания, сладкую воду. Недомогание только усиливает нежелание тайного появления на свет его ребенка, он умоляет Ганскую, чтобы из Польши прислали ее метрику и можно было начать оформлять их отношения. Но Ева, рожденная в 1800 году, всю жизнь убавляла себе шесть лет и теперь опасалась сознаться в истинном положении дел. Кроме того, она плохо переносила беременность, а последние ее роды были очень тяжелыми. Разумно ли становиться матерью в сорок шесть лет, когда собственная дочь вот-вот выйдет замуж? Ребенок тем временем уже давал о себе знать. Ждать еще полгода, скрываясь от друзей, избегая соблазнов света? Да и как потом жить с мужем, который не умеет вести себя, и вечно орущим ребенком? Грядущее материнство, радующее Оноре, ее только удручает. Он не в состоянии представить себе, на какие муки обрекает возлюбленную, и та дает ему понять, что весьма озабочена положением, с которым он себя поздравляет. Будущий отец списывает ее тревоги на нервозность, свойственную всем ожидающим младенца женщинам. Чтобы приободрить Еву, присоединяется к ней в Крезнахе под Франкфуртом, где она живет с неизменными Анной и Георгом. Знают ли они о ее беременности? Как бы то ни было, в их присутствии вопрос этот не поднимается. С обычной беззаботностью все четверо совершают вылазку в Майнц. Обласкав Еву, убедив ее, что все к лучшему в этом лучшем из миров, Бальзак возвращается в Париж. По дороге делает остановку в Метце, чтобы урегулировать формальности его тайного брака: в эти планы посвящены только двое – родственник доктора Наккара Жан-Николя Лакруа, королевский прокурор в Метце, и префект Мозеля Альбер Жермо. Оноре рассчитывает на их помощь при содействии мэра и священника.

Пятнадцатого сентября вечером он в столице, настроен как нельзя более оптимистично, тогда как Ева обеспокоена скандалом, который может вызвать этот поздний ребенок, тем более что некоторые ее родственники близки ко двору. Она хотела бы родить потихоньку, доверить малыша Оноре, а самой отсидеться в своем имении, пока недоброжелатели не забудут об этом ее приключении. Ганская сообщает об этом Бальзаку, но столь постыдное решение его никак не устраивает – весь мир должен видеть два предмета его гордости, его жену и его сына. В ожидании славного события он предпринимает еще одно путешествие в Германию, в Висбаден, чтобы тринадцатого октября 1846 года присутствовать на свадьбе Анны и Георга. Встречу с Евой ознаменовала ночь наслаждений и брачный пир, достойный Пантагрюэля. Вернувшись на улицу Басс, он дает объявление в несколько газет о состоявшейся в Висбадене пышной церемонии, уточнив, не без некоторого тщеславия, что одним из свидетелей был господин де Бальзак.

Старшая сестра Ганской, Алина Монюшко, жившая в Париже, пыталась добиться от Оноре, действительно ли тот собирается жениться на Еве. Он отвечал уклончиво, что всем сердцем желает этого, но ничто окончательно не решено, хотя, если случай представится, со своей стороны обещает триста тысяч франков, отсутствие долгов и еще сто тысяч франков, которые принесут его труды. На что коварная Алина сладким голоском заметила: «Итак, моя сестра выходит замуж за большие деньги!» Бальзак был польщен, хотя не знал пока, как оплатить покупку дома и мебели. Ему постоянно приходилось успокаивать Еву в том, что касалось его финансовых вложений: да, биржевые операции сопряжены с определенным риском, акции Северной железной дороги пока не растут, но все это временные явления, и скоро они подорожают настолько, что принесут значительную прибыль. В любом случае котеночек не должен волноваться, его сокровище останется в целости и сохранности.

Главной заботой Оноре в это время остается покупка дома в Париже, где можно было бы наслаждаться супружеским и отцовским счастьем. Исследовав квартал Божон, он обнаружил там на улице Фортюне[24] обветшалый особняк. Название улицы показалось ему обещанием грядущего блаженства.[25] Переговоры с владельцем были возложены на незаменимую госпожу де Брюньоль. Ей удалось сбить цену до пятидесяти тысяч франков: тридцать две заявленные и восемнадцать сверх договора, то есть, исключая взятку, можно было уложиться в стоимость железнодорожных акций. Бальзак был очень доволен и собой, и своим уполномоченным. По его подсчетам, ремонт обойдется всего в десять тысяч франков. В результате будет потрачено шестьдесят тысяч на дом, цена которого года через четыре поднимется до ста пятидесяти тысяч.

Строение, конечно, хотя и большое, но запущенное и унылое. Впрочем, новые рамы на фасаде и садик перед ним. Но если его почистить, привести в порядок, купить хорошую мебель, оно станет настоящим дворцом для принцессы Евы. У него есть и своя волнующая тайна: он стоит спиной к спине с часовней Святого Николая; во времена Людовика XVI его генеральный откупщик и известный распутник Николя Божон велел соединить дом с часовней, так он мог после свиданий прямым ходом попасть на мессу. Бальзак не преминул сообщить Еве об этой детали: «Из спальни ты сможешь пройти на хоры. Вот что заставило меня купить этот дом». Через несколько дней вновь напоминает: «Знаешь ли ты, что ты единственная в Париже, кроме, конечно, королевской семьи, будешь иметь собственные церковные хоры?» И не устанет повторить еще раз: «У меня голова идет кругом, когда думаю о том, что моя любимая сможет из своих покоев, верхних или нижних, попасть на собственные хоры в часовне и присутствовать на службе и что это единственный дом в Париже, дающий такую королевскую или княжескую привилегию».

С ноября 1846 года его заботит только обустройство дома. Он бегает по краснодеревщикам, торговцам декоративными тканями и обивкой для мебели, антикварам. В письмах появляются имена Гроэ, который делает мебель для библиотеки, поставщика

тканей Солильяжа, Пайяра, отвечающего за бронзу, не говоря уже о многочисленных лавках старьевщиков, которые он опустошил. Ева получила полный перечень часов, люстр, каминных принадлежностей, кресел и стульев, картин, оживленный планами, чтобы смогла сполна оценить его усилия. При покупке особняка Оноре планировал выделить максимум десять тысяч франков, чтобы привести его в порядок. Теперь заговорил о двадцати трех и даже тридцати. Забросил свои романы и большую часть времени проводил на улице Фортюне, обсуждая узор на полу, форму шпингалета, обнаруживая потайную дверь, устанавливая, по просьбе своей драгоценной мерзлячки, калорифер. Ева издалека одобряла его стремление создать дорогое, уютное гнездышко, достойное его жены. Но расходы не могли не беспокоить: в стремлении к роскоши будущий муж не знал удержу. Не закончится ли все это финансовым крахом? К тому же Ганская никак не могла понять, почему самые деликатные поручения он по-прежнему возлагает на чудовищную госпожу де Брюньоль, которая давно изгнана. Кто эта захватчица – его служанка, секретарь, любовница? Он что, боится ее и потому не хочет избавиться? Бальзак умоляет Еву не беспокоиться, «старая карга» необходима для некоторых второстепенных дел – не может же он всем заниматься сам! Во имя их любви он и так посвящает слишком много времени и сил этому дому.

Глава четвертая

Последние шедевры

Понемногу Бальзак стал замечать, что с ним происходит нечто странное: реальный мир стал вытеснять мир вымышленный. Персонажи романов, когда-то владевшие его мечтами, уступили место мужчинам и женщинам из плоти и крови. Теперь Оноре занимали не Люсьен де Рюбампре или отец Горио, но подрядчики, поставщики, мастера, антиквары, предъявлявшие счета. С головой уйдя в планы и сметы, он перестал интересоваться творчеством, или, скорее, сменил его предмет. Новой «Человеческой комедией» стал особняк на улице Фортюне. И если здесь было стремление к совершенству, но только ради Евы и маленького Виктора-Оноре, которого она вынашивала. Счастье их троих стоит того, чтобы ни одна мелочь не ускользнула от него. Оноре волнует не только красота, увлекают и самые ничтожные хозяйственные заботы: он просит будущую жену заказать в Германии простыни и белье, тряпки, двенадцать наволочек с вышивкой по краям и в уголке; с гордостью победителя сообщает, что ручка сливного бачка в уборной будет из зеленого богемского стекла; что приобрел фонтан, созданный Бернаром Палисси то ли для Генриха Второго, то ли для Карла Девятого. «Он – эмалированный, работы Бернара Палисси. На нежно-голубом фоне темно-синий рисунок – лилии. Дно – зеленовато-белое. Нет ничего похожего ни в Лувре, ни в Клюни, в общем, нигде… Он очень подойдет к моим часам. Мне должны принести его сегодня или завтра».

Все это стоит недешево, а осторожные издатели и редактора больше не дают денег вперед – у него нет ни одного готового произведения. «Сокровище котеночка» сжалось всего до нескольких акций Северной железной дороги, которые стоят на двести франков меньше, чем при покупке, да к тому же не полностью погашены. Надо вложить еще двадцать восемь тысяч или продать, потеряв на этом. Оноре обращается за помощью к Еве, та отказывается прислать нужную сумму. И здесь в который раз его спасает Джеймс Ротшильд – предоставляет гарантированный заем. Нескончаемые финансовые выходки Бальзака приводят Ганскую в ужас: «Поступай как знаешь с тем, что я тебе дала, мой дорогой Норе, но не трогай сокровище». Кроме того, сообщает о своем решении, которое больно его ранит: в сложившейся ситуации будет лучше, если они отложат свадьбу еще на год. Оноре возражает, не видя никакой необходимости в подобной отсрочке. Но навестивший его мозельский префект Альбер Жермо предостерегает против союза, тайком заключенного где-то в провинции: об этом скоро станет известно в России, дойдет до царя, и интересы госпожи Ганской окажутся под угрозой. Жермо полагает, что самым разумным было бы поступить так: Ганская возвращается на Украину, улаживает дела с наследством покойного мужа и только потом вступает в брак. Ребенка Бальзак признает потом, возражать никто не станет. Приходится согласиться, Ева получает желанную отсрочку, ему остается запастись терпением. «Твое решение отныне и мое тоже», – пишет он Ганской. В конце концов, у него будет довольно времени, чтобы закончить все задуманное с домом и накопить достаточно денег, чтобы не затеряться в парижском обществе. Он уверяет, что у них будет вполне приличное состояние: «В 1847 году я получу сто тысяч франков за 1. Окончание „Вотрена“, 2. „Вандейцев“, 3. „Депутата от Арси“, 4. „Солдат Республики“ и 5. „Семью“. Будет переиздана „Человеческая комедия“. Кроме того, ведь любимая должна знать о нем все, Оноре сообщает, что чуть было не сгорел заживо, – от пламени свечи запылало его хлопчатобумажное одеяние, что у „карги“ какая-то нервная болезнь, сопровождающаяся кровавой рвотой, что работы на улице Фортюне благополучно продвигаются: „Мне, кажется, удалось найти человека, благодаря которому кожа из Кордовы станет как новенькая“».

По литературной части все тоже обстоит благополучно. «Le Constitutionnel» начал публиковать по частям «Кузину Бетту». Когда Бальзак работал над ней, делился с Ганской: «Характер главной героини подарили моя мать, госпожа Вальмор и тетка Розали… Надеюсь, что „Кузина Бетта“ тебя здорово позабавит. Повсюду кричат, что это шедевр, а это еще не конец. Есть действительно жестокие сцены. Сам не знал, что делаю. Теперь это осознаю». Пороки мещанской среды, зло, которое приносят деньги, – вот что занимало Оноре, когда он работал над этой историей. Сама Бетта – бедная родственница, терпящая всевозможные унижения и решающая отомстить за это. Она находит утешение в том, что разоряет могущественного главу клана – барона Юло, для которого нет ничего святого, не почитающего ни смерть, ни любовь, ни честь. В этом аду правят чувственность и продажность, и ничто не радует душу. Ярость всегда шла Бальзаку. «Кузина» пользовалась все большим успехом у читателей, он, наконец, мог воскликнуть: «Я победил!»

Но торжество его было омрачено. Еве пришлось остановиться в Дрездене – начались подозрительные боли. Врачи прописали полный покой, она опасалась выкидыша. Обеспокоенный Бальзак обратился к доктору Наккару. Тот не стал скрывать, что

госпожа Ганская в ее положении должна была избегать длительных переездов. Но она не хрупкого телосложения, остается верить в лучшее. Первого декабря 1846 года Бальзак узнал, что случилось непоправимое: ребенок, появившийся на свет раньше срока, умер при родах. Все надежды Бальзака рухнули. Нет больше Виктора-Оноре, с которым были связаны его мечты о будущем. И младенец был девочкой. «Я три часа плакал, как ребенок, – пишет он Еве. – Все понимаю. Это жестоко, говорить тебе обо мне. Больше не буду… Не могу выразить, что я испытываю, полное смятение. Я так любил этого ребенка от тебя! В нем была вся моя жизнь!» Писатель хочет ехать в Дрезден, чтобы поплакать вместе с любимой. Но обязательства перед газетами не позволяют оторваться от стола: «Быть здесь, прикованным к газете, вместо того чтобы утешать тебя, быть подле тебя, – это боль, которая оставит след на всей моей жизни». Единственное, что успокаивает, – сама Ева, несмотря на случившееся, чувствует себя неплохо: «В конце концов, ты сберегла себя для меня, я должен благодарить Бога, что осталась ты, любящая меня. Вновь за работу и ждать! Опять ждать! Ждать, хотя исполнилось уже сорок семь, а испытания и любовь по очереди то лишают мое бедное существо сил, то убаюкивают его… Что ж, надо смириться: у рока, провидения, если хочешь, свои соображения». Спустя несколько дней он возвращается к произошедшему и его последствиям: «Вне всяких сомнений, причина страшного удара, убившего столько надежд и счастья, не говоря уже о твоих страданиях, тряска на железной дороге. Береги себя, подобные болезни чрезвычайно опасны, последствия их страшны, их сложнее всего одолеть. Слушайся докторов, не выходи, не суетись».

Бальзак не знает, что, когда обращает к Еве эти патетические послания, та, сообщая о выкидыше сестре, сказала только одно: «Спасена!» И на самом деле, пока Оноре носит траур по своему несостоявшемуся отцовству, радуется счастливому избавлению. Теперь ей хочется вернуться в Верховню. Он взбешен – любимая в который раз отдалится от него. И так ее ответы приходят все реже. В его обращениях к ней – печаль, тихая настойчивость виноватого человека: «Пишу тебе урывками, глядя на огонь и думая о тебе, бросая взгляд на заголовок „Вотрен“ и лежащие передо мной чистые листы, на гранки „Крестьян“, и все время спрашиваю себя: почему нет писем? Чем она занята? С ней ли все еще дети? Или она одна? Нужен ли я ей?.. Господи, как я люблю тебя! Я чувствую тебя частью моей плоти, моего сердца, моей души, моей жизни, ты для меня – все». Чтобы позабавить, рассказывает, как встретил старого своего друга госпожу де Кастри, которая, хотя уже «одной ногой в могиле» и похожа на «труп, который заботится об одежде», все еще продолжает злословить. Узнав невесть как, что Оноре купил особняк на улице Фортюне, не удержалась, чтобы не прошипеть: «Говорят, дом ужасен!» – «Ужасен, ответил я, – продолжает Бальзак. – Напоминает казарму. Перед ним садик длиной в тридцать шагов и шириной в один. Похоже на тюремный двор. Но чего вы хотите? Я обрел здесь одиночество, тишину, и все обошлось так дешево». Заканчивая, признается Еве: «Действительно, внешне домик Божона не слишком привлекательный, к тому же, как я говорил тебе, не стоит слишком высовываться, покупка станет выгодной лишь после приобретения участка земли впереди и сбоку. Но это возможно только по приезде госпожи».

Зачем расписывает Ганской преимущества улицы Фортюне, неужели действительно рассчитывает на ее приезд? Сообщает о новых и новых достоинствах дома, но при этом опасается, как бы его хозяйственная деятельность не показалась ей чересчур смахивающей на помешательство: «Ты, должно быть, веселишься, видя, как великий автор великой „Человеческой комедии“ увлекается меблировкой и прочими схожими делами, без конца повторяя одно и то же и постоянно возвращаясь к подсчетам, словно лафонтеновский сапожник со своими экю. Но, как ты хочешь, котеночек, в этом – мы оба… Сейчас я сражаюсь ради нас и нашего счастья». И когда ему кажется, что, наконец, убедил свою корреспондентку заглянуть в Париж, та вдруг заартачилась: он кажется ей таким безответственным! Но теперь Оноре считает недостаточным иметь один только дом в столице, вновь возвращается к вопросу о замке Монконтур: «У нас будет и Божон, и Монконтур, – с невинным видом сообщает он. – Домик в Париже, маленький замок в Турени». Где взять деньги? В любом случае на нее рассчитывать не приходится, Ганская недвусмысленно заявила об этом. Бальзак отвечает градом цифр, из которых следует, что, во-первых, со дня на день он станет членом Французской академии, а это принесет приличное жалованье, во-вторых – продаст «Человеческую комедию», которая год от года будет обрастать новыми романами, и, следовательно, станет одним из богатейших людей Франции. Как только Ева поселится с ним в Париже, станет писать вдвое быстрее, лучше и, стало быть, заработает вдвое больше денег.

И вдруг, о чудо! Ева решает тронуться с места, провести два месяца во французской столице, а потом отправиться на Украину, к детям. Два месяца! Да это вечность! Бальзак рассыпается в благодарностях за неожиданную милость и с новыми силами бросается к своим рукописям. В мгновение ока готово «Последнее воплощение Вотрена», не по дням, а по часам продвигается «Кузен Понс», который должен уравновесить «Кузину Бетту» (они выйдут под общим заголовком «Бедные родственники»). Это история Сильвена Понса, музыканта без средств, жалкого нахлебника, которого богатое семейство презирает и отталкивает, пока однажды с удивлением не обнаруживает, что ему удалось собрать потрясающую коллекцию произведений искусства. С невероятным цинизмом и дьявольской изобретательностью родные разоряют его сокровища и доводят беднягу до смерти. Роман этот, как никакой другой, отражение самого Бальзака. Здесь его страсть к любопытным вещичкам, его бесконечная и безысходная любовь к Ганской, двусмысленные взаимоотношения с госпожой де Брюньоль, его детское простодушие перед недоброжелательностью и ловкостью окружающих. Это гимн собирателю, осуждение алчности буржуазии и размышления о старинных безделушках, ставших выгодным товаром в современном обществе. Автор остался доволен своей работой, приписывая успех Ганской, издалека вдохновлявшей его: «Здесь видна твоя помощь, твои чудеса. Поймешь ли ты, как я люблю тебя, до какой степени в тебе – моя жизнь? Не медли! Приезжай, приезжай, приезжай!» Он и раньше поторапливал ее: «Моя толстушка, добрая, нежная, сладострастная Ева! Соблаговолишь ли ты понять, что для твоего Норе ты – сама жизнь, соизволишь ли ты убедиться с февраля по конец апреля, за эти восемьдесят два дня, что ты – его единственное наслаждение, в тебе – вся его радость, сила, счастье… вся суть этого мучительного существования?» В начале февраля, уладив дела с газетами, писатель смог, наконец, присоединиться к Еве во Франкфурте. Он уже снял для нее квартиру на первом этаже особняка на улице Нев-де-Берри: гостиная, три спальни анфиладой и комната для прислуги. В ее распоряжении будет экипаж.

Бальзак выехал из Парижа четвертого февраля 1847 года, прибыл во Франкфурт шестого. Ева, воплощенное беспокойство, ждала его, сидя на чемоданах: ее пугала Франция, Оноре, будущее, она почти сожалела, что согласилась на путешествие. На него и на прочие расходы выделено было семь тысяч франков. Теперь эта сумма казалась ей огромной. Бальзак успокаивал: в Париже они будут экономить, никаких выходов в свет, никаких встреч, обедать – дома. Ему не терпелось показать свое творение – дом на улице Фортюне, образец комфорта и элегантности. Он ожидал возгласов восторга. Но с первых же шагов Ганская была разочарована: как можно было потратить столько денег на этот сарай, фасад которого больше всего напоминает складской? Зачем все эти инкрустации, мрамор, бронза, безделушки, которые только подчеркивают уродство целого. В комнатах холодно, окна закрываются плохо. Каждая мелочь – ничтожная показуха, пыль в глаза! Как будто вы в лавке старьевщика! Критика любимой сразила Бальзака. Столько надежд связывал он с их гнездышком, а та, что должна была бы похвалить его или, по меньшей мере, поблагодарить, осуждает! Защищаясь, говорил, что работы еще не завершены, пока это только стройка, откуда не убран мусор, с рабочими по углам. Графиня была неумолима – Оноре совершил чудовищную глупость! В который раз! Больше от нее ни су на устройство чудовищного дома, в котором невозможно жить. Что ж, он возьмет это на себя, найдет способ оплатить сам. А когда все будет закончено, Еве придется признать, что для нее приготовлен настоящий дворец и что в который раз ему удалось справить славное дельце.

Ганская провела в Париже несколько недель. Бальзак, забросив работу, гулял с ней по улицам, ходил по магазинам, музеям, водил в рестораны, Оперу, Варьете. Но по взаимному согласию они избегали показываться в гостиных друзей. Почти никто не нарушал их уединения. В апреле Оноре отвез Еву во Франкфурт и вернулся в отчаянии от одиночества, которое его ожидало, тем более что возникли новые осложнения. Пообещав Ганской окончательно избавиться от госпожи де Брюньоль, он наткнулся на агрессивное сопротивление своей «служанки». Бальзак рассчитывал смягчить ее семью тысячами франков и табачной лавкой или разрешением на торговлю марками. Теперь она настаивала на большем: рассвирепев, что не получила пока никакой компенсации, переписала двадцать четыре письма Евы из числа самых компрометирующих, в частности, где речь шла о беременности и выкидыше, и угрожала отправить дочери и зятю Ганской, а может быть, и русским властям, вызвать тем самым скандал, который навсегда испортил бы репутацию ее «соперницы» и даже способствовал бы выдвижению против нее обвинения в незаконном аборте. За молчание госпожа де Брюньоль требовала тридцать тысяч франков. Но впрямь ли она удовлетворится этим? Уступить шантажу значит спровоцировать новые требования. Поверенный Гаво советует вести переговоры. Бальзак предлагает пять тысяч наличными. Слишком мало! Он обращается к комиссару полиции, который сурово говорит с госпожой де Брюньоль, не исключая варианта тюремного заключения за кражу документов. Подобная перспектива заставляет ее отступить. Теперь Оноре жаль свою помощницу. Неужели он действительно мог любить ее и вызвать тем самым ревность госпожи Ганской? Влюбленная женщина способна на любое безумство, на любую низость. Не лучше ли замять дело, чем несчастная предстанет перед судом и процесс этот неизбежно привлечет журналистов, которые не упустят возможности посмеяться над ним. Перед лицом опасности Бальзак пишет Ганской: «Карга… хочет… устроить тебе неприятности в Польше… Котеночек мой, защищай наши две жизни с настойчивостью и отвагой, как я попытаюсь защитить здесь». Тем не менее отказывается применить «постыдное» средство, к которому советует прибегнуть Гаво, что могло бы заставить виновницу раскаяться: «Я сказал ему, что следует быть благородными со всеми, даже с воришками, и если не будет суда, моя совесть сама осудит меня». И заключает: «Я не вздохну спокойно, пока у меня не будет твоих писем». Вместо того чтобы провести обыск у госпожи де Брюньоль, Оноре сам идет к ней, пытается смягчить напоминанием о семи годах, прожитых ими бок о бок. Та согласна вернуть копии только в обмен на пять тысяч франков. «Дело с каргой будет улажено за дополнительные пять тысяч франков, которые я дам ей, чтобы письма вновь оказались у меня, – радостно сообщает он Еве. – Это сейчас обсуждается, как только все закончится, я снова обрету так нужное мне спокойствие и здоровье». Месяц спустя: «Я был у нее, она вернула мне письма, сказав при этом, что любит меня больше жизни и мысль оказаться у меня в немилости убивает ее. Я был прав, призывая пойти на соглашение, иначе это обошлось бы гораздо дороже, а так, ввиду ее бедности, она примирится и с простой подачкой в несколько тысяч франков. Но внутренне я говорил себе: она отдает не все! Что-то оставила себе! Так и есть, не хватает трех писем. Три или двадцать четыре – одно и то же. Но я получу и их. Не для того я затеял дело… Все это лишает меня желания заниматься литературой, я не делаю ничего. А должен работать по десять-двенадцать часов в день, чтобы заработать необходимые мне шестьдесят тысяч франков». Когда все письма Ганской оказались в его руках, графиня потребовала, чтобы он сжег их. Скрепя сердце Оноре соглашается на это аутодафе. Наблюдая, как горят свидетельства их долгой связи, чувствует себя так, словно присутствует при самоубийстве любовников.

Теперь необходимо выполнить все намеченное. Для начала он решает перебраться с улицы Басс на улицу Фортюне. Само по себе это не так уж плохо, но хлопоты превосходят все ожидания: столько рукописей и книг надо упаковать. Это не просто смена места жительства, перемена образа жизни. В новом доме сам расставляет милые сердцу безделушки, пытаясь оживить и согреть жилище, в котором так не хватает женского присутствия. Во время своего визита Ева взяла с него обещание ничего больше не покупать. Но надо оборудовать кухню, буфетную, не упустить выгодных предложений антикваров. Например, нельзя не поддаться искушению и не купить комод, принадлежавший когда-то Элизе Бонапарт, сестре Императора, – за четверть стоимости, всего-то четыреста франков. Зато вещь уникальная, оригинальная, поистине королевская. И потрясающие каминные принадлежности – пара канделябров за сотню франков. «Это последнее приобретение, – уверяет он Еву. – Я нисколько не жалею о последней купюре в тысячу франков, потраченную на дополнительную меблировку, никак нельзя было смириться с отсутствием вещей самых необходимых. Это как если бы я остановился на полпути». Несмотря на все уверения, покупки не кончались, госпожа Ганская из Верховни напрасно ругала не в меру расточительного жениха. Таяло и ее «сокровище» – акции Северной железной дороги каждую неделю падали в цене на бирже, а Бальзак был слишком занят устройством своего быта, чтобы писать и заключать новые договора. Все это сказывалось на его настроении. Мысли были только о том, где будет выигрышнее смотреться китайская ваза и где лучше пристроить люстру. «Я похудел, – сообщает он Еве, – меня ничто не интересует. Я начинаю ненавидеть этот пустой дом, в котором все задумано для той, которой нет». Оноре обещает работать над романами не покладая рук, если только она хочет видеть его на Украине. В какой-то момент опять думает

вместе с кем-нибудь написать пьесу, продолжение «Тартюфа» Мольера, назвать ее «Оргон». Но эта комедия должна быть в стихах, следовательно, необходимо участие поэта. Предупрежденный заранее Теофиль Готье отказывается приложить к этому руку. Бальзак решает довольствоваться второстепенными писателями: «Я подумал доверить один акт Шарлю де Бернару, два – Мери, еще два – двум поэтам наподобие Граммона». Проект остается только проектом, решительно в деле зарабатывания денег можно полагаться только на себя. Но сколько бы он ни поглощал черного кофе, мозг отказывается работать. Временная усталость или конец его творческих возможностей?

Эмиль де Жирарден недоволен тем, что «его» автор никак не предоставит окончание «Крестьян» – романа, который ему совершенно не нравится. «Я печатаю „Крестьян“ только потому, что нам надо уладить финансовые дела, иначе я бы ни в коем случае не стал их публиковать, – грубо заявляет он. – Если вам не составит труда вернуть „La Presse“ выданные вам в качестве аванса деньги, я с радостью откажусь от „Крестьян“. Бальзак, негодуя, отвечает: „Не соглашусь с вашим мнением – моя рукопись, мое произведение кажутся мне превосходными… Время покажет, как не правы те, кто считает его плохим“. На сей раз это был откровенный разрыв с Жирарденом. Перед Бальзаком захлопнулась еще одна дверь, что он подтвердил в письме к Ганской: „Крестьяне“ в „La Presse“ не появятся. Между Жирарденами и мной все кончено, и я испытываю искреннее удовлетворение». К счастью, во Франции есть и другие издания. Пусть Ева не беспокоится – проблем с тем, куда пристроить свою прозу, у него не будет никогда.

Да и совсем другие заботы у него – найти честных, вышколенных слуг. Бывший слуга, Милле, больше его не устраивает, он находит ему замену – эльзасец Франсуа Мюнх станет и портье, и кучером госпожи Оноре де Бальзак. По совету своей кухарки – итальянки Занеллы, «тихой, заботливой, спокойной и честной», нанимает горничную пятидесяти лет, белошвейку. «Она бельгийка, набожная… не легкомысленная», – спешит он уточнить Еве. Трое слуг за девяносто франков в месяц, плюс еда и экипаж, в год это составит двенадцать тысяч франков. Но тут Занелла совершает страшное преступление – в отсутствие хозяина предлагает соседу посмотреть дом. Подобная неделикатность возмутила Бальзака, подумавшего было уволить виновницу. Зато он с распростертыми объятиями встретил старшую сестру Ганской Алину Монюшко: та непременно хотела знать, что великий человек приготовил для Евы. Она была очарована, ее снедала зависть: «Что Верховня по сравнению с этим восхитительным домом! Я никогда не видела ничего подобного!» Монюшко уходила уверенная, что Бальзак скрывает истинное положение дел, что он – миллионер.

Это завистливое восхищение несколько утешило Оноре, ведь избранница-то не выказала ничего, кроме пренебрежения. Теперь его беспокоило еще и здоровье – он подозревал у себя «гипертрофию сердца». Энергии лишала, конечно, не она, а безразличие Евы, которая не сочла нужным отреагировать на его страдания. Говорит, что боится Парижа. Почему тогда так упорно сопротивляется его приезду в Верховню? Если жить с оглядкой на мнение окружающих, можно потерять счастье. И раз сама Ганская не понимает его, Бальзак обращается к ее дочери и зятю: умоляет замолвить за него словечко, объяснить «государыне», какая будет польза от его пребывания на Украине. «Ваша дорогая матушка пишет мне очень редко и запрещает мне приезжать на Украину. И то, и другое кажется мне лишенным всякого смысла… Я так привык к вам троим, что жизнь мне стала невыносима, ничто не может развлечь меня. Я словно пес без хозяина, который хочет только, чтобы тот был у него». Ему необходимо делить с Евой жизнь, он вновь подумывает обратиться к царю, описать свои несчастья, получить разрешение на натурализацию и, таким образом, право жениться на вдове господина Ганского. Бальзак делится этим замыслом с Анной: «Мой дом мне отвратителен, литература кажется пресной, я сижу сложа руки, когда должен работать. Так у меня возник план продать дом и все барахло… устроиться на Украине учителем французского, танцев и хороших манер… Я бы поехал в Петербург попроситься на службу к Его Величеству, может, в полицию на Украине». Какова доля шутки в этом стремлении к добровольной ссылке? Несомненно, не знает сам. Его гложет одна мысль: бежать из Парижа, сменить воздух, режим, читателей, возродиться в сиянии Ганской. Он готов отказаться от самых своих тиранических, самых дорогостоящих капризов, только бы Ева приняла его в своем русском раю: «Я сделаю все, что вы мне прикажете. Для меня не существуют больше торговцы всякой всячиной, я никогда больше ничего не куплю». Оноре настаивает, что присутствие рядом с Ганской такого мужчины, как он, готового встать на ее защиту при любых обстоятельствах, настоятельная необходимость. Будущее Европы представляется ему трагическим. Худшее из зол – пропаганда коммунистических идей, которые подстрекают народ к бунту: «Я предвижу великие опасности для вас, и мне становится страшно, спрашиваю себя, хватит ли вам времени осуществить все вами задуманное. Полагаю, что пламя распространится быстро… Вы даже представить себе не можете, что такое коммунизм, доктрина, предполагающая перевернуть все вверх дном, поделить все, включая продовольствие и товары, между людьми-братьями. Вы знаете, что я думаю о насилии, но подобные апостолы, готовящие всеобщее потрясение, заслуживают только смерти. Социализм волнует Швейцарию, волнует Германию, он всколыхнет Италию, и мы увидим много всего».

Наконец, под напором Анны и Георга Ганская смягчается: она все еще не говорит «да», но уже не говорит «нет». Ладно, пусть уж приезжает, раз ему так хочется! Бальзак готов подчиниться немедленно, но разом бросить дела не может. Чтобы порвать с Парижем, требуется время. Поверенный Гаво, видя, как Оноре мучается, говорит: «Уезжайте, вы еле живы!» – «Правда, – признается Бальзак Еве, – я невероятно страдаю душевно и физически. Поймите, посреди этой бесконечной роскоши я уже месяц не ел хлеба… Я не в состоянии выудить хотя бы одну мысль, написать хотя бы одну строчку, хотя вовсю стремлюсь работать». Он пытается найти денег на путешествие, обращается к одному, другому. Издатель Ипполит Суверен дает четыре тысячи франков в обмен на вексель, обеспеченный пятнадцатью акциями Северной железной дороги. Бальзак отправляется за визой, но мысленно уже в пути: «Поймите, я увижу вас, вас, – пишет он Ганской, – я буду счастлив как минимум два месяца!.. Только опасаюсь, что уже никогда не уеду, и мы продадим дом на улице Фортюне, чтобы остаться в Павловске, забыв всех и забытые всеми».

Пятого сентября 1847 года он покидает Париж. В преддверии долгого путешествия запасается провизией: галеты, концентрированный кофе, сахар, фаршированный язык, бутылочка анисовой водки. На поезде добирается до Брюсселя, оттуда, тоже поездом, до Кельна. Затем дилижанс до Ганновера, оттуда снова поездом в Берлин. Еще одна ночь в вагоне, и вот уже Бреслау. Затем – Краков. На каждой остановке он убеждается, что имя его знают, и эта известность несколько даже удивляет его, она отрадна и заставляет забыть неприязнь парижских журналистов. После Радзивилова начинает ощущать всю свою значимость, директор таможенной службы генерал Поль Хайкель устраивает в честь него праздник. Поприветствовать писателя, словно он официальный гость, приходят представители местной власти.

Некоторое разочарование постигнет Бальзака, когда придется залезть в кибитку, хоть и закрытое, но весьма неудобное средство передвижения, которое доставит его в Дубно. Даже подушка, подаренная генералом, не спасет от тряски, вознаграждением за которую будет украинская ночь: «Ночь была великолепной, небо, похожее на синее покрывало, прибитое серебряными гвоздями. Полное одиночество, пустыню оживлял звук колокольчика на шее у лошади, который в конце концов стал бесконечно нравиться мне». После восьми практически бессонных дней он с наслаждением бросается на кушетку и в тот же миг засыпает. На следующий день его ждут еще тридцать часов пути. Проезжая бескрайними полями, всматривается в лица встреченных мужиков и с первого взгляда решает, что они должны быть довольны судьбой: «Повсюду вижу группы крестьян и крестьянок, которые весело идут на работу или возвращаются домой с видом беззаботным, и почти всегда с песней». Тот факт, что они являются собственностью хозяина, наравне с домашним скотом, мало волнует путешественника, взамен ведь они защищены от таких бед, как голод. Словом, они беспечны и их опекают, словно ребенка в лоне семьи. «Его [мужика] кормят, ему платят, рабство не так уж и плохо для него, так как является источником счастья, спокойствия, – заключает Бальзак. – Предложите русскому крестьянину свободу в выборе работы, уплаты налогов, он откажется». Решительно все в этой стране восхищает его, раз это страна, где живет Ева. С каждым поворотом колеса он все ближе к ней. За Бердичевом, куда Оноре прибывает тринадцатого сентября, начинается настоящая степь: «Это пустыня, царство хлебов, это прерия Купера и ее тишина». Вдруг, в сумерках, когда он почти заснул, просыпается от очередного толчка. Не мираж ли это? Перед ним земля обетованная – Верховня! «Я заметил нечто, напоминающее Лувр. Греческий храм в золотых лучах заходящего солнца».

Глава пятая

Украина. Счастье

В Верховне всего было в изобилии: земли, крестьяне, дружба. Ганским принадлежала двадцать одна тысяча гектаров земли и более тысячи крепостных мужского пола. В просторном, но обветшалом доме встречались анфилады пустынных, без мебели, комнат. Голые стены, печи топили соломой. Хотя вокруг хозяев крутилось почти триста слуг. По вечерам зажигали масляную лампу, которая едва справлялась с наступившей темнотой. Днем из окон открывался вид на бескрайние пшеничные поля. Поместье жило своей, не имевшей, казалось, ничего общего с внешним миром жизнью, а потому надо было иметь под рукой мастеров на все случаи жизни: поваров, портных, сапожников, плотников, ткачей, обивщиков мебели… Здесь царила автаркия, обитатели Верховни гордились собственной самодостаточностью.

Ева приготовила для Оноре весьма кокетливую обитель – спальня, гостиная, кабинет: «розовая штукатурка, камин, великолепные ковры». К нему был приставлен мужик, который демонстрировал свою преданность – дополнительное украшение патриархального быта. А почитание всегда привлекало Бальзака. Россия казалась ему образцом политического устройства, где у каждого свое место, которым он вполне доволен. Добросердечие хозяев, которые приняли его как члена семьи, заставляло видеть идеальной и остальную Россию. В Верховне он чувствовал себя не в гостях, а дома. Ева, Анна и Георг были сама предупредительность и теплота, это позволяло забыть и неуют, и холод, проникавший сквозь стены той осенью.

Анна целыми днями читала романы и исторические журналы, ее мать вышивала, Георг отрывался порой от своей коллекции насекомых, чтобы поболтать с женщинами и гостем, покоренным богатствами этой страны, которому казалось непростительным, что ее жители так неумело пользуются ими. Он бы, например, охотно занялся этим, тем более что у него явно есть деловая «шишка». И на сей раз не упустит удачу. Предприятие будет гораздо доходнее сардинского серебра! У братьев Мнишек, Георга и Андрея, двадцать тысяч арпанов[26] земли, или, другими словами, шестьдесят тысяч высоченных дубов. В Европе, где требуется лес для железнодорожных шпал, их можно выгодно продать. В озарении Бальзак пишет сестре Лоре, чтобы та заинтересовала этим мужа. Сюрвиль производит подсчеты: увы! Транспортные расходы по доставке украинских дубов будут слишком велики. От проекта приходится отказаться. Лопнул еще один радужный мыльный пузырь.

Оноре пытается найти утешение в работе – начал новый роман, «Посвященный», который должен стать продолжением «Изнанки современной жизни». Это история молодого человека, лишившегося последней надежды, его спасает от самоубийства святая женщина, госпожа де ла Шантери. Она возглавляет тайное общество, объединяющее людей богатых и набожных, поставивших себе целью избавлять от несчастий тех, чьи душевные качества того заслуживают. «Посвященные», тоже спасенные в свое время, исповедуют в своей повседневной жизни принципы духовности, которые впитали в пору своего «ученичества». Словом, апология милосердия в роли двигателя социального преуспеяния. Возврат к моральным проповедям «Сельского доктора» и «Сельского священника». Сидя вечерком у огня, Бальзак читал рукопись хозяевам, те плакали от волнения. В эти мгновения ему казалось, что магией своего таланта он неотвратимо склоняет Еву к мысли о женитьбе. Торопить ее не решался из боязни решительного, окончательного отказа. Она такая хрупкая! Все время жалуется на ревматизм. Ее личный доктор советует опускать ноги во внутренности свиньи, извлеченные из только что зарезанного животного.

Предписание это кажется гостю чрезвычайно странным, но оснований не верить эскулапу у него нет. Он не моргнув глазом глотает его порошки, которые должны помочь от головной боли.

Усталость не мешает писателю посетить Киев в сопровождении Ганской и ее дочери. Там его представили военному губернатору Украины генералу Бибикову. Одновременно был урегулирован вопрос с разрешением на пребывание в России. Город трехсот церквей несколько разочаровал. «Это хорошо увидеть однажды, – делится он с сестрой. – Со мною все исключительно предупредительны. Ты можешь представить себе, что один богатый мужик прочел все мои произведения, каждую неделю ставит свечку Святому Николаю за мое здоровье и пообещал денег слугам одной из сестер госпожи Ганской, чтобы его известили о моем возвращении и он мог увидеть меня?» Будучи настоящим путешественником, Оноре посетил Лавру, Софийский собор, пещеры. Повсюду выражал восхищение, чтобы понравиться Еве, выполнявшей роль гида. Впрочем, им почти не удавалось остаться наедине – их постоянно сопровождала Анна. В ее присутствии говорить о женитьбе не следовало. Ганская по обыкновению была и доброжелательна, и уклончива, на все согласна, но так далека от него.

Неуверенность измучила Бальзака, он решил перейти в наступление. По собственной инициативе составил обращение к канцлеру, графу Нессельроде, прося у царя разрешения жениться на одной из вернейших его подданных: «С госпожой Ганской меня связывает давняя чистая и искренняя дружба. Сегодня я почти совершенно уверен, что единственное препятствие моему с ней союзу – ее нежелание выйти за иностранца без одобрения этого шага ее государем. Я умоляю Ваше Сиятельство положить к ногам Его Величества Императора Всея Руси, Вашего Августейшего Хозяина, смиренную просьбу, с которой я имею честь к нему обратиться, получить его отеческое разрешение, с уверениями моей глубокой признательности, с которой приму его разрешение. Я исполнен душевного удовлетворения от одной мысли, что от Него зависит все счастье моей жизни». Чтобы Нессельроде был благосклоннее, Оноре напоминает, какой вклад в русскую культуру внесли французские писатели XVIII века, Вольтер, например. «Ваша Светлость, подкрепите мою просьбу этими причинами, не лишенными определенного благородства. Встаньте перед Вашим Августейшим Хозяином на защиту привязанности, которой вот уже пятнадцать лет и чистота которой говорит сама за себя…»

Черновик Оноре показал Ганской. Та была сражена и его неловкостью, и его смелостью, просила ничего не посылать Нессельроде. Скрепя сердце проситель согласился. Между тем Ева приняла решение передать все свое состояние дочери в обмен на пожизненную ренту. Бальзака это обрадовало: возрастала вероятность получить согласие на женитьбу и от властей, и от родственников Ганской. «Я в высшей степени доволен: та, что составляет счастье моей жизни, свободна будет от всякой корысти», – пишет он сестре. Сам же, покидая Париж, составил завещание, согласно которому оставлял все свое добро Ганской, но с условием, что его матери будет выплачиваться пожизненная рента в три тысячи франков в год. Перечисление оставляемого в наследство имущества заканчивалось так: «Я согласен на самую скромную похоронную процессию с единственным экипажем для священнослужителей». Так, без конца ругая столь мало любившую его мать, все же заботится о том, чтобы обеспечить ей старость. Госпожа Бальзак написала сыну в Верховню вскоре после Нового года, сообщая новости с улицы Фортюне, которую навестила по его просьбе: «Я нашла все в большом порядке и чистоте, к которой не могла бы придраться и самая аккуратная хозяйка. У тебя два славных сторожа, которые мне показались людьми честными. Они ждут твоего возвращения… Дорогой мой, я, как всегда, в твоем распоряжении, чем очень счастлива, ведь ты знаешь, что я всегда рада быть полезной тем, кого люблю. Можешь рассчитывать на меня во всем, располагать каждым мгновением моей жизни… Ты знаешь также, что на меня давят некоторые обстоятельства. Не забудь о своем обещании, я должна получить то, что причиталось мне 15 апреля и за период до того. С нетерпением жду твоего возвращения, и, думаю, нам удастся договориться о том, чтобы мне получить хотя бы возможный минимум».

Письмо матери, в котором та демонстрировала и привязанность, и заинтересованность, напомнило Бальзаку о его парижских обязательствах. Мать нуждалась в нем. Не мог все время оставаться необитаемым дом на улице Фортюне. Тридцать первого января 1848 года наступал срок выплаты тридцати тысяч франков по векселям. Курс акций Северной железной дороги шел то вверх, то вниз, требовались новые денежные вливания для их спасения. Во Франции вовсю развернули свою деятельность республиканцы: опасались уличных беспорядков, надо было быть на месте, чтобы защитить собственность. Оноре, мечтавший пробыть в Верховне до марта, вынужден был начать подготовку к отъезду. Чего же удалось добиться от Евы во время их кратких перешептываний с глазу на глаз? Ганская не скрывала, что рада будет время от времени встречаться с ним, но о замужестве не думала вовсе: владелице ли Верховни становиться парижской буржуа? Ее устраивало сложившееся положение дел: писем вместо поцелуев было вполне достаточно. Она жила счастьем дочери и не гналась за собственным.

Услышав от Бальзака о грустной необходимости трогаться в путь посреди зимы, удерживать не стала. Довольствовалась тем, что подарила лисью шубу. Но морозы были такие лютые, что местный портной сшил для вечно зябшего француза пальто, которое надевалось поверх шубы, словно броня. При прощании растроганная графиня добавила к этим практичным подаркам еще один – девяносто тысяч франков, которые должны были помочь ему справиться с трудностями, поджидавшими его в Париже. Он благодарил за все: гостеприимство, деньги, шубу, отмеренную по каплям любовь.

За эти четыре месяца писатель не так уж плохо поработал, ведя жизнь рассеянную и счастливую. Но, самое главное, был свободен от мелочных забот, досаждавших ему дома: не надо было вовремя предоставлять очередную рукопись, выпроваживать кредиторов, занимать деньги, сопротивляться журналистам… И если в Верховне сердце его не успокоилось, то рассудок, безусловно, да. По возвращении на улицу Фортюне обо всем этом можно будет забыть.

Оноре тронулся в путь тридцатого января, дрожа и бранясь, доехал в повозке до Львова, затем до Кракова, где смог, наконец, сесть в поезд на Бреслау. Каждый этап путешествия он подробно описывал Ганской – та должна была знать о каждом его шаге, о людях, которые ему повстречались, о курсе рубля в разных городах. Сделав крюк – Майнц и Франкфурт, вернулся в Париж еще более потерянным, чем чувствовал себя в Верховне на другой день после своего приезда. Только там он жил вне времени и пространства в неприступной крепости, в столице сразу окунулся в суматоху и шум современности. Улицы выглядели угрожающе, друзья – измученными и озабоченными. Сам же задавался вопросом, не лучше ли быть подданным Николая, чем Луи-Филиппа.

Глава шестая

Горячка политическая, горячка любовная

Париж лихорадило. Реформисты то и дело устраивали банкеты, на которых ораторствовали, ругая правительство и требуя смены власти. Казалось, даже национальная гвардия была охвачена либеральной горячкой. Будучи апологетом сильной власти, Бальзак презирал мягкотелость Июльской монархии, но возможная жестокость дезориентированной толпы не могла не внушать опасений. Вернувшись пятнадцатого, двадцатого писал Ганской: «Вы и знать не знаете, что мы на пороге революции. Оппозиция развязала сражение с властью на улицах, это может закончиться ничем или перевернуть все».

Двадцать второго обедал у Жана де Маргонна, у которого в Париже была небольшая квартира. Большинство приглашенных в последнюю минуту отказались прийти из-за беспорядков. Бальзаку пришлось брести домой пешком – экипажи опасались выезжать на улицы. Он обнаружил, что баррикады вплотную приближались к его дому. Войска методично разрушали их, не оружием, топорами. Но эти серьезные события отступили на второй план, когда пришло письмо от Евы. Немедленно сел за ответ: «Вы не можете представить, какие чувства всколыхнул во мне запах этой бумаги… Я ненавижу Францию и готов на всю жизнь остаться в Верховне или Павловске». В тот же вечер Оноре узнал, что король уступил толпе и сдал не слишком популярного главу правительства Гизо, поставив на его место Моле. «Это первый шаг Луи-Филиппа к ссылке или на эшафот, – пророчествует Бальзак. – Разумные люди удручены, но это единственное, что им остается… Вокруг кричат: Долой Луи-Филиппа! Да здравствует Республика! Что с нами будет? Я приведу в порядок свои паспорта – не хочу жить при Республике, да ей и не устоять больше двух недель». И вновь провозглашает необходимость автократии: «Политика не должна знать жалости, только так государство может быть уверенным в своих силах. Признаюсь: видя то, что приходится видеть, лишний раз выступаю сторонником австрийского carceri duri, Сибири и всех форм абсолютной власти. Моя доктрина абсолютизма годна на все времена, ее сторонником стал даже Сюрвиль. То, что случилось в эти два дня, – позор… Это все глупости резонера, сидящего на троне».

В ночь на двадцать пятое февраля Луи-Филипп отрекся от престола. Регентшей стала герцогиня Орлеанская, мать графа Парижского девяти с половиной лет от роду. Король пешком вышел из Тюильри и сел в экипаж на площади Согласия, бежав от своего народа. Но народу не нужна была ни регентша, ни граф Парижский, и, говоря словами Бальзака, «несколько несчастных» провозгласили Республику. Составилось временное правительство, которое никто не мог возглавить. Любопытства ради Оноре вместе с другими зеваками спустился по Елисейским Полям до Тюильри, открытого теперь всем ветрам. Опьяненные победой, повстанцы били зеркала и хрустальные люстры, срывали бархатные занавески, драли картины, жгли книги. Затем вандализм уступил место грабежу – брали все, что попадалось под руку. Это был праздник глупости, жестокости и алчности. Хотя зрелище и внушало отвращение, инстинкт коллекционера взыграл, и Бальзак унес на память куски драпировки и украшения трона, а также несколько тетрадок «маленьких принцев» – графа Парижского и герцога Шартрского. Покончив с Тюильри, бунтовщики беспрепятственно проникли в казармы, где завладели оружием, сожгли принадлежавший королю дворец в Нейи. «Париж во власти последних негодяев. Самые революционные меры с быстротой молнии сменяют одна другую. Каждый гражданин – гвардеец. Наконец, они уже произнесли эти фатальные три слова: свобода, равенство, братство. Все называют друг друга на „ты“… Предвижу гражданскую войну во Франции или войну с Европой», – констатирует Оноре, которого никак не могло успокоить, что в состав временного правительства вошел его друг Ламартин. Напротив, неистовый романтизм поэта внушал опасения: вместо того чтобы успокоить народ, он подогревал страсти необдуманными обещаниями. «Теперь Ламартин! Гарантирует каждому работу, причем работу, которая способна удовлетворить все их нужды… Это сумасшествие. Таково начало. Каков будет конец?»

Глядя на разграбление Тюильри, Бальзак встретил знакомого молодого литератора Жюля-Жака Шамфлери и пригласил к себе на улицу Фортюне. Встреча продолжалась три часа. Добродушно настроенный хозяин был одет в свое знаменитое монашеское одеяние. «Он смеялся много и громко, – будет вспоминать Шамфлери. – Живот его сотрясался от радости, за полнокровными губами скрывались несколько редких зубов, мощных, словно клыки». С неподражаемой уверенностью старшего товарища тот давал ему советы, как устроить свою карьеру. Гость специализировался на коротеньких сказках для газет. Автор «Человеческой комедии» полагал, что такие писания забываются сразу по прочтении. Только романы и театр приносят деньги и известность. В качестве подтверждения своего преуспеяния провел собеседника в «галерею», гостю вдруг показалось, что он прогуливается среди сокровищ кузена Понса.

В тот день Бальзак был в прекрасном настроении. Но страх не заставил долго себя ждать: первого марта на Елисейские Поля вышли десять тысяч рабочих, желавших работать меньше, получая при этом больше, это означало удорожание рабочих рук. «Конец всякой торговли», по словам писателя. Вокруг прятали деньги. Буржуа трепетали. Прошел слух, что Республика хочет

национализировать железные дороги, немедленно обвалились акции Северной железной дороги. В газетах царила паника, невозможно было пристроить рукопись ни на каких условиях. Да никто ничего и не читал – политика убила литературу. Дом на улице Фортюне потерял три четверти своей стоимости. На тысячи квартир в Париже не было ни покупателей, ни съемщиков. Одна за другой закрывались лавки, множились банкротства. Все только и говорили, что о выборах в Конституционное собрание, назначенных на апрель. Избирательный ценз был сведен к двумстам франкам, Оноре, будучи домовладельцем, вполне мог выставить свою кандидатуру. Что и сделал, не питая особых иллюзий, исключительно ради того, чтобы еще раз попытать удачи на общественно-политическом поприще. Программа его была проста: сильная власть надолго, которая смогла бы гарантировать «нашу собственность, торговлю и искусства, составляющие богатство Франции». Если не изберут, уедет в Верховню. Ему нечего делать в Республике, где народ станет навязывать свою волю ни к чему не способному правительству.

Во время апрельских выборов республиканцы получили подавляющее большинство голосов. Бальзак довольствовался двадцатью, проявив полное пренебрежение к избирательной кампании. За Ламартина отдали голоса миллион шестьсот тысяч человек. Впрочем, Оноре продолжал упорствовать во мнении, что министр-поэт долго не продержится. Луи-Наполеон был триумфально поддержан в четырех департаментах, что давало ему шансы на скорое воцарение. «У нас разыгрывается какая-то пародия на Империю», – комментировал потерпевший поражение кандидат на место в Конституционное собрание. Сидел в своем особняке на улице Фортюне в окружении редких вещиц и довольствовался хлебом, сыром и салатом. Нервная болезнь дала осложнение на глаза – порой изображение двоилось. Ослепнув, он никогда не завершит свой труд. На что тогда жить? На пожертвования читателей? На милостыню Евы? Доктор Наккар обнаружил еще и нарывы в ушах. Мать советовала пиявки на виски. А любимая вовсе не стремилась видеть его в Верховне и даже советовала взять в качестве служанки молодую, свежую, послушную особу. Пораженный, Бальзак показал это письмо парижской сестре Евы, Алина Монюшко предложила решение, исключавшее и графиню, и служанку, – жениться на ее дочери Полине. Оноре немедленно известил Ганскую об этом нелепом предложении, та была задета, как будто он уже променял ее на другую. Значит, решил Бальзак, ревнует, а следовательно, любит, и у него есть все основания надеяться на женитьбу. Если, конечно, со временем она не изменит своего отношения!

Посреди этого разброда чувств, политических неурядиц и физических недугов произошло и радостное событие – госпожа де Брюньоль обрела мужа. И не какого-то полусумасшедшего скульптора, а богатого промышленника, вдовца с двумя малолетними детьми. «Этот человек безумен!» – воскликнул Оноре, забыв, что, презирая и ненавидя ее теперь, был когда-то ее любовником. Как бы то ни было, можно успокоиться: выгодно и с почетом пристроившись, карга, несомненно, откажется от шантажа и отдаст оставшиеся у нее письма Ганской. Госпожа мать, не потерявшая уважения к бывшей служанке-любовнице, присутствовала на брачной церемонии, спрятавшись в углу церкви Сен-Рош. «Какое счастье быть уверенным, что эта муха не укусит больше моего котеночка», – писал Бальзак Еве. И продолжал: «Никто не работает, пять дней Париж занят обороной».

В таком водовороте событий невозможно было заняться чем-то серьезным, пришлось опять взяться за пьесу. Три акта «Мачехи» были прочитаны директору театра «Историк» Ипполиту Гоштейну и Мари Дорваль, которая дала согласие на главную роль. Гоштейн настаивал, чтобы вторая женская роль досталась его любовнице. Случилось так, что у Дорваль умер четырехлетний внук, она решила на время покинуть сцену, та смогла занять место примы. Начались репетиции. Взаимная ревность женщины и ее падчерицы из-за молодого человека, в которого обе влюблены, попытка отравления, ловко скроенная интрига, бодрые диалоги. Оноре уже подсчитывал сбор от грядущих представлений. На премьере, двадцать пятого мая, публика устроила овацию. Благосклонной была и критика. «Это его первый настоящий успех в театре», – написал Жюль Жанен. Теофиль Готье приветствовал рождение нового драматурга, который внесет свежую струю в сценическое искусство. Увы! Момент был выбран крайне неудачно, привлечь толпы зрителей не удалось: то тут, то там вспыхивали мятежи, люди предпочитали сидеть по домам и не высовываться. На втором представлении зал был почти пуст. Гоштейн заявил, что в сложившейся ситуации после тридцатого мая снимет пьесу, а труппа отправится в Англию. Итак, «Мачеха» принесла автору всего пятьсот франков. Ему грезились астрономические суммы, неудача ошеломила: «Никто не идет в театр, ведь на каждом углу есть клубы! Когда я думаю о современной Франции, у меня разрывается сердце». Единственное, за что он может уцепиться в этом вихре, – Ганская: «Посреди общих несчастий и личных неудач меня поддерживает и заставляет жить одно только чувство. Без моей Евы я давно бы умер от горя… Да, без вас мне не жить, я уверен в этом: видеть, как после двадцати пяти лет работы, в свои пятьдесят лет и одиннадцать месяцев занятое с таким трудом и столькими стараниями положение невозможно более удерживать пусть даже еще более напряженными трудами, это все равно что потерять веру в Высшую Силу».

В субботу третьего июня стало известно о новом всплеске насилия в столице. Жан де Маргонн предлагал перебраться в Саше, Оноре решил воспользоваться этим дружеским приглашением. Ему казалось, что вдали от парижских беспорядков обретет необходимый для работы покой, хотелось завершить только-только начатую пьесу «Мелкие буржуа», быть может, набросать еще несколько комедий. Но его вдруг одолела болезненная лень. Маргонн, овдовевший в 1841 году, вел существование спокойное, размеренное, полное комфорта. Дом часто навещали друзья, с которыми тот обедал, играл в вист. Много ели, наслаждались винами. «Мне здесь так хорошо физически, что любые всплески умственной активности, столь уместные в Париже, сходят на нет, мне трудно заставить зазвучать струны, необходимые для работы», – делится Бальзак с Евой. Кроме того, у него сердцебиение и одышка, он с большим трудом поднимается по крутой лестнице. А из Парижа приходят новости одна тревожнее другой: митингующие ходят по улицам, требуя «работы и хлеба». Двадцать второго июня Исполнительный комитет, приказавший ранее закрыть национальные мастерские, передает генералу Кавеньяку всю полноту военной власти, дабы он успокоил недовольных. Те ответили возведением баррикад на улице Сен-Дени, скоро центр и восток столицы оказались охвачены восстанием. Последовало кровавое подавление бунта и бесчисленные аресты. Поговаривали, что «июньские дни» обошлись в двадцать пять тысяч погибших. Большими оказались потери и в рядах Национальной гвардии.

Театры закрылись. Ламартин утратил всякий авторитет. Народ обезумел и не знал, что делать. Бальзак радовался, что вовремя удрал в Саше, так как в Париже попал бы под мобилизацию в Национальную гвардию и, несомненно, пал бы во время очередной атаки на баррикады: «Моя фигура была бы хорошей мишенью для мятежников», – шутил он. Но шутка эта отражала глубоко запрятанный страх. Маргонн опасался, что передряги начнутся и в провинции, и подумывал перебраться еще куда-то. Саше не казался ему больше надежным убежищем. А Оноре вдруг решил во что бы то ни стало вернуться к себе на улицу Фортюне.

Он расстается с Саше шестого июля и приезжает в обескровленный, повергнутый в ужас Париж. К счастью, дома его ждут письма Евы, при виде их писатель оживает и отвечает ей: «Это рай! Утолить жажду, не отрываясь от источника вашей души, прожить два месяца вашей жизни за два часа, описать это невозможно… Посреди угрюмого, пустынного Парижа, Парижа, который покинула почти треть его жителей, я испытываю радость, и вы знаете, почему: я вижу, что вы любите меня так же, как я вас». Ева не довольствовалась одними письмами, прислала еще и десять тысяч франков, благодаря чему он смог спасти акции, которые, конечно, пойдут вверх, едва будет закончено строительство железнодорожной сети. Неожиданно «Комеди франсез» предложила ему выплатить авансом пять тысяч франков за «Мелких буржуа». И вот уже мечты о сценическом варианте «Человеческой комедии». Хватит ли только сил и времени?

Четвертого июля умер Шатобриан. Бальзак принял участие в траурном шествии и заупокойной мессе в церкви на улице Бак – все это предшествовало торжественной церемонии погребения в Сен-Мало – и прислушивался к тому, что говорили о последних событиях пришедшие. «Было холодно, безразлично и размеренно, словно на бирже». Оноре пообедал у сестры, вечером играл в вист, домой вернулся в экипаже. На улицах раздавались крики часовых: «Разойтись!», «Берегись!», «Есть кто живой?» Те, кто отказывался подчиниться, рисковали быть убитыми на месте.

Грусть от потери великого человека не мешала попыткам сделать очередной шаг на пути к собственному признанию. Едва вернувшись с похорон Шатобриана, писатель вновь озаботился креслом академика. Гюго поддерживал его в этом стремлении, хотя и предостерегал от излишней поспешности, которую могут расценить как неучтивость. Следовало выждать, чтобы соблюсти приличия. Двадцатого июля возобновились представления «Мачехи» в театре «Историк». Но зрители еще не успели оправиться от революционных потрясений, а потому не пришли. По этой причине спектакли отменили до двадцатого августа. Подобное невезение, казалось, должно было заставить Бальзака отказаться от театра, но он, напротив, «заболел» им. Неприятности со зрением и сердцем не помешали ему заняться «Меркадетом» (окончательное название – «Делец»), которого он отважно представил актерам «Комеди франсез», несмотря на отсутствие последнего, пятого акта. Вышел из положения, со свойственной ему живостью пересказав содержание. Пьеса была единогласно принята к постановке, но до начала репетиций ее надо было завершить, и здесь могли возникнуть затруднения.

Оноре полагал, что никакие театральные или академические заботы не вправе лишить его очередного, столь желанного визита в Верховню. Воспоминания о любимой – детали ее туалета, запах волос, шелест платья – помогали одолеть парижскую жизнь, которую с трудом выносил с тех пор, как властью завладели республиканцы. В преддверии грядущего путешествия он навещает кюре своей приходской церкви, чтобы получить у него разрешение на венчание вне столичной епархии. Священник демонстрирует понимание, но соглашается на проведение подобной церемонии только в рамках католической епархии Польши. Так как Ганская собиралась вскоре быть в Петербурге, Бальзак уверял ее, что сумеет раздобыть подобное разрешение на брак в столице Российской империи. Оставался вопрос визы. Собрав все необходимые документы, он обратился с письмом к министру просвещения графу Уварову и другому графу, Орлову, министру юстиции. Первый советовался со вторым: «Я никогда не имел дела с господином де Бальзаком, которого знаю только по его сочинениям, но коего политическая пассивность известна мне так же». Два дня спустя Орлов передал царю записку, в которой говорилось об уместности визита писателя в Россию: «Принимая во внимание безупречное поведение Бальзака во время его последнего пребывания в России… считаю возможным удовлетворить просьбу Бальзака и позволить ему приехать в Россию». Император собственноручно начертал карандашом, по-русски, на документе, переданном ему министром: «Да, но под строгим наблюдением». Орлов известил Бальзака об этой августейшей милости: «Рад сообщить вам, мсье, что Его Величество Государь Император… приказал разрешить вам въезд в Империю… Мне остается только выразить уверенность, что вы сможете позабыть здесь о бурях, сотрясающих мир политики. Приезжайте и разделите с нами полную безопасность, которой мы наслаждаемся. Вы увидите: европейские потрясения ни в коей мере не сказались на постоянном и мирном движении вперед, свидетелем которого вы сами стали год назад. Быть может, вы даже обнаружите, что эхо этих гибельных событий заставило нас еще теснее сплотиться вокруг национального принципа, гаранта наших судеб и источника наших самых насущных интересов».

Уф! Пала последняя преграда. Двадцать второго августа Бальзак получил в префектуре полиции свой паспорт, а через несколько дней – визу в консульстве России. Как никогда, был полон решимости бежать от французского разложения и осесть в России. Отъезд требовал скорейшего урегулирования всех дел – управление литературными и театральными передано было Лоран-Жану, дом на улице Фортюне доверен матери. Казалось, Оноре порывает с миром, которому нет до него никакого дела. Действительно, образ жизни, воцарившийся теперь во Франции, был ему абсолютно чужд. До сих пор он существовал среди персонажей «Человеческой комедии», будучи одним из них. Но рождался новый, неизвестный ему мир, населенный незнакомыми людьми. События развивались с невероятной скоростью, за ними не поспеть, герои наподобие Вотрена, Рюбампре или кузины Бетты уже не могли появиться на свет. Быть может, время его закончилось? И только магия театра позволит достойно справиться с этим испытанием, а романы исчерпали себя? Голова шла кругом: прошлое помогало ему творить, настоящее – туманно, Бальзак спешил к Еве в последней надежде на счастье. Какая разница, что будет во Франции – республика, монархия, только Верховня, где его ждут, имеет значение. Он же не турист в погоне за новыми впечатлениями, а

добровольный изгнанник в поисках новой родины. Но ему нужна, конечно, не царская империя, а империя его Евы. Первый поцелуй вернет ему вкус к жизни и счастье писать. По его словам, у него штук семнадцать восхитительных сюжетов для пьес, «в Верховне я спокойно могу писать четыре пьесы в год. О, дорогая, наконец я никогда не оторвусь от любимой юбки, буду навеки пришит к ней!»

Девятнадцатого сентября 1848 года, после многих усилий и задержек, которые словно испытывали его терпение, Бальзак прибыл на Северный вокзал и сел в вечерний кельнский поезд. Сопровождавший его груз был тяжел, но на сердце – легко.

Глава седьмая

Последние препятствия на пути к женитьбе

Верховня ничуть не изменилась, другим стал Бальзак: уставал от малейшего усилия, потерял вкус к работе. Хотя ничто постороннее не отвлекало его здесь. Утром он приходил в *свой* рабочий кабинет, где *его* слуга, гигант Фома Губерначук, уже затопил печь. Одарив смиренно склонившегося мужика покровительственной улыбкой, садился за письменный стол и смотрел на лежавшие на нем рукописи: «Мадемуазель дю Виссар, или Франция в эпоху Консульства», «Писательница», «Театр, как он есть»… Было из чего выбрать. Но ни одно из этих произведений не увлекало Оноре. Голова была пуста, рука едва шевелилась – он добавлял несколько строк то к одному, то к другому и откидывался на спинку кресла. Ему зябко было в теплом, хотя и невесомом халате «цвета солнца» из то ли черкесской, то ли персидской ткани. Ноги согревали меховые тапочки. Рассматривая бескрайние поля, писатель наслаждался тем, что не должен работать по заказу, только ради того, чтобы погасить очередной вексель или успокоить главного редактора. Ему было сытно, тепло, уютно, его хорошо обслуживали, он мог ни о чем не заботиться, беспокойство и угрызения совести не терзали его. Когда из Парижа потребовали денег, сказал об этом хозяевам. Ганская немного поворчала, но сделала все, что требовалось: один российский банк перевел требуемую сумму в банк Ротшильда. Анна и даже Георг недоумевали, как можно быть таким недальновидным, но были искренне привязаны к своему Бильбоке, восхищались им, что не могло его не трогать.

День свадьбы тем не менее не становился ближе. Ганская опасалась выходить за человека, обремененного таким количеством долгов и столь расточительного. Доходы от имения сократились, она боялась, что не сможет вести парижское хозяйство – дом на улице Фортюне был поистине бездонной пропастью. Кроме того, Ева подозревала, что придется взвалить на себя заботу о матери и сестре Оноре, которые без конца жаловались на жизнь: госпожа Бальзак-мать говорила о своей нужде, дочерей Лоры Сюрвиль Софи и Валентину надо было выдать замуж, обеспечив хорошим приданым, а мужа ее, как и Оноре, осаждали кредиторы. Порой, трезво посмотрев на вещи, Бальзак понимал, что не в силах решить проблемы своих близких. В канун нового, 1849 года по настоянию сестры подводит неутешительные итоги: «Дела здесь обстоят хуже, чем когда-либо, и для меня все складывается неудачно. Очень беспокоят долги, коих остается еще сто тысяч франков. Но если бы я сам обо всем не заботился, все пришло бы в упадок. Дом [на улице Фортюне] уже обошелся в триста пятьдесят тысяч франков, и это без столового серебра, белья, лошадей, экипажей и прочего, что кажется безумием, принимая во внимание курс ренты, который будет понижаться. Вместо того чтобы служить мне, он приносит один только вред. И здешней хозяйке кажется чересчур великолепным. Имея огромное состояние, можно оптимистично смотреть на мир, но когда богатство сходит на нет, будущее уже не кажется таким прекрасным… Мне пятьдесят, у меня долгов на сто тысяч франков, и не решен еще вопрос моей жизни, моего счастья, вот основные положения года 1849-го. У госпожи Ганской по неосторожности сгорело пшеницы на восемьдесят тысяч франков, и это происшествие расстроило все ее планы».

Теперь его тройная надежда выглядит так: обрести страсть к работе, заполучить Еву, которая должна на время забыть о своих к нему претензиях, и стать членом Французской академии, где признают, наконец, заслуги автора «Человеческой комедии» и убедятся, что его финансовое положение не внушает опасений. Он поручил матери разнести академикам визитные карточки. Но кусочек картона никогда не заменит любезного визитера. Не сочтут ли его чересчур бесцеремонным и развязным? Что ж, гению позволительны отступления от протокола! Выборы достойного на кресло Шатобриана состоялись одиннадцатого февраля. Было всего два кандидата: герцог Ноай и Бальзак. Герцог одержал сокрушительную победу: двадцать пять голосов против четырех за соперника – Гюго, Ламартина, Ампи и Понжервиля. Через восемь дней новые выборы, на этот раз вакантным оказалось место Жана Вату. На этот раз за Бальзака были двое – Гюго и Виньи. Победил граф де Сен-Приет. Оноре плохо скрывал досаду: ему так хотелось доставить удовольствие Еве, его слава утешила бы за все неприятности, им причиненные. Ничего не вышло! Ладно, он упрям, им придется принять его под своды Академии! Сейчас же вся отрада – сочинение каламбуров с Георгом и игра в шахматы с Евой, которая не любит проигрывать, сердится, и вечер оказывается испорченным. Хотя порой они в упоении болтают до двух часов, и слуга Губерначук приносит им посреди ночи обжигающий кофе. Да, весь день в их распоряжении, но надо так многое обсудить: дом в Париже, будущее детей, литературные новости, долги Оноре, его театральные проекты, романы, прочее, прочее, и, не настаивая, издалека, женитьбу…

В Париже госпожа Бальзак со всей ответственностью подошла к своим обязанностям хранительницы музейных сокровищ: швейцар и кухарка подчинялись беспрекословно. Сын поручил ей сотни дел: кредиторов, предпринимателей, поставщиков. Она должна была купить для него у Масе розетки для подсвечников из позолоченного хрусталя, сбегать на Мон-де-Питье, забрать там серебряное блюдо и отнести его к ювелиру Фроману-Мерису, чтобы по этому образцу сделал еще несколько для обеденного сервиза на каждый день, проследить, чтобы от Фешьера привезли два столика, украшенных мозаикой, по восемьдесят франков каждый, установить на них китайские вазы – из фарфора, покрытого серовато-желтой глазурью, и с

медальонами с изображениями цветов и животных. Мать в мельчайших подробностях отчитывалась перед сыном, ей очень нравилась одинокая жизнь в роскоши на улице Фортюне. Встав на заре, читала свои молитвы, одевалась, шла на службу, завтракала, приказывала включить калориферы, диктовала кухарке меню (овощной суп, каштаны, немного рыбы), с наступлением вечера, после легкого ужина, поднималась в свою комнату (швейцар свечой освещал ей путь), где часами читала «Подражания Христу» или вязала покрывало для внучки Софи. Никогда в жизни ее так хорошо не обслуживали и не выказывали такого уважения. Она была временной королевой во дворце, предназначенном для другой. Случалось, мамаша получала от Оноре выговор за какую-то небрежность или оплошность. Так, например, необдуманно намекнула в письме на финансовые трудности Лоры и неуспех ее мужа на работе. А ведь все письма, адресованные в Верховню и привезенные слугою из Бердичева, с жадностью прочитывались вслух, чтобы каждый мог узнать новости. Знакомя друзей с одним из посланий госпожи Бальзак, гость вынужден был признать, что его шурин на грани разорения. Это очень не понравилось Еве, опасавшейся, что однажды ей придется отвечать за долги всего клана Бальзаков. Сын сурово упрекал мать за непредусмотрительность, та обижалась: не ценит ее усилий. И даже перешла на «вы»: «Когда вы будете любезнее со своей матерью, она скажет вам, что любит вас. Желаю вам спокойствия, наше – под вопросом».

Бальзак тоже упрямился: «Дорогая матушка, если кто и был удивлен, так это мальчик пятидесяти лет, которому адресовано полученное вчера твое письмо от четвертого числа этого месяца, где мешаются „вы“ и „ты“… Во избежание получения еще одного подобного, я мог бы сказать, что посмеялся. Но оно глубоко огорчило меня полным отсутствием какой-либо справедливости и столь же полным непониманием нашего положения. В твои годы тебе следовало бы знать, что злостью ничего не добьешься, тем более от женщины. Судьбе было угодно, чтобы это письмо, написанное с хорошо просчитанной жесткостью и чрезвычайной сухостью, я получил как раз тогда, когда размышлял о том, что в твои лета ты можешь рассчитывать на максимум удобств и что Занелла всегда должна быть при тебе, что я был бы рад, если бы помимо ежемесячных ста франков у тебя было оплаченное жилье и триста франков на Занеллу, что все вместе составило бы тысячу восемьсот франков вместо тысячи двухсот… И надо было, чтобы в довершение ко многому, истинность чего ты не можешь не признавать, пришло письмо, в нравственном отношении сопоставимое с твоими раздраженными, пристальными взглядами, которыми ты одаривала детей, когда им было пятнадцать, но которые для пятидесятилетних, к коим я, к несчастью, принадлежу, утратили всю свою силу. К тому же та единственная женщина, которая может составить счастье моей жизни – жизни бурной, напряженной, полной трудов, насквозь пронизанной нищетой, эта женщина – не ребенок, не девушка восемнадцати лет, ослепленная славой, прельстившаяся состоянием, привлеченная красотой, ничего этого я дать ей не могу… Она чрезвычайно недоверчива, а жизненные обстоятельства только обострили эту недоверчивость и довели ее до крайней точки… Было бы вполне естественно, поскольку я знаю ее уже десять лет, сказать ей, что она выходит замуж не за мое семейство, что будет вправе решать, иметь ей дело с моими родственниками или нет, это продиктовано честностью, деликатностью и здравым смыслом. Я не скрывал этого ни от тебя, ни от Лоры. Но то, что само собой разумеется и справедливо, показалось вам подозрительным, вы подумали, что с моей стороны это отговорки или я замышляю что-то недоброе, возвыситься, например, сблизиться с аристократией, забыть своих… Вот в чем все дело. Ладно! Но неужели ты полагаешь, что твои письма, которые лишь изредка одаривают меня словами нежности, хотя я и должен был быть для тебя предметом гордости, особенно похожие на вчерашнее письмо, могут показаться привлекательными женщине с характером, которая подумывает о создании новой семьи? Смотри же! Лора шлет мне письмо, где живописует положение свое и мужа в красках самых мрачных, говорит о нищете, грозящей ей и детям… получается, что́ о нашей семье должны подумать занимающие в своей стране самое видное положение иностранцы, прочитав о моей сестре с двумя дочерьми-бесприданницами, шурине, которому необходимо как минимум сто тысяч франков, чтобы уладить свои дела, матери, о которой сын думает постоянно, назначает ей ренту почти в две тысячи франков, и, наконец, о мужчине пятидесяти лет, у которого еще пятьдесят тысяч франков долгов… Конечно, я не прошу тебя о проявлениях чувств, которых нет, только тебе и Богу известно, отчего ты лишила меня ласки и нежности с тех самых пор, как я появился на свет… но хотелось бы, дорогая матушка, чтобы ты была поумнее, отстаивая свои интересы, хотя тебе это никогда не было свойственно, и чтобы ты не стояла на пути моего будущего, о счастье я и не говорю».

Оноре очень боялся, что родные, с их прямолинейной настойчивостью, выведут Еву из себя и расстроят женитьбу, которая должна была обеспечить ему блаженство и состояние, и потому после письма матери, в котором попытался объяснить ей ситуацию, отправил еще одно, сестре. Он умолял Лору растолковать госпоже Бальзак, что обстоятельства, в которых он находится, – самые деликатные, он чувствует себя попрошайкой, Ганскую могут вспугнуть бедность и требования близких жениха, и вообще, все еще до конца не решено, одной неловкой фразы достаточно, чтобы разрушить то, к чему он шел годами терпения: «Пусть тебя не обижают мои слова. Я говорю их от чистого сердца, из желания подсказать, как следует вести себя ввиду свадьбы. Дитя мое, следует идти как по лезвию бритвы, думать, прежде чем произнести какое-то слово или что-то сделать… Единственное, что мне необходимо, – абсолютный покой, внутренняя жизнь и работа в меру сил, дабы завершить „Человеческую комедию“… Если же ничего не выйдет, заберу книги и все принадлежащее мне из дома на улице Фортюне и философски начну заново строить свою жизнь, свое счастье… Но на этот раз предпочту какой-нибудь пансион, где у меня будет готовая комната, чтобы ни от чего не зависеть, даже от мебели… Оставив в стороне чувства (неуспеха моя душа не перенесет), решение этого дела означает для меня либо все, либо ничего, или теряю выигрыш, или его удваиваю. Проиграв, больше не буду жить, мне хватит мансарды на улице Ледигьер и ста франков в месяц. Сердце, разум, устремления не желают ничего другого, кроме того, к чему я рвался последние шестнадцать лет. И если этого безмерного счастья не случится, мне ничего не нужно, ничего не хочу. Не надо думать, что я люблю роскошь вообще. Люблю роскошь дома на улице Фортюне только в определенном обрамлении: красивая, хорошего происхождения женщина, прекрасные, непринужденные отношения. Роскошь как таковая мне не интересна, дом на улице Фортюне сделан для этой женщины и ею… И если я не стал великим, написав „Человеческую комедию“, величие обеспечено мне, если выгорит это дело».

В Париже семейство Бальзаков, читая письма Оноре, напряженно следило за перипетиями его романа с Иностранкой. Выйдет она в конце концов за него или нет? Племянница писателя Софи Сюрвиль бесхитростно рассуждала на страницах своего дневника: «Она [Ганская] – гордячка и всегда будет смотреть на него свысока, как бы знаменит он ни был. Быть может, я ошибаюсь. Но мне от всей души хотелось бы, чтобы все вышло, как он того желает. А ведь это разлучит нас! Мы будем чувствовать себя униженными. Пусть! Сегодня вечером помолюсь о дядиной женитьбе».

Лоран-Жан, которому Оноре поручил выступать от его лица на переговорах с директорами театров, издателями, редакторами, упрекал Бальзака, что тот никак не представит читателям очередной шедевр. Он лез из кожи вон, пристраивая «Дельца», и хотя пьесу приняли, новое руководство «Комеди франсез» отложило ее постановку на более позднее время. А после второго чтения вовсе решено было отправить на доработку. В марте 1849 года Лоран-Жан предложил ее театру «Историк». Но там с небывалым успехом шли «бесконечные мушкетеры», на скорую постановку «Дельца» рассчитывать не приходилось.

Сам автор в это время был весьма далек от жизни парижских подмостков: расстояние настолько заглушило все звуки театра, что Оноре удивлялся, как вообще мог этим интересоваться. Теперь его занимали только шаги, которые Ева предпринимала, чтобы на законных основаниях передать все свое состояние дочери, получив в обмен пожизненную ренту. Властям явно не нравился ее возможный брак с гражданином Франции, который хотя и восхищался самодержавием, все же был неприятно удивлен, став его жертвой. Впервые он почувствовал на собственной шкуре, что такое политическое принуждение, отсутствие свободы перемещения и даже мысли.

Пятого января 1849 года Бальзак написал министру Уварову: «Вот уже шестнадцать лет я люблю благородную, добродетельную женщину… Она – российская подданная, в чьей благонадежности не приходится сомневаться… Она не хочет выходить за иностранца, не получив согласия своего Августейшего повелителя. И милостиво согласилась, чтобы я попросил его об этом… Госпожа Ганская овдовела шесть лет назад, но не соглашалась говорить о браке, пока не исполнит свой материнский долг, выдав замуж единственную дочь и передав ей во владение весьма значительное отцовское наследство. Что касается состояния самой госпожи Ганской, оно не слишком велико, чтобы говорить о какой-то материальной заинтересованности с моей стороны… А потому вопрос, который в иной ситуации мог бы вызвать определенные затруднения, как-то: перевод за границу российской недвижимости, в данном случае оказывается давно решенным… Что касается меня, если Его Величество соблаговолит смилостивиться и разрешит то, о чем прошу, я никогда не забуду, что после двадцати лет трудов, которые кому-то могут показаться бесполезными, во славу моей страны и ничего не получив взамен, только Его Величество Император Российский дал мне единственно возможное за эти труды вознаграждение».

Итогом путешествия бумаги по инстанциям стал категорический отказ. Двадцать второго марта Бальзак писал Лоре: «Хозяин не только не дал согласия, но передал нам через соответствующие органы, что есть законы, мне остается только подчиниться им. Закон обязывает госпожу Ганскую продать все, ей принадлежащее, так как жена иностранца может сохранить свое состояние в России только на основании особого указа. Все состояние госпожи Ганской – земля с тысячью крепостных, что приносит ей двадцать тысяч франков. Продать значит окончательно разориться». Сама Ева обратилась к генерал-губернатору Бибикову, умоляя государя сделать отступление от этих положений закона: «Генерал, сделайте милость, получите разрешение оставить, несмотря на брак с иностранцем, принадлежащий мне небольшой кусок земли в Киевской губернии, который и есть все мое состояние». Генерал-губернатор ответил решительным «нет»: «Мадам, имею честь сообщить вам, что Его Величество не дал своего согласия на то, чтобы вы сохранили за собой право на владение землей в случае брака с господином де Бальзаком».

Оноре казалось, что они сражаются с горой. И вновь он с сожалением подумал о республиканских свободах. Эти разочарования сопровождались значительным ухудшением его здоровья. Еще со времени пребывания в Саше у него начались проблемы с сердцем. Теперь появилась одышка при ходьбе и даже когда он, причесываясь, просто поднимал руку вверх. Горло сжималось, в легких не хватало воздуха, дыхание учащалось, ноги становились ватными. Местные врачи, доктор Кноте и его сын, оба ученики известного специалиста Франка, говорили о гипертрофии сердца и, чтобы очистить кровь больного, заставили выпить натощак чистый лимонный сок. Едва тот проглотил его, началась страшная рвота. Но он не потерял веру в эскулапов, которым покровительствовала сама божественная Ева. В их распоряжении были порошки, творившие чудеса, но предложенный курс лечения – весьма продолжительный. Первое предписание гласило: никаких переживаний, никакой работы. Оноре не слишком печалился, оставляя на время свои рукописи. В январе 1850 года он пошел на поправку, но тут его свалил сильнейший бронхит. Приступы кашля раздирали грудь, после них он был без сил, задыхался, почти терял сознание. «Я уже вижу себя погребенным здесь, отхаркав все мои легкие, – говорится в письме матери. – Десять дней безвылазно провел в своей комнате, лежа в постели. Но милейшие, восхитительно добрые женщины составили мне компанию, их не оттолкнуло, что я все время отхаркивался, это больше было похоже на рвоту при морской болезни. Потел, как при потнице, мне было очень, очень плохо. Но вот отделался от болезни и пришел в себя… Хотя хроническая болезнь меня не оставляет».

Оправившись от бронхита, Бальзак был настолько слаб, что постоянно размышлял о смерти. Можно ли в таком состоянии думать о женитьбе? Еве достанется не крепкий, в расцвете сил мужчина, а неизлечимый больной, практически импотент. Она станет ему не женой и любовницей, а сиделкой. Вместо того чтобы удовлетворять ее желания, супруг будет вызывать сострадание, если не отвращение. Она перестанет им восхищаться – мучения и годы дадут о себе знать, поддерживать репутацию великого писателя ему не удастся. И все же отказаться от мечты, которая вот-вот исполнится, было выше его сил. По странному стечению обстоятельств, Ганская, столь нерешительная, когда он был бодр и здоров, теперь выказывала

готовность надеть обручальное кольцо. Она больше не боялась, опасался Оноре, спрашивая себя, правы ли они, решив, поженившись, покинуть Россию и уехать во Францию. В России царит порядок, во Франции все – сама неуверенность и случайность. Президент Второй республики Луи-Наполеон слаб, совершенно лишен воли, и хотя носит легендарное имя, способен ли управлять государством? Госпожа мать сомневается в этом, отмечая в письме к сыну: «Что до бедного президента, его умственная усталость и беспокойство весьма заметны. Кажется, он не умеет принять непроницаемый вид, который должен быть у каждого политика, и, совершенно очевидно, настолько измучен, что зачастую говорит „да“ там, где надо сказать „нет“, и по большей части не понимает, что говорят ему. Вновь повеяло тревогой. Каждый спрашивает себя: чем все это закончится?»

Несмотря на сильнейшую усталость, Бальзак соглашается сопровождать Еву в Киев, где, как и полагается, наносит визиты представителям власти. В городе дует ледяной ветер. Простудившись, Оноре вновь оказывается в постели. «Четыре дня у меня была температура, – делится он с матерью, – просидел у себя в комнате, никуда не выходя, двадцать дней. Задеты были и бронхи, и легкие. Болезнь еще не отступила окончательно. Решительно моя природа никак не может приспособиться к здешнему климату. Страна эта не годится для натур нервных». Но, кажется, сменяющие одно другое недомогания нисколько не раздражают Еву, напротив, он стал ей ближе. Это чудо милосердия не перестает удивлять его каждый день. Теперь можно смело заявить матери: «Думаю, дело уладится. И в этом смысле следует благословить поездку в Киев, графиня героически ухаживала за мной, не отлучаясь ни на минуту, все время моей болезни».

Ганская долго взвешивала все «за» и «против», пока не решила наконец стать госпожой Оноре де Бальзак. В феврале 1850 года окончательно передала все свои земли дочери: и не просто полюбовно, по-семейному, но должным образом, согласно специальному акту. Этого должно было быть достаточно для отмены императорского запрета на брак с иностранцем и переезда в другую страну. Но административные и церковные проволочки оказались длиннее и запутаннее, чем она полагала. Пришлось вмешаться даже Анне с Георгом. В марте необходимые подписи были получены, поставлены печати, Ева и Оноре выехали в Бердичев, выбранный ими для бракосочетания. Бальзак все еще не верил своему счастью. «Все готово для известного тебе дела, – сообщает он матери, – но напишу тебе из Верховни, когда все закончится. Здесь, как, впрочем, и везде, подобное дело можно считать решенным только после окончания церемонии… А теперь, матушка, внимательно выслушайте мои пожелания. Я хотел бы, чтобы госпожа Оноре увидела свой дом [на улице Фортюне] во всем его блеске, чтобы во всех вазах стояли прекрасные цветы. Они должны быть свежими, а потому напишу тебе из Франкфурта и сообщу о дате, к которой ты должна их расставить. Я готовлю ей этот сюрприз и ничего об этом не скажу».

До последней минуты Бальзак опасался, что невеста передумает либо решением свыше брак окажется под запретом. Но Бог не оставил их. Четырнадцатого марта, в семь часов утра, пару обвенчал священник, которого специально для этой цели делегировал епископ Житомирский. Одним из свидетелей был Георг Мнишек. Анна стояла в первом ряду присутствовавших и вся светилась от счастья, что выдает замуж мать.

Усталое семейство только к десяти вечера добралось до Верховни. Бальзак задыхался, сердцебиение мешало говорить. У Евы начался сильнейший приступ подагры. Оноре писал сестре: «Ее руки и ноги, неземной красоты, доставшиеся по наследству и дочери, распухли так, что она не могла ни пошевелить пальцами, ни ходить». Но измученная артритом пятидесятилетняя новобрачная виделась все такой же прекрасной, как и прежде, ее свежеиспеченному супругу, который сопел, словно буйвол, когда поднимался по лестнице: «В этой стране с ней не сравнится ни одна женщина. Это настоящий польский бриллиант, украшение старинного и знаменитого рода Ржевузских. В любой стране можно ею гордиться, я надеюсь, скоро ты ее увидишь – еще до мая я представлю тебе твою невестку», – продолжает он в том же письме. А вот еще одна хвалебная песнь, на этот раз в послании, предназначенном Зюльме Карро: «Три дня назад я женился на единственной любимой мною женщине, люблю ее, как никогда прежде, и буду любить до самой смерти… Я был лишен счастливой юности, цветущей весны, лето мое вышло обжигающим, но осень станет самой нежной из всех». Он с гордостью расписывает доктору Наккару генеалогию жены, внучатой племянницы Марии Лещинской, не забывает упомянуть о несметных богатствах, от которых Ева отказалась ради него, Оноре. Но не может умолчать и об удручающем состоянии своего здоровья: «После года лечения я все еще не могу подняться на двадцать ступенек вверх, у меня ни с того ни с сего бывают приступы удушья, даже когда я просто сижу и ничего не делаю… Еще и поэтому спешу вернуться во Францию с завоеванным мною польским бриллиантом».

Бальзак так горд своим сокровищем, что хочет немедленно предъявить его родным и друзьям, увидеть, как они будут поражены. С неожиданной энергией вновь едет в Киев, вписывает там Еву в свой паспорт и получает визу на выезд за пределы Российской империи. По возвращении в Верховню у него обостряются проблемы со зрением. «В Киеве у меня началось воспаление глаза, – говорится в письме матери, – у меня на глазах черное пятно, которое до сих пор не прошло и мешает мне видеть». Обеспокоенный доктор Кноте посоветовал отложить выезд во Францию. Бальзак был весь нетерпение и после нескольких дней отдыха почувствовал себя в силах отправиться в путь. Двадцать четвертого апреля они с Евой взгромоздились в купленную во Франкфурте огромную дорожную карету, которая прогибалась под тяжестью их багажа.

Путешествие через Краков и Дрезден оказалось настоящей мукой. Стояла оттепель, дороги были почти непроходимы. Время от времени тяжелая карета увязала в грязи. Приходилось выходить, ждать, пока мужики вытащат ее. Бальзак стоял на обочине, положив руку на сердце, едва дыша, полуслепой, и спрашивал себя, удастся ли ему добраться живым до Парижа. Тридцатого апреля остановились в Бродах, откуда Ева написала дочери: «Меня беспокоит состояние его здоровья. Приступы удушья случаются все чаще. Он все слабее, потерял аппетит, обильное потоотделение лишает его последних сил… Вернулся мой муж. Он занимается делами с решимостью, которой нельзя не восхищаться. Мы уезжаем сегодня. Никогда не думала, что он

настолько хорош. Знаю его уже семнадцать лет, но каждый день обнаруживаю какие-то новые качества, о которых понятия не имела. Если бы он только был здоров! Ты не можешь себе представить его страданий этой ночью. Надеюсь, родной воздух будет для него благотворным, но если эта надежда окажется несбыточной, поверь, я буду очень сожалеть. Как прекрасно, когда тебя так любят, заботятся о тебе! Его бедные глаза тоже очень плохи. Не знаю, что все это значит, временами мне очень грустно и неспокойно».

Десятого мая они прибыли в Дрезден. С трудом разбирая выводимые им на бумаге каракули, Бальзак сообщал Лоре: «Подобное путешествие стоит десяти лет жизни… Полагаю, ты сумеешь объяснить матери, что ей не следует быть на улице Фортюне, когда я приеду. Моя жена должна отправиться знакомиться с нею и выразить ей свое почтение в ее дом. После она может продолжать проявлять свою неуемную преданность. Но ей не стоит ронять чувство собственного достоинства, помогая нам распаковывать вещи. Итак, пусть она приготовит дом, цветы и все остальное к двадцатому и уйдет к тебе или к себе в Сюрен. Через день после приезда я представлю ей ее невестку». И распоряжение матери лично: «Рассчитываю быть на улице Фортюне двадцатого, самое позднее – двадцать первого. Настоятельно прошу приготовить все к девятнадцатому, чтобы нам было чем позавтракать и пообедать… Заклинаю тебя, поезжай либо в Сюрен, либо к Лоре, встретиться с невесткой у нее в доме не вполне прилично, чувство собственного достоинства не должно позволять тебе этого. Она должна проявить уважение и прийти к тебе… Не забудь про цветы. Я не могу подняться по лестнице больше чем на двадцать пять ступенек, если будешь у Лоры, мне придется взбираться меньше».

Воспользовавшись передышкой в Дрездене, молодожены совершили несколько покупок: Оноре приобрел туалетный столик за двадцать пять тысяч франков, который «в тысячу раз прекраснее столика герцогини Пармской», Ева – жемчужное колье для дочери, которое «сведет с ума и святую». Эти непредвиденные расходы напомнили им времена молодости. Да и путешествие это, в конце концов, почти свадебное. Впрочем, Бальзаку стоило немалых усилий притворяться беззаботным: боли отравляли ему всякую радость. Вот и Франкфурт, где Ева обменяла двадцать четыре тысячи рублей на французские деньги. Она демонстрировала оптимизм, стараясь не отставать от своего отважного мужа, который писал отсюда Анне Мнишек: «От каждого движения я почти лишаюсь сознания, так сильно удушье. Спешу оказаться в Париже, состояние мое невыносимо. Вашей матерью могу только восхищаться. Меня мучает, что у нее перед глазами одни мои бесконечные страдания. Рассчитываю на родной воздух, особенно Турени».

Утром двадцатого марта, выполняя пожелания Оноре, госпожа мать покинула улицу Фортюне, поручив особняк швейцару и кухарке. В вазах были свежие цветы, в маленьких горшочках – вереск. Девятнадцать месяцев была она полновластной хозяйкой этого дворца. Теперь ей казалось, что в ее семьдесят три года она изгнана из дома неблагодарным сыном. Ее вновь ждала нужда вместо роскоши, бурная деятельность уступала место скуке. Она уходила, сгорбившись, со своими тюками и корзинами.

Вечером у дома на улице Фортюне остановился фиакр – прибыли Бальзак с женой. Окна были ярко освещены, но входная дверь заперта. Кучер звонил, стучал, кричал. Никакого ответа. Несмотря на свет в окнах, дом казался необитаемым. Бальзак предчувствовал худшее. Попросил кучера найти слесаря, которому удалось открыть дверь. Оноре, за ним и Ева, войдя, увидели, что все вокруг сверкало, в вазах стояли цветы, а буйнопомешанный швейцар Франсуа Мюнх ни за что не хотел выходить из угла комнаты и признать хозяина. Пришлось ждать рассвета, чтобы его поймали и отправили в лечебницу. Врач тем временем оказывал помощь «едва живой» от ужаса кухарке.

Бальзак рассчитывал поразить Ганскую утонченностью и нежностью – ее ждала беда. Теперь он боялся, что жена возненавидит Францию, встретившую столь недружелюбно. Кошмар вместо апофеоза – не дурной ли это знак? Расплатившись с кучером и слесарем, сконфуженные, голодные молодожены едва держались на ногах в окружении своего багажа, и не было никого, кто мог бы им помочь. Оноре хотел только одного: пасть к ногам Евы и молить о прощении. Он взял себя в руки: и после самой яростной грозы становится светло. Завтра обязательно заставит забыть день сегодняшний.

Глава восьмая

Закат

Пришедший осмотреть Оноре доктор Наккар вместо крепкого, веселого человека, которого он так хорошо знал, увидел исхудавшего, бледного, с потухшим взглядом и прерывистым дыханием горемыку. Внезапное это одряхление весьма обеспокоило его, на консультацию были призваны три знаменитости: Пьер-Александр Луи, Филибер-Жозеф Ру и Фукье. Они собрались у постели больного тридцатого мая и прописали очищение крови разными способами: кровопускания, пиявки, надрезы, а также слабительные, отвары пырея. Пациенту следовало отказаться от возбуждающей еды и напитков, есть и пить только холодное, не делать резких движений, как можно меньше разговаривать, не волноваться. Ева не отходила от мужа, наблюдала за всеми процедурами, проявив при этом мужество и хладнокровие. «Этим утром нашему бедному Оноре делали кровопускание, – пишет она первого июля Лоре Сюрвиль. – После этого ему стало легче. Наш обожаемый доктор [Наккар] пришел взглянуть на него сегодня утром. И нашел кровь очень воспаленной, даже с желчью. Но выглядел он вполне удовлетворенным, и надежда, которую я читаю у него на лице, придает мне сил, смелости и терпения, которые, казалось, мне не свойственны». И добавляет: «Думаю, не удивлю вас, сказав, что это самая прекрасная душа, вышедшая из рук Создателя». Зрение день ото дня ухудшалось, Бальзак не мог написать даже самой коротенькой записки: он диктовал жене, потом ставил

подпись дрожащей рукой. Но ему хватило сил призвать нотариуса, господина Госсара, чтобы составить брачный контракт, согласно которому после смерти одного из супругов другой вступал во владение всем совместным имуществом. Это несколько успокоило Оноре, который беспокоился за будущее жены, тем более что по-прежнему полагал, будто дом на улице Фортюне и его произведения искусства представляют собой огромное богатство. Он был уверен, что усилия доктора Наккара, любовь Евы и его счастливая звезда помогут ему выкарабкаться. И с удовольствием вспоминал предсказания ясновидящей: в пятьдесят лет тяжело заболеет, но проживет до восьмидесяти. Бог не допустит, чтобы он исчез, не окончив свой труд. А у него еще столько сюжетов для «Человеческой комедии». Состояние Оноре слегка улучшилось, обрадованная Ева сообщила дочери седьмого июня: «Лечение, которое ему предписано, дало счастливые результаты. Прошел бронхит, глаза начинают видеть, нет обмороков, приступы удушья, которые почти не прекращались, стали реже».

Бальзак не мог ходить, Ева была прикована к его постели, а потому госпожа мать сама нанесла им визит. Встреча двух женщин вышла несколько натянутой. Понять и полюбить друг друга они не могли, даже болезнь Оноре не сблизила, а оттолкнула их в разные стороны. «Я наконец-то познакомилась со свекровью, – рассказывает Ева дочери. – Поскольку мое положение сиделки не дает мне возможности выходить, она пришла повидать сына… Скажу тебе, и пусть это останется между нами, это настоящая élégantka zastarzala [элегантная старуха], когда-то, должно быть, была очень хороша… К счастью, она не слишком будет докучать нам, требуя с нашей стороны должного уважения, – уезжает на лето в Шантильи. Я полюбила ее дочь – маленький круглый шарик, у нее есть ум и сердце. Зять – прекрасный человек, их малышки – очаровательны». Лора Сюрвиль тоже прониклась живейшей симпатией к новому члену их семьи, а по мнению Софи, ее польская тетушка исключительно благотворно влияла на дядюшку. Обе не сомневались в ее любви и стремлении спасти Оноре, а вот прописанное доктором Наккаром лечение внушало опасения: столь частые кровопускания могли лишить пациента последних сил.

Семейство было поражено вниманием властей к происходящему в их доме: президент Республики принц Луи-Наполеон соблаговолил осведомиться о состоянии здоровья господина де Бальзака. Впрочем, подобная честь никак не отразилась на ходе болезни. Пришедшие навестить Оноре Огюст Вакери и Поль Мерис нашли его полулежащим в кресле. «Он был закутан в длинный халат. Голова его покоилась на подушке, – напишет Вакери. – Под ногами тоже была подушка. Боже, какую плачевную метаморфозу произвели над ним время и болезнь!.. Великий романист стал собственной тенью, сильно похудел, лицо покрылось смертельной бледностью. Все, что сохранилось у него от его жизни и энергии, концентрировалось в глазах». Бальзак с трудом пробормотал: «Поговорите с моей женой… Самому мне нельзя, но я вас слушаю». Смущенные друзья повиновались. Наблюдая за новоиспеченной госпожой Бальзак, Вакери отметил: «Это была женщина с очень хорошими манерами, прекрасным лицом, изящная. Она хорошо говорила. Но некоторая полнота и несколько седых прядей в ее волосах выдавали весьма зрелый возраст».

Ева следила, чтобы мужа не слишком часто беспокоили. Отказалась принять Теофиля Готье, опасаясь, что его болтовня утомит Оноре. Муж продиктовал ей письмо «доброму Тео», в котором просил за это прощения и уверял, что идет на поправку: «Сегодня я, наконец, избавился от бронхита и болей в печени. Таким образом, наблюдается улучшение. С завтрашнего дня начнется атака на действительно вызывающую озабоченность болезнь, гнездящуюся в сердце и легких. Меня обнадеживают по части выздоровления, но я все еще должен прикидываться мумией, лишенной возможности говорить и шевелиться, так продолжится не менее двух месяцев». На дворе было двадцатое июня. Через день последовал рецидив. «Я недовольна состоянием здоровья мужа, – сообщает Ева Лоре Сюрвиль. – Вытяжной пластырь, на который я возлагала столько надежд, обострил его нервы до последней степени. Вчера у него даже была температура. Сегодня жар спал, его сменил полный упадок сил и сонливость». И все же она продолжает доверять «обожаемому доктору Наккару». Держит его в курсе любых подвижек в развитии болезни, делится с ним своим беспокойством: «Боль в правом боку стала сильнее. Создается впечатление, что клизмы только обострили ее, муж по-настоящему страдает от нестерпимых мучений. Осмелюсь просить вас прийти после обеда, должно быть, ему совсем плохо, раз он сам попросил меня об этом… Нет нужды повторять вам, как я вам признательна и предана не на жизнь, а на смерть».

В начале июля Бальзаку стало хуже. Шестого июля Виктор Гюго встретил врачей, консультировавших Оноре, те признались, что больной не проживет и полутора месяцев. Девятого доктор Наккар поставил диагноз: перитонит. Лора, доверявшая медикам гораздо меньше своей невестки, одиннадцатого июля писала матери: «Доктор [Наккар] решительно поставил за три раза сто пиявок на живот страдающему водянкой человеку, утверждая, что эта болезнь, быть может, к лучшему и способна привести к чудесным результатам». С удивительным спокойствием и отвагой наблюдала Ева за выполнением подобных предписаний. Понимала ли она, что муж на грани смерти? Или смотрела на происходящее как на ниспосланное Богом испытание, против которого нелепо и кощунственно восставать? Лоре Иностранка виделась загадочным иероглифом. Впрочем, как бы то ни было, ее энергия и хладнокровие смягчали муки Бальзака, который соглашался на микстуры, клизмы, надрезы, пиявок. Ничто не казалось ей отталкивающим, и, видя ее активность, он вновь начинал надеяться. Даже подшучивал над своей отечностью, говорил о будущих романах, о том, сколько работы понадобится, прежде чем эти произведения увидят свет.

Ближе к восемнадцатому июля дружеский визит нанес Гюго – торжественный, цветущий. «Он был весел, – отметит посетитель, – полон надежд, не сомневался в выздоровлении, со смехом показывал на свою припухлость. Мы много говорили и спорили о политике. Он упрекал меня в демагогии. Сам был легитимистом». Во время их беседы Бальзак с восторгом говорил, что его дом напрямую соединен с церковью на углу улицы: «Поворот ключа, и я на службе». Провожая собрата, осторожными шагами дошел до лестницы и показал на дверь, соединявшую с церковью. И прокричал жене: «Не забудь показать Гюго мои картины».

Состояние Бальзака ухудшалось на глазах, то ли вопреки чудодейственным снадобьям доктора Наккара, то ли благодаря им. Близкие обезумели от ужаса и горя. По словам Евы, дом на улице Фортюне (удачи) оказался домом неудач. Констатировав отек живота и ног, квалифицировав его как «белковый», доктор назначил пункцию. Валентина Сюрвиль, младшая сестра Софи, была возмущена новой пыткой, предписанной дядюшке, и писала бабушке: «Дяде сделали несколько пункций, струилась вода: разве это брюшная водянка? Решительно мне кажется, что доктор ничего в этом не понимает». Сама Лора Сюрвиль добавила: «Я далека от того, чтобы считать, будто моему брату лучше. Он страшно опух, задыхается, у него совсем нет аппетита, он умирает от жажды. Господин Кордье сделал два укола в две припухлости, размером с голову. Оттуда вышел тазик воды, и вода все еще течет. Сегодня утром предприняли надрез на другой ноге, хотя вода и так сочится из ранки, которая образовалась вследствие паровых ванн и царапины о кровать. Очень боюсь, что дойдет и до пункции живота, а так как вода сочится, заговорят о брюшной водянке и т. п… На ковре стоит аппарат из каучука, вокруг – ночные горшки. Боже, как все это грустно… Если доктор не пишет тебе, то потому, что не потерял еще надежды. После пункции страдающим водянкой обычно становится легче, а затем можно поработать над тем, чтобы кровь не превратилась в воду. Как бы то ни было, случай моего брата не внушает докторам доверия: светила постановили, что у него болезнь сердца. Месяц спустя господин Леруае заявил, что речь идет только о водянке… но неизвестно, о какой. Бедные больные, до чего же ваша жизнь зависит от докторов!»

Врачеватели тела оказались бессильны, решено было прибегнуть к врачевателям души. Аббат Озур, служитель церкви, столь милой сердцу Оноре, навестил Бальзака. Они долго говорили с глазу на глаз, но никакого видимого облегчения не последовало. Страдания были слишком велики, чтобы рассудок одержал верх. Пятого августа, с трудом передвигаясь по комнате, больной наткнулся на что-то из мебели, вода потоком хлынула из раны. В тот же день он продиктовал письмо своему поверенному Огюсту Фессару: «Кресло, которое вам так хорошо известно, больше не для меня. Я остаюсь в постели, сиделки помогают мне совершать телодвижения, необходимые для жизни, от которой у меня осталось только имя. Моя жена уже не справляется с тем, что взвалила на свои плечи. Наконец, страшные боли причиняет абсцесс на правой ноге. Все это я говорю для того, чтобы вы поняли, до чего дошли мои страдания. Полагаю, что все это цена, назначенная Небесами за безграничное счастье, которое дала мне моя женитьба». Ниже подписи Бальзака несколько строк добавила Ева: «Вы спрашиваете себя, как хватило у печального секретаря сил писать это письмо. Все потому, что он дошел до последней черты, а в таком состоянии становишься машиной, которая работает, покуда провидению из милосердия не угодно будет сломать пружину».

Артериит стал причиной гангрены, начали разлагаться ткани. В комнате стоял ужасающий запах. Доктор Наккар прописал микстуру из белены и наперстянки, посоветовал открыть окна и двери, расставить по «комнате умирающего» тарелки с карболкой. Раз уже доктор позволил себе заговорить о «комнате умирающего», значит, надежды нет. Бальзак задыхался, бредил и уже не знал точно, в этом ли он мире или присоединился к персонажам «Человеческой комедии», плодам его фантазии. Говорят, прежде чем окончательно потерять сознание, он призвал на помощь одного из созданных им самим докторов. «Только Бьяншон сможет меня спасти!» – повторял больной.

Но вместо Бьяншона восемнадцатого августа, в девять часов утра, пришел аббат Озур. Его пригласила Ева. Бальзак с трудом разбирал слова священника, но взглядом благодарил. После соборования впал в глубокую дремоту, в одиннадцать началась агония. В полдень узнать о состоянии Оноре зашел Виктор Гюго. Вернулся в полночь, так как полагал своим долгом нанести последний визит тому, кого считал себе равным. Заплаканная служанка провела его в гостиную, где возвышался мраморный бюст Бальзака работы Давида д'Анже. Появилась еще одна женщина, видимо, сиделка, и пробормотала, вздыхая: «Он умирает. Госпожа у себя. Врачи отказались от него еще вчера».

Измученная Ева пошла немного отдохнуть, чтобы вновь занять свое место у постели мужа. Злобный Октав Мирабо распустил позже слух, что, удалившись в соседнюю комнату, она не прилегла в одиночестве, но нашла утешение в объятиях художника Жана-Франсуа Жигу. Давно доказано, что Ганская не знала Жигу до смерти Бальзака. Но, уснув, не присутствовала при последних минутах жизни мужа. Гюго удивился, что ее нет в столь ответственные мгновения. Сиделка предложила поискать господина Сюрвиля, который, кажется, еще не ложился. Оставшись в одиночестве, Гюго будто в музее рассматривал старинные картины, белевший в полумраке бюст, словно призрак умиравшего. Воздух был наполнен запахами лекарств и разложения. Вот наконец Сюрвиль. Вместе они поднялись по лестнице, покрытой красным ковром, вдоль которой стояли статуи, безделушки на подставках, и прошли в комнату, где раздавались мощные хрипы. «Кровать стояла посреди комнаты, – напишет Гюго. – Кровать красного дерева, в ногах и в изголовье которой были поперечные перекладины, часть подвесного механизма, с помощью которого больного передвигали. Бальзак лежал в постели, голова его покоилась на груде подушек, среди которых были и подушки красного дамаста, которые взяли с канапе, стоявшего в этой же комнате. Лицо было фиолетового цвета, почти черное, он лежал на правой щеке, небритый, с седыми, коротко стриженными волосами, глаза были открыты, взгляд направлен в одну точку. Я видел его в профиль, он напомнил мне Императора».

По обеим сторонам кровати стояли сиделка и слуга. Чудовищный запах исходил от неподвижного тела, непонятно было, теплилась ли еще в нем жизнь. Гюго приподнял одеяло и взял Бальзака за руку, неподвижную, потную. Дружески легонько пожал ее. Ответа не последовало. «Он умрет на рассвете», – прошептала сиделка. «Я спустился, – будет вспоминать Гюго, – унося в памяти это безжизненное лицо. Проходя через гостиную, вновь увидел бесстрастный, надменный, смутно белевший бюст и сравнил смерть с бессмертием. Возвратившись к себе, это было воскресенье, нашел многих посетителей, ждавших меня… Я сказал им: „Господа, Европа вот-вот лишится человека великого ума“».

Бальзак не пришел в сознание. Он умер той же ночью восемнадцатого августа 1850 года, вскоре после ухода Гюго. Ему исполнился пятьдесят один год и три месяца. Художник Эжен Жиро выполнил пастелью его портрет на смертном одре. Спокойное, почти улыбающееся лицо. Но когда Марминиа пришел снять посмертную маску, сделать ничего не смог – ткани начали разлагаться. Он довольствовался слепком руки. Необходимые формальности взял на себя Лоран-Жан, которого Ева не любила за неряшливость, перепады настроения и неумение вести себя: он заявил в мэрию о кончине писателя, передал некролог в газеты, занялся организацией похорон…

Тяжелое молчание обрушилось на дом. Горе не мешало Еве размышлять о странном несоответствии лежавшего в соседней комнате скромного тела и фантастического мира рожденных им персонажей. За свою короткую жизнь он хотел получить все: славу, любовь, деньги. Что осталось от этой бурной деятельности? Вдова, не знающая, что делать, слишком просторный особняк, дорогая мебель, которая пойдет с молотка, но и вечная «Человеческая комедия». Одержимый жаждой жизни писатель преуспел только в своем творчестве. Его так заботила материальная составляющая собственной славы, но все это оказалось второстепенным. Огромный дом на улице Фортюне вдруг показался невыносимым той, для которой был задуман. Она сказала себе, что все эти сокровища, к которым Бальзак был так привязан, не имеют никакого отношения к его судьбе и что любит она лишь человека, который так часто ошибался в жизни и никогда – в творчестве.

Глава девятая

Другие

Кюре приходской церкви дал разрешение, чтобы гроб с телом Бальзака два дня стоял в часовне Святого Николая квартала Божон. Заупокойная служба состоялась в церкви Сен-Филипп-дю-Руль в среду, двадцать первого августа, в одиннадцать часов, и была самой скромной. Никаких официальных соболезнований, флагов, военной музыки, формы. Но присутствовавших было много: писатели, журналисты, друзья, несколько типографских рабочих, которые набирали книги покойного. Министр внутренних дел Жюль Барош сидел у катафалка рядом с Виктором Гюго. Во время службы он наклонился к соседу и прошептал: «Это был выдающийся человек!» – «Гений!» – ответил Гюго. Похоронная процессия третьего класса шла вдоль бульваров, направляясь к кладбищу Пер-Лашез. Сначала шел мелкий, теплый дождь, потом перестал. Гюго и Дюма держались за серебряные шнуры покрова гроба. У могилы Гюго произнес речь, которая была встречена прочувствованным молчанием. Ее сопровождали только удары о гроб комков земли, скатывавшихся сверху: казалось, сам покойный отвечал хвалебным словам. «Человек, которого только что опустили в эту могилу, был из тех, кого сопровождала боль человечества, – заявил Гюго. – Имя Бальзака станет частицей света, оставленного нашей эпохой будущему… Господин де Бальзак принадлежал к числу самых великих, был одним из лучших… Все его книги – одна книга, живая, светлая, глубокая, по которой можно путешествовать, ходить, двигаться, она полна чего-то пугающего, ужасающего, связанного с реальностью, в которой мы живем, со всей современной цивилизацией, лучшая книга, которую сам поэт назвал „Комедией“, а я бы назвал „Историей“… Книга эта – плод наблюдений и воображения, в ней все – подлинно, знакомо… но временами эти реалистические подробности вдруг трещат по всем швам, мы видим самые сумрачные, трагические идеалы… Вот что он нам оставил, высокое, прочное творение, мощное нагромождение гранитных пластов, памятник! Творение, с вершины которого сияет теперь его слава. Великие люди сами создают себе пьедестал, о статуе должно позаботиться будущее… Увы! Этот могучий, неутомимый труженик, философ, мыслитель, поэт, гений жил среди нас в этой полной бурь, борьбы, ссор, сражений жизни, как любой гений во все времена. Теперь он покоится с миром. Споры и ненависть больше его не касаются. В одно мгновение он восходит к славе и опускается в могилу».

Ева была глубоко взволнована этой речью и с благодарностью написала Гюго: «Я могу только плакать, но первый раз за эти три дня в слезах моих нет горечи. Да благословит вас Господь!»

Большинство газет сообщило о смерти Бальзака в выражениях самых умеренных, не затрудняя себя анализом его творчества. Один только Барби д'Орвел-ли опубликовал в «La Mode» статью, написанную весьма выспренно: «Эта смерть – настоящая интеллектуальная катастрофа, сравнить с которой из траурных событий нашего времени можно лишь смерть лорда Байрона». Сент-Бёв в своей рубрике «Понедельник», которую печатала «Le Constitutionnel», напротив, хотя и признавал скрепя сердце успех, особенно среди женщин, книг Бальзака, отказывался сожалеть о его стиле, «зачастую весьма неудобном и расплывчатом, нервном, розовом, с прожилками всех цветов радуги, стиле, нежно завладевающем читателем, совершенно азиатском». Не отрицая волшебного таланта плодовитого, популярного писателя, он выражал опасение, что восхищение его сочинениями не будет простираться дальше определенных границ.

Миновал поток более или менее искренних соболезнований, измученная Ева оказалась одна в неутешном положении вдовы. Дом казался ей огромным, пустым, мрачным, она не знала, чем занять свой ум, как убить время. Но писала дочери второго сентября, через две недели после смерти Бальзака: «Не беспокойся, мое дорогое, любимое дитя, здоровье мое на удивление в порядке, со всех сторон получаю лишь доказательства доброты и заинтересованности. Живу в печали, это правда, но и в абсолютном покое». Она ждала приезда сестры Каролины, ходила в монастырь повидать бывшую воспитательницу своей дочери, выезжала на прогулку со свекровью и Сюрвилями в Сюрен, ходила в Тюильри с племянницей Софи, с любопытством разглядывала празднично наряженных парижан и думала о том, что всех их, или почти всех, смерть автора «Человеческой комедии» не могла не тронуть. «Я чувствовала невыразимую грусть, у меня сжималось сердце, – продолжает она в том же письме, – когда я думала, что в этом полном людей одиночестве, в этой пустыне, населенной незнакомыми людьми, нет никого,

кто не сострадал бы моей ужасной, невыразимой муке… Газеты продолжают публиковать о Нем заметки, мнения, биографии, я получаю посылки с прозой и стихами, и хотя никогда не отвечаю, они продолжают приходить». Она говорит о том, что со временем улицу Фортюне назовут именем Бальзака: «Все жители нашего квартала обращаются с просьбами разрешить изменить название улицы. В ожидании этого по-прежнему адресуй свои письма на улицу Фортюне, с ее столь обманчивым до сих пор названием».

Вступив в права наследования по завещанию 1847 года, Ева попросила Огюста Фессара в первую очередь расплатиться с самыми нетерпеливыми кредиторами. Ее главной заботой была пожизненная рента в три тысячи франков в год, выделенная Бальзаком матери. Она даже предложила ей временно обосноваться на улице Фортюне. Женщины ладили, избегая ссор, их объединила память об Оноре. Госпожа мать делала в городе покупки для невестки, которая говорила о ней: «В семьдесят три года она бегает, как лань, и всегда на ногах». Но понемногу отношения стали ухудшаться. Свекровь попросила увеличить ей «продовольственное» пособие, Ева сухо отвечала: «Я ничего не обещала вам сверх выплаты ренты, уверяю вас, что и это мне было непросто. Вы лучше других знаете, что все мое состояние ушло на уплату долгов вашего сына».

В ноябре 1850 года Ева и Арман Дютак подписали договор, согласно которому произведения Бальзака предполагалось издавать отдельными тиражами, избегая иметь дело с газетами и журналами. В этот же период в жизни вдовы появился юный почитатель Оноре – Шамфлери, он нанес ей визит после похорон, так как не был в Париже в момент кончины писателя. Очаровательная чистота молодого человека, его прекрасные манеры понравились Еве, она предложила ему заняться бумагами покойного мужа. Шамфлери был очень тронут и согласился. Во время беседы он все время жаловался на мигрень, госпожа Бальзак положила руки ему на лоб, чтобы магнетическими пассами облегчить страдания. Она была на двадцать лет старше, но пьянила сама мысль стать преемником Бальзака в объятиях этой пышной, ослепительной польки – в ней угадывалось сладострастие и опыт, легкий славянский акцент волновал. Ей пленительным показалось юношеское восхищение ею, которое, казалось, возвращало молодость. В первых письмах она еще обращается к нему вполне официально, но очень быстро переходит на «дорогой малыш». Она стала его любовницей и порой представлялась себе госпожой де Берни рядом с юношей Бальзаком. Ева не испытывала ни малейших угрызений совести, хотя муж ее умер меньше девяти месяцев назад, а Шамфлери она едва знала. После пережитого нуждалась в любви и забвении. «С тех пор как у меня выросли крылья, – пишет она ему, – я веду жизнь настоящей богемы, но только на свой лад – очень одинокую и чистую. У меня голова идет кругом от независимости и свободы. Я никогда больше не вернусь на родину. Мой дом – Елисейские Поля. Каждый вечер я хожу развлекаться в кафешантаны!.. Позавчера смеялась, как никогда в жизни. Боже, какое счастье никого не знать, ни о ком не заботиться, быть независимой, свободной и быть в Париже».

Все это не мешает ей пристально следить за изданием произведений Бальзака; когда она обнаруживает среди его рукописей два незаконченных романа – «Депутата от Арси» и «Мелких буржуа», предлагает Шамфлери завершить их. Это останется между ними, никто никогда ничего не узнает. Молодой человек отказывается, полагая такое вмешательство некорректным. Ева настаивает, неловко пытается подкупить: «Должна сказать тебе, что вчера получила некоторую сумму, на которую не рассчитывала, и там оказалось несколько „республиканских“ монеток – они такие желтенькие, блестящие, что я отложила их в сторону – для меня они внове и чересчур веселые». В качестве доказательства своей привязанности дарит Шамфлери печать, которой пользовался Оноре, посылая письма «Иностранке». Любовник неумолим: литературный обман не по нему. К тому же молодому человеку изрядно надоели излияния чувств и любовные притязания властной и болезненно ревнивой Евы, которая по малейшему поводу выходила из себя и осыпала его упреками. Он спрашивал себя, как мог Бальзак долгие годы выносить эту склонную к крайностям женщину и почему не порвал столь изнурительную связь. Сцены следовали одна за другой, все более бурные и грубые. В ноябре 1851 года они расстались.

Но Ева от своих планов не отказалась и обратилась к журналисту и писателю Шарлю Рабу. Не столь щепетильный, он согласился анонимно завершить «Человеческую комедию». Чтобы ускорить работу, вдова уверила его, что перед смертью Бальзак подробно рассказал ей, как ему виделось завершение его труда. Рабу бодро взялся за дело, перо у него было легким, Бальзак получался споро. «Депутат от Арси» появился в 1852 году на страницах «Le Constitutionnel». Имя Рабу там никак не фигурировало. Ободренный успехом, он взялся за «Мелких буржуа». Довольная Ева писала Дютаку: «Я уверена, что господин Рабу сумеет довести их до конца. У меня есть внутреннее убеждение, что господин де Бальзак выбрал бы только его для завершения своего творения. Это не простое предположение, уверенность. Во время болезни он сказал мне: „Я хотел бы увидеть Рабу. Быть может, он согласится взять на себя завершение „Мелких буржуа““. Они вышли частями в „Le Pays“, отдельное издание в четырех томах появилось только в 1856 году. В 1855-м увидели свет „Крестьяне“ – их ловко дополнила сама Ева, сначала на страницах „La Revue de Paris“, потом в пяти книгах у Потте».

Двенадцатого июля 1851 года в Париж приехали Анна и Георг. Они планировали остаться здесь надолго. Ева была счастлива. Вместе путешествовали по Франции и Бельгии. Это напоминало их эскапады вчетвером, вот только милого Бильбоке больше не было с ними, а вдова избегала говорить о нем, чтобы не омрачать настроение. Она решительно порвала со свекровью, которую называла «дуэньей» и «пугалом»: та прекрасно устроилась в Шантильи, пользуясь рентой и предаваясь мрачным мыслям. Примерно в это время художник Жан Жигу писал портрет Анны Мнишек, которая привела к нему в мастерскую свою мать. Ева была очарована его талантом и согласилась позировать. С каждым новым приходом этот суровый, замкнутый человек с острыми галльскими усиками нравился ей все больше. Очень скоро она стала его любовницей, дом на улице Фортюне, призванный стать прибежищем ее с Оноре любовных услад, стал свидетелем ее свиданий с художником. Алина Монюшко, старшая сестра Евы, писала седьмого августа другой своей сестре, Каролине Лакруа: «Эвелина свободна! Но я возмущена ее поведением – бедный Бальзак забыт так скоро. Восхитительное жилище, созданное им, посвященное ей, о чем говорит каждая

мелочь, затем – свидетель чудовищных страданий, место его смерти, меньше чем через два года полностью преображается – другой принес сюда счастье, здесь думают только о пустяках, и это, признаюсь, возмущает меня». Позже Ева удалится со своим любовником в замок Борегар, специально для того купленный, и проживет бок о бок с ним до своей смерти десятого апреля 1882 года.

Девятнадцатого января того же года она продаст обветшалый дом на улице Фортюне, ставшей уже улицей Бальзака, баронессе Ротшильд за пятьсот тысяч франков. После кончины Евы «последнее прибежище Бальзака» будет снесено, на его месте появится роскошный особняк, окруженный садами. И только табличка на ограде будет напоминать о том, что когда-то здесь стоял дом, с такой любовью убранный и обставленный для жены автором «Человеческой комедии».

Но Еве еще пришлось пережить несчастья, постигшие ее детей: бесконечные траты капризной Анны разорили их, милый собиратель насекомых Георг сошел с ума. После смерти матери овдовевшая Анна продаст замок Борегар и удалится в монастырь.

Госпожа Бальзак-мать ничего не узнает о похождениях жены сына, свою старость она посвятит дочери, которой будет расточать ласки, «высмеивая» зятя, в котором видела виновника неудавшейся жизни Лоры. У нее самой больше не было никаких денежных забот – рента польской невестки выплачивалась исправно. Она играла в вист, тайком навещала обожаемую дочь и разглагольствовала о своей стойкости, объедаясь апельсиновыми цукатами. Она умрет первого августа 1854 года в Анделисе.

После ее ухода Лора почувствует себя еще более одинокой и потерянной. Она писала прекрасные сказки, которые никто не печатал, грандиозные идеи ее мужа тоже никто не соглашался реализовывать. К счастью, ей удалось выдать замуж дочерей. Шестого марта 1851 года Софи вышла за вдовца Жака Малле, на девятнадцать лет ее старше. Он скоро покинул семейный очаг и больше никогда не давал о себе знать. Софи придется поступить воспитательницей в одно благородное семейство. Валентине повезет больше, она станет женой адвоката Луи Дюамеля, который в свое время станет секретарем президента Жюля Греви. Младший братец Оноре, Анри, умрет в нищете в военном госпитале на одном из островков Коморского архипелага одиннадцатого марта 1858 года.

Кончина госпожи Бальзак-матери станет причиной серьезных разногласий между Лорой и Евой. Процедура вступления в права наследования заставит их забыть о былой привязанности. Нотариус господин Делапальм направит Еве выписку из перечня собственности ее свекрови и попросит оплатить кое-какие долги. Та неприязненно ответит: «Четыре месяца я была не женой, а сиделкой господина де Бальзака. Ухаживая за неизлечимо больным мужем, я потеряла собственное здоровье, точно так, как и собственное состояние, когда согласилась стать правопреемницей его долгов и прочих затруднительных моментов. Если я соглашусь сделать что-то сверх этого, поставлю под угрозу будущее собственных детей, для которых Бальзаки – чужие, впрочем, как и для меня после смерти моего мужа, которая столь страшно венчала наш горестный союз, длившийся четыре с половиной месяца».

Отказ этот не до конца убедил Сюрвиля, он лично отправился к Еве, которая категорически заявила: «После смерти [мужа] никто не платил за дом, в котором я жила, и я вынуждена была по-дружески обратиться к детям, которые выступили гарантами моего заема у господина Ротшильда, который я еще до конца не выплатила. Только благодаря этому я не оказалась на улице через два месяца после смерти супруга, ради которого пожертвовала состоянием, положением, родиной, а теперь, спустя четыре года после его смерти, его семья вновь отравляет мне жизнь, когда я окончательно разорена! Надеюсь, отныне вы оставите ненужный труд писать мне».

Итак, Бальзака не стало, а вокруг по-прежнему бушевали страсти: вопросы наследства, погашения долгов, любовная горячка, нереализованные надежды, упования на выигрыш, похороны, свадьбы, семейные распри. Как будто мир реальный обезьянничал, пытаясь повторить мир его романов. Если бы он прожил дольше, родственники снабдили бы его новыми историями для продолжения трагической и ничтожной «человеческой комедии».

Фото

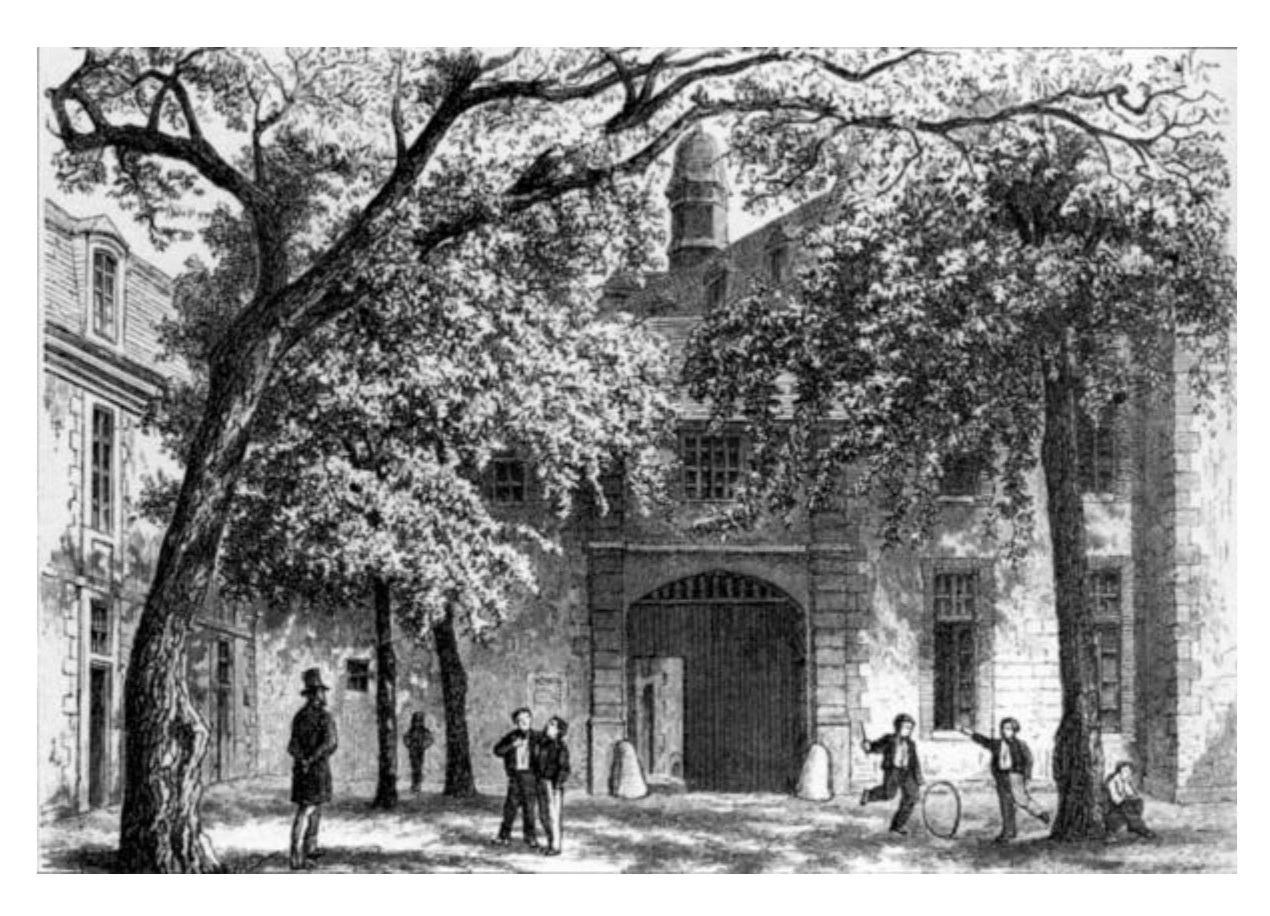

Бернар-Франсуа Бальзак и его жена Анна-Шарлотта-Лора Саламбье. Отец Оноре был добродушным чудаком, мать – властной, не склонной к проявлениям чувств и очень далекой от малыша. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Бальзак – подросток. Жан-Лу Шарме /Дом-музей Бальзака.

Двор Вандомского коллежа, куда мать определила восьмилетнего Оноре. Воспитание здесь было суровым. Шесть лет проведет он в этой «темнице знаний», только дважды за это время встретившись с родителями. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Лора Бальзак, горячо любимая младшая сестра, которая так хорошо его понимала. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Бальзак в своем монашеском одеянии. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Луиза-Антуанетта-Лора де Берни, его первая любовь, названная им Дилектой. Он испытывал к ней и сыновнее почтение, и безумную страсть любовника. Портрет работы Ван Горпа. Жан-Лу Шарме.

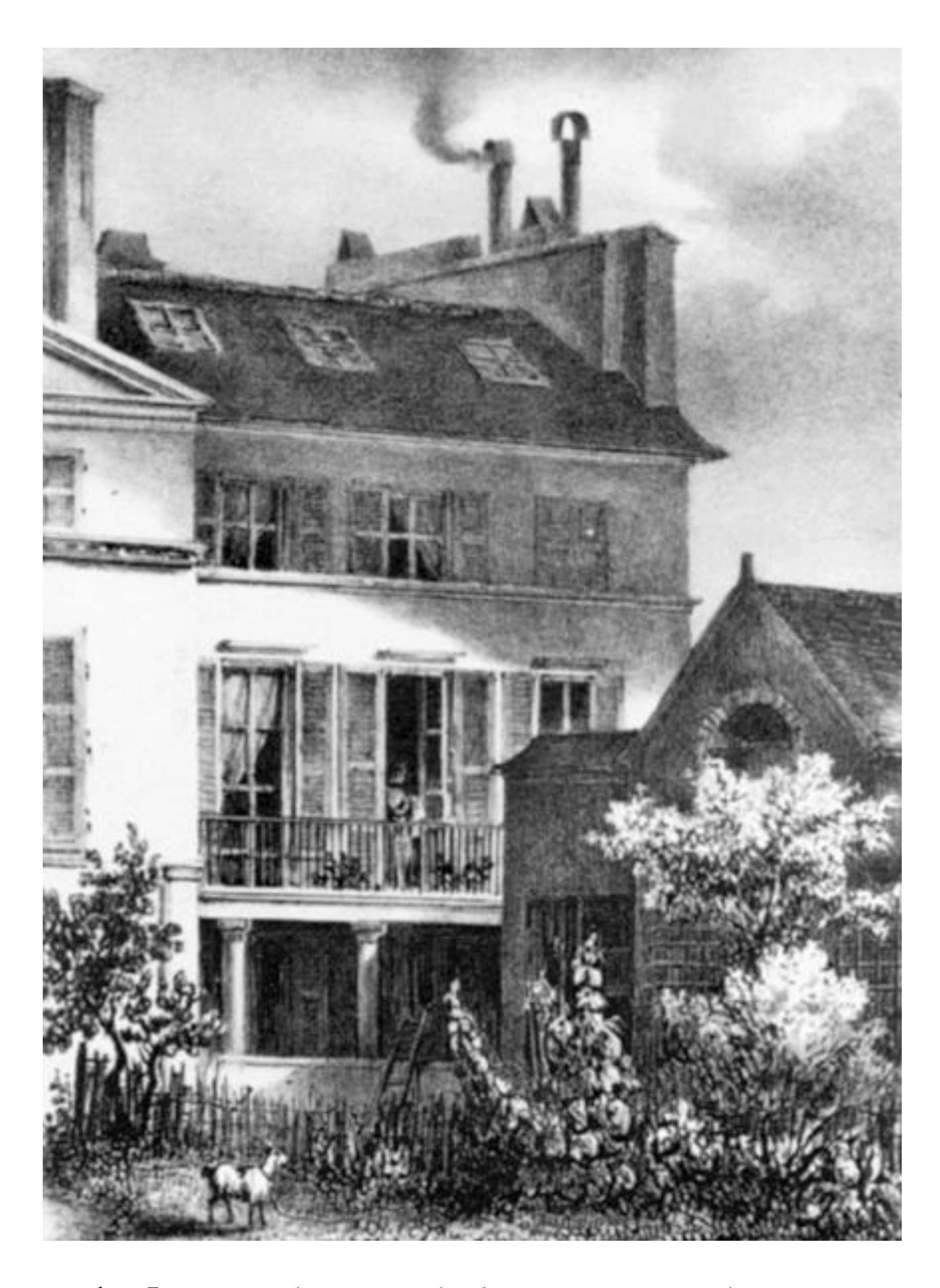
Герцогиня д’Абрантес. С ней у Бальзака была нежная связь, вызывавшая ревность госпожи де Берни. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Зюльма Карро, женщина с характером. Их отношения с Бальзаком были исключительно платоническими. Портрет работы Вьено. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Маркиза де Кастри, светская приятельница Бальзака, чьей благосклонности он тщетно добивался. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

После неудачи с типографией Бальзак, весь в долгах, вынужден был покинуть квартиру, где все напоминало о провале. Под именем Сюрвиля он снимает квартиру на третьем этаже в доме номер один на улице Кассини. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

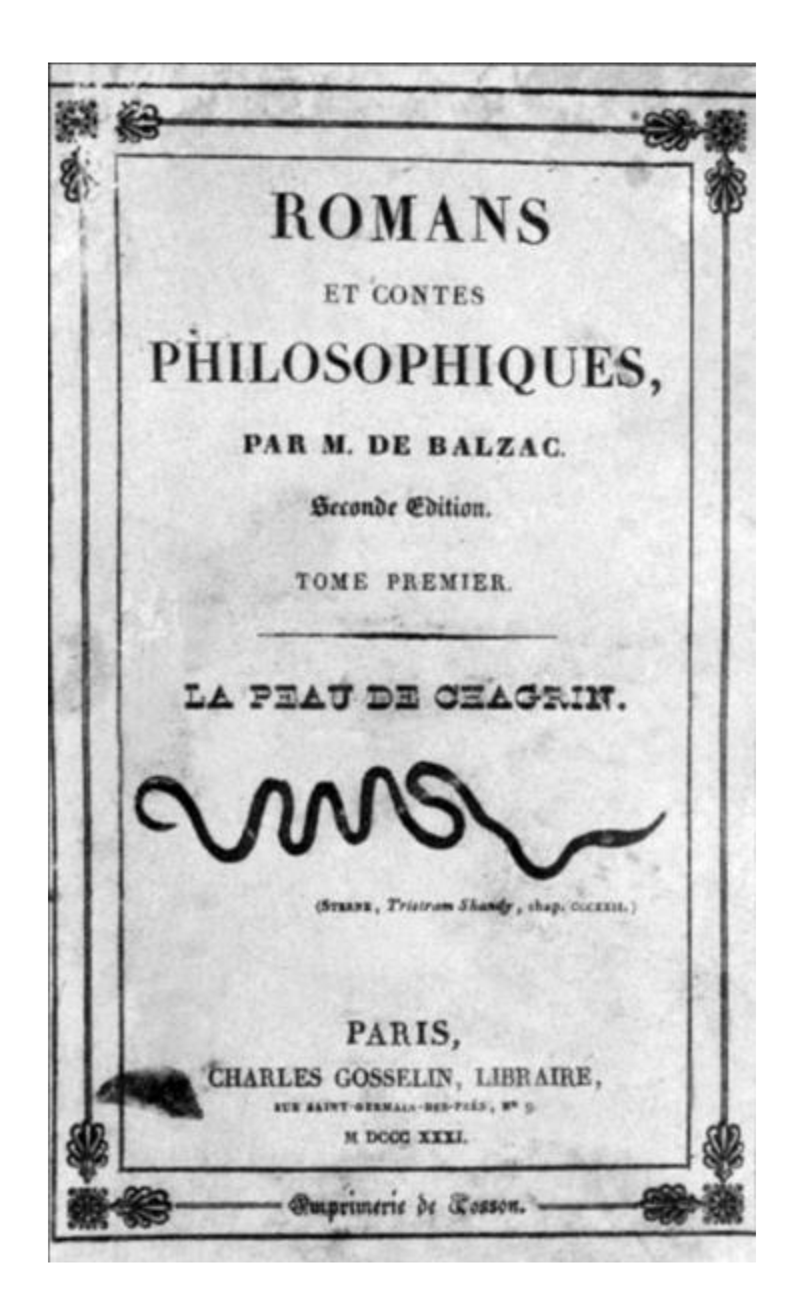
Жорж Санд. Бальзаку потребовалось время, чтобы оценить ее мужской темперамент. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Вместе с Эмилем де Жирарденом Бальзак вошел в мир журналистики. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Александр Дюма в молодости. Портрет Шарля-Альфонса Поля Белле. Ляро-Жиродон/Музей Версаля.

ROMANS

ET CONTES

PHILOSOPHIQUES,

PAR M. DE BALZAC.

Seconde Édition.

TOME PREMIER.

LA PEAU DE CHAGRIN.

(Sterne, *Tristram Shandy*, chap. CCCXXII.)

PARIS,

CHARLES GOSSELIN, LIBRAIRE,

RUE SAINT-GERMAIN-DES-PRÉS, N° 9.

M DCCC XXXI.

Imprimerie de Cosson.

Обложка «Шагреневой кожи». Этот роман вышел в 1831 году. Бальзак вошел в моду. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

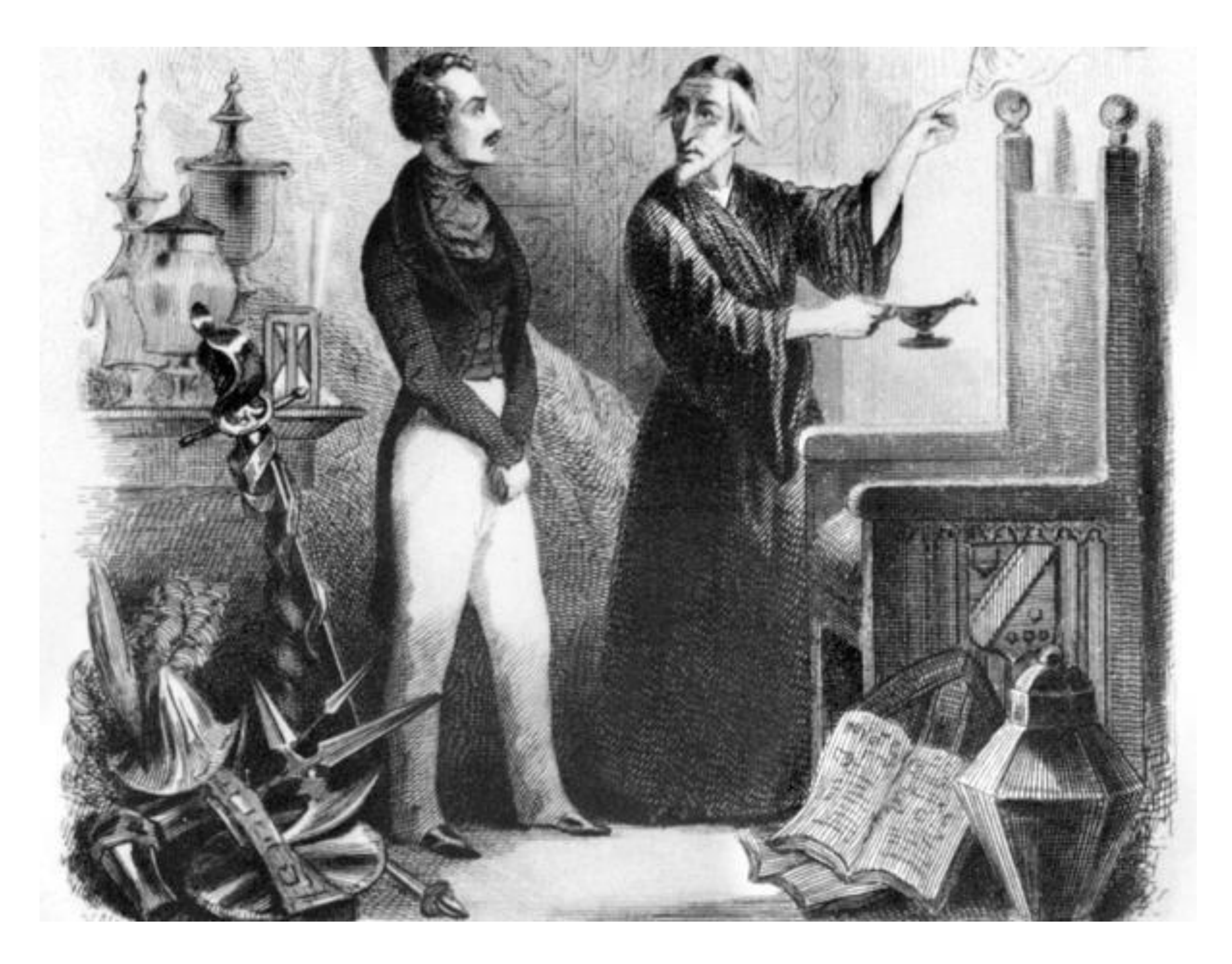
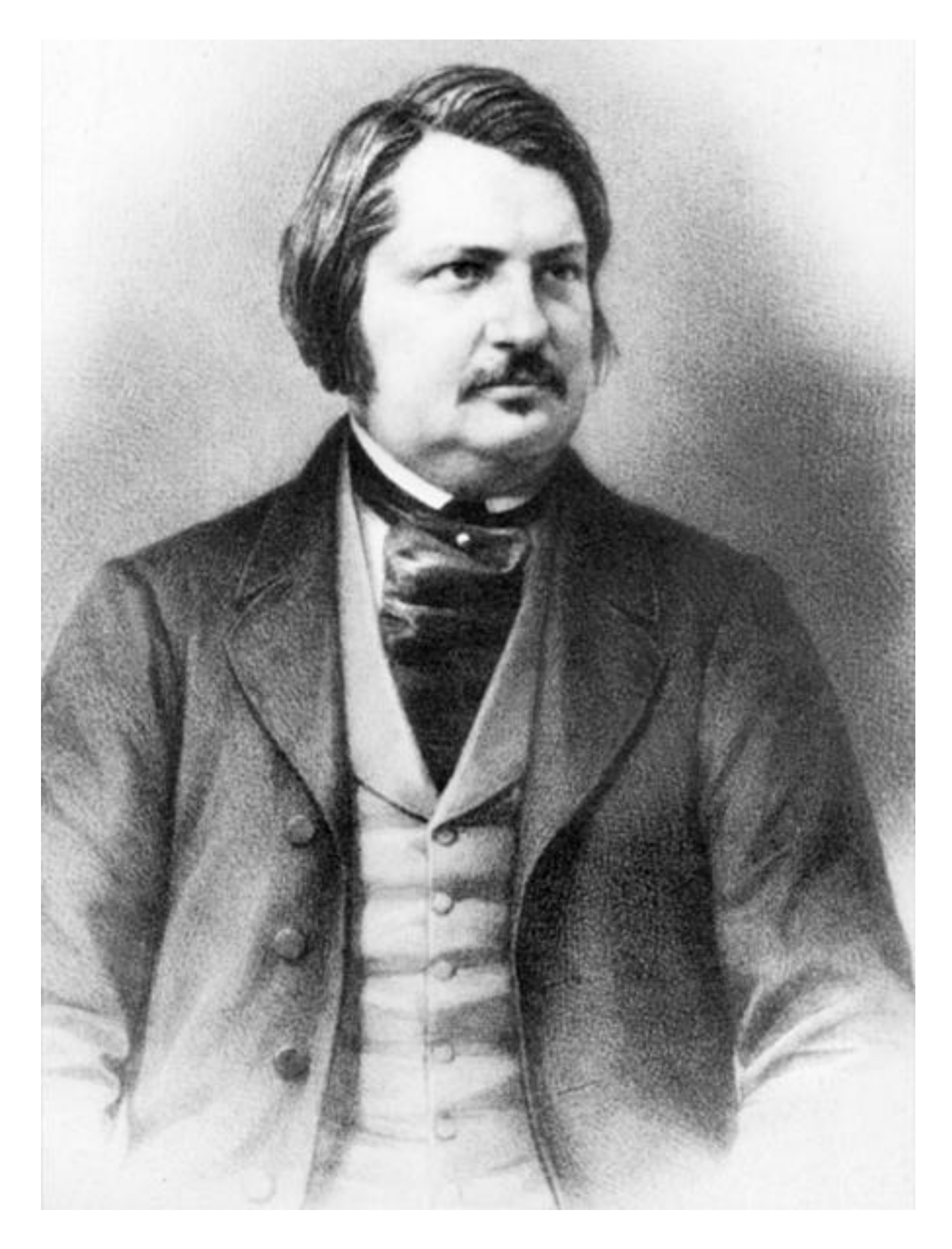

Иллюстрация к «Шагреневой коже» в издании 1838 года. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

«Я – каторжник пера и чернил, настоящий торговец идеями». Жан-Лу Шарме/Национальная библиотека.

До самой смерти Бальзак будет писать госпоже Ганской страстные письма. Жан-Лу Шарме.

Обложка полного издания «Человеческой комедии». Жан-Лу Шарме/Дом-музей Бальзака.

Кофейник Бальзака. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

de Balzac

Подпись Бальзака. Жан-Лу Шарме/Дом-музей Бальзака.

Слева направо: Виктор Гюго, Эжен Сю, Александр Дюма и Оноре де Бальзак. «Кондоры мысли и стиля». Карикатура Жерома Патюро. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

«Проза и поэзия XIX века». Карикатура на Бальзака и Ламартина. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

«Великая дорога для грядущих поколений». Карикатура Бенжамена Рубо. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Бальзак на смертном одре. По пастели Эжена Жиро. Офорт Ф.Кубоэна из «Современной книги». Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Поместье Верховня. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

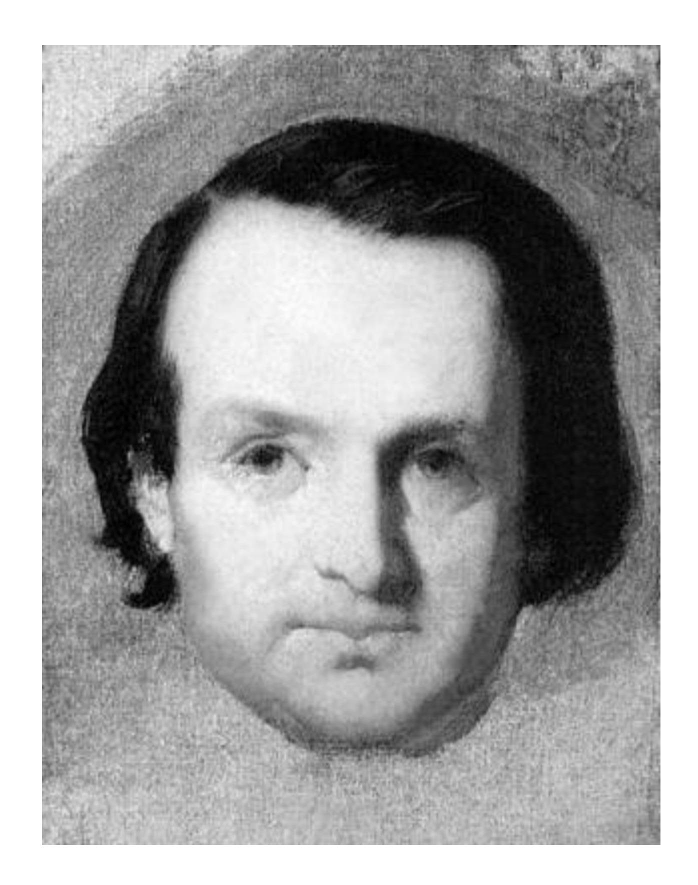
Графиня Ганская и ее муж, богатый землевладелец. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

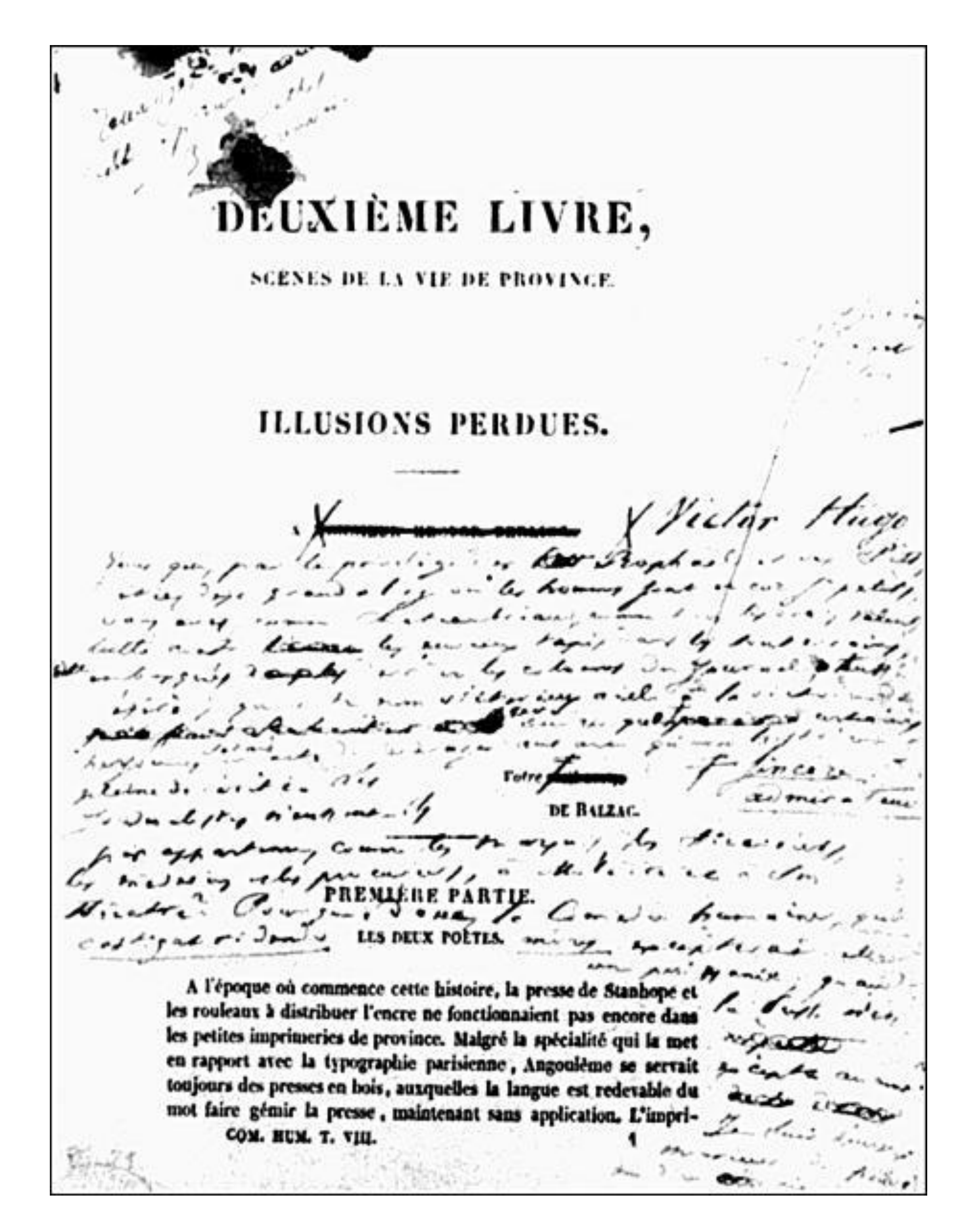
Анна Ганская, дочь Иностранки. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

С Теофилем Готье Бальзак неизменно дружил, порой сотрудничал на литературном поприще. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Виктор Гюго во всем блеске своей «романтической» славы. Портрет работы Франсуа-Жозефа Эйма. Ляро-Жиродон/Музей Карнавале.

DEUXIÈME LIVRE,

SCÈNES DE LA VIE DE PROVINCE.

ILLUSIONS PERDUES.

Victor Hugo

Votre

DE BALZAC.

PREMIÈRE PARTIE.

LES DEUX POÈTES.

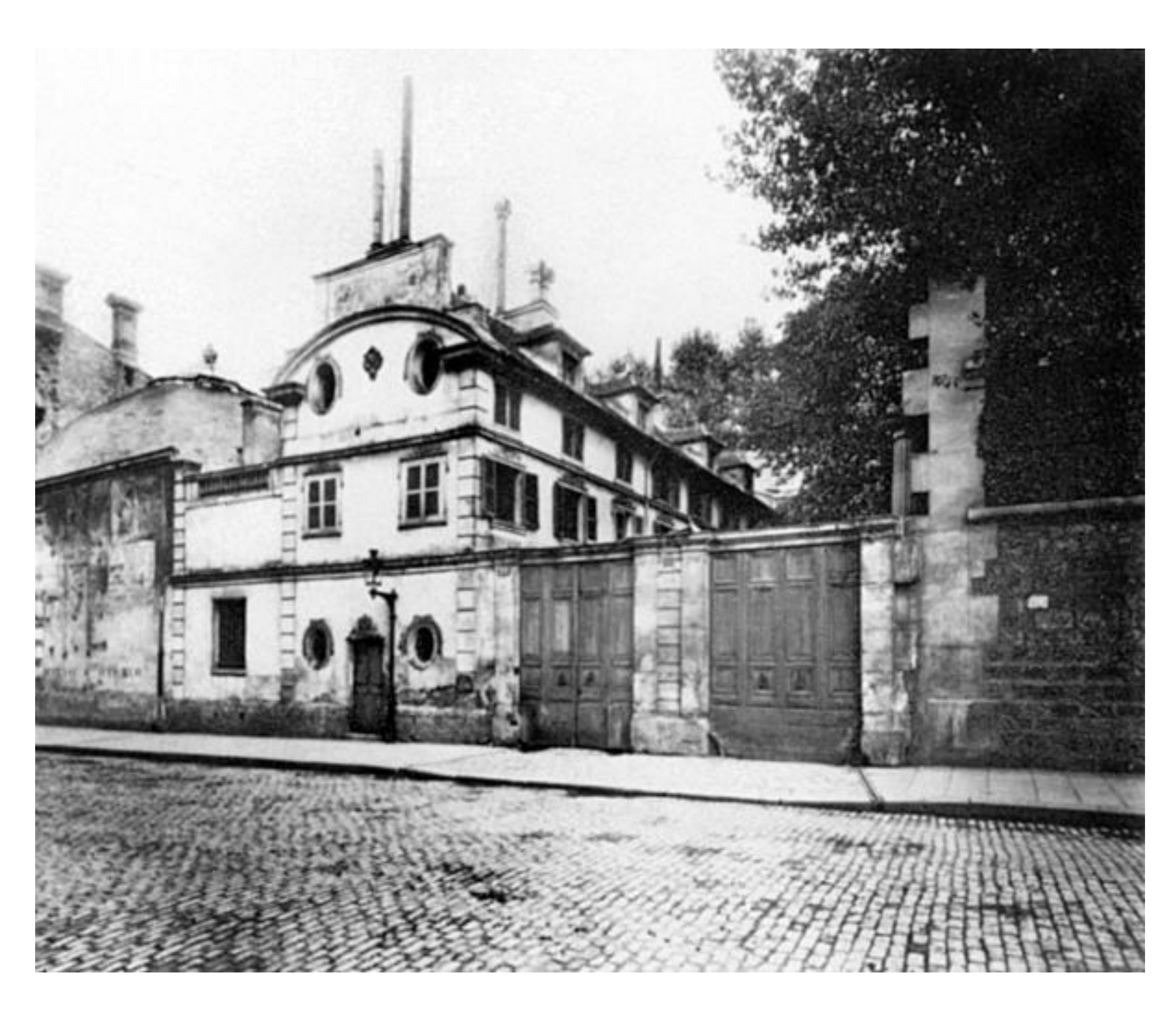
A l'époque où commence cette histoire, la presse de Stanhope et les rouleaux à distribuer l'encre ne fonctionnaient pas encore dans les petites imprimeries de province. Malgré la spécialité qui la met en rapport avec la typographie parisienne, Angoulême se servait toujours des presses en bois, auxquelles la langue est redevable du mot faire gémir la presse, maintenant sans application. L'impri-

COM. HUM. T. VIII. 1

Корректура «Утраченных иллюзий». Бальзак меняет посвящение. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

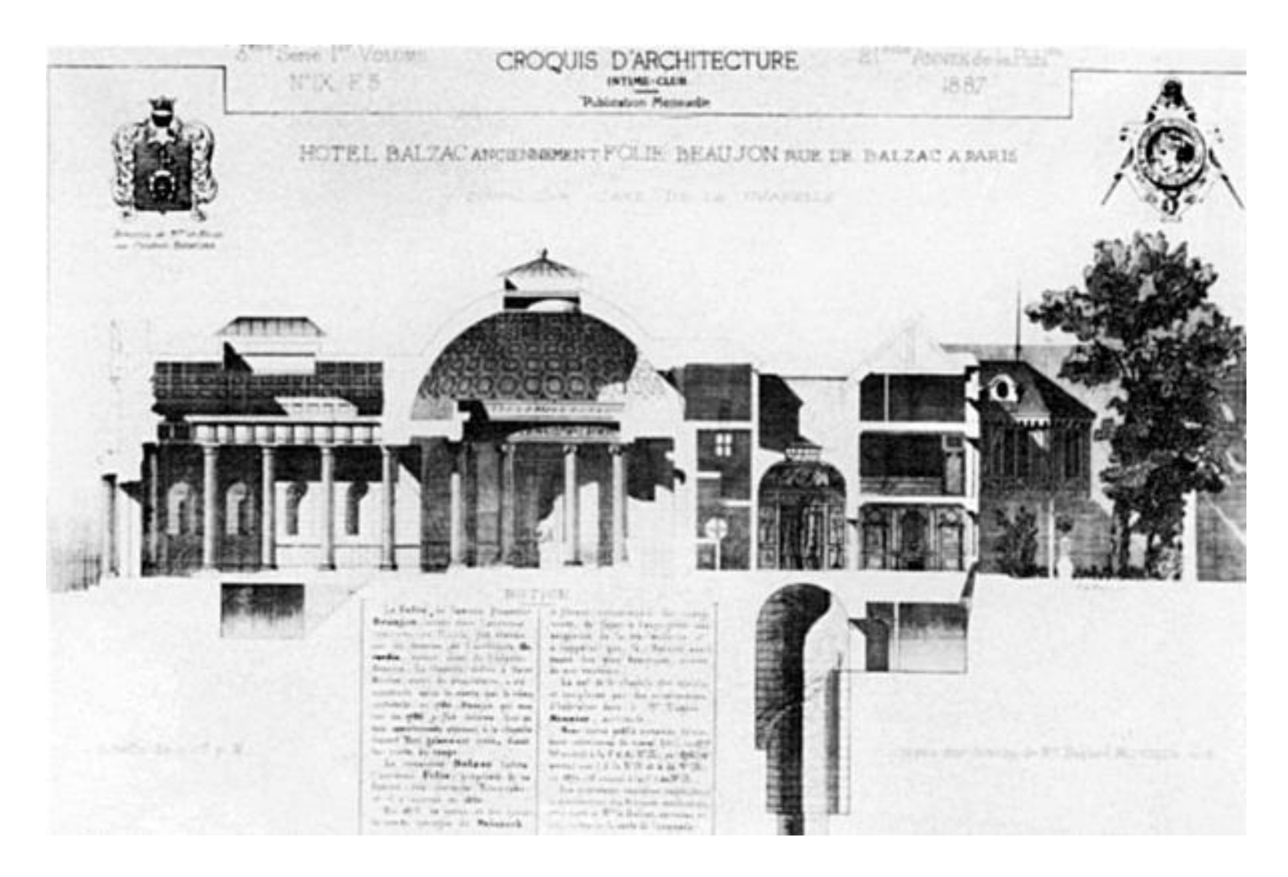
Иллюстрация де Ста к «Полковнику Шаберу». Хроники наполеоновских походов и рассказы герцогини д'Абрантес подтолкнули Бальзака к его написанию. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Бальзак купил особняк на улице Фортюне в преддверии приезда Ганской, которая, наконец, согласилась стать его женой. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

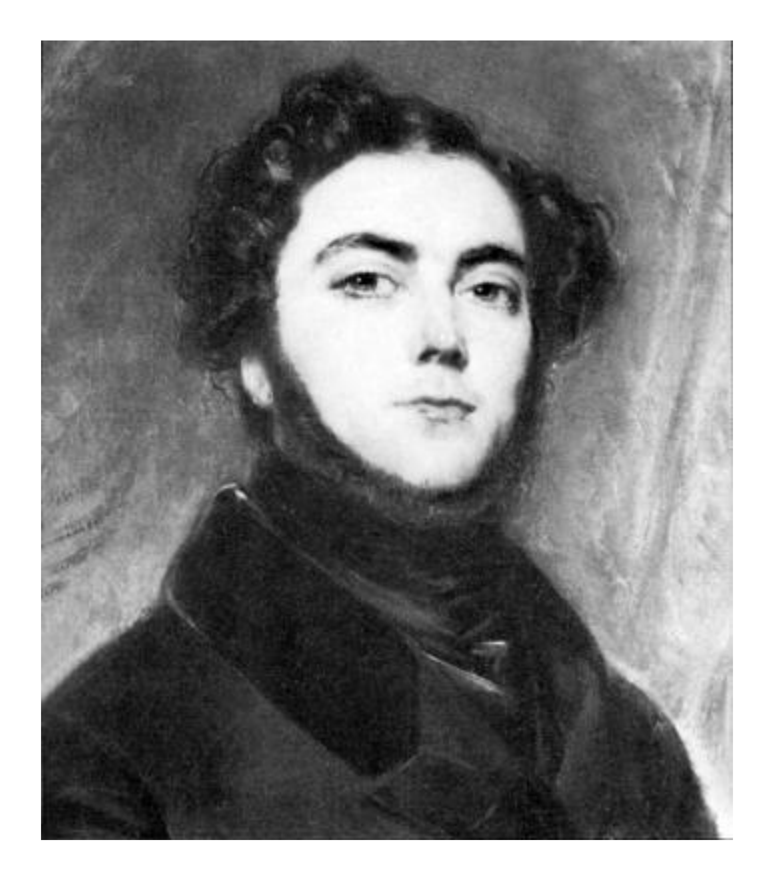
Его знаменитая трость с инкрустированным бирюзой набалдашником заставила Париж встрепенуться. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

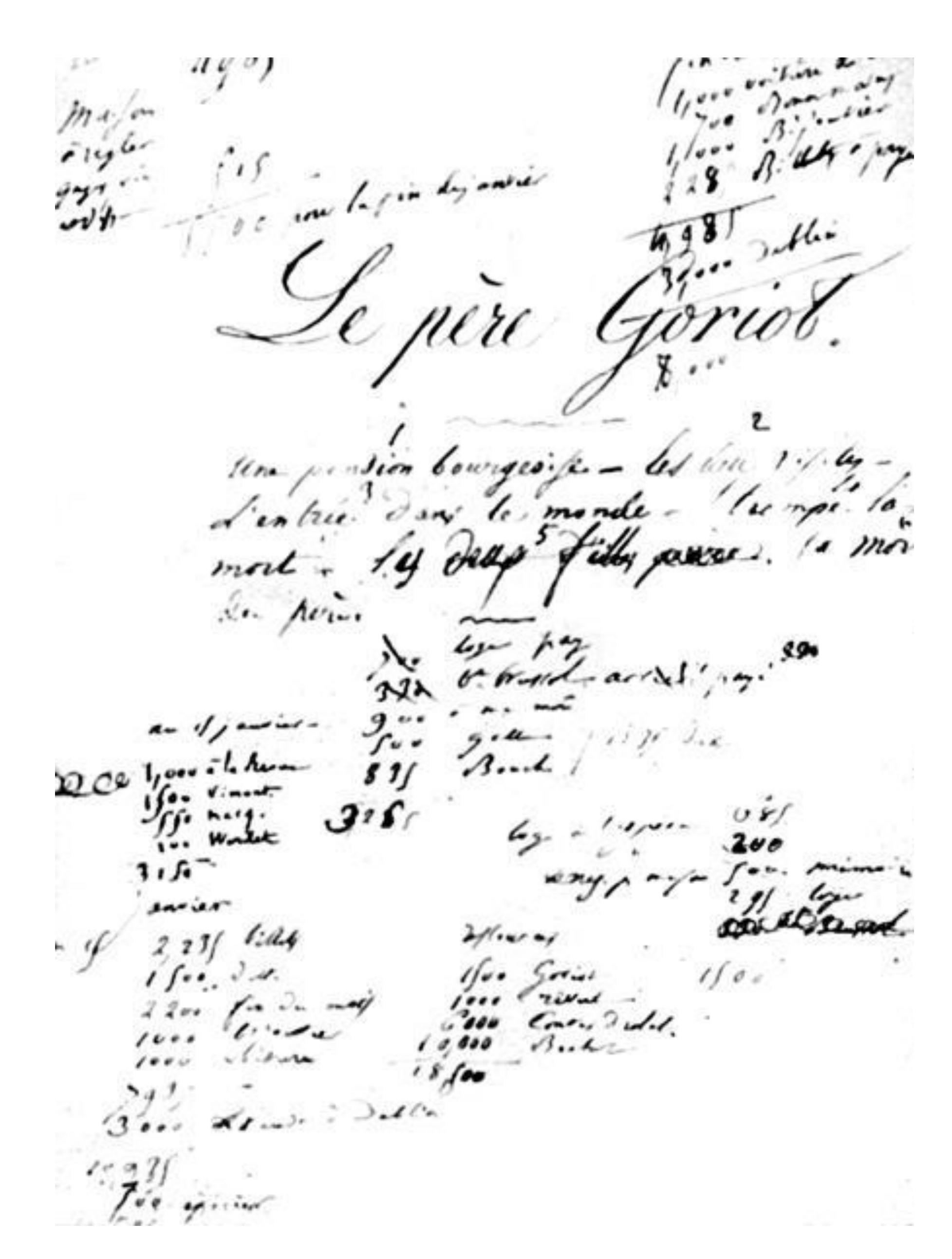
План особняка в разрезе. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

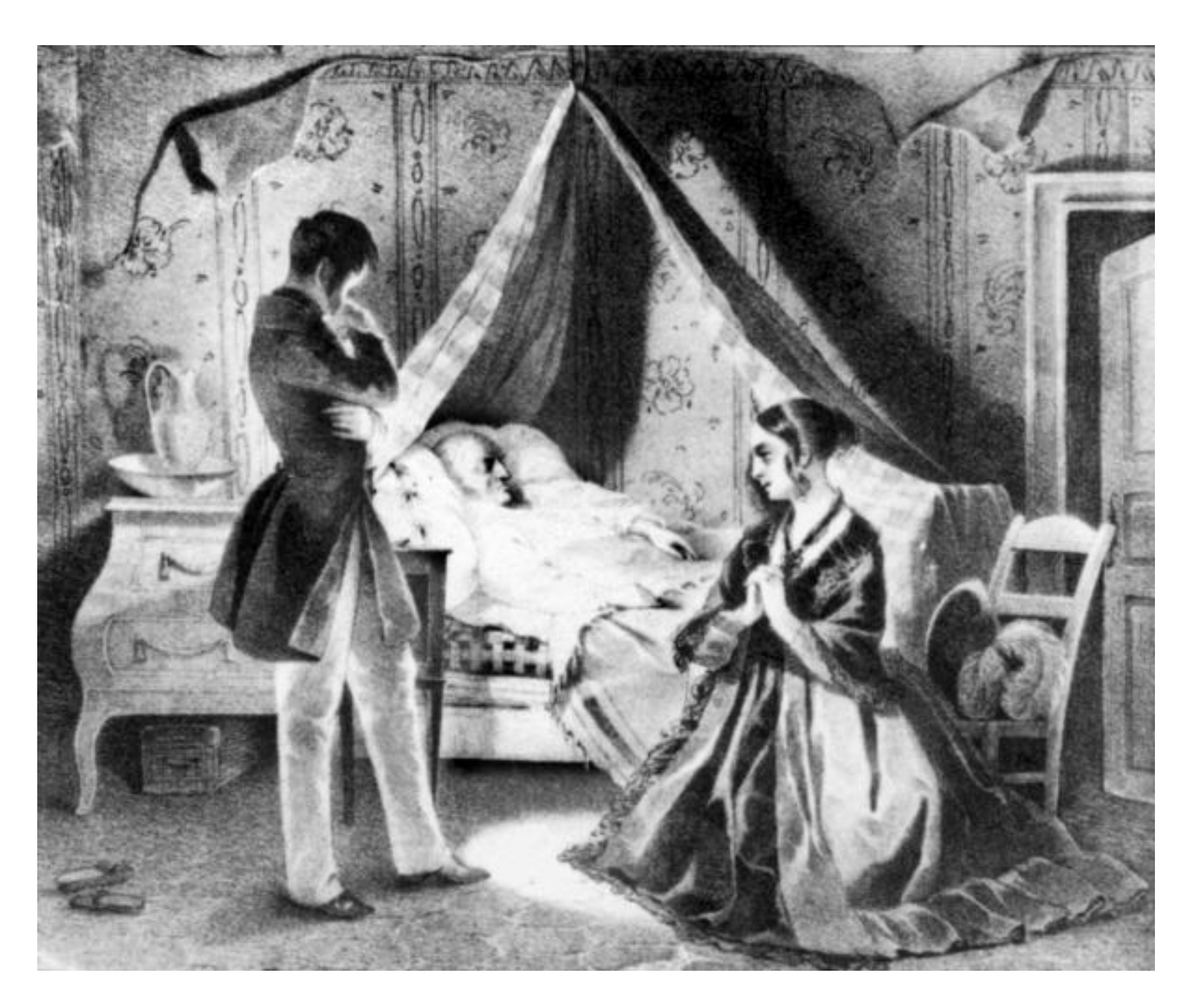
Профиль Бальзака работы Давида д’Анже. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Эжен Сю, постоянный соперник Бальзака в борьбе за публику. Жиродон/Музеи Парижа/Музей Карнавале.

Рукопись титульного листа «Отца Горио», на котором Бальзак вел свои счета. Жан-Лу Шарме/Библиотека Института Парижа.

Отец Горио на смертном одре. Фототека Музеев Парижа/Дом-музей Бальзака/Спадем, 1995.

Примечания

1

Альбигойцы – участники еретического движения в Южной Франции в XII–XIII вв. (*Прим. пер.*)

2

Бальзак. Луи Ламбер. Собр. соч. в 24 томах, изд-во «Правда», 1960. (*Прим. пер.*)

3

Цит. по *А. Моруа*. Прометей, или Жизнь Бальзака. Москва, Прогресс, 1967.

4

Бальзак. Тридцатилетняя женщина. Собр. соч. в 24 томах, изд-во «Правда», 1960.

5

Бальзак. Лилия долины. Собр. соч. в 24-х томах, изд-во «Правда», 1960.

6

Piombi – название тюрьмы, находившейся под крышей венецианского Дворца дожей. Стены ее камер были обиты листовым свинцом, чтобы заключенных мучила жара. От итальянского «piombi» – «свинец».

7

Бальзак, Шагреневая кожа. Избранные произведения, ОГИЗ, 1949.

8

Цит. по: А. *Моруа*. Прометей, или Жизнь Бальзака. Москва, «Прогресс», 1967.

9

Цит. по: *Бальзак*. Избранные произведения. Москва, ОГИЗ, 1949.

10

Позже Бальзак объединил обе истории в одну, сохранив название «Иисус Христос во Фландрии».

11

Бальзак. Собрание сочинений в 24 томах. Москва, «Правда», 1960.

12

Отсылка к «Луи Ламберу».

13

Бальзак. Собрание сочинений в 24 томах. Москва, «Правда», 1960.

14

Единственная французская газета, которая тогда распространялась в России.

15

Honoré (*фр.*) – уважаемый, досточтимый.

16

Героиня романа Жана-Баптиста Луве де Курве «Любовь кавалера де Фобласа».

17

Княгиня Кристина де Бельджиоджозо, писательница, жившая в Париже в изгнании. Бальзак познакомился с ней у художника Жерара.

18

Ребенок, Мари-Каролин дю Фреснэ, родится 4 июля 1834 года. Она дожила до глубокой старости и умерла в Ницце в 1930 году.

19

Произведение Анри де Латуша.

20

Эта декларация целомудрия плохо согласуется с его парижской связью, о которой он писал сестре еще полгода назад.

21

Жена владельца типографии Адольфа Эвера.

22

Строительство церкви Мадлен в Париже началось в 1764 году, а завершилось только в 1842-м.

23

На самом деле это была ее кузина.

24

Будущая улица Бальзака.

25

Fortuné (*фр.*) – счастливый, удачливый; зажиточный, богатый.

26

Арпан – старая французская земельная мера, 20–50 га.
